

Мотил
1862

»Ой до тебе, пишній князю,
Збіглась уся шляхта:
Червоніє навкругъ тебе,
Якъ червчата плахта.

»А міжъ тими втікачами
Рарожинська панпа,
Ясноока чарівниця
На весь Гадячъ славна.

»Вміла вона відъ козацтва
Вночі утікати,
То зуміє й тобі, князю,
Дорóгу вказати.

»А ми тебе зустрінемо
Не разъ и не двічі,
Та заглянемо гарматами
Тобі, князю, въ вічі. ⁷⁶

»Веді, князю, за собою
Конеі табунами,
Щобъ було чимъ поділітись
На прощання зъ нами.

»Бері вина, меді й ливо
У бочкахъ дубовихъ,
Щобъ було чимъ привітати
Козаків лейстрóвихъ.

»Бері шати дорогіі,
Сукні едамашки,
Щобъ було чимъ запобігти
Козацької ласки.

»Бері, князю, срібні кубки,
Зъ золотомъ шкатули,
Щобъ твого ми проважання
Дóвго не забúли:

»Проважали ми Ерему
 »Зъ Лубень до Прилѹки, —
 »Добре, добре нагривали
 »Коло ёго рѹки!

»Провожали ми Ерему
 »За вѹди Днѹпрови, —
 »Поминяли своё рямъя
 »На жупани новѹ.

»Проважали, рахували:
 »Чи ёго пускати,
 »Чи въ таборѹ до гармати
 »Ёго прикувати?»

»Ой настала твоя, князю,
 Остання година:
 Збунтувалася навкругъ тебе
 Уся Украина.»

II.

Не бугай, не круторогий
 Въ отарѹ гуляе:
 Князь Ерема кризь козацтво
 Дорогу верстае.

Ой не медъ-пьялице-чоло ⁷⁷
 Бѹчку розривае:
 Князь Ерема изъ шляхтою
 Хлѹпство розганяе.

Ой не пиво на про-дѹво ⁷⁸,
 Играючи кисне:
 Князь Ерема изъ шляхтою
 Гайдамацтво тисне. ⁷⁹

Бережіся, пішній князю,
 Дніпро́вої вóди:
 Не стива́йся съ коза́ченькомъ
 Княже́цької врóди!

Коза́къ Го́лка по Вкраїні
 Шу́лякомъ шуга́е;
 Де крути́тця — го́рде па́нство
 Якъ пта́ство втіка́е.

Коза́къ Го́лка сшива́ со́тні
 На живую́ рúку:
 Породи́ла ёго́ ма́ти
 На шляхе́цьку му́ку!

Ой де ста́не — земля́ та́не —
 Підко́пи рика́ють:
 Куди́ глі́не — трава́ ві́не —
 Вороги́ зви́кають. ⁸⁰

III.

»Ой ви, хлопство тупоріле,
 Безу́мні гла́ви!
 Не вь-дога́дъ вамъ, якъ ми, па́нство,
 Добува́емъ сла́ви.

»Есть у мене увъ обóзі

— —

Ой вінъ міні у напáстяхъ
 Вели́кий застúпникъ. ⁸¹

»Вівізь я ёго́ изъ Риму
 Відъ Отця́ Свято́го;
 Ой вінъ зна́е, якъ скру́тити
 Го́лку молодóго.

»Бо на сповіді спасенній
 Паничка сказала, ⁸²
 Кого серденькомъ дівочимъ
 Щиро покохала.

»Покохала необачна
 Воюга лихого
 Браттівъ-шляхти, віри, Церкви
 И Отця Святото.

»Покохала бідолашня,
 Та й захорувала,
 И въ недугі відь прелата
 Тайни не сховала.

»Такъ Господь намъ посилає
 Помічъ не сподійну,
 Що ми служимъ костелові
 И папіжу вірно.

»Ось побачите, що зможе
 Права віра въ Бога:
 Утікати намъ pomoже
 Козацька залога.

»А якъ Богъ дасть, що зъ обозомъ
 Дніпро перебудемъ,
 То ще й Голку на розправу
 У руки добудемъ.

»Ело кровью гарачою
 Зміємъ гріхъ дівочий
 И виставимъ шибеника
 Передь ваши очі!»

IV.

»Чи то справді, наві браття,
 Чи уві сві снитця,

Що нашъ Голка передъ княземъ
У шанцяхъ тіснїтця?

»Чи то справді, панї браття —
Не ймемъ очямъ віри —
Що нашъ Голка у намєті
Плаче надъ папіромъ?

»Малєсеньке, тонєсеньке,
Попїсане крїво,
Та зъ отаманомъ хоробримъ
Чинить такє дїво!

»Ой панове! се жъ писала
Панна чарівниця! ⁸³
Якъ намъ Голку відходїти,
Що квязя боїтця?»

— »Отамання сивоўсе!
Ви вікъ звікували,
Та гіршого надъ всі гора —
Любощївъ не визнаїи.

»Отамання сивоўсе!
Ви вікъ звікували,
Солодшого надъ всі щастя —
Любощївъ не визнаїи. ⁸⁴

»Ой рїштуйте ви гармати,
Мортїри бомбівї,
Тїльки дайте мїні глянуть
На чорні бриви.

»Ой стреляйте и рубайте
Зъ ранку до півночи, —
Даїте, даїте мїні глянуть
У любїи очї.

»Ой велика сѣрцю радість
 Ворога зломіти,
 А ще більша, а ще вища —
 Щіро полюбіти.

»Ой велика душі мѹка
 Изъ світомъ прощатись,
 А ще більша, а ще гірша —
 Дружини зрікатись.

»Отамання сивоусе!
 Чинить мою волю:
 Гей, поставляйте ви чати
 По чистому полю.

»Нехай густо зачатують
 Битую дорогу,
 Щобъ ніхто не змігъ чинити
 Князеві тривогу.

»Хай Ерема зь упокоємъ
 Двіпрó перебу́де,
 Ні одного скарбового
 Вóза не позбу́де.

»Хай втікає изъ нащадкомъ
 Въ добрую годину:
 Не вертатись ёму съ Польщи
 До насъ на Україну!»

Ой вволили старі волю
 Гóлки молодóго,
 Не зосмілились промовити
 Отáману й слóва.

V.

Хóдить Гóлка надъ водою —
 Тяжко сѣрце бзѣтця;

Їго вóрогъ, єго лóтний
Зъ рáдощівъ смієтця.

Хóдить Гóлка та сум́є
Сéрцемъ оди́нокимъ;
Їго вóрогъ опивнiвся;
За Днiпрóмъ ширóкимъ.

Позирає на сей бéрегъ,
Потирає рúки:
»Завдámъ, завдámъ козакóви
Страшénної мýки!«⁸⁵

Ой не рáдуйсь, пiшний князю,
Що закiнувъ ўдку:
Хóдить Гóлка та голубить
Висóкую думку:

»Клiчешъ менé, мо́я зóре,
На тáйну розмóву, —
Не почúю я до-вiку
Кохáного слóва!

»Ой оглúхну, занiмiю,
Згнитú свою дúшу,
Сéрце лéдомъ заморóжу,
Мóвчки вмéрти мýшу.

»Дорогá ти мiнi й рiдна,
Сéрденько дiвчiно,
А дорóжша и рiднiйша
Мáти Украiна.

»Не почúю... бо не змóжу
Сéрця зупивiти.
Не побáчу... не здолiю
Я безъ тéбе жити.

»Ой шіроко, ой глибоко
 Думкою займаю,
 А ще шіршу, а ще глібшу
 Я надію маю.

»Де посіяти, зростіти
 Благодатну волю,
 Якъ не въ насъ на Україні,
 На кривавімъ полію?

»Ой засію я надії
 И думи високі
 У козацькій, у лицарській
 Натурі широкій.⁸⁶

»Ой нехай мої надії
 Бúдуть мої діти:
 У сёрденьку гарячому
 Любо їхъ носити.

»Роспивáлись добрі люде,
 Щобъ у раї жити,
 А мінí — абí не знікли
 Мої діти зъ світу.

»Ой то рай мій, вічне царство,
 Награда відъ Бóга!

— — 87

ПІСНЯ ВОСЬМА.

1.

Братъ на брата гóстрить шаблю
 Наступає ббемъ, —
 Величає ёго шляхта
 Вітяземъ, гербемъ.

Братъ відъ брата утікає,
Криетця въ хатині, —
Узиває ёго шляхта
Хамомъ на Вкраїні.

Чіе жъ діло передъ Богомъ
Праведне, високе?
Кого любо озирає
Небеснее око?

Ой чи тихъ, що після праці
Гуляють съ панами,
Ой чи тихъ, кого за працю
Винчають тернамі?

Нехай своїхъ вихваляють
Панове съ трибуни,
А про нашихъ заиграють
Бандурні струни.

Нехай своїмъ кукли ставлять
Королі, княжата,
А про нашихъ бідолашнихъ
Заплачуть дівчата.

Ой не довго тобі, Голко,
Отаманувати,
Характерствомъ чужоземнімъ
Ворогівъ лякати.

Ой не довго тобі, Голко,
Голубить надію,
Що Вкраїна вже не пійде
Въ лиху різноцію.

Рано, рано ти, мій орле,
Підійвсь воювати,
Необачнихъ, безталаннихъ
Розуму навчати.

Сієшъ, сієшъ по Україні
 Ярую пшеницю, —
 Лиха доля рódить-плóдить
 Нікчёмну мітліцю.

Сієшъ правду, сієшъ рóзумъ
 И світъ передвiчній, —
 — —

Дóвго, дóвго Україна
 Сліпа й глуха бóде:
 Засліпили, заглушили
 Лукавні люде.

II.

Ой за Дніпра та за Бóгу
 Хмара наступає:
 Панъ Хмельницький Кривонóса
 Въ похóдъ виражає:

»Иди́, иди́, Кривонóсе,
 Тою стороною,
 А я пійдú понадъ гiрью
 Слiдóмъ за тобою.

»Иди́, иди́, Кривонóсе,
 Та влови́ Ерему.
 Якъ уловишъ, дóже вгóдишъ
 Сёрденьку моёму.

»Ще жъ, мій дру́же, е тамъ Гóлка;
 Сияє красою,
 И прослáвивсь на Україні
 Нарiвни зо мною.

»Ой якъ змóжешъ ёму́, дру́же,
 Вкóротити віку, —

Не забўду я послўги
Твої до-віку.«⁸⁸

III.

Ой зза Дніпра та зза Бóгу
Хмара наступає;
Грачівъ ключа й чорнихъ гáлокъ
На сей бiкъ стягає.⁸⁹

Чи то грачі, чи то гáлiчъ,
Чи хiжі дейнеки
Роспускають по Україні
Загони далекі?

»Ой не довго б´удешъ, Гóлко,
Верховодить вiйськомъ!
Втикай, втикай, вражий сiну,
Изъ шляхтою нiшкомъ.

»Ой умiвъ ти гáрну здобичъ
У насъ вiднимати;
Зумiй теперъ, вражий сiну,
Противъ насъ стояти!«

IV.

Чого, чого вь Кривовóса
На бiкъ нiсъ скривiвся?
Не заставъ вь Лубнiяхъ Ерeми —
За чуба схопився.

Чого вь дейнекъ босонóгихъ
Потóмленi кóни?
Не настiгли — ударились
Рукáми объ пóли.

Не настїгли вони князя
 На битїй дорозї,
 Перечули черезъ люде,
 Що вже на тїмъ бочї.

»Кривоносе, старий батьку!
 Стягуй свою силу,
 Рятуй, рятуй відъ зрадника
 Україну милу!

»Ужé жъ Голка, потай війська,
 Съ княземъ накладае,
 Усю шляхту, все Жидівство
 Въ Польщу випускае,

»Ой удармо, Кривоносе,
 На панцérні лави,
 Хай ледáщо не каляе
 Козáцької слави.

Ой не бійтєсь, панї браття,
 Чужоземсьькихъ шанцівъ,
 Ой удармо, розженїмо
 Гадячанъ-поганцівъ!»

V. 90

Ой не встїгъ же козákъ Голка
 На кóника сїсти,
 Стáли ёго панцérниківъ
 На капúсту сїкти.

Ой не встїгъ же козákъ Голка
 На кóника впасти,
 Стáли Гадячанъ голівнихъ
 Якъ скóники класти.

Ой якъ стісне коза́къ Го́лка
 Коня́ острога́ми;
 Оступіли ёго́ ла́нци
 Зъ го́лими шабля́ми.

Оступіли,—мовъ ко́ло́ссямъ,
 Шабля́ми укрі́ли.
 Не зломіти гайдабу́рамъ
 Лица́рської си́ли! ⁹¹

Поверну́вся ли́царь Го́лка
 На пра́вую ру́ку;
 Куди́ гля́не, туди́ гра́не,
 Всю́ди по́вно тру́пу. ⁹²

Ой не взяти́ вамъ ли́царя
 Го́лими рука́ми. ⁹³
 Уже́ жъ ва́ша гайдама́цька
 Тече́ кровъ ри́ками.

»Кривово́се, о́рле хи́жий!
 Наліта́й близе́нько.
 Чи не влúчи́шъ до́вгимъ сні́сомъ
 У са́ме серде́нько.«

—»Ой вели́ке характе́рство!
 Намъ ёго́ не вб́ити. ⁹⁴
 Тре́ба, бра́ття, срі́бнимъ гу́дзькомъ
 Ру́шницю наб́ити.« ⁹⁵

Чи то ко́лосъ середъ ни́ви
 Підъ ві́тромъ схилі́вля,
 Чи то Го́лка уро́дливий
 Съ коня́ покоті́вся?

Покоті́вся,—кінь воро́ний
 Попа́дъ Дніпро́мъ гра́е.
 Съ то́го бо́ку князь Ере́ма
 Лю́бо позира́е.

Покотівся, — довгогрівий
 По пісочку скáче;
 На тiмъ бóці Рарожiнська
 Тяжко-важко плаче.

VI.

Не вважали гайдабúри
 На козацьку врóду,
 Рвали тiло по кусóчку,
 Кидали у вóду. ⁹⁶

»Оцé тоби, чарiвнице,
 Тi карií о́чи,
 Що ти́ лю́бо цілувала
 Темнiвнiй нóчи!

»Оцé тоби, чарiвнице,
 Тее́ ли́чко па́нське,
 Що ти ё́му зопсувала
 Завзя́ття козацьке!

Оцé тоби, чарiвнице,
 Сíрце те лукаве,
 Що ти всiмъ намъ убавила
 Козацько́й сла́ви!«

VII.

Тiхо Днiпро Славiтця,
 Тiхо вь мóре летця.
 На тiмъ бóці Рарожiнська
 Вь сирý зéмлю бьётця:

»Красó моя! зь золотими
 Шати берега́ми!

Якъ же міні въ світі жити
Поміжъ ворога́ми?

»Красо́ моя, пішна вродо!
На́ що ти здала́ся!
Щобъ я ма́рне кателі́цтва
И па́нства зрі́кла́ся?

»Чи на те жъ я побáчила
Середъ ночи сонце,
Щобъ диві́тись на сві́тъ Бóжий
У па́нське вікóнце?

»Чи на те жъ міні відкрі́лись
Таемні́ці те́мні
Въ то́му се́рці гаря́чому,
Въ тій душі́ огне́вній?

»Ой се́рденько гаря́чее,
Огне́нная ду́шо!
Підъ водо́ю у Славу́ті
Найти́ я васъ му́шу!»

VIII.

Ой злі́нула лебеди́ця
Зъ бе́рега круто́го —
Порина́ти та шука́ти
По́гляду яснóго.

Ой злі́нула лебеди́ця
Изъ скелі́ круто́ї—
Порина́ти та шука́ми
Розмо́ви любóї.

Чи то жъ біла лебеди́ця
Вьётця́ міжъ луга́ми:

Чи то тóнуть зъ золотíми
Шáти берегáми?

»Ой панóве, вірва шляхто!
Кíдайтесь у вóду,
Вірятуйте чóрні брóви
И пішную врóду.«

—»Товáриші гайдамáки!
Хто зъ васъ дóбре плáвле?
На тихъ шáтахъ пóвно злáта,
Дорогóго кáмня.

»Мáбуть, щіро чарівніця
Гóлку покохáла,
Що ті шáти дорогіі
Що-дня надівáла.«

Шкóда, шкóда вірній шляхті
Плáвати човнáми:
Потонúла пішна врóда
Съ чóрними бровáми.

Шкóда хижому дейне́цтву
Невídь роскідáти:
Не пока́жутця до-віку
Дорогіі шáти.

IX.

Ні шляхéцьке, ні дейне́цьке
Не побáчить óко
Дорогóго и святóго
У Дніпрі глiбóкiмъ.

Не про васъ, панóве, дбае
Чістий Духъ зъ духáми,
Якъ на зéмлю посилáе
Дiво міжъ дивáми.

Не на те васъ, тёмні люде,
Породила ма́ти,
Щобъ Дніпрóві таємніці
Сéрцемъ прозира́ти.

Прозира́ють у Славу́ту ⁹⁷
Зъ у́стя до вершіни
Не-спавілі, не-схлопілі
Діти України.

И покі диві́тись бу́дуть
У Дніпрóві во́ди,
По́ти бу́дуть сéрцемъ чу́ти
Да́вні приго́ди.

Ой бага́то у Славу́ті
Ді́вного, свято́го;
Найдивні́ше — щі́ре сéрце
Го́лки молодóго.

Ростéрзане, кривáвее,
Бъ́етця підъ водо́ю
И всю во́ду исповня́е,
Ду́мою свято́ю.

Ой бага́то у Славу́ті
Красо́ти таі́тця,
А найкра́ща — Раро́жінська,
Па́нна-чарі́вни́ця.

Щі́ре сéрце до те́плого
Ло́ня пригорта́е
И дівóчою слéзо́ю
Ра́ни заживля́е.

Лю́бо сéрцю кривáвому
Підъ водо́ю бі́тись.
И на сей сві́ть крі́зь ту ду́шу
Кохáну диві́тись.

А на Івана на Купала
 Зъ воді пánна рíне
 И обхóдить, въ бiлихъ шáтахъ,
 Усю Украiну.

»Ой ти менé, Украiно,
 Кохáння навчiла:
 Когó стрiну надъ Славúтомъ,
 Дамъ у сéрце сiлу.

»Перебúде всiку мýку,
 Перебúде гóре,
 И квіткáми засiяе,
 Якъ весно́ю по́ле.

»Ой ти менé, Украiно,
 Навчiла любити:
 Въ когó сéрце крiвáвее,
 Мýшу испiлити.

»Перестáне кровъ гарiяча
 Сéрце обливáти;
 Заспоко́ю, приголúблю,
 Якъ дитiну мáти.»

И багáто безталáннихъ
 Пáнна зустрiчала,
 И у сéрце сцiлющi
 Чáри проливáла.

И моé крiвáве сéрце
 Скропи́ла слéзoю, —
 Напоiла сцiлющою,
 Живóю водою.

Обнови́лась, якó óрля,
 Юность могó сéрця;
 Роспусти́ла душá кри́ла,
 Пiсня ллетця, ллетця....

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМЪ »ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.«

47. — Стр. 34. ст. 28.

*Гей, лѹче бѣ вамъ по комшиахъ
Низовіахъ сидѣти;*

Въ низовьяхъ Днѣпра были мѣста, заросшія густыми комышами, дававшими убѣжище людямъ, не довольно сильнымъ для защиты себя отъ преслѣдованія польскаго правительства. Чумаки временъ Екатерининскихъ рассказываютъ о разбояхъ *комышиковъ*. Вѣроятно, и въ эпоху возстанія Хмельницкаго комыши укрывали того же сорта людей. Въ современной перепискѣ пограничныхъ воеводъ Московскаго государства съ польско-украинскими урядниками часто упоминаются степные разбойники, неподчиненные никакой власти и ни для кого неуловимые. Происхожденіе ихъ должно быть то же самое, что и *комышиковъ*. Запорожцы временъ Выговскаго различаютъ себя, въ оправдательномъ письмѣ къ гетману, отъ бездомныхъ бурлакъ, и называютъ себя *козаками-зимовчакѣми*. Всегда существовало у козаковъ различіе между козаками *старыми, природными*, и между людьми новыми въ козачествѣ или недостаточно воинственными, какъ въ наше время дѣлается различіе между дѣтьми *отецькими* и бездомными наймытами. *Лѣтопись Самовидца* (стр. 11) отзывается съ негодованіемъ объ ополченіи, присвоившемъ себѣ названіе козаковъ (оно не щадило и единовѣрцевъ своихъ): »И на тотъ часъ туга великая людямъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а больше отъ гуляйства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могодниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо (хотя) який человекъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкаго войска, тѣлько мусѣлъ, задля позбытя того насмѣивска и нестерпимыхъ обидъ въ побояхъ, наполяхъ и кормахъ незвычайныхъ, и тѣмъ мусѣли у войско приставати до того козацтва.«

48. — Стр. 35, ст. 2.

*Лѹче бѣ доглядѣти
Муравьскаго шляху*

На Варшавскомъ сеймѣ 1646 года назначена была коммиссія на *dokojzenie granic i zaczetego ductu i prowadzenia go aż do szlaków Morawskich*. (Volumina Legum, IV, 88, изд. 1859, стр. 45.) Муравскій

шляхъ описанъ подробно въ *Книжъ Большою Чертежа*. Такъ какъ восточныя окраины Польскихъ владѣній, ограниченныя этимъ шляхомъ, были почти вовсе незаселенныя равнины, то, естественно, по нимъ разгуливали шайки своевольныхъ людей, живаясь грабежомъ на большой торговой дорогѣ, а лишь только въ Украинѣ начинались волненія, они являлись ловить въ мутной водѣ рыбу.

49. — Стр. 35, ст. 4.

*Лучше бы вамъ зъ лихими
Жити ушкалами.*

Ушкалы — разбойники, вѣроятно, то же, что великорусскіе ушкуйники, разъѣзжавшіе на судахъ *ушкулъ*. Въ думѣ о Федорѣ Безродномъ *безбожни ушкалы* изранили козака и гонялись за его чурою. По ходу повѣствованія видно, что это разбойники водяные:

Чи то гуси кричѣть,
Чи лебеди ячѣть,
Чи ушкалы гудѣть,
Чи, може, козакѣ Днѣпрѣмъ пѣть?

50. — Стр. 35, ст. 11, 12.

*Буде зъ васъ, що нашізъ
Батьківъ підманіли.*

Этотъ упрекъ можно подтвердить слѣдующими словами Окольскаго (Dyaryusz, str. 108): I tak Ostrzanin zwiódlszy wielu rejestrowych, przycisnawszy uboższych, zagnawszy z miast i siól po niewoli niewinnych ludzi, szub, srebra, koni, zdobyczy wszelkie im po wygranej naobiecowaawszy, potem gdy ich do potrzeby przywiódl, gdy obaczył, iż już tysiącami leżą, mięsa dosyć i ścierrwu, sam uciekać od nich myślił.

Между козаками и простыми поселянами часто происходили несогласія. Не разъ случалось такъ, что козаки поднимали безоружную чернь къ возстанію и потомъ, въ трудное время, бросали ее на произволъ судьбы. Характеръ Наливайка до сихъ поръ очень двусмысленъ въ исторіи. Въ его пользу говорятъ народныя пѣсни, противъ него — письменные памятники; но, каковъ бы онъ ни былъ лично, неуспѣхъ его дѣла долженъ былъ возбудить въ народѣ ропотъ противъ его сообщниковъ, представителями которыхъ являются, въ поэмѣ, хищные дейнеки.

51. — Стр. 35, ст. 13, 14.

*И зъ лукавимъ Остриїномъ
Въ стѣні повтїкали.*

По милости Конискаго, натворившаго довольно великодушныхъ героевъ между козацкими предводителями, гетманъ Остриница долго считался мученикомъ народной свободы. Изъ дневника Окольскаго и современныхъ бумагъ обазывается, что онъ не только бѣжалъ съ поля битвы съ конными

козаками, но и готовился заблаговременно, въ случаѣ неудачи, бѣжать въ Московскія владѣнія. Оставленное пмъ войско отчаянно, но безуспѣшно защищалось надъ Сулою нѣсколько недѣль. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописей С. Петербургской Публичной Библиотѣки и Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. в оставѣ Вожего Сіала (пишетъ панъ Хршонстовскій къ коронному гетману) woysko nasze ruszyło zpod Łubien ku Slepороду (rzeczka ta iest błotnista y trudna do przebycia) naprzeciw Ostrzaninowi, cze^o się on nigdy nie spodziewał, ale w tym Siekieraninie miał nadzieie, że konie woysku naszemu zagarnie y temi wertebami y luchami iako wbiezy Łubnie, aby on z miasta, a Ostranin z pola na woysko nasze vderzyc mogli. Obaczywszy tedy nad sobą woyska inopinate, harcownika iednak wyprawil nie mało y piechoty z kilka tysięcy, alec naszy za laską Bożą zaraz to zpędzili y asz w tabor wpędzili; zaraz potom armate zatoczono y z gory potężnie bito do taboru; lecz predko noc zaszła, a on, widząc, że okolo niego zle, zarazem zlekczywszy tabor zawade porzuciwszy, armate ieno wziąwszy, nazad do Łukomla poczał vchodzie. Nazaiutrz rano, obaczywszy naszy, isz Ostranin vszedł, zaraz Je^oMP Gdeszynskie^o z kilka Chorągwi za nim Je^oMP Wdic posłał, aby go zabawiał, nim by tabor nasz y z armatą przes ten Slepород przeprawiac się mogła. A w tym ten Siekierany wracał sie nazad prosto ku Slepороду, spodziewaiąc się swoich zastac, y napadł inopinate na tabor naszych Regestrowych, mniemaiąc że swoi, prawie w tabor z swymi ludzmi poczał vchodzie. Postrzegszy, że nie swoi, nazad, ale zaraz Regestrowi po nim, samego poimali Siekieranego, na ktorego radzie wiele przestawał, a prawie iego głową Ostranin szedł y woiował. Tenze to powiedział potom, że Ostranin tey wojny konczyc nie myśli, ale vciec chce do Białogrodu Moskiewskiego, gdysz tam y zone iusz wywiozł y inna Starszyna, iakosz po dwa kroc zpod Łukomle vciekał, ale go zawsze czern dogoniała y potom na pilnym oku miała go z inemi. Potym nasze woysko nasze odwrot vcynie musialo — — gdyby nie te czaty — — na moscie Łukomlskim zbiliby, za pomocą Bożą Ostranina, ktory, mniemaiąc, by woysko ozaz wszystko następowało, poczał iusz (iako potom ięzyki zapewne twierdziły) przemyslawac, tabor porzuciwszy, vchodzie, a postrzegszy, że ieno kilka chorągwi, od mostu odwiodł te chorągwie nasze, odstepuiąc a pozwalaiąc onym przes most łatwego przescia. — — Ostranin — — dowiedziawszy się o wzięciu Siekieranego y pogromie tego pulku swego, cheiał ku Moskwie znouw na Rumno vchodzie, alec czern przemogła, aby na doł Sulą ku Dnieprowi vchodzil, a Dnieprem ku Zaporozu, zaczym ta strona, iako wietsza, zmogła, y tak na doł Sulą vchodzil. Alec woysko nasze nie mniey spieszney za nim szło. W Łukomlu na most y na gaci przeprawuiąc się y asz przednie Pulki z Xcia Je^oMci Jeremiasza ludzmi doszli Ostranina rowno z switem w niedzile nizey Żołnina Słobody Xcia Je^oMci Jeremiasza; tam zaraz, nie daiąc taborzyc się temu hultajstwu abowiem dniem y nocą vchodzil, zaraz pulk skoczył Je^oMPWdzica Braclawskiego. — — Te Chorągwie zaraz w pul tabor rozerwały y wszystkie prochy y cztery działka odieły, ktore dla odcięcia koni nasi porzucili, a oni znouw odyskali. Zwynosc wszystkie ktorey mieli dosyc odieli. Skode w nich wielką w tych zdraycach czynili, tak dalece, że iusz od taboru w błota vciekała piechota,

a Ostranim sam wpływ przez Sułę z swym komunnikiem, ktorego wiele po tey stropie Suły od Peryasławia na dolъ vciekającego widzieli. Ostatek taboru ktory Kudza — z Pesztą rządžili, zaraz iednak taborzyc poczeli y prawie wszystkie te Chorągwie otoczyli, ze we srodku zostały. Wtym Xze Je^oM. trzykroc wsparty od tych zdraycow strzelbą z swym Pulkiem, za trzecim razem pszelamał dziure tym Chorągwiom, ktore z ciekoscia wielką a z vtraceniem swym z taboru wybili sie. — (Польскій отдѣлъ рукописей, № 94, стр. 604 — 613.) О пребываніи жень Острияницы и его подручниковъ за московскимъ рубежомъ свидѣтельствуеъ слѣдующая отписка въ Москву путивльскаго воеводы Никифора Плещеева: «Юлиа въ 3 день (1638) пришли въ Путивль Запорожскіе Черкасы 2 человекъ съ листомъ отъ гетмана Запорожскаго отъ Яцка Остриянина, для сыску жонъ своихъ; и онъ Микѳеоръ, роспрося ихъ и взявъ у нихъ листь, отпустилъ ихъ назадъ въ Литву». Въ добавокъ ко всему, рассказанному въ реляціи Хрижонстовскаго, въ этой отпискѣ говорится, что въ письмѣ къ нему отъ другого гетмана, Дмитрія Тимоѳеева, (видно—преемника бѣжавшаго Острияницы) написано: «Которые Черкасы выѣхали въ Путивль, а съ собою много добрыхъ людей невинныхъ душъ и животовъ поимали, и Путивльскій бы воевода тѣхъ Черкасъ посадилъ въ вязенье до тѣхъ мѣстъ, какъ они другихъ своихъ посланниковъ въ Путивль пришлоуъ, а тѣхъ бы невинныхъ душъ, которыхъ съ собою невинно завезли, и животы ихъ, напрасно поимавные, нынѣшнимъ ихъ посланникамъ отдала.» (*Дѣла Малоросс.* Моск. Арх. Иностран. Дѣлъ, 1638, связка № 2.) Рукописи С. Петербургской Публичной Библиотеки также свидѣтельствуеъ о подобныхъ поступкахъ героевъ козачества, этихъ истинныхъ учениковъ побитаго ими дворянства. Въ фоліантѣ Польскаго отдѣла, подъ № 94, на стр. 707—709 читаемъ письмо гетмана Жолкевскаго къ королю, 1639 года, изъ Микулинца: Jusz tesz tu w drodze dal mi znać Pan Commissarz, ze po odiezdzie moim Hunia, który hetmanił swawolenstwu przeciwko wojsku WKM i z kilka inszych Principalow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy (т. е. въ Московскія владѣнія) przez wszelkiej przyczyny vciekl. Pisalem ja tak rok pisalem i przeszlą posztą do IMX Canclerza, prosząc aby się WKM tego zdrajce serio wspomniec raczył, ktory tak wiele tysięcy ludzi gwałtownie z Panstw WKM do Moskwy wypendził i oni ich nad pacta przyieli y poniewolnie trzymaia.

52. — Стр. 36, ст. 1 — 4.

*Міжъ козацтвомъ Гóлка
Мовъ по нѣци блóдитъ,
И коника воронóго
Підъ собóю нѣдить.*

Здѣсь авторъ хотѣлъ, но не сумѣлъ, подражать слѣдующимъ превосходнымъ стихамъ народной пѣсни:

*Зашуміли густі лози
Козакóви при дорóзi;
Сюдi блóдить, тудi блóдить,
Підъ собóю конi нѣдить.*

53. — Стр. 39, ст. 3, 4.

*Постолю будуть сап'яні,
Шовкові волоки.*

Въ народной пѣснѣ:

Хвалилися гайдамаки,
Підъ Умань идучи:
«Будемъ дрѣти, пани-брати,
Сь китайки онучі!»

54. — Стр. 40, ст. 3 — 6.

*Люди добрі! ось дивітєсь:
Жидівська намітка!
Утікала, та й стеряла
Чортова Жидівка!*

Подобный случай былъ въ 1634 году на Подолѣ, когда Поляки взяли приступомъ мѣстечко Бушу. «Семьдесятъ женщинъ успѣли скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторыя, бѣжавши, потеряли свои намитки. Это замѣтили слуги,» и пр. См. *Богд. Хмельн. Н. Костомарова*, II, 437.

55. — Стр. 41, ст. 11, 12.

*Бачте, до чою доводять
Ваші клятї карби,*

Несчастные потомки Моисея, Давида, Соломона, великодушной Юдѣи, добродѣтельной Эсэри, прекрасной Сусанны, разсѣянные по всему свѣту, воспользовались превосходствомъ умственныхъ способностей своихъ на счетъ иноплеменниковъ и, сдѣлавъ деньги своею силою, своею защитою и спасеніемъ отъ изувѣрства послѣдователей новаго, иногда искажаемаго и потому недостойнаго въ глазахъ Евреевъ ученія, сдѣлались почти у всѣхъ, между кѣмъ они жили, предметомъ ненависти и мерзвѣнїя, какъ іероглифъ собственнаго мотовства и беспорядочности, какъ живой укоръ въ беззаботности о будущемъ и неумѣны устроить свое благоденствіе въ настоящемъ. Не зная, какъ истребить эту язву, естественно возникающую тамъ, гдѣ гражданское и общественное тѣло не имѣло здороваго строенія, короли и магистраты придумывали противъ Жидовъ стѣснительные законы, а народъ, при всякомъ беспорядочномъ волненіи, истреблялъ ихъ сотнями и тысячами. Такъ поступали съ ними и наши козаки, бессознательно вымещая на нихъ политическіе и общественные грѣхи свои. Вотъ обращенїе, какъ относились къ Жидамъ старинные статуты, за ихъ способъ обогащенія. «Лихва Жидовская не имѣетъ нигды насыщенія: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидовъ... непріятельвъ вѣры христіанскоѣ, и на лихву пезези дають, не имѣють большъ брать на недѣлю, только 10 пѣнезь... пѣнези давають на записы, а лихвы не дають два годы, чтобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упо-

минаются, ани на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ дагѣи нѣтъ лихвы жадноѣ, и ни записомъ имѣютъ поминать... а ни тотъ, хто ся имъ записалъ, не пметъ имъ запису... полнить.» (*Акты Западной Россіи*, I. 13.)
 »Коли жъ жидовскій умыслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы христіанство обажилъ,» и пр. (стр. 20.)

Кѣрби, о которыхъ говорится въ поэмѣ, были нарѣзки на палочкахъ взятой въ долгъ горѣлки, или черточки меломъ и углемъ на стѣнѣ. Изъ преданій о гайдамакахъ 1768 года, напечатанныхъ въ *Запискахъ о Южной Руси*, видно, что поселяне всего больше ожесточались на Жидовъ за начеть долговъ, посредствомъ *кѣрбѣв*.

36. — Стр. 41, ст. 19.

Ви зъ Жидѣми накладѣли,

Слово *накладѣти* (совмѣстно злоумышлять) сдѣлалось въ украинской рѣчи рѣдкимъ. Въ народной пѣснѣ поется:

Мазѣно гетьманѣ,
 Израдаивий пане!
 Злѣе починѣешь,
 Зъ Шведомъ накладѣешь...

37. — Стр. 42, ст. 16.

Великдень збоѣцький.

Збоѣцький — разбойничій. Польскія слова были тогда у всѣхъ въ употребленіи. См. проповѣдь, напечатанную Н. М. Бѣлозерскимъ при изданныхъ имъ *Южнорусскихъ Лѣтописяхъ*.

38. — Стр. 42, ст. 25, 26.

*Ой якъ црѣкне оружїна
 Изъ дового дѣла, —*

Слова: *оружїна* и *дѣла* могутъ показаться не совсѣмъ украинскимъ. Въ рѣшеніи подобныхъ сомнѣній всего лучше опираться на изустную народную словесность. Въ одной пѣснѣ поется:

Сидѣть козѣкъ на могилѣ,
 Зъ оружїни огонь крѣше;
 Скѣлки лѣмать, роскладае,
 Въ свої рѣни заглядае.

Въ другой:

Одинъ в-дѣ за чупрїну,
 Другий дѣла бѣе:
 «Ой не ходи, вража дѣко,
 Де голѣта пѣе!»

59 — Стр. 45, ст. 11, 12.

*Ще жь не зя́сло галаганомъ
Козацькее со́нце!*

Слово *галаганъ*, выговаривающееся также и *галаганъ* (головня), сохранилось только въ фамильномъ имени дворянъ и козаковъ Галагановъ. Мнѣ случилось, однакожъ, слышать его въ устахъ народа, и именно въ домѣ покойнаго Н. В. Гоголя. Сельскій мальчикъ, рассказывая мнѣ безтолковую, скучнѣйшую сказку, наградилъ меня за терпѣніе слѣдующими словами: *у по́пелі галаганъ, запі́чняя і́скра*. На вопросъ мой: что такое значить *запичняя іскра*? онъ отвѣчалъ, что, вытопивши печь, хозяйка зарываетъ въ золу *галагана*, т. е. головню съ огнемъ, чтобы сохранить хоть іскру для разведенія огня назавтра.

Козацькимъ со́нцемъ называется луна. Это названіе указываетъ на то время, когда козакъ должны были вести жизнь воровскую, поспартански, и промыслять своимъ ремесломъ больше всего по ночамъ. Воровство у нихъ было преступленіемъ только въ отношеніи къ товариству. Еще и автору случалось слышать отъ старожиловъ такіе рассказы о Запорожцахъ: «У іхъ, якъ хто не краде, то заразъ козакі й грімають: *Чого лёжнемъ лежійш? дурно хлібъ ісі!*»

61. — Стр. 46, ст. 13, 14.

*На коникахъ виравіють,
Шабельками повертають,*

Эти два стиха взяты изъ народной пѣсни, приведенной въ примѣчаніи 6-мъ къ этой поэмѣ.

62. — Стр. 46, ст. 23—27.

*Вороны зъ грачами
По звѣлицяхъ ірѣють,
А по пўсткахъ вовкі завивають;
Кречети зъ орлами
По степяхъ шумѣють,*

Слова *ірѣють* и *шумѣють*, не встрѣчающіяся уже болѣе въ народной рѣчи, взяты авторомъ изъ старинной народной думы:

Закряче воронъ, гагрѣе, зашумѣе.
Та й полетѣть у чужю землю.

Тамъ же и кречеты помѣщены, какъ здѣсь, рядомъ съ орлами:

Закүркують кречети сізі,
Загадають орлики хіжі.

65. — Стр. 47, ст. 13, 14.

*Перетявъ усі дорогі
И стежки дєйнека.*

Слово *дєйнека* употреблено здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ говорится: *Стала дешєва сїль, то чумакъ такъ и порїнувъ на озєра; пли: Бжолá такъ и грає роями.*

66. — Стр. 47, ст. 17, 18.

*Повтїкало драгонїи
Тїсяча и двїсти.*

Панъ Черный къ пану Юрію Оссолинскому, 25 мая, 1648: *Xiąże Wisniowiecki ma osm tysięcy woyska, lecz im nie ufa, bo Ruś.* (*Акты Кїевской Коммиссіи*, I, 3-й нумер., стр. 26.)

Адамъ Кисель къ архїєпископу Гнѣзненскому 31 мая, 1847: *mam takie od moich Slug zbieżalnych z Zadniepru wiadomoścї, ze Xiąże Jmc, gdy mu się assystentia iego ex eadem gente zgromadzona zmykac poczєła, musiał consulere sobie z garscїą Slachty Polskiej, i Slug swoich uiedzac w Braclawskie Woiewodstwo.* (Тамъ же, 30.)

67. — Стр. 47, ст. 23, 24.

*Широкая окблиця
И вершóкъ низьнїкий*

Въ нарбодой пїснѣ:

А у Ляха вершóкъ низьнїкий,
Ширóкі опушки.

68. — Стр. 48, ст. 5, 6.

*Годї тобї, пїшнїй князю,
Ловїти парбóвъ:*

Въ *Малорос. Дѣлазъ* Моск. Архива Иностран. Дѣлъ, связка № 1, 1648 года читаемъ въ письмѣ князя Іеремїи Вишневецкаго къ бѣлгородскому воеводѣ, князю Прозоровскому, отъ 2 декабря, 1647: «Извѣстно вамъ да будетъ, что я, на прямую потребу мою и съ моею грамотою, черезъ слугу моего Яна Семашка съ Несокъ посылаю и стрельцовъ своихъ для рароговъ, свїрїчъ кречатовъ...» За обиду этимъ людямъ онъ дѣлаетъ такую угрозу: «повелю въ маетности моеї Заднѣпровской вашихъ купецкихъ людей позабирать и самъ управу чинить...» *Льтотпись Самовїдца* (стр. 7), исчисляя нанесенныя отъ пановъ козакамъ обиды, говоритъ: «Зъ Запорожья, черезъ поля дикїе, зъ рарогомъ, яструбомъ, орломъ, съ хортомъ козака бѣдного

шлетъ (панъ, сдѣланный полковникомъ или другимъ козацкимъ старшиною) въ города, кому подарокъ шлячи, якому пановѣ, не жалуячи козака, хочай бы згинулъ, якъ не трудно отъ Татарь.» Изъ всего этого видно, что не легко доставалась стрѣльцамъ князя Вишневецкаго панская забава.

69. — Стр. 48, ст. 9, 10.

*Годі соболя держати
На срібнімъ ланцюзі:*

Изъ *Ramiętników Paska* мы знаемъ, что любимую панскою забавою были освоенные дикіе звѣри и птицы. Адамъ Кисель не разставался съ ними и въ далекой дорогѣ. Въ *Малор. дѣлахъ* Моск. Архива Иностранн. Дѣлъ, въ связкѣ подъ № 1, 1648 года, сохранился отписка сѣвскаго воеводы къ царю, въ январѣ, 1647: «... какъ шолъ отъ твоего царского величества съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него, у Адама Киселя, утекъ соболь съ чешью серебряною, а у брата ево Александра Киселя — гончая собака; и того соболя и собаку, по твоему государеву указу, изъ Болхова велено прислать къ намъ. — Да какъ, государь, того собаку и соболя мы, холопи твои, къ Адаму Киселю отошлемъ, и о томъ бы намъ, холопемъ твоимъ, отписати къ тебѣ, великому государю. И изъ Болхова, государь, Миккеоръ Давидовъ писалъ къ намъ, холопемъ твоимъ, и прислалъ того соболя и собаку декабря въ 27 числѣ, и мы, холопи твои — — послали съ Сѣвскими пушкарн. — — «

70. — Стр. 48, ст. 11, 12.

*Ой ужé жé твой княгиня
У великій тѣзі.*

Этими стихами авторъ хотѣлъ напомнить читателю о женѣ князя Вишневецкаго, Гризельдѣ, дочери Омы Замойскаго, которую онъ такъ любилъ, что козацкая лѣтопись его кроваваго времени записала, въ числѣ достойныхъ замѣчанія событій, ихъ невольную разлуку на той сторонѣ Днѣпра. Грабянка (стр. 52): «Князь Вишневецкій — — поиде (изподъ Збаража) до обозу своего подъ Чолганскій Камень, а княгиню свою до Бѣлого Камѣня отосла, которая, раздѣляющися, зъ плачемъ поднесши зѣвницѣ въ небо, рекла: О каменіе! коль далече за Вислу границу намъ замѣраете?»

71. — Стр. 48, ст. 13, 14.

*Годі, князю, за граніці
Зъ Москвою тліятись:*

Въ дѣлахъ, упомянутыхъ въ прим. 69 къ этой поэмѣ, идетъ большая переписка о притязаніяхъ князя Вишневецкаго на земли, присвоенныя на ничьемъ пограничьи имъ и Москвою. Онъ упорно отстаиваетъ каждый ступень своей земли, не предвидя, что скоро потеряетъ цѣлое государство по сю сторону Днѣпра, и московскіе межевщики одному его упрямству приписываютъ невозможность докончить разграниченіе между Московскимъ и Польскимъ государствами.

72. — Стр. 48, ст. 13, 16.

*Порá зъ Лубѣнь зо всімъ ко́дломъ
Въ Пóльщу ви́греба́тись.*

Живописное слово *ви́греба́тись* замѣстовано изъ посланія полковника Мартына Пушкаря къ кievскому митрополиту Діонисію Балабану: «...все войско изъ Запорожья выгреблося и зъ городовымъ войскомъ Запорожскимъ до купы и до рады енеральной знялося...» (*Акты Зап. Россіи*, V, 10).

73. — Стр. 48, ст. 17, 18.

*Мавъ ти, князю, изъ дорóти
Чѣнци́въ за́верта́ти:*

Монахи Густынского монастыря, при наступленіи военной грозы, рѣшились, подобно прочимъ чернецамъ и черницамъ, убраться заблаговременно изъ Украины въ Московское государство и уложили на возы все монастырское имущество, въ томъ числѣ образа, книги и все, что можно было увезти съ собою, а скотъ угнали напередъ; но князь Вишневецкій остановилъ ихъ и объявилъ монастырь, основанный и обогащенный его предками, своею собственностію. Объ этомъ сохранилась интересная переписка въ *Малор. Дѣлахъ* Моск. Архива Пностр. Дѣль.

74. — Стр. 48, ст. 27, 28.

*Стоитѣ ви залóбами
Въ старíхъ таборíщахъ.*

Изъ брошюры кievскаго бискупа Юзефа Верещинскаго, подъ заглавіемъ: *Publika*, написанной въ 1597 году, видно, что Украина сохранила отъ временъ княжескихъ множество окоповъ и даже кирпичныхъ сооруженій. Въ брошюрѣ между прочимъ говорится: «...ieno patrzamy na stojące tylko mury puste, gdzie niedźwiedzie, wilcy a świnie dzikie się w nich lęgną, a przedsię nas to nie porusza; gdyż to, mali się prawda rzec, iż ninacz inszego godno raczej tak tych horodyszcy albo murów pustych na tem tam Zadnieprzu albo na Ukrainie nie chowamy, jedno na baszty nieprzyjacielom swoim pogranicznym, aby oni to powoli pobrawszy, jakoż już i Moskwa na to pochuchiwa sobie, osadzili, a ztąd nas bezpieczniej wojowali a posiadali. (Str. 18.)

75. — Стр. 48, стр. 29—32.

*На що тобі, пішій князю,
Дорóти пита́ти?
Лучче тобі ма́ницями
Зъ Лубѣнь простува́ти.*

Козаки могли такъ говорить по воспоминаніямъ былого. Окольскій въ Діаріушѣ (стр. 16) пишетъ, что въ 1637 году, когда Павлюкъ поднялъ на

Укравнѣ такую же тревогу, какъ черезъ одиннадцать лѣтъ Хмельницкій, Адамъ Кисель вмѣстѣ съ другими богатыми панамъ z majetności swej z zdrowiem uchodzić i nie gościńcem własnym musieli. Toż i inni panowie, a zwłaszcza w Wiśniowieczynie czynili. Lepsze łuczane zdrowie, niż jedwabna śmierć, прибавляетъ войсковой проповѣдникъ Потоцкаго, ale u takiego chłopstwa i śmierci jedwabnej niemasz, owszem wszelkiej ignominii i tyranidis pełna.

76. — Стр. 49, ст. 13, 16.

*Та залянемъ гарматами
Тобі, князю, въ вічі.*

Старожилы, бесѣдуя съ авторомъ о козацкихъ походахъ, выражались иногда такъ: *Що жь, хочь и вдариць на Лясівъ, коли нічимъ у вічі залянути: гарматъ нема! порогу нема!*

77. — Стр. 50, ст. 21.

Ой не медь-пьяніе-чоло

Медь подъ этимъ названіемъ упоминается въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ, которой лучшей списокъ напечатанъ въ *Запискахъ о Южной Руси*. Важныя дополненія напечатаны недавно въ *Абеткѣ*, изданной г. Гатцукомъ.

78. — Стр. 51, ст. 25.

Ой не піво на про-діво

Говорится *на про-чудо*. Почему же не сказать и *на про-діво?*

79. — Стр. 51, ст. 28.

*Князь Ерема изъ шляхтою
Гайдамацтво тісне.*

Манера описанія битвъ князя Вишневецкаго съ-козаками и нѣкоторыя обороты заимствованы изъ народныхъ пѣсень, указанныхъ въ другихъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ.

80. — Стр. 51, ст. 13—16.

*Ой де стәне — земля тәне —
Підкони рикають;
Куді глине — трава вяне —
Вороги зникають.*

Народная поэзія доводитъ иногда краткость выраженія до темноты. Надобно долго изучать ее, чтобы наконецъ наслаждаться ея манерою выражать мысли и чувства пѣвца. Напримѣръ, то, что здѣсь выражено четырьмя стихами, въ народной пѣснѣ заключено въ двустипше:

*Ой де стәне — земля тәне;
Куді глине — трава вяне.*

Говорится о воинѣ, осаждающемъ Львовъ. Вѣроятно, это — темное воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ, обращенное въ свадебную пѣсню.

81. — Стр. 51, ст. 23, 24.

*Oй вінь міні въ злихъ напѣстяхъ
Велікий заступникъ.*

Ks. Piotr Skarga, Kazania Seymowe, str. 19: Do tego czasu (oczywista) kapłany wam i biskupy i duchowne pasterze wasze daje, przy których przystęp do łaski bożej i obrony od wszystkich nieprzyjaciół macie.

82. — Стр. 52, ст. 1, 2.

*Бо на сповіди спасеній
Панночка сказала,*

Тамъ же, стр. 66: Spowiedz sama w katolickiej wierze dziwnie ludziom do cnoty i dobrych obyczajow pomaga, karność onę mając, której żaden urząd świecki mieć nie może, w której skryte i serdeczne grzechy i złości giną, co dziwnie rzpltej pomaga.

83. — Стр. 53, ст. 13, 14.

*Oй панове! се жъ писали
Панна-чарівниця!*

Вообразать женщину, участвующую колдовствомъ своимъ въ военныхъ дѣлахъ, было въ то время естественно. Авторъ брошюры O Buntach za Chimelnickiego рассказываетъ, что у охочекомоннаго полковника козакаго Дуница (Донца?) была сестра чародѣйка, предостерегавшая его отъ опасностей. Въ русскомъ переводѣ эта брошюра названа *Краткою Исторією о Бунтахъ Хмельницкаго*. М. 1847. (См. стр. 12.)

84. — Стр. 53.

Оба эти куплета основаны на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Пливѣ щѣка зъ Кременчука,
Луска на ій сѣе.
Хто не знѣе закохання,
Той ліха не знѣе.
Пливѣ щѣка съ Кременчука,
Філю розбиває.
Хто не знѣе закохання,
Той щастя не знѣе.

85. — Стр. 53, ст. 9, 10.

*»Завдамо, завдамо козаківі
Страшнійої мѣжи!«*

Эти слова авторъ вложилъ въ уста князя Вишневецкаго, зная его жестокосердую мстительность. Карая самими ужасными муками взбунтовав-

шихся противъ него Немировцевъ, отъ восклицалъ: »Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умирають!« Hist. Polska, przez Rudawskiego, I, 37.

86. — Стр. 56, ст. 9 — 12.

*Ой засію я надії
И думи високі
У козацькій у лицарській
Патріі широкій.*

Злѣйшіе враги украинской демократіи признавали въ ней высокія душевныя свойства. Такъ очевидецъ войны пановъ съ Павлюкомъ и Остриномъ, Окольскій, въ началѣ продолженія своего дневника (Continuacya Dyaryusza wojennego, etc. str. 81) пишетъ.... jest to hostis Patriae niemały, który z szczęścia chłopskiego się cieszy и т. д. А на стр. 101 говоритъ: Pokazał tedy pierwszą tą utarczką Bóg, iż lubo między Kozaki niemasz żadnego książęcia, senatora, wojewody, z którymi się w potrzebie żołnierz głasował, ale jednak takowi są chłopi, że gdyby prawa nie zagradały *contra plebejos* uczynione, jako przedtem było, należliby się i tak godni, aby ich et Quinctio Cincinato, qui ab aratro ad dictatoriam był wezwany, atque Themistocli virtute par nazwano.

87. — Стр. 56.

Характеръ вымышленнаго Голки основанъ на главныхъ чертахъ Немирича, главнаго двигателя всей Виговщины. Эта поэтическая личность стояла далеко выше своего вѣка. Изъ уваженія къ ней, авторъ не рѣшился примѣшивать къ ней въ романѣ или поэмѣ вымысла, и создалъ Голку, имѣя въ Немиричѣ доказательство, что подобныя явленія были возможны въ варварскій и трагическій вѣкъ. — —

88. — Стр. 59, ст. 2.

*Ой якъ зможешъ ёму, друже,
Вкоротіти віку,
Не забуду я посліжи
Твої до віку.*

Стихи эти основаны на томъ, что Хмельницкій былъ очень ревнивъ къ своей власти и, подъ благовиднымъ предлогомъ, казнилъ опасныхъ для него людей. Опасеніе потерять власть въ народѣ заставляло его входить въ союзы, ненавистные для лучшей части его сподвижниковъ.

89. — Стр. 59, ст. 5, 6.

*Грачівъ кліюча й чорнилъ іглок
На сей бійкъ стягає.*

Слова *кліюча* и *стягає*, употреблены на основаніи слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни объ Иванѣ Свирговскомъ:

*А изъ Нізу хмѣра стягала,
Що воронівъ кліюча набігала.*

90. — Стр. 60.

Описаніє послѣдней битвы Голки основано на пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не вѣспівъ же козакъ Нечаѣ
 На коника сівти, —
 Та й ставъ Ляхівъ, вражніхъ синівъ,
 На капусту сівти.
 Ой не вѣспівъ же козакъ Нечаѣ
 На коника впасти,
 Та й ставъ Ляхівъ, вражніхъ синівъ,
 Якъ сніошники класти.
 Ой якъ стісне козакъ Нечаѣ
 Коня острогами, —
 За нивъ Ляхівъ сорокъ тисачъ
 Зъ голими шаблями.

91. — Стр. 61, ст. 7, 8.

*Не зломіти гайдабўрамъ
 Лицарської сили!*

Лицарь, по понятію народа, есть что-то непобѣдимое. Его можно убить только серебряною пулею, или его собственнымъ оружіемъ.

92. — Стр. 61, ст. 9—12.

*Повернувся лицаръ Голка
 На правую руку;
 Кудіи лягне, тудіи ірїгне,
 Всюди повно трупу.*

Въ народной пѣснѣ:

Повернулся козакъ Нечаѣ
 На лівую руку, —
 Не вискочить Нечаївъ кінъ
 Изъ Лицького трупу.

93. — Стр. 61, ст. 13, 14.

*Ой не взїати вамъ лицаря
 Голими руками.*

Кромѣ поговорки: *голыми руками ёго не візьмешъ*, авторъ имѣлъ въ виду манеру отчаянныхъ рубаекъ обнажать руки въ бою. Пасекъ, въ своихъ *Pamiętnik'achъ* (стр. 77) также говоритъ: *Ruszaia się tedy chorągwie powoli, a wodzowie zaś jada przed nami z golemi po łokcie rękami.*

94. — Стр. 61, ст. 21, 22.

*Ой велике характерство!
 Намъ ёго не обїти.*

Разсказъ лирника: «Ляхи, якъ стали Харка рубати, то рубали ажъ три дні, та ніякъ не порубають; и шабля позубилась гіршъ, якъ залізо; та вже

дорозумувались, щобъ рубать ёго ёго жъ шаблею. А въ ёго шабля була
лицарська; то та шабля ёго й побідила.»

95. — Стр. 61, ст. 23, 24.

*Треба, браття, срібнимъ дудзькомъ
Рушницю набіти.*

См. примѣчаніе 45 этой поэмы.

96. — Стр. 62, ст. 4 — 8.

*Не вважали гайдабуря
На козацьку вроду,
Рвали тіло по кусочку,
Кідали у воду.*

Въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не дбали вражі Ляхи
На козацьку вроду,
Рвали тіло по шматочку,
Пускали на воду.

97. — Стр. 63, ст. 5.

Прозирають у Славуту

Славутою называли казаки Диѣпръ во времена Окольскаго (Dyaryusz. str. 89) и конечно гораздо и прежде, какъ это видно изъ думы о Кшижѣ Самійлѣ и изъ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Въ старинныхъ козацкихъ документахъ употребительно слово *славѣтний*: «славѣтні наші прѣдки».

ДО ЗЕМЛЯЧКИ.

Українко, рідна сестро,
Пташко полохлива!
Куди се тебе замчали
Необачні крила?
Передъ тебе щасна доля
Съ карими очима,
А довічняя невболя
Стоить за плечима.

Поленула въ чужу зѣмлю
Зъ рідної України,
Промівяла рідну сѣмью
На чужу чужину.
Веселіся, утішайся,
Поки молодѣнька, —
Нехай тужить по дитині
На Україні нѣнька.
А якъ брови полиняють,
Личенько змарніє, —
Щимітимо вбѣге сѣрце,
Поки заніміє.
Щимітимо сѣрце вбѣге,
Що рідну родину
Промівяла на зрадливу,
Невірну дружину.
Гірка, гірка сѣрцю зрада
Дома на Україні,
А ще гірша, а ще тяжча
На чужій чужині.
Будешъ плакати, въ зѣмлю бітись,
Долю проклинаѣти, —
Не почує, не розвѣжить
Старѣнькая мати!
Ой нехай вона не чує,
Ой нехай не знає,
Якъ дитина погибѣе
У чужому краї!
Лягай, мати, спочивѣти
Въ тѣмну домовину:
Не вѣрнетця безталанна
Дочка на Україну!

Т. Вешнякъ.

С У Ж Е Н А.

Николаю Ивановичу Костомарову.

Після багатого батька, остівся хлопець по дванадцятому року круглимъ сиротою, бо мати ще давнімъ умерла, а на селі не було у ёго ні роду, ні племени. Отъ, громада, поміркуювши, и рішила — оддати того хлопця на руки старіи дичіхи удові, що жила у якогось селянина у приймахъ. Бабуся була дуже добра, богобоязна и розумна; усё село її поважало. Глянувши на того сироту, дичіха згодилась, бо Івашко (такъ звали хлопця) на вдивовіжжу бувъ добра дитина: слухняна, покїрна, чўла, и такє гарне та хорóше, якъ та панпочка. Перебралась дичіха у хату до сироті, стала ёму за матірь, и господаріює, и дбає; навчила ёго ласкою всёму доброму, и письму, бо ще й письменна була. Випестила бабуся собі на втіху Івашка: такийъ зъ него вийшовъ бравий парубокъ, високій, сановитий и такийъ гарний, що одъ ёго погляду дівчата тали, якъ весною одъ сонця снігъ. Такъ не дуже жъ то Івашко и заглядовався на дівчаты; якось понўро, зъ підлобья дивівся на нихъ, неваче сорóмивсь, и на вечорниці ніколи не ходівъ. Вже бабуся збиралась одружити Івашка, такъ не привівъ Богъ: занедужала небога, та й вмёрла; а вмираючи и каже Івашку:

— Не журись, синку, що я не вєпіла тебе одружити: я й на тїмъ світі бўду благати Господа милосёрдного, и вїмолю тобі вірну дружину.

Дуже журився Івашко за бабусею, ажъ світомъ нўднвъ; зъ хати не вийде, а коли й вийде, то хибá тільки на кладовище, поплаче на могилі покійниці, та й вертаєтця до-дому, повісвщи голову. Отъ и стали старі люди ёму совітувати:

— Оженісь, сінку: молодá жінка хочъ яку тугу розвáжить!

Стáли й свашкі забігáть, такъ щó жъ?... На яку дівчину не глієне, усé ёму не по душі. Ходівъ и въ дрúгі сéла, такъ и тамъ не знайшóвъ, хочъ такі дівчáта траплáлись (де бъ то у насъ, на Вкраїні, такого зїлля не знайти!), що здавалося и на світі крáщихъ нема. Вже не однá дівчина одъ ёго чáхла, не однá й до знахурки ходїла, и зїлля варїли и чарувáли,—такъ нічóго не вдїяли. И Ивáшко нудитця, місця собї, сердéшний, не приборé; дáлі подумáвъ, та самъ собї й кáже: «якъ бáчу, то тутъ нема мїні суженої; підú по світу, та пошукáю, то мóже Богъ дасть знайдú такú, якої бажá моя душá.»

Осїдлáвъ коня, одáгєся у дóбру одéжу и хотівъ вже рушáть, та подумáвъ: «Нї, нехáй не знáють, що я багáтий: полóбити въ свїтїні, то въ жуцáні ще бїльшъ кохáтиме.» Натїгъ на сéбе сїмрїжку, перекинóвъ черезъ плечé торбу, и грошеня́тъ про всякий случай не забóвъ, та помолївшись Бóгу, и помандрувáвъ.

Швѣндя нашъ Ивáшко, швѣндя, изъ селá въ селó, и хуторівъ не мина, пригáдуєтця, роспїтує, шукáє пáри, якъ тогó скáрбу. Обїйшóвъ всю околїницю, и вже степами потягъ. Разъ, пдé собї по дорóзї и мїзкúє: «Якú бъ то мїні знайтї дівчину?... Отъ якъ-бї такú: сїні очї, трóшки прищóренї, а косá чóрна якъ гáйворонъ, úстонька якъ перосквїчана мáківка; а самá бїла та пїшна: плечé ширóке, грúди висóкі, щóбъ крїмка такъ и врїзалась би у тонгїй станъ, щóбъ ходїла якъ по струнці, вїсоко пїднївши голóвоньку!.. Абó такú: щóбъ булá чорнївенька якъ цигáчочка, а щóки ненáче жаръ горїли, зúби бїлі якъ молóкó, а úста червóні якъ кáліна, та повнѣнькї, такі, що якъ цмóкне тебе, щóбъ лунá округї зацмокотїла! Абó такú,» зновъ мїзкúє: «óчі якъ нéбо сїні а косá якъ кúдель, щóбъ, якъ глієнешъ на неї, то здалась би вона тобї янгеломъ, що Господь посилáє хранїти и втїшáти чоловіка на землі.»

Оттáкъ коверзúє та йде собї. Дáлі якось ненарóкомъ — зиркъ, ажъ стоїть бїля крїніці дівчина, такá гáрна, що якъ би зъ тихъ трѣхъ, що вигáдувавъ собї Ивáшко, зібрáть однú, то не булá бъ вона крáща одъ сїєї. Якъ глієнувъ на неї Ивáшко, то ненáче на нéбї опинївсь; стоїть и очáмъ своїмъ вїрї не їмé. А вона жъ такъ ёго зглядомъ привїтáє, усміхáєтця, бúцимъ отъ-отъ обнїме и притулїтця до ёго сёрця. «Відкїль», подумáвъ Ивáшко, «узлáсь

ся чудова дівчина?... чи не бабуса зъ того світу, зъ само́го неба, посла́е міні су́жену, бо не тільки не ба́чивъ тако́ї на землі, и на думку така не спада́ла!»

— Здоро́ва бу́ла, дівчино! — ка́же Ива́шко, підхо́дячи; знявъ ша́пку та й вкло́нівсь; піднявъ го́лову — а дівчини якъ не бу́ло, якъ у зе́млю вви́шла. »Що́ за нечи́ста ма́ти!« ка́же самъ собі Ива́шко, озира́ючись на всі сто́рони: »куди́ жъ вона́ діла́сь!... Чи не стри́гну́ла въ крини́цю?« Гляну́въ, крини́чка не глибо́ка, а во́да чи́ста якъ скло, и дно ви́дно. Круго́мъ степъ и тра́ва недуже висо́ка, нікуди гара́здъ и схова́тись. »Чи не ма́на яка́?« дума́е Ива́шко, йдучи́ по доро́зі. Не пройшо́въ вінъ и трѣхъ гинъ, ажъ бі́ля терни́въ, підъ кущи́комъ, сиди́ть та жъ сама́ дівчина, и та́къ же на ё́го диви́тця и всі́хаєтця. »Глянь«, ка́же Ива́шко, »ажъ ось де опини́лась!.. Отъ, прудка́... и не вгле́дивъ, якъ вона́ перебі́гла!.. Ну тепе́рь«, мірку́е собі, »ся́ду бі́ля не́ї, тро́шки одпочи́ну, а тимъ ча́сомъ роспита́ю, відки́ля вона́, куди́ йде... а тамъ що́ Богъ дасть!«

Пиди́йшо́въ и сівъ; огля́нувся до не́ї, щобъ спита́ть, ажъ зновъ нема́ дівчини. Ива́шко метну́вся сюди́-туди́, оббі́гъ терни́, гукавъ до не́ї, шука́въ у самій гу́щині, ажъ одѣжу порва́въ и ру́ки подрі́павъ: нема́, та й нема́! »Що́ за притча?...« подума́въ, »та се ма́буть ма́ра!...« Ажъ сумно́ ё́му ста́ло; коли́бъ у-вече́рі, то мо́же бъ ще гіршъ зляка́вся, а то́ у-день, та́къ якъ чума́цький по́лудень. Пройшо́въ ще кі́лька гинъ, ставъ спуска́тця у ба́лку, диви́тця: бі́ля ставо́чка, невели́чка ха́тка, и на прі́звбі сиди́ть та́жъ сама́ дівчи́на: »Що́ за бі́сь!« ажъ скри́кнувъ Ива́шко, »та се нава́жденіе, ма́на!...« Проте́рь о́чі, перехресті́всь, а дівчи́на все сиди́ть и пи́льно на ё́го диви́тця, неначе́ що́ хо́че сказа́ти. »Трива́й же«, подума́въ Ива́шко; »тепе́рь вже не вте́чешъ, мо́я пта́шечко: обі́йду́ по-за ха́тою, та зъ то́го бо́ку и зайду́, то вже то́ді нікуди́ то́бі дітись.« Оби́йшо́въ; тільки́ виткну́вся в́за ву́гла, ажъ ба́чить — ху́торя́нська сі́м'я бі́ля двере́й, и полудню́ють собі: старі́й зъ старо́ю, па́рубокъ, лі́тъ ё́му два́дцять п'ять бу́де, и га́рна молоди́ця, та ще й не поро́жня, — на оста́тнімъ вже міся́цю, на тій порі́, якъ ка́жуть старі́, лю́де, що́ ду́ша, котру́ Госно́дь посла́е дити́нці, вже недалече́ко одъ не́ї вита́е.

— Хлі́б-сі́ль, лю́де до́бри! «ка́же Ива́шко, зня́вши ша́пку и низе́ньго вкло́нівши́сь.

— Спасібі, — одвітили старі: — сідай, кажуть, до гурту, чоловіче, и пополуднуй зь нами.

Подякувавъ Івашко та й сівъ, — тільки вже ёму не до іди, сидить похвіюпившись и за лóжку не берётца.

— Чого жь ти ве іси, чоловіче? — питають ёго: — бері-ли-шенъ лóжку, та й іжъ на здоровъя.

Узявъ Івашко лóжку, покуштувавъ того полуднику, чи ні, та й пита старіхъ:

— Чомъ ви не покличете вашої дочки полуднувать?

— Якої дочки? — каже старá: — у насъ одна тільки й е, — невістка моá! — старá кинула óкомъ на молодіцю.

— Ну, такъ рóдичку, абó наймичку?

— Немá въ насъ рóдички, ні наймички; отъ якъ бачишь, — ми тутъ усі.

— Яка жь тамъ дівчина, у васъ за хáтою, на прізьбі сидить?

— Не знаёмъ, не бачили!

Повставáли старі, а за ними и молоді, обійшли кругомъ хáту, — немá нікого. Глянули вони на Івашка, та й подумали, чи ве божевільний вінъ.

— Дё жь ти, чоловіче, бачивъ дівчину? — спитавъ старій.

— Се вже вона мені у-трёте привіджуеця, — каже Івашко, та такъ живо, та така гáрна!...

— Чого жь вона тобі привіджуеця? питають Івашка.

— Богъ ёго зна — чого; чи не того, що шукáю собі вірну дружину, та усё тільки объ неі й думаю.

— Ну, такъ иди жь собі, чоловіче, дальшь, та тамъ и шукай, нехай, тобі Богъ помагáе, а въ насъ немá дiавчáть.

Івашко вклонився, вáжко здвхнувши, та й зновъ потягъ шукáть вітра у полі. Тільки вже не мізкуе яку шукáть, гáрко запáла у ёго сёрце та чудовна дівчина, зь голови не йде: тільки объ ій и дума и гадá. Вже и на дiвчáть не дивитця, тільки блукá собі по степáхъ, щобъ хочъ трóшки розвáжити свою тугу. Провéштавшись ще тижнівъ зó три, Івашко повернувъ до до́му. Идё біля тиёй хáтки, а старá побачила ёго, та й каже:

— Бодай тебё, чоловіче! напрорóчивъ намъ дочку! Ми моли́ли собі у Господа хлопчика, а молодіця розсіпалась дiвчиною!

— На все воля Бóжа, — одвiтивъ Івашко: — мóже зь сіеі

дівчинки буде вамъ більшъ утіхи, якъ зъ того хлопчика, що прохали!

Івашко хотівъ вже дальшъ йти, а старá ёму й каже:

— Постривáй, чоловіче: сегодні въ часъ хрестини, то вже коли зайшовъ, то треба чарку випити, щобъ часомъ не випієш зъ собою щастя народженної.

— Добре, — каже Івашко, — чомъ не випити; нехай їй Господь пошлє щасливу долю!

Незабаромъ прихавъ и піпъ зъ кумою, а кума ще нема. Подождали трóшки, — не іде; отъ піпъ и каже:

— Не мóжна міні довго ждати: зáвтра празникъ, такъ трéба поспішáть якъ всівóчній.

— Якъ же ми, панóче, безъ кума обійдемось? пита старá.

— Отъ вамъ кумъ, — каже піпъ, глянувши на Івашка.

Вже піпъ почавъ моли́тву, якъ щось заторохтіло, — гляннули у віконце, ажъ спражній кумъ прихавъ и змінивъ Івашка. Дівчинку охрестіли Оленою, бо саме на Костянтіна и Олєви уродилась. Івашко, почувши се ймення, згадавъ свою покійницю бабусю, бо й вона Оленою звалась.

За обідомъ, по звичаю, баба стала частувати, — хто кине на тарілочку шагъ, хто два, а Івашко хотівъ положити пятака, та якось омилівсь и брязнувъ таляра. Якъ се побáчили, такъ усі и витрищились на ёго; у баби руки задріжали, трóхи пляшки зъ горілкою не розбила, а піпъ ажъ розсёрдивсь. За хрестини досталась ёму одъ кума злотівка, а бабі, чортъ-бáтька-зна за віщо, цілісінький таляръ! Такъ стало ёму досáдно, що, здаётця, у-друге бъ охрестивъ, коли бъ Івашко бувъ хрещенимъ бáтькомъ.

Пообідавши, стали кружлять горілку, а Івашко, якъ ненитущий, вийшовъ зъ хати, сівъ на призьбі, на тимъ самімъ місці, де бачивъ дівчину, та й задумавсь. Ажъ чуже, старá зъ бабою підійшла до вугля и стали собі розмовляти.

— Що се за чоловікъ, — каже старá: — щось не прóсте!.. Відкіля вонó взялось? Чи одъ Бóга вінъ, чи, мóже, нечистий ёго підіславъ на яку-небудь капость?... Напрорóчивъ дочку, якусь дівчину трічі бачивъ... щобъ не було, нехай Богъ боронить, три літа засухи? Такий обірваний та обшарпаний, зовсімъ гульгипáка, а давъ тобі таляра! се бъ не розсёрдивсь такъ и багатий панъ!...

— Що се ви вигадуете, мой матіночко? — перебіла баба: — чи вінъ же такі похожий на гультіпаку? Такийъ зъ ёго бравий п'ярубокъ; звісно, у дорозі трішки обносівсь, а може вінъ и багатого батька синъ. Та нічого вамъ и Б'ога гв'івити: невістка здорова, а дитина така гладка, якъ той цурупалокъ. Та ще й те: — хіба жъ ви не бачили, якъ вінъ хрестъ цілувавъ?.. та й я хрестіла т'яляръ, — такъ усé такий, якъ и бувъ; ось подивітця.

— Такъ отъ послухай, що я тобі ще скаж'у. Невістка розказувала, що у перву нічъ, якъ уроділась дитинка, праходила як'ась баб'уса, и д'ула и хрестіла дитину. Невістка хотіла була крикнути, такъ мови не стало: д'уже злякалась!

— Може їй такé приснілось!

— Божілась, що не спала, — и добре її розгледіла.

— Яка жъ вона?

Тутъ старá почала розказувать, а Ивашко слуха, и добре вбачає, що та баб'уса ніхто д'ругий, якъ ёго наречена мати.

— Чого жъ ви злякались, мой матінко, — каже баба дослухавши: аджежъ та баб'уса хрестіла дитину? Хіба нечистий прийде, або пришле кого хрестіти чуж'у дитину?

Оттакъ побазікали собі, та й пішли у хату, а Ивашко ще гіршъ засмутився.

Сонечко вже сідало, якъ вінъ, подякувавши хазяїнівъ, пустівся у дор'огу на всю нічъ; а якъ дійшовъ до тієї криниці, де побачивъ дівчину, то вже й смёрклось. Роса серпанкомъ розіслалась по степу, кругомъ якъ море ёго оточило. Такъ ёму легенько дихать; тепленький вітерець зо вс'єго степу несé ёму квітчані запахи; ясні зорі, якъ діточки, дивлятця ёму у вічі и ёго провожають. Ивашко сівъ біля криниці и д'умає собі: «на що вона мн'и привижувалась? л'учче б' було, якъ-би я ніколи її не бачивъ; не засмутила б' вона моєї душі, не накінула б' на моє серце важкої могили!..» Далі уст'авъ, озирнувъсь на всі сторони и г'олосно крикнувъ:

— Дівчино! найкраща зо вс'єго світа, серце-моє, г'орлице мой! Явісь до мене, нехай хочъ разъ ще на тебе гляну, та й умру, зъ твоїмъ обличчямъ передъ очима... Хочъ обізвісь до мене...! Дівчино!... Кохання моє!..

Оттакъ гук'авъ сердешний Ивашко на в'есёль степъ! и не явилась же, и не озвалась до ёго та дівчина; тільки закиг'кала надъ

нимъ чайка, далéко за́пидёмкала перепілочка, и разь-у-разь висвітувавъ овчарикъ. Не витала вже тутъ та дúша, — ма́буть, знайшла собі вже хатинку, и на якій часъ зачинилась.

Смутний и невесéльний верну́вся до-дóму Ива́шко; важкий ка́мінь навалився на ёго сёрце. Всю осінь и зиму нудивсь, а на вёсну, щобъ хочъ трóхи розвіяти свогó смúтку, пішовъ чумакувати.

Чумакуе Ива́шко рікъ, и два, и дéсять и п'ятна́дцять, а болячка на сёрці не загóилась. У всéму щасливий, — тільки не дае́ ёму Господь вірної дружини. Такий ставъ багáтий: п'ять хурь поси́ла на Дінь за рибою, а самъ зъ десяти́ ходить у Кримъ за сі́лю. Прикупивъ чимáло грúнту, пострóивъ хату якъ той будинокъ, ставъ пáномъ на всю гúбу. Грома́да неразь вибирала ёго у гóлови, — такъ не схотивъ, та й не схотивъ. И якій-то зъ ёго козарлю́га ставъ, якъ-би́ ви побачили! висóкий, сановитий, и глянúти на ёго вёсело. Загля́дувались на ёго тепе́рь не одні дівчáта, — казілись и молоді́ці; а якіхъ тамъ не бу́ло! и чепурнихъ, и мотóрнихъ, и зъ бiса хитрихъ та лукавихъ, що, здаётця, и са́мого свато́шу зъ пантелику зби́ли бъ. Такъ чо́го вже не робі́ли, якъ не захо́жувались, якъ бiсиківъ не пуска́ли! такъ ні: на óдну й не глянóувъ, не то́ щобъ узя́въ одъ яко́ї стéжку у ко́мірь. Ча-стéнько бу́ло у-ночі затурготіть у вікóнце.

— Хто тамъ? — спитá Ива́нъ Ула́совичъ (такъ вже тепе́рь ёго зва́ли).

— Я, дядьку, — защебóче тонéнькимъ голоско́мъ: — Парáска, бóдте ласка́ві, одчиніть та да́йте вогню́!

Одчиніть Ива́нъ Ула́совичъ, уві́де молоді́ця, ви́гребе изъ пéчі жа́ру и засвіти́ть сві́тло. Така́ росхрiстана, підтiкана, звісно якъ у но́чі. Гля́не на сéбе, та й засорóмитця, са́ма бъ то не зна́е, що́ робіть: запáскою грúди закривáе. А тамъ я́кось смі́лише ста́не и роспiтуе:

— Якъ вамъ, дядьку, не обрiдне одно́му спáти? Чомъ ви не оже́нитесь?... Ей же Бо́гу, пра́вда.

Ива́нъ Ула́совичъ и не слúха, що́ вона́ ёму верзе́; тільки візьме її тихе́нько за плечé та й ска́же:

— Пидіть вже, йдіть, ато́ вогóнь погáсне.

Та и вь дeнь не дúже сорóмились: яка́ нéбудь молоді́ця вiпровади́ть у по́ле свогó чоловiка, гу́лькь—и несé мiтель до Ива́-

на Уласовича, та й захожуєця змивати ёму голову, и рукава засукує до самих плічъ, а руки такі повлі, ніжні та білі, якъ пшенишне тісто. (Звісно, чортяка підводить, бо самъ зъ Іваномъ Уласовичомъ нічого не вдіє).

— Не трѣба, не турбуйся, — каже Іванъ Уласовичъ: — я й самъ собі голову змию.

— Ну, такъ я вамъ поськаю, — каже молодіця. И заразъ сяде и загорне пліхту, щобъ не намуливъ щокїи объ жорсткї одѣжину. А тонкого полотна сорочка такъ и обхватує пишне стегно; на такїй подусци не погрѣбавъ би виспатись и самъ салтанъ Турецкїй. Та ба! не такъ заправила зъ-мазку бабуся Івана Уласовича.

Наступила вісімнадцята весна, після того якъ Івану Уласовичу привиджувалась та чудова дівчина, — и досі не забуть її, бупцїмъ вчора бачивъ, и досі не одірвавъ її одъ свого сѣрця.

Після святої неділі, зібравши хури, Іванъ Уласовичъ зъ наймитами рүшивъ у Кримъ за сіллю. Тепереньки вже вінъ не такий бувъ, якъ колись швѣндявъ по степу у сімрязци; теперъ вже вінъ, якъ багатїй хазяїнъ, у брилі, у блакитному жупані, шовковимъ поясомъ підперезаний, такий зъ ёго чоловіяга, що и панъ не дуже бъ ставъ передъ нимъ кірпу гнїти.

Ідуть вони вже тїждень. Звісно, чумаки завжди рушають до зхїдъ сонця, щобъ захопити холодку. Отъ, разъ піднялись вони ще удосвіта; тільки вірівнялись у стрічку, а тутъ якъ насуне туманъ, такий густїй, що въ двохъ ступняхъ невідко чоловіка. Зійшло сонечко и рознесло той туманъ; дівлятця, ажъ загубили дорігу. Булі вже хотіли вертатись назадъ, такъ Іванъ Уласовичъ и каже:

— Ідте вже, невеликий кругъ зробимо; тутъ, може, буде яка оселя, — роспитаємо та й вихопимось на свій шляхъ.

Ідуть собі та ідуть, — вже бъ порá и скотїну попасти, — такъ нема жъ водою. Іванъ Уласовичъ идє собі стороною и думку гада, усє одно на умі, ажъ чїє — фурцики гукать.

— Дядьку, а дядьку: ось криниця!

Глянувъ Іванъ Уласовичъ, ажъ знакома криниця, а біля неї стоїть та сама дівчина, що вісімнадцять лїтъ тому стояла, и такъ саме на ёго дивитця, такъ саме ёму й усміхаєця, якъ тоді дивилась и усміхалась. Якъ вінъ її побачивъ, то ажъ грїди ёму за-

ложило, и степъ кругомъ ёго покотівся. Близитця вінъ до неї, а самъ окомъ не змигнѣ, зъ очей не спуска, щобъ не зникла.

— Ажъ ось відкіля узялись! — обізвѣалась дівчина: — куді жъ ви ділись, дядьку, якъ я підходила до васъ?

— Де?... коли!... пита Іванъ Уласовичъ. Ажъ задріжавъ, почувши її голосокъ.

— Уранці, біля тернівъ; неслá вóду, а ви сидите підъ кúщикомъ и такъ пильно на мене дивитесь; я й думала, чи не хочете напѣтись, подаю вамъ глечикъ зъ водою, та й кажу: «на здоровья!» ажъ гулькъ — нема нікого!...

— Моя голубонько, — каже Іванъ Уласовичъ, узявши дівчину за білі рúченьки, — не менѣ ти бачила, не міні й водú підносила, а моїй душі! Вісімнадцять лѣтъ томú, отгáкъ-саме и на сѣмъ мѣсці ти мині привіджувалась! Вісімнадцять лѣтъ тільки объ тобі й думавъ, одну тебе виношувавъ у моёму сёрці! — Де жъ ти живѣшь, — пита вінъ, дивлячись у ясні очі своєї суженої, — де витáешъ, мой гóрличко?

— Живу́ у бáтька-въ мáтері тутъ недалéчко у бальці біля ставóчка.

— Якъ же тебе звáти?

— Олесею, — одвітала дівчина.

— Эгѣ, отъ вонó що! — такъ я бувъ у тебе й на христїнахъ. Чи живі, чи здорові твої діди — бáтько, мáти?

— Хвалїть Бóга, усї живі й здорові!

— Ходїмъ же, мой сужена, до нихъ за благословеннемъ!

Обнялись якъ голубьяточка и пішли собі; а надъ ними такъ и вѣтця чайка, якъ надъ гнїздóмъ, якъ надъ діточками, и квилить и кигіка; а якъ дійшли вонї до хáти, то чайка піднялась у гóру, усѣ вище, вище, поки не зникла. Такъ укúпі, побравшись за рúки, и ввійшли у хáту.

— Здорові булі, люди дóбри! гукну́въ Іванъ Уласовичъ: — а пїзнавáйте, хто до васъ прийшовъ?

Старá тільки глянула, зáразъ и пїзнала.

— Се, — каже, — той пáрубокъ, що колись захóдивъ до насъ, та привіджувалась ёму якáсь дівчина.

— Ось якá привіджувалась дівчина, — каже Іванъ Уласовичъ, глянувши на Олесю. — Якою її тогді бачивъ, такою й тепѣрь

знайшовъ!... Такъ благословіть же, бо самъ Богъ вже насъ благословівъ!

Поблагословіли їхъ старі якъ слідъ; помолілись Бóгу, и посідали, щобъ усé добре сідало. Олеса такъ и тўлитця до Івана Уласовича, такъ и дівитця ёму у вічі, неначе давнó ёго знала, неначе давнó ёго кохае. Хто бъ на нихъ ні глянувъ, то заразъ би пізнавъ, що Господь давъ імъ на двохъ одно тільки сёрце.

Не довго сидівъ Іванъ Уласовичъ, забравъ усіхъ зъ худобою, бо вони жили підсусідками, та й повізъ до себе. Поїхавъ за сіллю, а привізъ хлїбъ пзъ сіллю!

Отъ вамъ и кінєць! Нідлячого казати, що вони були щасливими; не даромъ же старі люди кажуть:

»Кого Богъ зїднавъ,
»Тому и щастя давъ!»

Олекса Стороженко.

ГОЛКА.

За давніх часів, колись на Україні, були люде, що не признавали надъ собою ніякої владзи. Кожний зъ нихъ мавъ старшого за ворога, рівного за брата, бо въ тій рівні поважавъ самого себе, власну самоїстность, а меншихъ мавъ за бідло, прахъ, сміття. Усё, що Господь щедрою рукою розсіпавъ по світу, усё те побачили бь у їхъ палацахъ, а кругомъ тихъ палацівъ неприкриті халупи, обідраний, голодний и холодний людь. Усё добре и чуже, чимъ наділя Господь чоловіка, даючи ёму серце и душу, усё те въ нихъ заплило глеємъ чванства, ганьби и ненамі. И якъ то чудно усё въ нихъ зложилось и перекорилось: проповідували вольность, неподлеглость, а тимъ часомъ чухрали багатіями своєю жъ-такій шляхту. Палили слободи, вибивали народъ тисячами, и плакали надъ їхъ безголовьямъ. Строили манастири, костёли, а душі свої губили у тяжкихъ гріхахъ. На втіху собі, стріляли, палили и вшали людей, безъ вини карали, безъ заслуги награждали, для своєї користи переганяли на лёмбикъ чоловічі слёзи, трудовий піть и кровъ, щобъ зъ відрá добути хочъ одну краплю зóлота. Хочъ бй увесь світъ зъ людми вверхъ дномъ перевернувся, тільки бь імъ було добре, тільки бь усё робилось по їхъ волі, якъ імъ схотілось. Широко и далеко простягалась та воля; здається, якъ-бй вона встала, то й неба бь достала!... А знаєте, люди добрі, якъ звали тихъ людей?... Польськими магнатами!...

Роскажу вамъ де-що, про одного изъ сего кола магната, про Потóцького, що колись живъ у Тульчині. Може, ви чували, що вінъ на своєму віку вироблявъ? Немилосердний вінъ бувъ до всего люду, а найгірше до жидівъ. Для своєї втіхи чого вінъ зъ

ними не вироблявъ?... Було, намаліює вуглемъ на стіні чортяку, се бь то *чарний кіть*, та й приневоліює жїда улучать того котá камінцями, распáленими вь комінкú. Тільки жидь доторкнѣтця до камінцї, и репетує: «вай-вай!» понікъ сердѣшний пáльці, а той ёго канчукомъ: «улучай», каже, «Иродівь сїну, а не то — до смёрти зачухраю!» Нічого робїть, хапá неборáкъ камінець, шпурнѣ; коли невлúчить,—бье жїда за те, що промахнúвсь, а влúчить, зновь шмагá: «зá що», каже, «бьешь *чарнего кота*?» Та такъ и граѣтця зь нимъ, якъ кіть зь мишшою, поки не замордує бідолáшного Шмúля до полусмёрти. Разь встрѣливъ вінъ жїда — не свого, а другóго якогось пáна, такогò жь магнáта, якъ в самь. Та ще якъ кумѣдно и встрѣливъ! Давъ жїду дугáть, та й каже: «лизь-лишєнь на вербú и кúкай.» Жидь злизъ, тїльки кúкнувъ разь, вдруге, а Потóцький приложився, якъ торóхне, такъ вінъ сердѣшний пукъ óбь землю: тутъ ёго й чортї вхопїли. «Глянь», каже Потóцький, «кúка на вербї, а я думавъ що зозúля, та й встрѣливъ.» Отъ панъ того жїда и розсёрдивсь за се на Потóцького: «якъ», каже, «ти осмїливсь встрѣлїть мого жїда? хибá у тебе мáло своїхъ?» Бáчїте, вступивсь за чоловіка!.. Такъ Потóцький звелївь накласти цілісїнку фúру жидївъ, та ще звѣрху и рублѣмъ, якъ снопї, пригнїтивъ и одіславъ до того пáна, одписáвши: «не сёрдсья, голубчику, отъ тобї за одного цілу копу посилаю!» Бувало й такє, що, дєколи вертáючись зь полювáння, вь осїнню тѣмну пїчь, запáлить слóбоду, щобъ вїдко було ёмú дорóгу, доїхать до свого палáцу. Разь подобáлась Потóцькому якáсь дúже гáрна молодїця, та не пїдалáсь: чогò вже вінъ їй не давáвъ, якъ бїлі неї не захожувавсь. Отъ чортяка и вхопивъ за сёрце магнáта: призвáвъ до сєбе якогось дотѣпного малярá Влоха, и звелївь ёму списати зь тїєї козáчки патрѣть. Якъ скінчивъ Влохъ той патрѣть, отъ и привїєзъ ёго до Потóцького; привелї й молодїцю. Глянувъ магнáтъ на неї и на патрѣть, — стоять передъ нимъ якъ двї сестрї: обїдвї такї жь и гáрні, и смутнї, и тимъ же гóрдимъ поглядомъ на ёго дивлятця. Дóвго Потóцький дивївся на патрѣть, а тамъ понúро глянувъ на козáчку, та й каже: «Бáчишъ, якъ я поважáю твою красотú! и унúки побáчять, якá ти булá гáрна; а за те, що твоє сёрце не приклонїлось до мого кохáння, ти повинна смёрти: коли не минї, то не доставáйся жь нікомú!...» Вїхопивъ изъ-за пóяса пистóль, та й застрѣливъ небогу!...

Такъ отгакий-то бувъ дзиндзиверъ-зухъ Потоцький!... Теперъ вже, якъ почуєте про мою голку, то вона не здастьца вамъ за брехеньку. Отъ слухайте.

Кілька миль одъ Тульчіна, коло одного маєнтка Потоцького, живъ зъ жінкою, зъ дітьми, небагатий шляхтичъ панъ Кондратовичъ. Мавъ вінъ кілька моргівъ земельки, фольварочокъ, добре працювавъ, и, хвалити Господа, не прохавъ ні у ко́го хліба. Розсёрдився на ёго за щось економъ того маєнтка, панъ Тридурський, а ко́жний зъ економівъ тежъ удававъ зъ себе Потоцького, та й вигнавъ бідного шляхтича, зъ жінкою зъ дітьми, изъ власної хати. Що робить бідолáшному шляхтичу? не запозива́тьца жъ ёму зъ магнátомъ. Отъ вінъ осідлавъ коника, и поїхавъ собі въ Тульчинъ до само́го Потоцького, щобъ зда́тьца на ласку и правду ёго ясновельмóжности.

Не доїзжаючи миль до Тульчіна, Кондратовичъ здалека побачивъ поїздъ Потоцького. Самъ вінъ їхавъ попереду, а за нимъ цілий шкадрóнъ жовнірівъ, козаківъ, доїзжачихъ, стременихъ и псарівъ зъ гончими и хортáми. Дуже зрадивъ Кондратовичъ, побачивши Потоцького: «сеє, дума, «самъ Господь посилá ёго міні; може вінъ ласкаво мене вислухає и звелить вернути заграблену худóбу.» Зупинивъ коня, знявъ шапку и стоить собі, не осмівся самъ и підїхати до гетьмана. Ажъ ось самъ Потоцький шпигну́въ коня острогáми и підскóчивъ до Кондратовича.

— *Хто ёстесь?* спитавъ Потоцький.

— Шляхтичъ, ясновельмóжний пáне, одвїтивъ Кондратовичъ, нахилиючись ажъ до лўки.

— *А маєшь голку?* зновъ спитавъ Потоцький.

Кондратовичъ випъявъ банькї, дївитця ёму у вїчі, не зна, щó й казати.

— *Маєшь голке, цїствотъ, лáйдакъ?* грїмнувъ Потоцький, и брови нахмуривъ и почервонївъ: вже й розсёрдився! такъ зáразъ ёго чортяка и вхопївъ за сёрце.

— *Нєма,* ясновельмóжний пáне, одвїтивъ Кондратовичъ.

— *Нєма!* крикнувъ Потоцький, ажъ зубáми заскреготавъ. — *Пáтшай,* каже, показуючи застрóмлену въ рукаві голку, обкручену нїткою, якъ буває у кравцївъ, — *пáтшай,* я граба Потоцький, корóнный гетьманъ, надъ панáми панъ, мамъ сто городївъ, и въ мене є голка, щобъ чáсомъ—розїрвеця—зашїть, а ти—

лапець, безштáнько, и въ тебе нема?... А ну́те, хлопці, да́йте ёму въ шкúру.

Не дали ёму бiсовi котолúпи и слóва промовить, стягли раба бóжого съ коня, и почали чухрять канчуками; а Потóцкий дивитця та приговóрюе:

— Оттáкъ дúрнівъ вчать та на рóзумъ навóдять! оттáкъ и ти вчи и лупи́ ихъ влáсною моёю рукóю!

Мóже бъ ще бiльше всипали неборáку, такъ на ёго щáстя схопився зайчикъ; отъ Потóцкий покiнувъ Кондратóвича п чкурнóвъ за куцёньквмъ. Не схаменóвъсь бiдолáха Кондратóвичъ, відкiль ёму и ли́хо склáлось; дúмавъ знайти зашúту, правий судъ, а знайшóвъ, ни за щó, ни про щó, лиóту кáру. »Отъ тобі«, дúмае, »й пáньська правда! запозивáй теперъ магнáта до Бóжого судá!..« Заплакавъ сердéшний и поiхавъ у Тульчинъ до свогó рóдича, що служивъ у Потóцького конюшимъ. Приiхавши, розказáвъ ёму усé, якъ булó, якъ ёго Тридúрський ограбивъ и якъ Потóцкий одчухрáвъ.

— Якá жъ теперъ у тебе дúмка? пита́ рóдичъ.

— Отъ якá, ка́же Кiндратóвичъ: — теперъ минi вже не до земéлки; нехáй вона́ чортáмъ достаётця; жiнку зъ дiтьми отдаю на волю́ Бóжу, а самъ—пропаду́... а вже оддáчу дiявольскому́ сiну!

Нiчого казáть, завзáтий такi зъ бiса бувъ Кондратóвичъ, не зъ тóго десáтку, що гóють свою́ спи́ну чужими́ дукáтами. Та ще, нiврóку ёму, и здоровий бувъ: на однó рúку трéхъ би такiхъ вклавъ, якъ Потóцкий.

— Не журiсь, ка́же рóдичъ, — оддáчишь, коли́ вже тобі такъ тогó схотiлось: я тобі й порáду дамъ. Чи ти зна́єшь ту каплiчку, що въ кiнцí пáрка?

— Якъ не знáть! одвiтивъ Кондратóвичъ: самъ ажъ затрусiвсь одъ рáдости.

— Отъ у сю́ жъ каплiчку, ка́же рóдичъ, — Потóцкий, перерядiвшись стáрцемъ, що-субóти ходить одмóлювать, у Почáевськóй Богомáтери, грiхi, що за тiждень назбираю́тця. Зáвтра субóта, устанешъ ранёнько, то тамъ ёго застúкаешъ, якъ сóтника въ горóси, и щó душi твоiй схóчетця, те зъ нимъ и зроби́шь.

Кондратóвичъ, почúвши се, якъ на свiть народiвся. Зáразъ и вiгадавъ, щó ёму робити. Вели́ка рáдiсть для чоловіка — помогти́ томú вóрогу, которóго покарáла злáя годiвна, а ще бiльша —

оддячить мѳцному вѳрогу. Здаѳтця, карѳешь ѳго не за одного себе, а за всіх, за все те лихо, що вінъ рѳбить людямъ. Ищѳ чортї не бїлись навкулѳчки, якъ Кондратѳвичъ, узїявши дѳбрїй малахѳй, потїягъ у паркъ до каплїчки. Не дохѳдячи до неї зъ пївгонївъ, забравъся въ гущїну, та й стережѳ Потѳцького, якъ той кїтъ мишь. Тїльки почало трѳшки розвїднюватьця, ажъ чѳе Кондратѳвичъ — щось залопотїло; дївїтця, — вїдѳ Потѳцькїй, такїй обїрванїй та обшѳрпаний: у сїмирязці, ищѳ й зъ тѳрбою черезъ плечѳ. Кондратѳвичъ и духъ прїтаївъ, ѳкомъ не змигнѳ; дївїтця — увїйшовъ Потѳцькїй у каплїчку и ставъ молїтьця. То простїягнетця *крижѳмъ*, то кулакѳми въ грѳди себе стусуе, то рѳки догорї пїдїйма — живїй на нѳбо лїзе. Уставъ Кондратѳвичъ, ажъ трѳситця, такъ ѳмѳ закѳртїло напїтьця тїї помѳти. Давъ Потѳцькому трѳшки помолїтьця, а тамъ увїйшовъ у каплїчку, удѳрївъ кїлька поклѳнївъ и ставъ гѳлосно молїтьця:

— *Найсвѳитїша Мѳтка*, каже, а самъ своѳ дѳма: — пошлї усякого щѳстїя, здоровѳя, талану и довголїття дїдичу нашѳму, ясновельмѳжному пану Потѳцькому, за те, що вінъ насъ дѳрнївъ вчїть и до рѳзуму доводїть! Нехѳй вінъ и дїти ѳго панѳють надъ намі до кїнцї свїту!

Потѳцькїй прїтулївся въ кутѳчку и слѳха; ажъ облїзуецця, якъ мѳслѳмъ по душі ѳго маже тїєю молїтвоєю; зѳразъ пїзнавъ, що се той шляхтїчъ, котѳрому вѳѳра задѳвъ вінъ швабї. Скінчївши молїтву, Кондратѳвичъ обернѳвся до Потѳцького и пїта:

— А що ти тутъ рѳбїшь, старцю?

— Молївся, вельмѳжнїй пане, — одвїтївъ Потѳцькїй, визѳнько вклонївшись и затулїючись тѳрбою, щобъ чѳсомъ не пїзнавъ ѳго шляхтїчъ.

— *А машъ гѳлку?*

— Бачъ, якїй розѳмнїй, подѳмавъ Потѳцькїй, — мабуть вже у ѳго в гѳлка е.

— Чи машъ гѳлку? гѳнствѳть, лѳйдакъ! грїмнѳвъ Кондратѳвичъ, визвїрївшись на Потѳцького.

— Нїма, вельмѳжнїй пане, одвїтївъ Потѳцькїй, а самъ мерщїй до дверѳей, — дѳмае, отъ собї на лихо навчївъ чоловїка, щобъ не задѳвъ мнї такѳї прочѳханки, якъ я ѳмѳ вѳѳра.

— Нїма! крикнувъ Кондратѳвичъ, простїягуючи рѳку. — Ось дивїсь, каже: — я говорѳвїй шляхтїчъ, мамъкїлька мѳргївъ зем-

лі, два коні, корову, чотирі свині, — и у мене е голка, щоб не ходити обівраниемъ, а ти гультіпака, ланець, безштанько, а въ тебе нема?!..

Та се кажучи, ханъ его за чубъ! віхривъ, віхривъ, далі голову між коліна, ну ёго шмагати малахаємъ; шмага, шмага, а самъ приговорює: »Оттакъ батько нашъ Потюцький звелів дурнів вчити, и на розумъ наводити! не я тебе бую, а бє власна ёго рука!« Супонивъ, супонивъ, поки вінъ не зомлівъ. Вдовольнивши серце й дүшу, Кондратовичъ плюнувъ на Потюцького, та й пішовъ собі до родича.

— А що? спитавъ родичъ, побачивши Кондратовича.

— Знатного перегону задавъ, каже Кондратовичъ усміхаючись: — буде згадувати ту голку по суботахъ!

— Тикай же швидче, — ато, щобъ вінъ на шибиниці тебе ще не провітривъ!

— За що?... хіба жъ не самъ вінъ звелівъ мині дурнів вчити! Аджэ жъ я троцивъ не ёго, а старця и ще власною ёго рукою? Та куди жъ и тикають одъ Потюцького? Хіба на той світъ, а на сімъ не сховається!

— Та воно такъ, — тільки гляди: ти самъ знаєшъ, що у тихъ магнатів така правда, якъ у цигана сорочка: и коротка и латана. И правда та у нихъ, якъ кий въ руці: якимъ кивцемъ схоче, тимъ и вдарить.

Оттакъ поговоривши, та й прислухуютьця, яка буде чутка объ Потюцькому. Ажъ ось, зайшовъ до родича зъ двору *служюци* и каже, що гетьманъ вчора на полюванні трошки *застудився* и занедужавъ.

На другий день, тільки вернулись зъ костёла, ажъ прибігъ козакъ.

— Чи тутъ, пита, — гостює панъ Кондратовичъ?

— Тутъ, — каже родичъ, — а на що вамъ?

— Гетьманъ кличе до себе: нехай швидче йде!

Сміло пішовъ Кондратовичъ до Потюцького, дүмає собі: що буде, те буде, а буде те, що Богъ дасть.

Тільки побачивъ ёго Потюцький, заразъ и крикнувъ:

— А що, чи маєшъ теперъ голку? — Тільки вже спитавъ не такъ, якъ тоді, а ласкаво, усміхаючись.

— Маю, ясне-вельможний пане! одвітивъ Кондратовичъ, показуючи голку.

Глянувъ на неї Потоський — неначе не бачивъ, а тамъ вже не тільки очі, и спіна бачила ту голку.

— А чи не трапилось тобі ще — навчить якого-небудь дурня? пита гетьманъ, а самъ пильно дивитця на Кондратовича.

— Якъ не траплялось, ясне-вельможний пане? сміло одвітуе Кондратовичъ: — вчора у капличці спіткавъ якогось старця и добре одшмагавъ, — довго буде згадувать ту голку.

Тутъ Потоський ставъ роспитувать Кондратовича, відкиля вінъ и зачымъ пріхавъ. Отъ вінъ и розказавъ ёму усё, що треба. Гетьманъ ласкаво ёго вислухавъ, узявъ листъ папёру, щось написавъ, та й каже:

— Озьмі сей *розказъ* и оддай ёго *глузніму* эконóму, то все зробитця, якъ тобі й не снилось!

Кондратовичъ подякувавъ гетьману, поцілувавъ по́лу ёго кунтуша и пішовъ въ канто́ру. Тільки прочитавъ той листъ глывний эконóмъ, якъ вітрищитця, якъ крикне:

— Кілька літь служу ёго ясновельможності, а вінъ міні десяти грошей не подарувавъ, а тутъ чортъ-ба́тька-зна-кому и завіщо, дає и гроші и зёмлю!

— Се жъ мо́я земля, каже Кондратовичъ. — ще ба́тьківська. Не свою дає, а ту, що панъ Тридурський заграбивъ!

— Розка́зуй — не свою!... Потоський зве́дівъ въ при́дачу до твоєї землі дати у-трёе стільки, и ще двісті дукатівъ, отъ-що!

— Такъ тобі жаль чужихъ грошей, а не жаль чужої спіни? Позавчора Потоський всіпавъ міні двісті канчуківъ, а сего́дни одсіпавъ двісті дукатівъ: такъ покушту́й перше канчуківъ, та тоді вже и завіду́й ла́сці ёго ясновельможности.

Забравши гроші и *розказъ* до пана Тридурського, Кондратовичъ подякувавъ родича за пора́ду и поїхавъ собі до-дому, веселий и щасливий. Хочъ спіна ще не загоїлась, такъ думка жъ и се́рце вже не щеміло.

Не пройшло и тижня після́ того, якъ поїхавъ Кондратовичъ, прибігъ панъ Тридурський до Потоського, и пуць ёму въ но́ги.

— Зми́луйся, ясно осві́товий пане, заголосивъ: — пся кровь, гунтсвотъ Кондратовичъ віку міні збавивъ, до полумёрти зашмагавъ канчука́ми, трóхи голови́ не відкрути́въ зъ чубомъ.

— За що? спитавъ Потóцький.

— Чорті ёго батька знають, за що! стрівъ менé одного у лісі, та й пита: *»машъ голке?«* Немá, кажу. А вінъ якъ крикне: *»Ахъ ти голодрáбець! пátшай, кáже, показуючи застрóмлену у рукаві голку: я зъ лáски пáна Потóцького обивáтель, а ти пáймайть, приплéнтачъ, и въ тебе немá?«* за чубъ менé, стягъ съ коня и дава́й трощи́ть. Та ще й приговорюе: *»Оттáкъ бáтько нашъ Потóцький звелівъ дурнівъ вчить и на рóзумъ навóдить! не я тебе бью, а бье ёго власна рука!«*

Панъ Тридурський думавъ, що Потóцький, почúвши се, розлю́тетця и звелить повисить Кондратóвича, а Потóцькому и байдúже: регóчетця собі, ажъ за живить берéтця. Тридурський, щобъ ёго розжáлобить, розкáзуе, якá важкá рука у Кондратóвича. А Потóцький ще гiршъ сміётця, ажъ нiжками дригá та регóчетця. Дé бъ то ёму не знать, якá тамъ рука у Кондратóвича! Дáлі, якъ натiшився въ волю, и пита пáна Тридурського.

— А въ якій ти школі вчивсь?

— Въ Мивжирицькій, у Піарівъ, ясне-вельмóжний пáне, кáже панъ Тридурський.

— А якъ ти дóбре вчивсь и слúхавъ своїхъ *науцицплівъ*, — чи була тобі за се якá винагрáда?

— Якъже! пáтери вiшали мині на ланцюжку мiдну бляшку, а мáти годувала марципáнами съ мигдалáми.

— Ну, якъ вернесся жъ въ маёнтекъ, то зáразъ одiшли Кондратóвичу сто дукатівъ за тé, що вінъ дóбрый учень.

Панъ Тридурський булó спричáтьця, такъ куди! Потóцького не переспóришь: щó вінъ разъ сказáвъ, то такъ и бúде. Ёго воля усiмъ закóнтъ, вінъ и самъ ий клáняетця, якъ той хлопъ пáновi.

Дóвго втiшáлись ти́єю голкою. Далась вона не одному въ знакi, не одного шпинúла. Булó, якъ хто хóче оддýчити свому́ ворогу, то й присiкаетця до ёго: *»чи машъ голку?«* Якъ немá, то й бье и товчé ёго. А жáлуватьця до Потóцького хочъ не ходi: посмíетця, ише и грóшей дасть томú, хто бивъ. Булó, якъ одъ чóрта хрестóмъ, такъ одъ ледáчого чоловiка, одъ якого-небуди врочвáри, оборонялись ти́єю голкою. Хто бъ куди не iхавъ, тi хлiба не вiзьме на дорóгу, а вже голку застрóмить у рука́в.

ПРОСТАКЪ,

ИЛИ

ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ, ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Созиненіе Василя Аванасьевича Гоголя,

(ОТЦА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.)

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Читающему обществу было извѣстно, что отецъ знаменитаго Н. В. Гоголя писалъ комедіи на украинскомъ языкѣ для представленія ихъ на домашнемъ театрѣ своего родственника, бывшаго министра юстиціи, Дм. Пр. Трошинскаго. Въ моихъ *Запискахъ о жизни Гоголя* помѣщены были даже отрывки изъ нихъ, по памяти почтенной матери поэта. Но этихъ отрывковъ было недостаточно для того, чтобы судить о степени комическаго дарованія Василя Аванасьевича. Случай спасъ отъ утраты одну изъ его пьесъ, которую *Основа* спѣшить сохранить какъ дорогой памятникъ родной словесности.

Комедія *Простакъ* написана прекраснымъ украинскимъ языкомъ, обнаруживающимъ въ авторѣ близкое знакомство съ людьми, выведенными имъ на сцену. Въ которомъ именно году она сочинена, намъ еще неизвѣстно, но весьма возможно, что — прежде *Москаля-Чарівника* и *Паталки-Полтавки*. Такимъ образомъ, имя Гоголя связано съ первымъ стремленіемъ Украинцевъ — образовать народный театръ. Стремленіе это, въ авторѣ *Простака*, выразилось почти такимъ же способомъ, какъ и въ Котляревскомъ. То было беззаботное время для помѣщиковъ, когда онъ мирно процвѣталъ въ своемъ хуторѣ (разросшемся впослед-

ствіи въ село). Извѣстный порядокъ гражданской и общественной жизни, заведенный въ Россіи и усвоенный украинскими дворянами, достигъ тогда возможно-успокоительнаго совершенства и казался нормою, изъ которой выходить не слѣдовало. Помѣщики вели жизнь — говоря вообще — веселую, и, какъ роскошь еще не постоила ихъ средствъ, увеличенныхъ правительственными пожалованіями ихъ дѣдамъ, отцамъ и имъ самимъ (какъ, напримѣръ, Трощинскому), то у нихъ хватало средствъ навѣзатѣи. Устроить домашній театръ, завести собственный оркестръ — въ тѣ времена было дѣломъ довольно-обыкновеннымъ и не встрѣчало ни въ комъ Катоновскаго осужденія.

Недалеко еще отошли отъ насъ десятилѣтія благодатной помѣщичьей жизни, но взглядъ на жизнь и самая жизнь измѣнились въ Украинѣ почти до невѣроятности. Мы еще помнимъ, какимъ *вельможею* жилъ, въ живописной Качановкѣ (Майоршинѣ), Гр. Ст. Т — скій, какія гремѣла у него музыка, какъ разыгрывали крѣпостные украинцы произведенія знаменитыхъ нѣмецкихъ виртуозовъ. Умѣръ вельможа, вступилъ во владѣніе наследникъ его дворца, построеннаго графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, и первымъ его дѣломъ было — распустить доморослыхъ артистовъ, какъ людей, вовсе ненужныхъ для новаго помѣщичьяго быта.

Тоже самое произошло и въ знаменитыхъ Кибинцахъ, — этихъ Авиныхъ временъ Гоголева отца. Нѣтъ больше въ Кибинцахъ домашняго театра; нѣтъ музыки; нѣтъ многолюдныхъ помѣщичьихъ съѣздовъ. Одна только обширная библіотека, свидѣтельствуетъ, что тамъ жили, чувствовали и мыслили, согласно съ духомъ своего времени. Говорятъ, что старикъ Трощинскій нелишенъ былъ любви къ родинѣ, что онъ дѣлалъ много добра землякамъ, по своимъ связямъ съ столичною знатью, что къ простому народу онъ относился, какъ помѣщикъ, очень кротко; любилъ слушать украинскія народныя пѣсни и даже, иногда, прослушавъ извѣстную *Чаїку*, заливался горькими старческими слезами. Тѣмъ не менѣе былъ онъ человекъ XVIII вѣка и баринъ, созданный по французскимъ образцамъ русскихъ баръ. Отъ этого взглядъ его на простонародье ни коимъ образомъ немогъ быть глубже, нежели и у вельможи Т — скаго. Рано было образоваться серьезному взгляду на хлѣборобовъ въ то время, когда у всѣхъ въ ушахъ еще раздавалась пѣсня:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россѣ!

когда общая всей Европѣ государственная система такъ прочно, по-видимому, установилась, а объ общественномъ началѣ въ исторіи и въ государственной жизни никто почти и не заикался. По недавно еще существовавшимъ понятіямъ объ *общество* и о томъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ гражданскимъ обществомъ, мы можемъ судить, какъ въ тѣ безмятежныя времена должны были самые добрые и умные люди смотрѣть на простаго поселеннина. Доброта ихъ доходила, подъ влияніемъ Жанъ-Жака Руссо, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера и другихъ французскихъ гуманистовъ, до того, чтобы присматриваться съ любовью къ *дѣтямъ природы* и подавать имъ помощь отъ избытковъ богатства, пожалуй — даже поднять ихъ быть до подобія съ своимъ собственнымъ (какъ и дѣйствительно пробовали это сдѣлать нѣкоторые бары посредствомъ новозобрѣтенныхъ домиковъ, соломенныхъ шляпокъ и т. п.); но видѣть въ мужикахъ произведеніе старой исторіи и дѣятелей исторіи грядущей, смотрѣть на нихъ, какъ на временно-бездѣйствующихъ согражданъ и сотрудниковъ общаго національнаго дѣла, — куда!... осмѣяли бы тогда философа съ подобными убѣжденіями, въ томъ самомъ кругу, который разыгрывалъ комедіи изъ простонароднаго быта и гдѣ народная пѣсня исторгала кой-у-кого горячія слезы.

Эта-то узкость взгляда на то, что составляетъ *общество*, *народъ* и *націю*, и была причиною, что люди съ большими литературными способностями, каковы Гоголь-отецъ и Котляревскій, производили въ области простонародной словесности такъ мало и такъ слабо, сравнительно съ писателями ихъ времени, пересаженными изъ украинской почвы на великорусскую и изъ области темнаго демоса въ область сословія образованнаго. Эта узость взгляда, мало разширившагося и во времена Гоголя-сына, не дала и ему обнять украинскую жизнь полнѣе, затруднила ему изученіе украинской народности, убѣдила его слишкомъ рано, что на украинскомъ языкѣ писать не слѣдуетъ, а наконецъ и совсѣмъ вывела его творчество изъ сферы украинской. Талантъ его не могъ преодолѣть трудностей, представляемыхъ самою техникою дѣла, въ тѣ времена болѣе нежели сомнительнаго, но не могъ также удовлетвориться и формою *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода*. Инстинктъ, указывающій писателю, чѣмъ именно, въ какой именно формѣ, онъ можетъ сильнѣе дѣйствовать на современниковъ, внушилъ ему заняться предметами, которые были ясны для него, какъ день, и для изображенія которыхъ подготовленъ былъ для него языкъ Пушкинымъ и множествомъ другихъ писателей. Но возвратимся къ его даровитому отцу.

Василій Аоанасьевичъ Гоголь, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провѣденія времени, — вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность карикатуры, ровность хода всей пьесы, ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ не мудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самого положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь-сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустные размышленія.

Извѣстно, какую роль игралъ въ то время произволъ родителей или иныхъ, еще болѣе властительныхъ, лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая молодая женщина, очутивъ женою глуховатаго и лѣниваго старика, говоритъ слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дьячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, — тѣмъ болѣе, что дьячки при тогданемъ состояніи буръ были, большею частію, люди, изуродованные навѣки... Солдатъ, служившій въ-прѣголодь, какъ водилось лѣтъ съ полсотни назадъ, — попавъ къ мужику въ хату, преслѣдуетъ самые насущные свои интересы... *Par un diable*, онъ пускается на смѣшныя штуки, — иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ.

Содержаніе пьесы Гоголя-отца почти то самое, что у Котляревскаго въ *Москаль-Чарівникъ*. Мы не знаемъ навѣрное, которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если *Москаль-Чарівникъ*, то комедія Гоголя-отца сбавляетъ много цѣны произведенію Котляревскаго. Если же Гоголь-отецъ взялъ сюжетъ *Москаля-Чарівника* и обработалъ его по-своему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлывая написанныя уже пьесы, устранили ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь.

У Котляревскаго хозяинъ хаты — зажиточный чумакъ, а роль Ловласа играетъ *судовый паничъ*. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего,

что бы можно было поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго; а между тѣмъ изъ этого выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относился къ народу, какъ отецъ Гоголя. Молодая жена, принимающая у себя, въ отсутствіе мужа, жалкаго канцеляриста, у него — женщина, не возбуждающая къ себѣ никакого участія, и даже болѣе того... Онъ вывелъ на сцену хозяйку чумацкой хаты съ пятномъ, вовсе не характеристическимъ, тогда какъ Гоголь-отецъ, относясь къ народу въ чистотѣ собственныхъ понятій о мужчинѣ и женщинѣ, заставляетъ своего солдата-постояльца, взглянувъ на мужа влюбленной въ дьячка молодиці, сказать про себя: »Неужели это ея мужъ?.. Ну, такъ она не совсѣмъ виновата.« Въ этихъ словахъ мы слышимъ, можетъ быть, безосознательный протестъ автора противъ современнаго ему порядка вещей, при которомъ сплошь да рядомъ могли существовать жертвы невольной супружеской жизни.

Съ другой стороны, чумакъ, возвратившійся съ дороги, играетъ, у Котляревскаго, роль простака вовсе неумѣтно. Чумаки въ нашемъ простонародіи — самые развитые люди. Не такъ-то легко провести ихъ солдату-постояльцу! Не таковы они въ домашнемъ быту на дѣлѣ, какъ Чупрунъ, Котляревскаго, въ комедіи. Совсѣмъ другое видимъ у Гоголя-отца. Здѣсь представленъ настоящій дурень, идиотъ-лѣнтяй, который способенъ былъ повѣрить и тому, что поросенокъ можетъ поймать зайца. Такого хозяина хаты весьма естественно дурачить солдату-постояльцу, (имѣя ввиду собственныя выгоды), для достиженія своей цѣли.

Самое изображеніе солдата у Гоголя-отца вышло мягче, артистичнѣе. Онъ не забылъ, что такое солдатъ, какъ существо человѣческое. У него о солдатѣ сказано нѣсколько такихъ словъ, которыя, между прочимъ, показываютъ и добродушіе нашего народа, рѣдко заглушаемое въ конецъ виѣшнимъ гнетомъ, и приходящею извнѣ нравственною заразою.

Словомъ, *Простакъ*, Гоголя-отца, во всѣхъ отношеніяхъ выше *Москаля-Чарівника* и можетъ быть названъ *первою* украинскою комедіею.

II. Кулишъ.

ПРОСТАКЪ,
или
ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ,
ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Романъ, малороссійскій козакъ, про- стой и лѣнливый.	Соцкій, кумъ Параски.
Параска, жена его, женщина моло- дая и хитрая.	Дьячекъ, любовникъ Параски. Солдатъ переходящей команды.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляет малороссійскую избу.

Романъ, *одинъ, поднимаясь со скамейки и представляя разслабленнаго.* Врагъ ёго бѣтка знае, здаётця, я ищѣ не дѣже й старій, а зовсімъ охрѣвъ, такъ що ні нѣгъ, ні рукъ не чѣю, неначе побітній. (*Зъваетъ*). Кажуть люде, що менѣ баглаі напѣли... мѣже проклѣті й баглаі; тѣльки жъ я ужѣ дѣже давній — я ужѣ бувъ дебѣлимъ пѣрубкомъ, якъ наші козакі на Лѣнію въ похѣдъ ходіли.—Дай Бѣже цѣрство пѣну-сѣтнику: для мѣне дѣже панъ дѣбрій бувъ—всѣхъ козаківъ у похѣдъ вѣтурливъ,—а менѣ тѣкъ уподѣбавъ, що оставивъ дѣма и повелѣвъ свѣні пѣсти,—отодѣ-то мѣні рѣскішъ булѣ! Не знавъ я нѣякого дѣла; а тепѣръ и не здѣжаю, да трѣба робіти, щобъ старѣ не лѣяла. (*Садится*). Спасібі Бѣгу, що зайшла десь, а тѣ бѣ ужѣ давнѣ дѣсі скреблѣ мѣркву. (*Зъваетъ и чешетъ себѣ спину*).

ЯВЛЕНІЕ II.

РОМАНЪ и ПАРАСКА.

Параска *входитъ.* Не лихѣ годіна! оцѣ ти й дѣсі чухмѣрися, и не приймавѣся за робѣту! Гѣре мѣні сѣ тобѣю! всѣ люде,

якъ люде; а ти, мовъ віродокъ який, сидишь цілий день у хаті, згорнувши рѹки. Отъ ужé черезъ твоé недбáльство дожились до того, що нічого й істи.

Романъ. А щó я теперъ бѹду робіти?

Параска. Тибъ ставъ у ко́го молотитъ за корóбку.

Романъ. А якъ ёго теперъ молотити? аджé бáчишь, що мóкро.

Параска. Дакъ тї бѹ найшóвъ дрѹгу якѹ роботу. Онъ, якъ кумъ Ваку́ла: ніколи не сидить безъ дѣла; и сёгóдни ранéнько потягъ у по́ле.

Романъ. Чо́го вѹ полé?

Параска. По зайці.

Романъ. Якъ по зайці? у ёго нема́ ні хортівъ, ні теніть, ні ручниці.

Параска. Отто́-то й дѣво. Вінъ поросѣмъ лóвить зайці.

Романъ. Якъ поросѣмъ?

Параска. Да такъ. Учóра пішóвъ після обѣдъ да й привієсь двоухъ зайцівъ.

Романъ. Дай ёго чéсти! я, дáльбі, вперше зъ-рóду чѹю, що поросѣтами лóвлять зайцівъ!

Параска. Щó ти почѹешъ, абó побáчишь, на печі лéжачи, мовъ каба́нъ у прóсі? а я тобі хочъ забожѹсь що відъ мого́ кова́ного кабанця не втечé ні одинъ за́ець. Оцé колись зацькували бу́ли ёго поповичі соба́ками:—якъ же кури́вѹ відъ нихъ, дакъ ні однá соба́ка и не догна́ла!

Романъ. Ужé що меткий, то меткий! Лѣха — ма́тері ути́уть ёго попови соба́ки. Оцé колись, якъ молотѣвъ я на току́, а вінъ добравъ до вóроха да й уплітае грéчку, такъ що, якъ-би́ не Пóкотъ туди пригодѣвся, то, по́ки бѹ я піднявъ цѣпъ, щобъ ёго за́цідити, то ні панцу́ра бѹ не остáлось грéчки. Ужé чо́ртового ба́тька у кѹма бѹдуть швидчі поросѣта!

Параска. Отъ бачъ! Чо́го жѹ тобі ищé трéба? Ось піди лишъ лѹчче вѹ по́ле, якъ ма́ешъ лежати, чи не дасть Бѣгъ и намъ оскорóмитися хотъ заячиною.

Романъ. Да инóсе; тѣлько не знаю, чи побіжить кова́ний за мно́ю.

Параска. Де жѹ ти бáчивъ; щобъ поросѣ бѣгло за чо́ви-

комъ? Ти возьми ёго въ мішокъ, а якъ побачишь зайця, тоді й відпусти.

Романъ. Хибá въ мішокъ! Такъ піді жъ—піймай, а я обуюсь.

Параска, *всторуноу*. Оттáкъ дурнівъ обманюють! (*къ Роману*). Обувáйся жъ хутче. (*Уходить*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Романъ *одинъ садится среди сцены и достает постолы*. Дóбре бъ булó, якъ-би́ піймавъ я зайця! (*Патлива постолы*.) Э... Э... не еретичі ёго й постолі! якъ же поссихáлись! (*Обовязывая волокою, урывает одну*.) Оттáкъ же! Гай, гай! дай ёго чéсти! Оттепéръ у ліха грáти!... Жінко!... жінко!... Параско!... Параско!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОМАНЪ и ПАРАСКА.

Параска. Чогó ти такъ репетуєшь, ненáче навіжевий?

Романъ. Чогó ти репетуєшь!... чóртъ-мá волóки!

Параска. Дакъ щó жъ бóдемъ робіти?

Романъ. Чи нема́ де ременці́ абó мотузочки?

Параска. Біда́ мені съ тобою! Нá хоть поворóзку, да обувайся хутче, бо нера́но.

Романъ. О, якá жъ бо ти швидка́ дуже!... Аджé бачишь, якъ постолі́ поссихáлись! насі́лу нацупивъ.

Параска. Чому́ жъ ти не вімазавъ?

Романъ *вдруг опускает руки*. Не вімазавъ!... А якъ-би́ вімазала самá? Не вели́ка есі́ па́ні!

Параска *перерывает речь его*. Гóді жъ, гóді! не вóзюмъ тебе́ зачепі́ла.

Романъ. Тó-то, бáчвишь! (*Встаетъ*.)

Параска, *подавая сірякъ*. Ну, нá, надівáй сірякъ.

Романъ, *поднимая штаны*. Стрівáй!

Параска. Ужé щó провóрний, то провóрний! Тебé бъ тільки за смéртью посилáти.

Романъ, *надывая сірякъ*. Ко́лібъ такъ ищé чимъ підперезáтьця.

Параска, *подавая пояс*. Кé-лишь, я підперезу́ тебе́.

Романъ. Дóбре, дóбре... (*Параска подполясываеъ.*) Чи нема, Парасю, поснідать?

Параска. Ищє ї снідать! Я кажú, що ти по́ки зберєсса, то ї смєркне. (*Даеъ кусо́къ сухою хльба.*) На шматокъ хльба. Якъ піймаєшъ зайця, то въ полі и поснідаєшъ.

Романъ *прячеъ хльбъ за пазуху.* Оттепєрь зовсімъ коза́къ! тілько закурить люльку, да хочъ и у Кримъ.

Параска, *про себя.* Ужє коза́къ, то коза́къ! Годівся бъ у ково́плі на опúдало.

Романъ, *надъвал шапку.* А дє жъ кова́ний?

Параска. У сinyaхъ.

Романъ. У мішкú?

Параска. Да дже жъ не якъ! у мішкú. Да гляді тілько, не задушї.

Романъ *накладываеъ люльку и крешетъ оюнь.* Коли́бъ же такъ, що тілько въ полі, а тутъ и заецъ!—Да я коли́сь якъ козакува́въ, то съ со́тникомъ разівъ зóдва бувъ на охóті и тютю́кать дóбре навчївся я. Було зберу́ть насъ чоловіка двáдцять абó и бїльше, и зачу́стятъ у лісь съ кийка́ми, и вже чо́ртового ба́тька заецъ улєжить! Якъ гуковú було: «эй, тю-тю, тю-тю!» то ажъ лістя зъ дúба посїплетця.

Параска *про себя.* Коли́бъ бувъ тогді ти лóпнувъ!

Романъ. Щó ти кажешъ?

Параска. Да то я кажú: «нехай тобі Бігъ помага́е!»

Романъ. О, спасїбі тобі, мой голубко! Гляді жъ, наварї обідать. (*Уходитъ.*)

Параска. Дóбре, дóбре! (*Про себя.*) Істимешъ лихóї ма́тері. Наварїла, да не для тебе.

Романъ, *въ сплхъ.* А ти тутъ, кова́ний! (*смыется глумо.*) Отъ кудї вона єго затїрила!

Параска *смыется.* Проносї лишъ, дурню, кова́ного въ полі.

Романъ. Да ї важкє жъ зъ бїса, яретїче поросї!

ЯВЛЕНІЕ V.

Параска. Ха, ха, ха!... Отъ коли́ дурний!... Якъ-такї поро́сїямъ піймати зайця?... Бідний Романъ! єго нетрудно обману́ть: хто щó ска́же, то вінъ и повірить. Менї вже ї жалъ, що кова́-

ний надсадить ёму бабехівъ, да нічого робить: такъ розлѣжався, що ніякъ не виманишь ёго изъ хати. Нехай лишъ трѣхи провітритця. Дѣбре, що менѣ кумѣ надоумѣла, якъ Романа вѣпровадити зъ дому. Вона дала менѣ и зайця, щобъ ёго обманить, бѣдто привѣсь кований, да незнаю, чи до-ладу вонѣ бѣде... Да вже жъ, що бѣде, то бѣде, а я зъ дякомъ погуляю. (*Садится прѣсть.*) Колибъ тѣлько не забарѣвся мѣй чорнявий Хома Григоровичъ. (*Поетъ:*)

Вѣне вишня, посихае,
Що росте пѣдъ дѣбомъ:
Сбхну, чахну такъ нещастна,
Живучѣ зъ нелѣбомъ.
Прийдѣ, мѣлвий, утрѣ слѣзи,
Що я проливѣю,
Бо одради нѣякѣи
Бѣльшъ вѣ свѣтѣ не маю.

При концѣ послѣдняю куплета, входить Дьякъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЬЯКЪ и ПАРАСКА.

Дьякъ *входитъ, дѣлаетъ знакъ удивленія, слушаю пѣсню, а при концѣ оной:* Ей-ей, ангельскѣй гласъ!

Параска, *увидѣвъ.* Охъ мѣнѣ лихо!

Дьякъ. Радуюсь сердечно... тое-то душевно, что слышу гласъ веселія вашего сердца и нижайшій отдаю вамъ, Параскева Пантелимоновна, добрѣдѣнь.

Параска А се ви, Хома Григоровичъ? Цуръ же вамъ, якъ ви мене зякали!

Дьякъ. Азъ есмъ, тое-то... да гдѣ же вашъ возлюбленный сожитель?

Параска. Пішовъ по зайці.

Дьякъ, *про себя.* Сѣя оказія для меня сладка, яко медъ дивѣй. (*Къ Параскѣ.*) Такъ вамъ удалась выдумка Овисѣн? Онъ... тое-то, якъ ёго... направилъ стопы своя на дѣбраву: тамъ бо есть прибѣжище зайцомъ. Съ оружіемъ или... тое-то... съ дрекольми?

Параска. И, ні! съ кованимъ кабанцемъ.

Дьякъ *смыется.* Хе, хе, хе! Не мечите бисера предъ сви-

ніями. Сіе есть чудо неизглаголанное... Но вы, здається миѣ, якобы творите надо мною глумленіе.

Параска. Ні, дáleбі що правда. Потігъ у поле скілько відно.

Дьякъ. И такъ вы посвятили своего Романа въ патентовые мислiвці?

Параска. Нехай лишъ трóхи провітритця, атó вже такъ розлeжався, що не хóче ні-за-вищо й привіятця.

Дьякъ. Ей-ей, премудро! Дакъ теперъ безъ всякаго преткновенія можно миѣ насладитися всевозлюбениѣйшею бесѣдою съ вами?

Параска. Щó такé?

Дьякъ. Моя сладчайшая! вы не внемлете глаголу моему.

Параска. Одже ви, Хомá Григóровичъ, такъ говорите по писъмённому, що я и не вторóпаю.

Дьякъ. Я... ей, ей, не изберу глагола къ уразумленію васъ въ страстехъ моихъ, которыми любовь моя со дня возрѣнія на васъ на поклонахъ воспламенила мое сердце.

Параска. Дáлибі, я не знаю, щó ви кажете.

Дьякъ. О, Боже мой! какъ не уразумѣть глагола моего и не догадаться, что я, то-есть, яко олень къ источнику, къ вамъ прибѣгаю.

Параска. Щó? Олeна?

Дьякъ. Якáя тутъ Олeна? Боже мой! я возлюбихъ васъ всѣмъ сердцемъ и душею.

Параска. Не знáти, щó ви вигáдуєте! Я просіла васъ, Хомá Григóровичъ, прийти протвердiть ту пісню, що ви менé на христiнахъ у дядини учiли, а ви мiні провáдите не знáти щó.

Дьякъ. Очень дóбре; изрядно. (*Всторону.*) Гласомъ моимъ воззову къ ней и въ пѣснiхъ возвеличу ея. (*Къ Параскi.*) Приклоните ухо ваше и внемлите гласу моему.

Параска. А нўте, нўте!

Дьякъ поетъ:

Я люблю тебя и стражду,
Но отрады не сыщу;
Зрѣть тебя всегда я жажду,
И очей не насыщу;
Быть хочу всегда съ тобою
И съ тобой всегда вѣщать,

Наслаждайтесь красотою
 И словамъ твоимъ внимать.
 Жизнь съ тобою провождати —
 Нѣтъ утѣхи мнѣ иной,
 И тебѣ не милымъ стати —
 Нѣтъ мнѣ горести другой.
 Ты одна составляешь
 Радость и печаль мою,
 Ты одна заставляешь
 Рѣчь сказать меня сію.

ПАРАСКА *вторитъ за Дьякомъ ту же пѣню.* Я люблю, тебя и стражду, и проч.

Дьякъ. Ей-ей прекрасно! вы совѣршенно изучились сему сладкому пѣнію.

ПАРАСКА. Спасібі вамъ, Хомá Григóровичъ! Да якъ ви хóроше снiвáете бáсомъ!

Дьякъ. Такъ, такъ, моя возлюбленная. А какое же вы сотворите мнѣ воздаяніе?

ПАРАСКА. Я для васъ варѣноі наваріла и кúрочку спекла.

Дьякъ. Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; но... тое-то... щедроты ваши не суть совершенны.

ПАРАСКА. Щó такé?

Дьякъ. Тó-есть—бремя тяжкое отяготѣ на мнѣ;—нѣсть мира въ костехъ моихъ; слякохся до конца, по вся дни сѣтуя хождахъ.

ПАРАСКА. Одже я бáчу, що ви, Хомá Григóровичъ, въ хмáру захóдите.

Дьякъ, *вздыхая.* Охъ!...

ПАРАСКА. Чогó ви такъ вáжно здихáете?

Дьякъ, *про себя.* Ей-ей, не знаю, какими глаголами вскрыть мнѣ страсти сердца моего: языкъ мой прильпе гортани.

ПАРАСКА. Щó вамъ, Хомá Григóровичъ, стáлось? (*Про себя.*) Чи вінъ не сказiвся?

Дьякъ, *прихилившись къ стълу, беретая рукою за сердце, въздыхаеть.* О, духъ немощи овладѣша мною.

ПАРАСКА. Вамъ, ма́бутъ, нúдно, Хомá Григóровичъ? мóже, у васъ сóняшница абó завійница? ви́пийте-лишь чáрочку запi-кánки. (*Становитъ на столъ горiлку. Вдругъ слышитъ лай собачiй.*) Охъ мiні лiхо! хтось идé! Пóкотъ не дáромъ брѣше! (*Выглядывая въ окно.*) Отъ бiдá! Сóцькпий, да ще зъ москалёмъ, якъ разъ сюди прямúетця.

Дьякъ. Проклятїи люди! тое-то... яко скимны рыкающий! Теперъ миѣ остається сотворити благо и направити стопы моя во свояси. (*Хочеть уйти.*)

Параска. Стривайте лишъ, Хома Григоровичъ, послухайте мене. Теперъ соцькому багачько дїла: москалі вїйшли въ село сѣгоднї, дакъ ёму трѣба кватїрі відводити; то вони не довго тутъ бѣдуть... Сховайтесь підъ привалокъ.

Дьякъ. Ей-ей, премудро!

Параска. Швидче жъ ховайтесь, бо вже вони въ сїняхъ. (*Подбираеть его подъ привалокъ и закрываеть ридиомъ.*)

Дьякъ, *подъ привалкомъ*. Ахъ Боже мой! якъ презрядно, еслибы и вы, Параскева Пантелемоновна, здѣсь со мною обитали!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПАРАСКА, СОЦКІЙ и СОЛДАТЬ.

Соцкій. Помайбі вамъ!

Параска. Здоровенькі були, пане куме!

Соцкій. А кумъ де? чи вже на пічъ забрався, абѣ, може, сѣгоднї съ пѣчи и не злзивъ?

Параска. Да нема дѣма.

Соцкій. А дежъ вївъ?

Параска. Пішовъ у поле.

Соцкій. Оце, мабуть, уже насильне ёго вїтурлила.

Солдаты. А что же, здѣсь миѣ квартира?

Соцкій къ солдату. Здѣсь, тутича. (*Къ Параскѣ.*) Кумо, оце вамъ постоялецъ... да глядїть, щобъ у васъ все гараздъ було.

Параска. Охъ, міні лихо!

Солдаты, *скидал амуницїю*. Не бойсь, хозяйюшка: я добрый человекъ; наше дѣло солдатское. Намъ много пенадо: курица къ обѣду, а другая къ ужину; а если и лавренниками накормишь, то сердиться не стану; отъ меня ты худа не услышишь.

Параска. Якъ-бї було! (*Къ соцкому.*) Що оце ти, куме, робишь? ти жъ обїцавеш не ставити у насъ постѣю!

Соцкій. Постїй, кумо, не варуй. На сей разъ ослобовишь тебе відъ постѣю, далѣбі, не можна: всї хати заняли, а въ ивнїшї по два и по три. Нарѣдъ и такъ на мене враждує, що дѣколи васъ обминаю; да я жъ тобї и москалі прививъ предѣброго. Вївъ

стоявъ у свѣта могó въ Ракосічі, и сватъ мій нимъ не нахвалитця.

Параска. Бідна мѡя голóвка! а я хотіла хату мазать!

Соцкій. Абó пожениха́тця съ кимъ безъ Романа.

Параска. Не знать щó ти, кúмо, вигáдуешъ! Я не знаю, якъ у тебе язикъ не заболіть, отакé мѣлючи. (*Къ солдату.*) Мóже бъ ви, служівий, відпочіли?

Солдатъ. Ладно, хозяйюшка; однакожь дай мнѣ прежде чего покушать.

Параска. Щó жъ вамъ дать? ми вже пообідали.

Солдатъ. Ну, чево-нибудь на первой случай, а тамъ ужъ приймемся дѣлать лавреники. Вить я ужъ болѣе года стою въ Малоросіи вашей и самъ ихъ дѣлать научился.

Соцкій. Отъ бачишь, кúмо, який москаль мотóрний! вінъ тоби и вареникивъ нарóбитъ. (*Увидя водку, для дяка приготоуленую.*) А се щó въ пляшці?

Параска, *про себя.* Охъ міні ліхо! и забúла сховати! (*Къ соцкому.*) Да се для Романа отиска́ла, щобъ почастува́ть, якъ вернетця съ поля.

Соцкій, *грозить пальцемъ.* Эй, кúмо! ти ліхомъ, бачу, граешъ...

Параска. Ищé чо́го чи не бóде? Ужé ти міні допíкъ своїми вигадками.

Соцкій. Ну, гóді жъ, гóді, кúмо! (*Вынимаетъ изъ кармана деньги.*) На тоби грóші да купи для свогó Романа, а ми сю вiпьемъ съ служівимъ. (*Садится, налиываетъ въ чарку горілку и потчиваетъ солдата.*) Прошú вiпить, пáne служівий.

Солдатъ, *беретъ чарку.* Ай да пріятель! Здравствуй, любезный! (*Выпиваетъ.*) Сватъ твой... (*Утираетъ усы.*) какъ бишь ево?

Соцкій. Оверко. (*Наливаетъ горілку въ чарку.*)

Солдатъ. Дá дá, дá, Веверко, Веверко!... Правду сказать, такихъ людей мало нынча на свѣтѣ.

Соцкій, *взявъ въ руки чарку.* Нехай же ёму легенько икнѣтця. (*Выпиваетъ.*)

Параска, *про себя.* Щобъ васъ чортъ забравъ зо всімъ вашимъ рóдомъ!

Солдатъ. А хозяйюшка?

Соцкій. Пріська.

Солдатъ. Дá, Приска!... Дай Богъ ей здоровье—какъ мать родная. Право, такихъ хозяевъ не сыщешь во всемъ бѣломъ царствѣ.

Соцкій *наливаєть въ чарку горілку*. Кўмо, віпвий лишъ и ти чарку за здоровье сватівъ моіхъ.

Параска. Да спасібі, кўме! не турбуйтеся мною.

Соцкій. Чого ти такъ зажурилась? Що Романъ пішовъ у поле? Вінъ швидко буде. На лишъ віпвий, прошу.

Параска. Не хóчу, дáлибі не хóчу.

Соцкій. О, якá жъ бо ти затінчива! Почастуй же насъ (*подаєть ей чарку*), коли самá не хóчешъ.

Параска, *береть въ руки чарку и пляшку и подноситъ соцкому*. Извольте, пáне кўме.

Соцкій. Въ рукахъ маєте.

Параска. Нехáй же здорові будуть Овérко и Пріська. (*Кланяється и немножко надпиваєть скривившись; доливаєть чарку и подноситъ Соцкому*.)

Соцкій *показуєть ей, чтобы она поднесла солдату*. Прошу віпвить, пáне служівий.

Солдатъ, *взявъ въ руки рюмку*. Да здраствуетъ Веверко и Прицька!

Соцкій *смиється*. Утявъ Панькá по штáняхъ!... Якъ, якъ, москáлю?

Солдатъ. Какъ? Да здраствуетъ Веверко и Прицька!

Соцкій *смиється, а потомъ опять наливаєть чарку*. Гáрно ти, москáлю, навчівся говоритъ по-нашому. (*Выпиваєть, встаєть и выходитъ на средину сцены*.) Гáрно, москáлю, гáрно!... Де ти такъ навчівся?

Солдатъ. Да все же у твоего свата, не только говорить, но и пѣть научился вашихъ хохлацкихъ пѣсень.

Соцкій. Чи бáчишъ! (*Протираєть усы*.) А ну, будь ласкавъ, москáлю, заспівáй, якóби тамъ сватъ мій навчівъ тебе. Я всі ёго пісні звáю и самъ колись булó співáю.

Солдатъ. Изволь. (*Поєть*)

Ахъ въ полѣ могила
Съ вѣтромъ разговаривала:
Не дуй, вѣтеръ, ты на меня,
Чтобъ я не почервѣла.

Соцкій *смиється до умору*. Гáрно, москáлю, гáрно! Ну, вже втявъ до гацлїкївъ! Се вже краще відъ тїєї, що, «въ горóді

бузніна, а въ Києві дядько, за те тебе полюбила, що на руці перстень.»

Солдатъ *продолжаєть.*

Чтобы въ рѣкѣ не плодилась рыба
За то, что я за Дунай заѣхалъ.

Соцкій *смыється до уморы.* Ха, ха, ха! ой, ой, лішенько! Годі, годі, москалю! будь ласкавъ, годі, а то, далибі, кпшкі порвү відь сміху!

Солдатъ. Чево ты смѣешся?

Соцкій. Да якъ же не сміятьця? ти не звать по якому си-
вѣешъ.

Солдатъ. А какъ же?

Соцкій. Слухай, я тобі заспіваю (*поєть.*)

У полі могила
Зъ вітромъ говорила:
Не вий, вітре, ти на мене,
Щобъ я не чорніла.
Ні вітеръ не віє,
Ні сонце не гріє,
Тільки въ степу при долині
Трава зеленіє.

(*Музыка. Потомъ:*)

Соцкій. А що, москалю, чи такъ свать мій сиівавъ тобі?

Солдатъ. Дá, дá, точно такъ.

Соцкій. То-то, мосьпане! а ти не втнешъ, даромъ що въ
гудзикахъ.

Солдатъ. А знаєшъ ли ты другуго?

Соцкій. Якү?

Солдатъ. Ахъ былъ, да нѣтуть, да поѣхалъ на мельницу.

Соцкій. Ха, ха, ха! Бодай тебе, москалю! А сієі жъ дѣ ти
навчівся?

Солдатъ. Эту часто поєть-бывало Прицка.

Соцкій. Та, мѳже, не такъ?

Параска. Мѳже:

Ой бувъ, та нема
Та поїхавъ до млині!

Солдатъ. Да, да!

Ой былъ да німа
Да поїхавъ до мліва.

Соцкій. А ти знаєшь, кўмо, сіеі?

ПАРАСКА. Знаю.

Соцкій. Заспівай же намъ, сёрце.

ПАРАСКА поётъ. *Соцкій аккомпанируетъ. Солдатъ танцуетъ. Когда Параска оканчиваетъ друіой куплетъ,—*

СОЛДАТЪ. Ай да хозяйшка! Спасиба тебѣ *(хочетъ ее обнять.)*

ПАРАСКА. Геть, москалю! не жартуй! *(Отталкиваетъ его.)*
Оцего то вже я не люблю и—суча дочка—коли не трісну такъ,
що й очи влізуть! Отъ якъ хороше! *(Поправляетъ очіпокъ.)*

Соцкій. Осъ якъ воно співаєця! Бачишь, москалю? не такъ,
якъ ти, мовъ коза въ шквірю.

СОЛДАТЪ. Да чортъ ево знаеть; я долго учился, да мудрено,
языкомъ-та не сладишь.

Соцкій. То вже такъ. Московський языкъ дуже гострий, та ба!

СОЛДАТЪ. Однакожь я етакъ цѣлой день пробаю;—хозяйшка!
да-ка чево вибудь закусить; ноги-та крѣпко болять отъ походу,
нада отдохнуть.

Соцкій. Кўмо, пошукай лишъ тамъ у печі: чи нема бор-
щу, абó кáши, бó квáши! абó лемішки, абó пўтрі, абó затірки,
абó соломáхи, абó пампушóкъ, абó галушóкъ, абó шуликівъ, абó
товчѣниківъ. Ужé жъ такі трéба москалі чимсь нагодувати.

ПАРАСКА. Дáлибі, кўмочку, и въ печі не топíла.

Соцкій. Дáкъ кінься да зварі чого-небудь.

СОЛДАТЪ. Ну, вѣчево дѣлать, солдатское брюхо привыкло
постничать *(ложится)*; послѣ хозяйшка меня накормить.

Соцкій. Гляди жъ, будь ласкава, кўмо, щобъ ти, якъ мос-
каль спочине, нагодувала служивого; я бѣ его узявъ до себе, дакъ
у мене копитанъ квартируе. Прощай. *(Уходитъ.)*

ПАРАСКА. Иди здоровъ.

Соцкій *смотритъ на солдата. Ужé москаль и захрипъ. Зне-
мигся, сёрдяга, відъ походу. (Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПАРАСКА и ДЯКЪ.

ПАРАСКА. Насілу убрався! Отъ чортъ гостей принісь не въ піору! (*Засматриваетъ въ глаза сплясшему солдату.*) Спасібі москалю, и голодний заснувъ. (*Поднимаетъ рядно.*) Хомá Григоровичъ! чи ще ви тутá живі?

Дякъ *выходитъ на цыпочкахъ со страхомъ, дѣлая знакъ Параскѣ.* А шó служивий?

ПАРАСКА. Спить, ажъ харчіть, мовъ чорті ёго дѣлять.

Дякъ. Ей-ей, хорошее я дѣло здѣлавъ... тое-то... що уквився. Блаженъ мужъ, ижэ не пде на совѣтъ нечестивыхъ. А чтобы и паки не послѣдовало какое.. якъ ёго... преткновение, то трѣба направитъ стопы своя—во-свося.

ПАРАСКА. Постривайте бо. Хомá Григоровичъ! трѣба-таки намъ хочъ вареноі покоштувати, бо вже вона и такъ прохолóла.

Дякъ. А развѣ вы оной не сокрушили со служивимъ?

ПАРАСКА. Якъ изъ служивимъ? Оцѣ нехай Бигъ милуе! Я тільки для васъ, Хомá Григоровичъ, наваріла й напекла. Сідайте лишъ. (*Ставитъ варену и кушанье.*)

Дякъ. Благодатная Параскевія! нѣтъ конца добротѣ вашей.

ПАРАСКА *потчиваетъ дяка.* Извольте, годуйтесь; а тó не вдасця намъ ні поцїть, ні поїсти: москаль такой голодний лигъ, якъ собáка, и якъ прокїнетця, то самъ усѣ потрїска. Печеню жъ хоть возміть съ собóю. Чи влізе кўрка въ кишеню? (*Смотритъ на карманъ.*) Охъ, який же вінъ засмальдѣванный... Да тутъ, бачу, и сала кусóкъ.

Дякъ. Охъ, Боже мой! и забўвъ винять. Се Онисія Гавриловна пожаловала на школу.

ПАРАСКА *подходитъ къ окну и кричитъ.* Охъ міні ліхо! Ромáнъ пдѣ! да ще й сердїтий! Оттепѣрь бїда! Щó вінъ скаже, якъ тебе заставе? Ужѣ и такъ вибивае тобóю міні очі, що ти менѣ на ўлиці иподі зачїпаешъ, а тепѣрь надсадитъ міні бѣбехівъ, да и вамъ, пáне Хóмо, не безъ бїдї бўде.

Дякъ, *подбывая къ окну.* Тое-то... тое-то... яко... ко... ко... левъ рыкающей! Куди міні... тое-то... укритися отъ поруганія?... Ей, ей, онъ сокрушитъ и кости моя!... куди міні укритися?

ПАРАСКА, *прибирая съ стола варѣну и кушанье. Лізте швидче опя́ть підъ привалокъ.*

ДЯКЪ. Дѣбре, дѣбре... тое-то... да какъ же избавлюся отъ поруганія?

ПАРАСКА. Не бійтесь, Хомá Григоровичъ: я ужé вѣгадала, якъ дурно́го Рома́на обманіти. Я зара́зъ вѣпроважу ёго до дядька, а васъ тоді и вѣпущу.

ДЯКЪ. Трудъ велій обьяша мя.

ПАРАСКА. Мовчіть, Бо́га ра́ди: Рома́нъ въ сїняхъ *(Вносить проворно зайца, кладеть на столь и сама садитя прясць.)*

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

РОМА́НЪ, ПАРАСКА и СОЛДАТЪ.

Романъ *за кулисами. Відчинні!*

ПАРАСКА, *отворяя дверь.* Чого ти репетуєшь? Мовчі, Бога ра́ди!

Романъ. Ось я тебе замовчу! Нащо ти мене одури́ла, дідько бѣ утісся твоєму ба́тькові? *(Намъреваетъ ударить)*

ПАРАСКА *увертывается отъ удара.* Що́ ти роби́шь, навіже́ний?

Солдатъ, *лежа.* Хозяйка!

Романъ. Що́ се?

ПАРАСКА. Побáчишь! Я то́бі каза́ла, що мовчі! Москаля по́ста́вивъ со́цький на кварти́ру: да тутъ та́кий презлі́й! трóхи не бивъ мене: наси́лу ёго у́благáла.

Солдатъ. Хозяйка!

ПАРАСКА. Отъ и бѣда́!... За́разъ.

Солдатъ. Не слы́хатъ ли барабана?

ПАРАСКА. Ні, не чу́ть.

Солдатъ *засыпаетъ.*

Романъ *осматриваетъ осторожно и усматриваетъ зайца.* Гля! за́ецъ! де вінъ узя́вся?

ПАРАСКА. Що́ ти дѣвися, лўнаешъ?

Романъ. Де ти взя́ла?

ПАРАСКА. А се жѣ той, що кова́ний привієсь.

Романъ. Чи спра́вді?

ПАРАСКА. Бу́цимсь-то ти й не знаєшь?

Романъ. Дáлибі и не знаю и не бáчивъ!

Параска. Одже вінъ приті́ривъ ё́го ажъ до поро́га.

Романъ. Ну, гара́здъ же! ато́ я заливъ би тобі за шку́ру са́ла.

Параска. За ві́що?

Романъ. Я дума́въ, що ти мене́ одури́ла; бо якъ вийшовъ у по́ле и тільки-що похили́въ до Стецько́вої ба́лки, ажъ мисли́вці пруть за́йця якъ разъ на мене́. Я шви́дче зъ мішка́ кова́ного и дава́й тютю́кати во все го́рло. За́ецъ же потя́гъ туди́, къ Чми́рові дубі́ні, а кова́ний пря́мо шляхо́мъ до села́.

Параска. То вінъ нави́перейми пішо́въ.

Романъ. Да ма́буть такъ: по тій же тропі́ и хортъ оди́нь увяза́вся; а якъ уже́ лови́въ ё́го кова́ний, да́лебі не знаю, бо по́ки я ви́брався зъ ба́лки, то вже́ ні хорти́въ, ні порося́ти не ви́дно бу́ло; я жъ такъ ухор́гався, по́ки ви́брався изъ ери́пуди́ної ба́лки, що ажъ соро́чка мо́кра.

Параска. Да тутъ хло́пці каза́ли, що кова́ний пийма́въ ё́го бі́ля Свири́дового ві́тряка́.

Романъ. Бачъ, ажъ де́ дійшо́въ ё́го мій голу́бчикъ! тепе́рь бу́де пече́ня.

Параска. Бу́де, тільки́ піди́, мій Рома́не, поклі́чь дядька́ и тітку; бо вони́ зъ-ро́ду за́ячини не і́ли.

Романъ. Да ни́бсе.

Солда́тъ *встае́тъ и являе́тся на сце́ну, проти́рая глаза́.*
 Что́ это за мужи́къ?

Романъ. Да ми туте́шні.

Солда́хъ. Не хозя́инъ ли?

Романъ. Да́джежъ не хто́—хазя́инъ.

Солда́тъ *про се́бя.* Неужели́ это ея́ мужъ? Ну, такъ она́ не совсе́мъ ви́новата. (*Къ Параскѣ.*) Что́ же, хозя́юшка, дава́й тепе́рь чево́ покуша́ть.

Параска. Що́ жъ то́бі да́ти? онъ шма́токъ греча́ника: і́жъ, коли вку́сишь.

Солда́тъ. Нѣ́тъ ли че́го повкусе́нѣ? небось, стари́ка накорми́ла.

Романъ. Ні́, моска́лю! су́чий синъ, коли́ и ри́ска бу́ла въ ро́ті, а і́сти хо́четця такъ, що ажъ ки́шки ко́рчать, да да́соби́гъ-чого́. Оце́ вона́, спаси́бі і́й, да́ла шма́токъ греча́ника, дакъ не вку́шү: не то́бі ка́жучи, зуби́въ уже́ ли́ха-ма́ти-ма́е.

Солдатъ *про себя*. Бѣдный мужичокъ! (*Къ Параскѣ*) Такъ у васъ и хлѣба нѣту-тѣ?

Параска. А де же ёго взяти? теперъ у насъ неврожай. Заробила була трѣхи, да й той старій попрѣдавъ.

Солдатъ. Какъ можно продать послѣдній хлѣбъ? это худо.

Романъ. А що жъ маешь робити? де жъ би я грѣшей узавъ на подѣшве? Заробить не здѣжаю; нивкѣ и лѣскѣ ужѣ давнѣо роспрѣдавъ; скоть нипѣчому; тильки що послѣдній хлѣбъ продати, щобъ проклѣті сѣпаки не обливали на морѣзі холодною водою. Дѣбре було колѣсь, що продавъ бѣзѣвка, та й росплатѣвся; а теперъ и корѣву съ телѣмъ продасѣ, — то тилько хибѣ за половину заплаћишь, бо теперъ та корѣва, що трѣба було рублѣвъ сѣрокъ заплаћити, бѣльшь не дадѣтъ ялишники, якъ рублѣвъ дѣсять. О такѣ теперъ на свѣті настѣло! де жъ намъ грѣші брати?

Солдатъ. Да какъ же ты живешь?

Романъ. Отѣкъ, мосьпѣне: що якъ запрядѣ старѣ шматѣкъ хлѣба, то й имъ; а теперъ накѣнувъ голова засѣдѣтельскѣ мѣтки прѣсти, то бѣльше того, що нахлѣщѣсь борщѣ, да голѣдний и спѣть ляжу.

Солдатъ. Да, худо, старикъ. Однакожь хозяйшка насъ накормитъ.

Параска. Чимъ? хибѣ трѣсцѣю?

Солдатъ *про себя*. Постоѣ же, плутовка, я тебя накажу. (*Къ Роману*) Ну, такъ я тебя, хозяйнѣ, накормлю; хочешь ли?

Романъ. Да спасѣбѣ, москалю; у мене далѣбѣ ажъ сѣрце болѣтъ, що ничимъ васъ нагодувати. (*Вынимаетъ изъ кармана деньги*). Парасю! пѣди лишъ купи хочъ чвѣртку; мѣже, служѣвий вѣпѣе зъ дорѣги, да чи не добѣдемъ хочъ у дяка пѣляницѣ: винъ у насъ, бѣчца, чоловікъ дѣбрѣй.

Солдатъ. Не трудѣсь, старикъ, невада ничего: я знаю, что ты дѣбрѣй чѣловѣкъ (да безмозглой); у насъ будѣтъ что пить и ѣсть безъ денегъ; только чтобы вы обѣе меня слушали и все то дѣлали, что я скажу.

Романъ. Дѣбре, москалю. Я чоловікъ перетѣвий.

Солдатъ. Послушай же: я буду ворожить, такъ вамъ надѣбно стать вотъ здѣсь и зажмурѣть глаза. Становитѣсь. (*Становитъ на срединѣ театра*).

Параска. Що се бѣде? не знѣти що москаль вигѣдуе.

Романъ. Чи вонó жъ, бѹдте ласкáви, служíвий, не грíшно бѹде?

Солдатъ. Нѣтъ, ужъ я за то отвѣчаю. Становитесь.

Романъ. Да нѹсе. Становíсь, Парáсю, тíлько бѹдте ласкáви, коли́бъ вонó не тѣе...

Солдатъ. Не бойсь. Ну, зажмурь глаза.

Романъ, *зажмуривь глаза*. Уже.

Солдатъ *чертитъ кругомъ ихъ палькою*. Беръ... баръ... даръ!

Романъ. Добрóдiю служíвий!

Солдатъ. Не бойсь. (*Чертитъ палькою, и говоритъ невнятные слова*).

Романъ. Постійте, сѹдирь, бѹдте ласкáви, постійте.

Солдатъ. А чтó?

Романъ. Я не-парóкомъ и самъ не знаю, якъ росплѹщивъ óчи.

Солдатъ. Экой ты! эдакъ и самъ пропадешъ, и мнѣ бѣды надѣлаешъ.

Романъ. Ужé бѹду держáть рукóю.

Солдатъ. Ну, держи покрѣиче.

Романъ. А, дóбре. Парáсю! глядí жъ, не росплѹщъ очíць.

Солдатъ *между-тѣмъ выноситъ и становитъ на столъ кушанье и варену*. Ну, Романъ, теперь конецъ. Смотри сюда.

Романъ *смотритъ съ удивленíемъ*. Гля!

Параска *встóрону*. Не еретíчий и москáль, якíй же хíтрий!

Солдатъ. Ну, хозяинъ, милости просимъ покушать. (*Начинаетъ петь*).

Романъ *глядитъ на всь стóроны*. Де вонó взялось?

Солдатъ. Ну, садись да кушай. Ты никогда не ѣдалъ такъ вкуснаго.

Романъ. Чи вонó жъ не грíшно бѹде?

Солдатъ. Да вѣтъ я тебѣ сказалъ, что я отвѣчаю!

Романъ, *приступая со страхомъ къ столу*. Москáлю, служíвий! чи мíни мóжна перехристíтьца?

Солдатъ. Пожалуй, крестись себѣ, сколько хочешь.

Романъ *крестится и шепчетъ молитву*. А стрáву мóжна перехристíть?

Солдатъ. Нѣтъ, не можно.

Романъ, *отступая назадъ*. Одже, дáлибi мíни мóторошно.

Солдатъ. Не бойсь. *(Даєть емѹ въ руки кусокъ)*. Вотъ на, кушай.

Романъ, *принимаясь дрожащею рукою*. Господи, благослови *(и крестясь)*. Да вже жъ, що бабі, то те й громаді. *(Встѣ; къ Параскѣ)* Парасю! а ти жъ чомѹ не їси?

Параска. Нехай Бігъ мілує, щобъ я їла у пеклі варене.

Солдатъ *грозить Параскѣ пальцемъ*.

Романъ *опускаєть изъ руки кусокъ*. Чи воно жъ, служивий, у пеклі варилося?

Солдатъ. Да гдѣ бы ни было, намъ до того дѣла нѣтъ, лишъ бы вкусно. *(Наливаєть варену и даєть Роману)* Нутка, выпей. *(Послѣ сею солдатъ встаєть и идеть къ Параскѣ)*.

Романъ *надпиваєть самъ и даєть женѣ*. Ось покоштуй, Парасю, якѣ добре.

Параска. Да вже жъ, коли такъ, то й я бѹду їсти; тильки будь ласковъ, служивий, змілуйся надъ нами, не погуби мене.

Романъ, *не вслушавшись*. Даджежъ сказаѡвъ, що вінъ за все одвічає!

Солдатъ, *тренья по плечу Параску*. Не бойсь, все будетъ ладно, только впередъ съ солдатами обходись лучше. *(Къ Роману)*. Ну, Романъ, кушай.

Романъ, *уплетая жаркое*. Оттеперъ наївся, ажъ неначе на животі полѣгшало.

Параска *упрашиваетъ солдата выпустить дяка, и онъ соглашается*.

Солдатъ. Хорошо, изволь.

Романъ. Спасібі тобі, служивий, що ти направивъ трѡхи кѣндюхъ; тильки теперъ, мабуть, трѣба бѹде хату посвятити.

Солдатъ. Ненадо; я тебѣ самъ всѣхъ чертей выгоню; только ни съ мѣста!

Романъ. Ухъ, ажъ шкура піднімаєтця: такъ страшно. Да вжежъ, коли такъ, то и не тинѹ.

Солдатъ. Ну, станьте здѣсь. *(Становить обоихъ среди театра)*. Вотъ такъ. *(Завязываетъ глаза имъ и связываетъ руки)*.

Романъ. Ухъ, страшно!

Солдатъ, *завязывал глаза*. Ну, Романъ, тебѣ надобно выучить сін волшебныя слова: джунъ... беръ... дачъ... дуръ... нієръ... гапта... де...

Романъ. Не зумію, мосьпáne, вічитать.

Солдатъ. Какъ не зуміешъ? Говори за мною: Джунъ.

Романъ. Жукъ.

Солдатъ. Веръ... дачъ.

Романъ. Пене... перь бачъ.

Солдатъ. Дурніеръ.

Романъ. Дурній я.

Солдатъ. Гапта... де. Гапта де. Гапта де.

Романъ. Гапка де... Гапка де.

Солдатъ. Ну, смотри же, Романъ, какъ крикну я: ура! то ты тотчасъ долженъ говорить сіи слова самымъ громкимъ голосомъ.

Романъ. Эй, дáлибі, москáлю, не вічитаю: важкé дúже на язйгъ.

Солдатъ. Ничего! смотри только, не забудь. *(Уходитъ и раздвѣваетъ Дяка.)*

Романъ. Да колибъ не забúть. Парáсю, чи ти перенялá?

Параска *печально*. Перенялá!

Романъ. Нагадáешъ же міні, якъ помилюсь. *(Говорить въ помолоса.)* Жукъ... бе... бе... бе... беръ, бердь... бачъ... дурній я... Гапка де, Гапка де... Гапка де. *(Береться за животъ.)*

Параска О, щобъ тебе побíла лихá годíна!

Романъ. Охъ, охъ, служивий! Мосьпáne служивий!

Солдатъ, *продолжая около дяка работу*. Чтó ты тамъ?

Романъ. Будте ласкáві, чи ще вонó дóвго бúде?

Солдатъ, *продолжая работу*. А чтó тамъ?

Романъ. Колі дóвго, то бъ я на часъ на двіръ пішóвъ.

Солдатъ. Зачѣмъ?

Романъ. Прощú прости́ть, міні ненáче тее...

Солдатъ, *прибравъ кафтанъ и выпачкавъ дяка сажею*. Ура,

Романъ!

Романъ. Джу... джу... джу... Парáсю, йкъ?

Параска. О, щобъ тебе побíла лихá годíна!

Солдатъ *подходитъ къ Роману*.

Романъ. Жукъ... бердь... бачъ... дурній я... Гапка де. *(Топаєть ногами и плюєть.)*

Солдатъ. Теперь совсѣмъ. *(Развязываетъ глаза.)*

Романъ *протираєть глаза*. Ухъ, ухъ!

Солдатъ. Ну, смотри, Романъ, какъ чортъ выбѣжить. (*Смотритъ на дяка, стучитъ палкою и говоритъ*) Гапта де... Гапта де... Гапта де!

Дякъ, выпачканный, чрезъ сцену уходитъ вонъ.

Романъ дрожитъ и крестится. А який же страшный!

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгналъ, а гнѣздо себѣ возьму. (*Прибираетъ дяково платье.*)

Романъ. О, спасиби тоби, добродію служивый! тільки прошу не въ гнѣвъ: скажишь, будте ласкаві,—я чувъ, що нечистый духъ зъ рогами; а у сѣго и ріжківъ нема.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ міні лихо! (*Хватаетъ себя за лобъ.*)

Солдатъ. Ничего, Романъ! (*Треля Романа по плечу:*) и получше тебя бываютъ съ рогами...

Романъ. Парасю! Що жъ міні робити?

Параска. Якъ-би ти не лежавъ зъ ранку до вѣчера та робивъ такъ, якъ люде роблять, то бъ не було сѣго нічого; ато по-ти лежавъ, поки вилупивъ чорта. Я тоби скільки казала: »Эй, Романе, не ливуйся. Линось до добра ніколи не приводить.«

Занавѣсъ опускается.

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

БАБА ПРОКОПЧИХА.

(НА ОХОТЬ)

Елень Михайловнѣ Ревякиной.

У Г—скихъ я встрѣтился съ Сарданомъ, восемь лѣтъ не видавъ его. Изъ незамѣтнаго канцеляриста онъ сдѣлался вполнѣдствіи, какъ говорили, любимцемъ падшаго теперъ Б. Бѣдилъ онъ уже нѣсколько разъ и въ Петербургъ, для того, чтобы, сдѣлавъ нѣсколько тысячъ верстъ, возвратиться нисколько не интересѣе. Слабая воля, съ характеромъ, лишеннымъ въ юности энергіи, никогда не вынесетъ его изъ среды, назначенной ему воспитаніемъ, которое развилось въ немъ по неудачно выбраннымъ образцамъ. Человѣкъ, забывшій вѣру и политическое положеніе дѣда, одного изъ послѣднихъ сыновей угасшаго королевства, не можетъ далеко пойти ни въ свѣтъ, ни во мнѣніи тѣхъ, которые знали его болѣе, нежели онъ самъ себя. Въ качествѣ фаворита, былъ онъ существо неистово-плясавшее и влюблявшееся, для того, чтобы писать прекраснымъ почеркомъ и золотыми чернилами любовныя письма; въ немилости—будетъ онъ вѣчнымъ стряпчимъ или застѣдателемъ, и умереть въ кругу своего безмятежнаго семейства и хлопотливой жены, рассказывая пріятелю подъ вечерокъ, что онъ когда-то былъ въ большой дружбѣ съ такимъ-то губернаторомъ, съ такимъ-то министромъ. Есть люди, гордящіеся страдательною извѣстностью. Имъ пріятно, если какой-нибудь баринъ, или большой человѣкъ, знаетъ ихъ имя. Таковъ и нашъ довольно чисто одѣтый Сарданъ. На одномъ изъ многочисленныхъ и блестящихъ баловъ въ Кіевѣ когда-то мы встрѣтились, заинтересованные тогда другими дѣлами. Встрѣтились мы и мало обратили вниманія другъ на друга. Теперъ колесо перевернулось; Сарданъ бросился ко мнѣ съ открытою, какъ и для всѣхъ, душою, рассказалъ мнѣ свои страданія, ко-

торыми вообще наполнены канцеляріи и полки, замѣтилъ, что живетъ выше своего состоянія, держитъ верховую лошадь, ѣздитъ на ней, какъ Левашевъ, и чуть-чуть не женился, да, къ несчастью, подоспѣлъ жёнихъ повыгоднѣе его.

Прощаю тебѣ, добрый Сарданъ, твои грѣхи—грѣхи человѣческіе, и соглашаюсь на твою просьбу поѣхать съ тобою въ Семеновку на охоту, гдѣ я буду стрѣлять очень неудачно, а ты—совершенно неудачно. Зато, когда мы будемъ пить чай, своими, иногда порядочными рассказами, напомнишь ты мнѣ шумъ свѣтской жизни, *балъ съ увлекательнымъ оркестромъ, лакированной льстницей, съ деревьями, цвѣтущими подъ роскошнымъ небомъ Прованса или Андалузїи*, и я представлю себѣ, какъ ты, мой губернской корифей, носился тогда въ вихрѣ вальса съ своею *dame du coeur*, на тебѣ непременно былъ черный фракъ, бѣлый галстухъ и жилетъ, черные панталоны, лакированные башмаки, часы съ золотой цѣпочкой, сомнительно, но ярко блистающей; ты громко говорилъ тогда пофранцузки и познакомился съ случайно занесеннымъ туда гвардейцемъ, Юліемъ Цезаремъ дѣвицъ и барышень, и съ гусарскимъ ремонтёромъ, человѣкомъ марціальной наружности, но *бель-омомъ и колизъ нль-фо*.

Поѣхали; по дорогѣ мы завернули къ нашему доброму Лажіевскому, и вмѣстѣ поѣхали въ Перегоновку, нѣтъ, въ Семеновку, поохотиться на куликовъ и бекасовъ. Никогда не думалъ я, чтобы столько дичи могло быть на одномъ прудѣ. Бекасы стадами слетали передъ нами, Лажіевскій горячился, его глухой Мико портилъ все дѣло. Я убилъ нѣсколько утокъ и десятка полтора другой дичи. Сарданъ только прикладывался и ни разу не выстрѣлилъ. Смѣшно мнѣ было смотрѣть на него, когда онъ бралъ ружье къ щекѣ и, боясь разрыва, судорожно опускалъ стволъ. Лажіевскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ; Сарданъ ушелъ домой, а я еще остался, и встрѣтился, тоже съ охотникомъ—дьячкомъ. Съ нимъ условились мы завтра поутру еще пошляться по рудамъ и очеретамъ. Пошелъ проливной дождь, и пока я успѣлъ добратъся до гостепріимнаго крова, промѣкъ до костей; но сухая рубаха и кипящій самоваръ скоро меня утѣшили. Сарданъ заглянулъ въ мою охотничью сумку, и протяжно сказалъ: »хорошо!«

Напились мы чаю. Сарданъ легъ на постели, а я на диванѣ (въ Семеновкѣ никто не живетъ теперь въ домѣ), положивъ подъ голову свою старую военную шинель. Онъ попотчивалъ меня славною сигарой *colgado*, и мы начали тары-да бары.

На другой день, чуть-свѣтъ, въ сврое утро, мы съ дьячкомъ опять пошли на охоту. Ходимъ мы часъ, два, три, — рѣшительная неудача! Только вьются въ вышинѣ длинноногія цапли, испуганныя выстрѣломъ мовмъ по кулику. Я не сержусь на охотѣ, какъ во всякомъ другомъ случаѣ; неудача меня не сердить, но я, разумѣется, подумываю: хорошо бы, еслибъ прилетѣла хоть пара утокъ! « Дьячекъ, какъ тертый калачъ по охотничье йчасти, встрѣчалъ неудачу равнодушно. Онъ давно уже съѣлъ свое сало съ чернымъ вкуснымъ хлѣбомъ, попотчивалъ и меня, и далъ совѣтъ идти въ Перегоновку.

— Хорошо, отче, говорю я: да будетъ ли тамъ *взятокъ*?

— Милостивый государь! (Дьячекъ отвѣчалъ мнѣ именно такъ), могу васъ завѣрить, ваше благородіе, что тамъ *кѣчки* видимо-невидимо.

— Курите-же трубку, почтеннѣйшій Варахисій Исаевичъ, сказалъ я дьячку.

— Благодаренъ весьма. Добрые у васъ *мысливскіе* сапоги; должно быть *пéредь* двойной. Вотъ въ такихъ цѣлый день броди по водѣ—не промокнуть.

— Дá, не промокнуть: на пузырьѣ... отвѣчалъ я.

Намъ надо было идти вереть пять или шесть. Погода отъ вчерашняго дождя была сыра; капли дождя блистали на камышахъ и веходахъ; дикіе гуси длинными лентами тянулись на югъ. И у меня, и у дьячка ружья были на-изготовкѣ.

Трудно мнѣ позабыть встрѣчу съ Варахисіемъ Исаевичемъ. Я въ жизни не видалъ дьячка съ такими рыцарскими наклонностями. Его положеніе было ему не по вкусу; онъ былъ двойникъ того романтическаго дьячка, который, подобравъ съ героическою неустрашимостью полы своего неизмѣримаго халата, когда Миргородъ или Переяславъ спитъ, перескакиваетъ черезъ плетень въ садикъ, гдѣ обыкновенно, затѣненная вишнями и яблонями, стоитъ бѣлая хата, а въ этой хатѣ — хозяйка, въ вышитой красною зашолочью сорочкѣ, — свѣжая какъ кровь съ молокомъ, — ждѣтъ кого-то, и еще не ужинала.

Варахисію Исаевичу лѣтъ около тридцати; его голову обливали пре красивые, природой завитые, русые волосы; готическій носъ—этотъ синдикъ лица человѣческаго—давалъ ему какое-то неоконченное выраженіе — птичье; глаза, опушенные длинными рѣсницами, темно голубые, какъ подъ вечеръ рѣчная вода, съ расширенными до невозможности зрачками, и другими признаками, давали замѣтить, что онъ часто не ночуетъ дома, по двумъ причинамъ: то сманить его волкъ, рыщущій

около овчарень зажиточныхъ мужичковъ въ зимнюю ночь; то, въ лѣтнюю, самъ онъ засядетъ на стародавнемъ валу, съ флажкою въ бездонномъ карманѣ, и поджидаетъ дичь иного рода. Ротъ съ африканскими губами, волоса, глаза, носъ, жили на его лицѣ безъ всякой связи, какъ будто Варахисій Исаевичъ все эти члены выпросилъ себѣ у добрыхъ людей. Шея была повязана бумажнымъ сивымъ платкомъ; длинная талия завернута въ демикотонный капотъ, стеганный ватой, котораго полы, расходясь отъ его большихъ шаговъ, ежеминутно цѣплялись за завороченныя голенища очень стоптанныхъ сапогъ; въ жилистыхъ рукахъ, какъ бы выкрашенныхъ скорлупою свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, онъ держалъ одно-ствольное ружье съ кремнемъ, и часто лазилъ въ карманъ своей зеленой жилетки съ мѣдными пуговицами, за табакеркой, на которой были нарисованы двѣ дѣвушки, прислуживающія двумъ обѣдающимъ офицерамъ, и съ надписью: *обѣдаютъ*.

Скоро шелъ дьячекъ по межѣ, вьющейся подъ гору; я порядочно отсталъ отъ него. «Какъ только дойдемъ до мельницы, сказалъ онъ остановившись, то оттуда сейчасъ будетъ видѣнъ баштанъ Замніусовъ, а дальше на *одинъ гонъ* — и *вершина* ставкѣ.»

Точно: на полугорѣ, у подошвы которой сочился ручеекъ, я увидѣлъ баштанъ. Около соломеннаго куреня, какіе всегда дѣлають у насъ на Украинѣ, разложенъ былъ огонь.

— Вотъ хорошо было бы, Варахисій Исаевичъ, зайти на баштанъ посидѣть около огонька да съѣсть дыню. Какъ думаете, продадутъ?

— И даромъ дадутъ, отвѣчалъ дьячекъ: — человекъ знакомый, прихожанинъ свой; я ему этого году далъ четыре заячьи шкурки. «Помогите, говорить: проклятый заяцъ ѣсть мои дыни, *нівечить* кавуны». Пришелъ я къ нему въ мѣсячную ночь, посидѣлъ около куреня и убилъ пятерыхъ.

Замніусъ, сѣдой, но здоровый старикъ, сидѣлъ передъ огнемъ. Онъ мѣшалъ липовою ложкою пшеничную кашу съ саломъ, и длинные концы его усовъ едва не падали въ котелокъ. Въ двухъ шагахъ отъ него лежала большая рыжая собака, изъ породы тѣхъ — или лучше сказать — такого характера, если только собака имѣетъ характеръ, который любятъ, повѣсивъ голову, идти съ чумаками при *хурь* и жить отшельниками, въ пасікахъ и на баштанахъ. Она хотѣла броситься на насъ, но, услыша знакомый голосъ: «цить, Борухъ!» опять свернулась въ клубокъ и закрыла носъ оставшимся кускомъ хвоста. Варахисій Исаевичъ поздоровался съ Замніусомъ, какъ давній знакомый, а черезъ минуту жел-

тая, сочная дыня, разрѣзанная складнымъ ножомъ хозяина, лежала передъ нами на чистомъ деревянномъ кружкѣ.

Мнѣ всегда нравилась лѣтняя жизнь честныхъ украинскихъ стариковъ или дѣдовъ. Бывало, съ ружьемъ въ рукахъ, измученный полудневымъ жаромъ июльскаго солнца, я часто съ удовольствіемъ спѣшилъ къ куреню одного моего любимаго діда — анахорета Ничипора. Онъ былъ пасічникъ *par excellence*. Еще далеко отъ лѣса, гдѣ стояли его ичелы, такъ и повѣтъ на меня ароматомъ душистой черемхи или цвѣтущей липы. Мой Ничипоръ, всегда въ бѣлой сорочкѣ, дѣлаетъ обручи, сидя верхомъ на своемъ неприхотливомъ стаикѣ; въ его куренѣ лежатъ заготовленные ульи для роевъ. Посмотрить на меня онъ пріятливъ; потомъ пойдемъ мы съ нимъ на пасіку, гдѣ на бархатной травѣ стоятъ чистые ольховые или липовые ульи, оберегаемые то молодой вишенькой, то широколиственнымъ кленомъ, то грушой-*лебединкой*, которой вѣтви подперты, чтобы не сломались отъ тяжести урожая. Отъ, говорилъ онъ, якъ Бѣжа бжолѣ працює. Се вона йде на шіргу. Зъ цѣго я вчѣра одібравъ роєкъ, да й накинувъ на цей *слабѣнький*.

Теперь не захожу я уже къ тебѣ, Ничипоръ, въ твою тишь, понятную измученной душѣ: умеръ ты, мой добрый старичекъ, и на твоемъ мѣстѣ поселился какой-то рыжеволосый черниговскій старовѣръ; я не отыщу уже другого, кто бы кормилъ меня такимъ пахучимъ *липнякомъ*, поплъ въ знойный день изъ искусно выдѣланной тыквы такую холодную водою, только-что зачерпнутою изъ маленькой, подъ вербою выкопанной, кринички, и рассказывалъ были изъ *давніхъ днівъ* такъ занимательно и живописно. Помню я твою поэтическую повѣсть, когда ты, Ничипоръ, убѣждалъ ребенкомъ отъ длиннаго спѣса Швачки и спрятался въ будянскіе камыши, а надъ тобою чайка, гайдамацкая птица, вилась и кричала!...

Вархисій Исаевичъ спѣшилъ.

— Пойдемъ скорѣе на ставъ, сказалъ онъ, отрѣзывая на дорогу, или, какъ онъ тогда выразился, на *посохъ*, огромный кусокъ красного арбуза: — видите, небо заваливается хмарами и вдругъ сдѣлалось парно; кѣчки и лыски теперь будутъ спать подъ самыми берегами, а дождь можетъ и *уливень* будетъ.

— Ничего! отвѣчалъ я: — не боится козакъ непогоды, лишь бы охота удалась.

— Дождь-то — пополамъ бѣда, замѣтилъ страннымъ голосомъ Вархисій. — Понастоящему, надо бы къ вечеру поспѣть; ато отецъ Семень

все сердится, консисторіей, духовнымъ правленіемъ, страшаетъ. » Доне-су, говорить, что ты не церковнымъ дѣломъ занимаешься, а шляешься, какъ шляхта какая, по болотамъ, съ собакою. « Ну, еще, сказавши слово истины, самъ батюшка ничего, да сынъ его, вотъ въ эти жнива, прѣхаль изъ Кіева; семинарію кончилъ, богословъ, — такая гордыня! Разъ я съ Пужеловскимъ — тоже оберъ-офицерскій сынъ — пришли къ нему, такъ, *побазікать*. » Нѣтъ, ты, говорить, поиди вонъ, *негодница*, отъ моего общества! »

Вдругъ изъ-подъ самихъ ногъ Варахисія Исаевича вылетѣлъ дубель-шнеспъ. Въ одно мгновеніе дьячекъ прицѣлился, на полкѣ взвился синій дымокъ, и бекасъ, прострѣленный цѣлымъ зарядомъ, не успѣвъ еще совершенно подняться, въ шести шагахъ упалъ отъ него.

— Молодецъ Варахисій Исаевичъ! (выстрѣлъ былъ мастерской) вы-пьемъ за упокой! сказалъ я.

— Жаль только, что вблизи отъ вершины: будетъ птица поосторожиѣе. *Кришикъ*, правда, штука; а всё лучше бы пустить зарядъ въ стадо утокъ, чѣмъ въ этого длинноносаго.

Ружье было заряжено, тщательно прибитъ огромный до неэфроатности зарядъ орѣховымъ шомполомъ и выпита чарка *старки*. Еще мы прошли немного, и вершина перегоновскаго пруда, закрывая ольхой, какъ частоколомъ, и заросшая камышами, открылась передъ нами.

— Ну, теперь будемъ же идти тихо; не говорите, ваше благородіе, ни слова, да не становитесь на сухія вѣтки, чтобы не хрустѣли подъ номи, а я вылѣзу на этотъ дубокъ да посмотрю, есть ли птица.

Дьячекъ снялъ съ себя свой демикотонный капоть и въ зеленой жилеткѣ съ металлическими пуговицами и въ палевыхъ лѣтнихъ панталонахъ, положивъ ружье на шанку, полѣзъ, съ ловкостью браконьера, на высокое дерево. На другой сторонѣ кто-то выстрѣлилъ. Варахисій Исаевичъ, внимательно смотрѣвшій вдаль, сдѣлалъ пресмѣшную гримасу и почесалъ голову.

— Богъ его знаетъ, что теперь и будетъ, сказалъ онъ слѣзая. Панъ Бернаръ это выстрѣлилъ:—знаете? А дичи было видимо-невидимо! Вся снялась и полетѣла туда, на восходъ солнца. Пойдемъ просто; проклятый изъ рукъ взялъ. Какъ у него стальной ружье не отобралъ! когда вся шляхта отдавала ружья.

— Печего дѣлать, замѣтилъ я, вынимая огниво изъ своего *гаманца* (покурить хотѣлось): — пойдѣмъ и на восходъ солнца.

Эти слова сказалъ я очень хладнокровно, да въ душѣ-то было не то.

Мнѣ всегда совѣстно горячиться на охотѣ—на землѣ и на водѣ, но не могу быть совершенно спокойнымъ. Бѣжить противъ меня заяцъ, — подумаешь себѣ: »что онъ за звѣрь? развѣ трудно убить его, косога?« И точно: приложившись не торопясь, выстрѣлишь и лежить передъ тобою заяцъ. Если это на облавѣ, — »съ мѣста не сойду, « думаю: »такъ гласить охотничій кодексъ«, и очень доволенъ собою. Но бѣда, если, выбравъ себѣ славную *шашку*, между двумя горками, и притаившись въ ней, я услышу, что Порва, славно и долго преслѣдующая лисицу, говить на меня. Заиграетъ, забьется, сердце. Но всё еще не теряешь своего убѣжденія, что торопиться грѣхъ, стыдно, слабость души; добро было бы въ восемнадцать лѣтъ! Вотъ собаки ближе, ближе; лисица, истомленная, со впавшими боками, едва дышущая отъ усталости, съ пушистою и красивою трубою, тихо идетъ на меня... остановилась и, поднявши переднюю лапку, острымъ рыльцемъ втигиваетъ въ себя воздухъ... Пропало тогда все: взволнованный убійца зайца приподнимаетъ дрожащею рукою ружье, грудь его тяжело дышетъ, пульсъ удвоенно бьется, и онъ, вмѣсто того, чтобы выстрѣлить, или кашляетъ, или тянетъ ружье за скобку указательнымъ пальцемъ. Такъ въ ту пору, когда лучше живется на свѣтѣ, когда сердце живетъ невыразимою и неукротимою любовью къ барышнѣ, пламенный юноша, переписавъ на розовой бумажкѣ золотыми чернилами страстное объясненіе въ любви, выкуривъ трубку Жукова, съ невѣроятными затяжками и скоростью, сѣшшитъ въ тѣнистую аллею сада къ очаровательной Александриѣ или розовенькой Marie, отпущенной домой въ субботу вечеромъ изъ образцоваго пансіона благородныхъ дѣвицъ. Юноша даетъ себѣ рыцарское слово быть хладнокровнымъ съ коварной, быть неумолимымъ, съечь ее молніею своихъ сѣренькихъ глазъ; но, обаянный чуднымъ голоскомъ очаровательной Александрины или хорошенькой Marie, вмѣсто заготовленной тирады и объясненія, говорить ей вовсе не то, что задумалъ.

Дьячекъ, какъ Могиканъ нашихъ луговъ, велъ меня по узкой, едва замѣтной, тропинкѣ тонкаго луга, заросшаго папоротникомъ, ольхой и сажеными травами. Горные ключи, бѣгущіе въ прудъ, на каждомъ шагу мѣшали намъ идти скоро, не смотря на мои аршинные сапоги, похваленные дьячкомъ. Я уже нѣсколько разъ едва ихъ не оставилъ въ дѣвственныхъ топяхъ. Огромный камышь, еще покрытый влагой обмочилъ насъ съ головы до ногъ. Но, вѣрные своей дѣли, съ вспотѣвшими губами, выбрались мы изъ вершины перегоновскаго пруда, съ неумолкаемымъ жела-

ніемъ перейти на другую сторону. Варахисій перезарядилъ сей-часъ свое замокшее ружье, осмотрѣлъ полку, подсыпалъ мелкаго пороху и моймъ огнивомъ оббилъ кремень, боясь, чтобы его ружьецо, съ надписью: X. Burda w Szorowiczach, не *завело*.

— Видите ли, говорить мой проводникъ, — вотъ тамъ на серединѣ, ближе немного къ правому берегу, чернѣеть? Это *качки*, а немного по-дальше, на косѣ, стоятъ двѣ цапли. Когда увидятъ они насъ — слетятъ, льяволы, и испугаютъ *качню*. Если подкрадемся какъ слѣдуетъ, то *ничего* будетъ.

— Что вы, Варахисій Исаевичъ? вѣдь утки передъ дождемъ жируютъ. Какъ же мы подкрадемся? Посмотрите-ка, какіи набѣгаютъ тучи и какъ ими заволоклое небо! дождь такъ и виситъ.

— Журуетъ качка передъ лѣтнимъ дождемъ, а въ осень по-подъ берега прячется да спитъ, знаете, подвернувши голову подъ крыло.

И такъ мы составили планъ, какъ повыгоднѣе подобраться къ уткамъ. Я говорилъ, что надо идти на прямикъ, прятая повозможности ружья; а мой дьячекъ утверждалъ, что надо *перельзть* съ начала черезъ глинистую гору, переправиться чрезъ лотоки оставленной, по старости, водяной мельницы, отбиться отъ злыхъ собакъ Прокошца, переходя черезъ его дворъ, и на огородѣ сѣсть въ капустѣ, отдѣленной отъ воды однимъ только аршиннымъ плетнемъ. Планъ былъ труденъ, но построенъ на совершенномъ изученіи сердца утки, и полномъ знаніи мѣстности. Я принялъ тактику дьячка, покорился ей; смѣлю полѣзъ на глинистую гору, и ушавъ сверху ея, свалился бы въ воду, если бы онъ не удержалъ меня за патронташъ; переходя лотоки, набралъ полные сапоги воды, и у Прокошца, вѣрно, желтая собака, которая лежала подъ большимъ навѣсомъ коморы, оборвала бы мнѣ полы моего камзола, если бѣ бѣлоголовый мальчикъ, будто облитый сметаной, въ отповскихъ *чоботяхъ*, не закричалъ на нее: *а ну, бісівъ собака!* По зато, минуты черезъ двѣ, я уже сидѣлъ въ капустѣ, а возлѣ меня въ двухъ шагахъ—Варахисій Исаевичъ. Подиолзши на четверенькахъ къ забору, сдѣланному изъ давно-высохшаго орѣшника, онъ разсматривалъ черезъ вѣтви его толпу заснуваго непріятеля и двухъ сторожевыхъ цапель, высохшихъ и худыхъ. Утки, какъ въ старину жители добраго города Лигтиха, жирные Фламандцы, спали, оберегаемые наемными ландскнехтами, людьми высокаго росту и блондинами.

Дьячекъ былъ недвижимъ, словно окаменѣлый. Я внимательно смо-

трѣль на его готическій силуэтъ и думалъ, не лучше ли было бы Варахицію Исаевичу служить хоть унтеръ-офицеромъ въ славномъ 4-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, чѣмъ читать, простуженнымъ голосомъ, невнятно для мірянъ пареміи, и пр.

— Качекъ, можетъ, сотняга будетъ; спать проклятыя, да и далеко! Нечего стрѣлять: мое ружье не возьметъ (это сказалъ онъ подползши ко мнѣ и снявъ картузь, чтобы онъ не былъ замѣченнымъ изъ-за плетня); шаговъ 90, а можетъ и цѣлыхъ сто будетъ: а ваше?

— Мое — Тула, тоже не достанетъ; подождемъ.

— Еще у васъ, замѣтилъ онъ, въ правомъ стволѣ и разстрѣль; должно разсыпаться очень. Сдѣлайте и вы себѣ, такъ какъ я, въ тыну дырочку, да вставьте стволъ; ловче будетъ приложиться. Эка какая их *сумма!* Вотъ, когда бы тотъ рыбакъ, что ѣздитъ по вершинѣ, поплылъ по-подъ тѣмъ берегомъ—хорошо бы было!

— Что же тутъ хорошаго? снялись бы онѣ, да и полетѣли; развѣ въ летъ довелось бы выстрѣлить.

— Гдѣ вамъ! Не боится утка, проснулась бы только да поплыла къ нашему берегу.

Съ послѣднимъ словомъ, дьячекъ опять подползъ къ своей дырочкѣ.

Но небесная экономія распорядилась лучше: не поплылъ съ вершины къ противному берегу *рыбакъ*, — онъ между очеретомъ все вытаскивалъ изъ *ятерей* карасей, хорошо ловащихся передъ дождемъ и, довольный удачею, вѣроятно рассчитывалъ, что за труды будетъ у него копѣйка на кварту горілки, которую онъ вечеромъ выпьетъ за столомъ въ арендѣ съ чумакомъ или съ постояльцемъ — саперомъ: зато сверкнула такая молнія, ударилъ такой громъ, что я невольно вздрогнулъ; точь-въ-точь будто выстрѣлили козацкія пушки въ Тарасову ночь, когда тѣ, которыхъ полегло тогда такъ много, одѣтые въ богатые *кунтуши*, съ *сигнѣтами* на пальцахъ и при дорогихъ *карабѣляхъ*, праздновали въ Переясловѣ послѣдній разъ въ жизни римское торжество. Точно, такого громоваго удара я ни разу въ жизни не слышалъ, кромѣ только, когда предъ моими глазами молнія убила одного Пичука, который стоялъ на горкѣ подъ дубомъ, съ колтуномъ подъ бѣлой валяной изъ шерсти шапкой и съ плетеной коробочкой за плечами.

Я взглянулъ на дьячка. Онъ дѣлалъ мнѣ не советѣмъ понятные знаки, грозилъ пальцемъ (изъ чего заключилъ я, что надо быть еще осторожнѣе), указывалъ на плетень и кусалъ ноготь большого пальца лѣвой руки: вѣрный признакъ, что онъ что-то видитъ, соображаетъ и горя-

чится. Я тоже, что называется, зарпортовался и вытянувшись по земли во весь ростъ, приползъ къ Варахисію Исаевичу.

— *Цытьте, цытьте!* прошептала онъ: утки у самого берега... пусть слывятся... слушайте только, когда я скажу *три*, — съ обѣихъ стволовъ палите!

Какъ сладко слушать такія слова! Какое томленіе разливается по жиламъ! *Млоть*, какъ говорилъ покойный Петръ Афанасьевичъ, поидеть по косточкамъ. Просунулъ я ружье въ щель плетня, посмотрѣлъ на ставъ. Ухъ! и написать пріятно: — недалше двадцати-пяти шаговъ плаваеъ стадо проснувшихся утокъ. Вотъ *подгоржалка*, вотъ *крыжняля*, вотъ *чирка!* Нѣкоторыя изъ нихъ будто хлопочуть; другія купаются, или ныряютъ; третьи, вѣрно постарѣе лѣтами и опытомъ, уже спать или флегматически ищутъ своими носами что-то подъ крыльями. Бѣдныя! Онѣ и не видятъ этихъ трехъ стволовъ, зіяющихъ изъ плетня, не видятъ меня съ ускореннымъ пульсомъ и дьячка — грозу хуже грома. Палець лежалъ уже на *собачкѣ*; но Варахисій Исаевичъ еще выдерживаетъ. Вотъ его губы сжимаются... взглядываетъ онъ своими зрачками на меня... изъ его стиснутыхъ зубовъ выходилъ глухой, но понятный для меня звукъ: *разъ*... я схватываю пять утокъ на цѣль... *два* — все готово... *три* — мы выстрѣлили.

Вѣтеръ отнесъ въ сторону дымъ; мы перескочили черезъ плетень; стоя удивленная, испуганная, снялась черной тучей; раненныя утки падали съ воздуха на воду.

Дьячекъ (я забылъ сказать, что его собака, конечно—фидель, имѣла привычку проголодавшись уходить домой) со всею возможною скоростью снялъ свой капоть, сапоги и со смѣлостью припорожекаго лоцмана, бросился въ воду. Не бралъ же онъ тѣхъ, которыя остались на мѣстѣ, нѣтъ; поплылъ сначала за подстрѣлками, нырялъ за ними, поймалъ шесть и вышелъ на берегъ. Убитыхъ и раненыхъ было двадцать-семь.

Онъ одѣвался, а между тѣмъ дождь полилъ. »Вотъ это у меня значить—*ничего* поохотиться, сказала онъ. — Хорошо, что вы цѣляли въ лѣвыхъ отъ меня; 27 штукъ! Да если только панъ Бернарь узнаетъ, то онъ все волосы себѣ вырветъ, — такой завидливый!

— Какъ же мы ихъ заберемъ? спросилъ я.

— А у Проковца-выкушника попросимъ мѣшка, да проливень пересидимъ, отвѣчалъ Варахисій Исаевичъ.

Не тяжело намъ было нести жирныя, сентябрьскія утки; дождь,

правда, вымочилъ насъ; но хата была близко. Опять, когда мы переходили черезъ дворъ, залаяла на насъ собака, не оставляя своего мѣста подь коморой, и чье-то усатое лицо выглянуло въ *квартирку*—украинскій *was-ist-das*. Мы вошли въ свѣтлицу.

— Добрій-вечірѣ! говорилъ дьячекъ;—се ви, Анто́не?

Усатое лицо, которое починало неводъ, былъ самъ хозяинъ, Анто́нь—Выкушицькь, *багатирь* перегоновскій — Прокопецъ. Въ свѣтлицѣ было очень чисто; подь каждымъ образомъ, которыхъ на *покути* было болѣе десяти, прилѣплена желтая восковая свѣчка; на бѣломъ, вымытомъ столѣ, закрытомъ *рушникомъ*, лежитъ *паланиця* и соль; у стѣнки — полъ, т. е. нары и на нихъ постель, съ пятью большими подушками; близъ нея—сундукъ, выкрашенный голубою краскою съ желтыми цвѣтами; возлѣ дверей — полка, на которой стояли миски *полівни*, *дйбенські*, тарелки съ синими обводками; а на *приничку* большой печи сидѣла старая, престаран баба, вся въ морщинахъ, и пряла, нашьвая потихоньку, не смотря на нашъ приходъ, известную на Украинѣ пѣсню:

Ти, пане Потбцький,
 Еретичий сїну!
 Запастивъ Польшу, Литву
 И всю Україну.
 Була твої думка,
 Щобъ королемъ стати...
 Не такимъ кпамъ, пане-брате,
 Въ Польші крулювати.
 А той панъ Пузавський
 У Турка въ залозі.
 Плаче, тужить и сумує
 О Польші небззі!

Сѣдня, уже пожелтвшія пасмы волосъ, нечесанныя, вышолзали изъ-подь холщоваго платка, которымъ была повязана голова бабы. Лицо ея все какъ замороженное и въ теплѣ оттаявшее яблоко, было покрыто рѣзкими и глубокими морщинами; изъ подь нависшихъ густыхъ бровей смотрѣли два черные, глубоко запавшіе глаза. Старуха не обратила на насъ никакого вниманія, и пока мы у Антона, ея сына, просили мѣшка, рассказывали свое *полюванье* и ѣли пшеничную кашу съ масломъ, баба всё продолжала погребальнымъ голосомъ пѣть горькую думу, послѣднюю жалобу уже несуществующаго королевства.

Я люблю старину и былевья пѣсни нашего Заднѣпровья, оттого ли,

что въ бѣшенную юность, на бѣшенномъ конѣ, лунною ночью, я разбросалъ по ея стенамъ, заросшимъ перекати-полемъ и усѣяннымъ курганами, этими нѣмыми свидѣтелями загадочной старины, много горячихъ грезъ, которыя тогда яснѣе понимались, теплѣе ложились на душу; оттого ли, что я много съѣлъ здѣсь сочныхъ сливъ и розовыхъ кавуновъ и что у меня есть много знакомыхъ шалинокъ, балокъ, гуцовинъ, откуда выкрадывается лисица; оттого ли, что у меня есть еще одна недосказанная причина; но повстрѣчаю ли, въ майскій вечеръ, чумацію *вѣлку*, остановившуюся ночевать на одвѣчномъ *Муравскомъ* или *Черномъ шляху*, широкому и поросшему чистою травою, на которой едва замѣтны колени,—я всегда скажу сѣдому, черствому чумаку, сидящему около *багтя*: «добрій-вечіръ, козаче!» поѣмъ его каши и пшеничныхъ сухарей, спрошу, приставаля ли онъ или отецъ его, недоходя Конскихъ водъ, у бѣлой хаты Зимовника, надъ рѣчкой, у уединенной балки или у крыницы съ журавлемъ и жолобомъ, и, перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза; мазалъ ли онъ свою рубаху дегтемъ, заряжалъ ли свою ружницу, вынималъ ли изъ воза пику, вѣшалъ ли онъ на шею гаманъ съ печатнымъ билетомъ, казенною печатью и турецкимъ переводомъ этого ярлика; много ли татарскихъ табуновъ встрѣчалъ его батьбо до Перекопской *башты*, и обижали ль его на соленыхъ озерахъ дыздари, иманы и каймаки. Увижу ли въ лѣтній жаркій полдень, возвращаясь съ охоты, дѣда, сидящаго на широкой *присѣбі*, любующагося божьимъ солнышкомъ и своими внуками, а можетъ и правнуками, пересыпающими песокъ на улицѣ, — я всегда подойду къ нему и узнаю: «чи плаче козакъ старѣсенъкий, та по своей молодости,» увидѣвши, какъ говоритъ пѣсня, орла летающаго высоко надъ берегомъ синяго моря; помнить ли онъ *руину*; сидятъ ли еще гдѣ-нибудь на пацери церковной *буваляци* съ отрубленными на-крестъ рукою и ногою, по суду одного человѣка, жестокость котораго сеймъ долженъ былъ унимать особымъ декретомъ; большой ли былъ онъ въ Великую зиму? Встрѣчу ли я, ѣдучи къ Василью Васильевичу, въ сѣрый денекъ, козака, въ кобелякъ, въ барашковой шапкѣ и съ *каптуромъ*, ѣдущаго частой рысью, на поджаромъ рыжемъ конѣ,—мнѣ уже такъ и кажется, что онъ свою жінку проминавъ на тюпюнъ та люльку, или везетъ дукаты куда-нибудь далеко, къ пузатому пану. Точно, любить Украину — моя болѣзнь — моя *maladie du pays*, и потому когда я все свое вниманіе у Прокопца сосредоточилъ на бабѣ и разсматривалъ ее съ жадностью, подобною той, съ какой смотритъ нумизматъ на старую антикапейскую монету, а диле-

татвѣ на фрески Мурильо и фламандскіе скиць-фрески Рубенса и Ван-дика. Нѣтъ для меня красоты онасте 80 лѣтней старухи, живой развалины, которая надорваннымъ, неровнымъ, но очаровательнымъ для меня голосомъ поетъ старинный народный романъ, и трясется отъ дряхлости.

— Мой козакинъ, совершенно мокрый, сохъ на печи. Варахисій Исаевичъ давно уже вложилъ утки въ мѣшокъ, а дождь не переставалъ, но всё еще увеличивался.

Антонъ былъ человекъ большого практическаго ума, только съ свойственной нашей почвѣ логикой. Въ разговорахъ нашихъ, была большая вѣжливость, особенно когда дячокъ, на вопросъ его: кто я? отвѣчалъ ему, что должно быть офицеръ и дворянинъ, только не шляхтичъ.

— Говорили мы о холерѣ.

— Теперь на всѣй околицѣ нікого нема старіішого одъ моєї нѣні, продолжалъ Антонъ. — Старій Юзефійський Заецъ давъ дуба, певню, не відъ холеріі, а одъ літъ. Отъ коли бували ви въ Макіевській церкві, то одъ прѣвого криласа, може бачили вкѣну Спаса, що Заецъ пожертвувавъ Бѣгу на викупъ грѣхивъ, ще за королевство, якъ чумѣ грасовала. Старій бувъ дуже чоловікъ. Мати говорять, що ёму було літъ сто; притѣмний и вмеръ, все памятавъ. Бувало розказуе, що тутъ у насъ по степахъ були такі озера зъ рибою, и трава, що вилъ якъ зійде, то й не видно.

— А пѣнци вашій, пане Анто́не, скілько лічите? спросилъ я.

— Да, літъ девятьдесять може їмъ и бѣде. Ви самі, пане милостивий, роснитайте їх; пошануйте вашою горілочкою... ну, горілка!.. то вони вамъ такѣ скажуть, що ви ище ні відъ ко́го и не чули.

— Ихъ матушка, прервалъ дячекъ, благодаря Антона за обѣдъ, отъ які старі, а що-неділі бувають у храмі.

— Ще зъ унѣками, сказала 65 лѣтній сынъ, то-рікъ на городі пололи. Тільки глуха трѣшки, да сердіта така: все свѣритца. Сказано, христіанінові уже мабутъ важко віку доживати.

Старуха, переставъ напѣвать свою лебединую пѣсню, безсознательно смотрѣла на насъ. Умолкшее веретено лежало на ея колѣняхъ. Я взялъ у хозяина, вмѣсто своей охотничьей чарки, рюмку, разрисованную желтою масляною краскою, вытеръ ее рушникомъ, налилъ своей водки, и поднесъ старухѣ.

— Вікушайте, бабѣсю, на здоровья.

Старуха, поклонившись, выпила.

— Що, бабѣсю? зіма на-дворі, скѣшно вамъ бѣде сидіти на печі?

— Байдужé! отвѣчала она.

— Хибá все одно, що въ садú сидіть, що на печі!

— Старóму все рівно. абі костя́мъ тепліи́шъ.

— Будто жъ ви уже такі старі?

— Дá, старéнька-такі. Якъ Швáчка бувъ у насъ у селі, то я носіла ёму, дитино́ю, суні́ці та полуни́ці.

— Бúдто жъ ви, бабúсю, гайдамáчнину зазна́єте? спросилъ я съ тайно́ю радостью.

— Отъ такъ-такі, па́не, чи якъ васъ! да Швáчка жъ при мо́їхъ о́чахъ Гроздо́вському-кателі́ку краси́н чоботки по́шивъ! За правосла́віе підні́вся, щобъ насъ та по́шивъ на́шихъ не му́чили бази́ліяне та уніа. Ему, ба́чите, ца́риця гра́моту золо́ту дала; у скрі́нці вінъ її вози́въ и намъ по́казува́въ. Оттакі кі́тци (1).

— А що, бабúсю, стра́шно бу́ло, прерва́лъ я ее, наливая еще рюмку *aquae vitae* — это́го аликсепру, воскрешаю́щаго и убиваю́щаго.

— Правосла́вію нічо́го, а жи́дові и кателі́камъ бу́ло тя́жко щобъ це́ркви не отдава́ли и не бра́ли, якъ корчмі́, въ о́ренду, такъ якъ за Хмельни́цького.

— Хто жъ се бу́въ Хмільни́цький? спросилъ я.

— Хто! Гетьма́нъ, коро́ль коза́цький. Ді́дъ мій за ёго роска́зува́въ. Войну́, ка́же, съ Лиха́ми то́чівъ за правосла́віе. Въ Бі́лій Це́ркви и за́мокъ ёго обварова́ний бу́въ.

— Вона́ вамъ, па́не, ще й не те роска́же, сказа́лъ ми́ѣ Анто́нъ, ко́гда я, заня́тий кру́тими историче́скими отвѣ́гами ба́бы, самъ незнаю́ для чо́го, на́лилъ ему́ рю́мку водки: — вона́ все зна́е, що́ бува́ло въ старови́ні не за на́шої па́м'яті. Бува́ло, що-неді́лі хо́дить до по́койно́ї шамбе́ляно́вої въ Васи́лівщину, тамъ и но́чує, все проме́ж собою́ *бала́кають*, якъ-то ко́лись у сві́тахъ дія́лось. И тепе́рь мовчи́ть де́нь, два, три, та вже якъ и за́чне роска́зува́ти, то то́лько слуха́й!

— ...Ві́нь и Ки́ївъ и Укра́їну до ца́ря приверну́въ, та по́слі́ яко́сь изно́въ ца́риця крú́лю Станисла́ву подарува́ла Укра́їну, а Ки́ївъ изъ святи́ми це́рква́ми, ажъ по са́мую Ми́тницю, и съ че́рнечими се́лами, бу́въ Моско́вській.

(1) Извѣство, что для большаго успѣха въ своемъ предпріятіи, гайдамаки составили поддѣльную такъ-названную въ народѣ *золотую грамоту*. Подлогъ приписывали лицу, озлобленному противъ иновѣрныхъ соперниковъ. Гайдамаки, безъ сомнѣнія и сами (кромѣ немногихъ) вѣрвали въ неподдѣльность кроваваго акта. *Ред.*

«Вотъ какая ты баба!» думаю себѣ.

— Бўдго, бабўсю, ужє такъ вѣжко бўло вамъ пїдъ Пўльщєю одъ панївѣ?

— Одъ панївѣ ще не дўже: панївѣ — дїдичївѣ нїкоби й не бачили; маїнткомъ прѣвили губернѣторв. Оддамў бўло *данїну*, десѣтїну всєгў, а *пѣнципи* — хибѣ тїлько дрўва возїть. За вїру, за благочєстїе бїльше всєгў терпїли. Мўчѣть бўло унїяти. Отъ недалєко въ Мўшиахъ, чи въ Мєдвїни, — забўла я, — зїбрѣли унїяти сїмъ благочєстївїхъ пошївѣ: «клѣнайтєсь, кѣжуть, панїжу рїмському!» — «Не хўчємо,» говорѣть. Во-ни взѣлїта и посадїли їхъ пїдъ сажъ, де годўванихъ кабанївѣ держѣть...

— Вїхўдїть, бабўсю, якъ тї говорїшъ, гѣйдамѣщина за вїру постѣла.

— А тожъ чўгў? Тїлько що москалї вмїшѣлиєсь, не далї ходу Максїму Зѣлїзнякў: — боялїсь, щўбъ зновъ не зробїлось козѣщїни.

— Вєлїкий бўвъ смўтокъ, бабўсю?

— Смўтокъ бўвъ Лѣхамъ та Жїдѣамъ; а якъ утихомїрили, то зробїв-ся смўтокъ и намъ; — шукѣли вїновѣтїхъ и ще гїрше почѣли напїратї на благочєстїя. Отъ усї цї сєла: Макїєвка, Перегўнївка, Деремѣзнѣ, Васїлївщїна, тодї перевернўлись на ўнїю.

— Такъ и ти, бабўсю, бўла унїяткою?

— А якъже! Вїра все, здаєтца, однѣкова, тїлько попї безъ бородї ходїли *въ ресерєндї*; понѣшому невѣче слўжѣть, а *крыжємъ* якъ у ко-стєлї пѣдають; и дзвўни бїли, вечєрню, ўтрєню служїли. Дїтєй малїхъ збїрають, кѣтєхїза ўчѣть...

— И ти, бабўсю, учїлась?

— А якъже! Такъ зѣразъ и шїтѣє: «А щў є Панъ-Бугъ?» Скѣжєшь ємў, — вїшъ ѣблуко абў рїжкївъ изъ кшєнї вїїмє та й даєть.

— И дўвго бўла унїя?

— Гу-гу, я вжє зѣмужомъ бўла; Антўна могў ще унїєтський вїшъ хрєстївѣ; а вїшъ у мєне не первїй: бўла пєрва-покїйна Гѣлька, Самїйло; а вїшъ у мєнє трєтїй.

— Звѣчїть, якъ ужє Пўльщу роздѣлили?

— Прѣвду кѣжєтє. Бў якъ круль бўвъ у насъ въ Васїлївщїнї; то добрє памѣтѣю, щў ще не бўло благочєстїя.

— Ти и круля, бабўсєвкў, бѣчїла? Рєскажї, мўй зозўлєвкў, усє якъ бўло!

— Отъ якъ сє бўло, панїчу. Сє бўло въ однїъ годъ зъ вєлїкою зї-мўю (1787); якѣ вонѣ бўла, вамъ, панїчу, мѣбуть, случѣлось чувѣти. Снїгї бўли такї, щў не довўдъ Гўсподї! Изъ хѣти дверєй не мўжна бўло одчїнїть.

Одчистишь снігъ у-день, а вночі зновъ такє завіє, що черезъ дірку въ криші треба вилізати на двірв. Худоби нічимъ було кормить, топить нічимъ. Такъ, якъупала зіма на Покрѡву, то лежала до сáмого Юрія. Памятѣю добре, передь самімъ Благовіщенямъ пройшла чѣтка, що король у Канівъ иде, щобъ побáчитись изъ царіцею. Вінъ, росказували, бувъ їй братѣха въ дрѹгихъ; а въ Київъ, бáчте, ёго не пуєвали пані: боялись, щобъ вінъ не втікъ. И нашъ панъ *грабя* Тарновскій прихавъ, зъ жінкою, въ Василівщину, и напросивъ короля, якъ бѣде їхати зъ Хвáстова, то щобъ и до ёго вступивъ. Оттамъ, де тепѣрь будинокъ пана Левандовського, въ ті часи бувъ замокъ и *зводзѡний* мѣсть и гармати, а кругѡмъ вода обливáла; на *виспѣ* стоявъ; тілько одинъ бувъ до ёго вхїдъ черезъ мѣсть, та нá нїчъ ёго піднімáли; нельзя було нікому увійти, якъ ёго, бувáло, зведуть. Послѣ палаць той згоривъ; грабя маёнтокъ продавъ шамбеляну Проскурі: не захотівъ, знаєте, підъ Москалёмъ оставáтись. Ужє й *жовнири народѡві* прийшли, почали зъїзжатица пані, чѣмъ — у дзвѡни дзвѡнять, въ гармати бьють; треба було и собѣ подивитица. А тугъ ужє и заkáзь есть: бігають по сѣлахъ осаули на коняхъ и веі громади, чоловіківъ, жінокъ, дїтєй вигонять, щобъ на рáнокъ у Василівщині стáли привитати крѹля. Кѡмѹ було далєко йти, то мѡже, ще зъ вѣчора вийшовъ, а намъ недалєко, бѣльшъ одинъхъ гоней нема изъ Перегонівки въ Василівщину; да ще заказують одагнѹтица въ самѹ крáщу одѣжину, а одагáлись тоді кудї лучче противъ теразійшого: все, бувáло, въ жубанáхъ сїнїихъ та зелєнїихъ. Пішла и я съ дїтьми... Народу видимо-невидимо! и жіночого, мѹжецького—якъ мáківъ цвітъ горить. Бігає губернаторъ и веякі экономи, щобъ народъ поставитъ зъ обѡхъ бѡківъ *Трихвáльної брáми*. Коли якъ почали палитъ изъ гармáтъ, тоді и догадáлись усї, що значить крѹль виїжджає та вихѡдить въ палацу на гáнокъ; увесь народъ такъ и *ревє*, а гармати бьють! Переїхавъ вінъ черезъ мѣсть, бачить у трихвáльної брáми недалєко стоїть вїль зъ золотїми рогáми, громади зъ хлѣбомъ сїллю, ужє значить на пожегáння; вийшовъ вінъ изъ *карїти*, клáняетця народу; такий пристѡйний, висѡкий, *у фрáці*, въ перѹці, привітливий. Народъ ёмѹ клáняетця, а вінъ народу, и поїхавъ зъ Бѡгомъ на Потѡкъ.

— И ти, бабѹсю, своїми очїма все те бачила? сказаль я, для того только, чтобы прислушаться къ послѣднему тону ея вѣрнаго историческаго расказа, который такъ безошибочно сохранился въ ея памяти.

— Своїми, своїми, панїчу, якъ піби вчѡра все те діялось. Старєнька я дѹже, дѹже... нá що менє Богъ милосѣрдний на свѣті держить...

— Ну, Варахсій Исаевичъ пора и домой! къ вечеру опять, дождь будетъ. Забирайте охоту нашу. Спасибі, Анто́не, за хлѣбъ, за сѣль! Спасибі тобѣ, бабѹсю, за старѣ слово....

Какъ была исторически вѣрна, въ своемъ разсказѣ, моя бабуса, Прокочиха, скажетъ для любопытныхъ Нарушевичъ и графъ Платеръ. (Podróż Króla Stanisława Augusta do Kaniowa. Wilno 1860 года)... »Король рано прѣѣхалъ въ Бердичевъ. Онъ остановился въ палацѣ княгини, конюшни Литовской, Радзивиловой, урожденной Каменской. Эти четыре мили изъ Чуднова король ѣхалъ въ каретѣ; снѣгу было такъ мало, что въ саняхъ было неудобно ѣхать. Когда король вѣѣзжалъ въ городъ, его уже не встрѣчали пушечными выстрѣлами изъ Бердичевской крѣпости, потому что, заранѣе предупредили ксендзовъ Кармелитовъ, чтобы они оставили въ покоѣ свою артиллерію; шесть лѣтъ назадъ зарядъ чуть не попалъ въ королевскую карету. Во время обѣда, его величество спрашивалъ: какъ великъ у Кармелитовъ ихъ крѣпостной гарнизонъ? Отвѣчали, что онъ состоитъ только изъ 24 человекъ; а когда рѣчь зашла о богатствѣ мѣстечка, Потоцкій, старостичъ Гузовскій, отвѣчалъ: что болѣе всего мѣстечку благопріятствуютъ ярмарки, изъ которыхъ значительнѣйшая Ивановская, во время которой, торговля между купцами русскими, польскими и турецкими, такъ бываетъ значительна, что въ торговомъ оборотѣ можно считать до нѣсколькихъ милліоновъ золотыхъ.

»19 марта, въ день св. Іосифа, въ половинѣ восьмого поутру, король изъ замку отправился къ обѣднѣ, а послѣ простившись съ княгиней Радзивиллъ и Вороничевой, каштеляновой Белзской, съ сенаторами и помѣщиками, прежде чѣмъ сѣлъ въ экипажъ, велѣлъ себѣ показывать крѣпость. На обѣду, отца-коменданта не было дома, а пріоръ не умѣлъ ее хорошо представить. Найяснѣйшій панъ, имѣя въ немъ дурного проводника, ничего не увидѣвши, выѣхалъ изъ Бердичева въ дурномъ расположеніи духа. По этому поводу, думалъ я, добавляетъ Платеръ, что для от. Кармелитовъ было бы плохо, еслибы кто-нибудь подалъ ему мысль, отобрать отъ монаховъ крѣпость и назначить коронаго коменданта, съ приличнымъ гарнизономъ, такъ какъ сдѣлано въ Ченстоховѣ, гдѣ Паулины имѣли прежде свою команду и содержали *praesidium*; а теперь, избавленные отъ этихъ житейскихъ хлопотъ, имѣютъ маіора комендантомъ и сто человекъ гарнизону, которыхъ содержатъ изъ своихъ доходовъ. Желая развеселить короля, мы, съ генераломъ Комаревскимъ, рассказывали ему дорогою о войнѣ Бердичевскихъ

Кармелитовъ съ Любельскими Доминиканами, которые долго тягались съ ними за тѣло Януша Тишкевича воеводы Кіевского, умершаго въ Люблинѣ во время войнъ Хмельницкаго, изъ которыхъ первые, по суду приобрѣвши прахъ своего фундагора въ 1759 году, рѣзной мавзолеей тому же Тишкевичу въ своемъ костелѣ сдѣлали..... какъ потомъ, во время послѣднихъ конфедератскихъ волненій, всѣ женщины собравшіяся изъ Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ, должны были перенутаться, когда Кречетниковъ, осаждая конфедератовъ, запершихся въ кляшторѣ, пустилъ бомбу, а она, пробивши сводъ церкви, влетѣла въ нее и упала среди толпы.

»Такъ разговаривая, мы доѣхали до *Бьлополя*, родового имѣнія Викентія Тишкевича референдарія Литовскаго, который былъ женатъ на племянницѣ короля, родной сестрѣ Юзефа Понятовскаго. Народъ радостными кликами привѣтствовалъ короля; но онъ, не останавливаясь и минуя мѣстечко, поѣхалъ прямо въ *Чернорудню*, имѣніе каштеляна Каменецкаго, Свейковскаго. Здѣсь только завтракали, перемѣнили лошадей и поѣхали далѣе. Часу въ первомъ по полудни на мѣсто бискупа Нарушевича, который не просилъ у короля позволеніе ѣхать въ *резервь*, въ его карету сѣлъ генераль Любовицкій и такъ ѣхали до *Паволочи*. Здѣсь Зѣлинскій, каштелянъ Бецкій и Цыринъ, староста Тарабовскій встрѣтили короля въ ратушѣ, гдѣ ему приготовленъ былъ ночлегъ. На другой день, 20 марта въ 8 часовъ утра, король выѣхалъ изъ *Паволочи* по сухой дорогѣ, немножко попорошенной снѣгомъ и чрезъ два часа прибылъ въ *Почуйки*, деревню Рыльского, гдѣ, встрѣченный владѣльцами, вышелъ на нѣсколько шаговъ изъ кареты. Неожиданно нашелъ онъ, среди украинскихъ стеней, прекрасно меблированный домъ, хотя и деревянный, и въ немъ хозяевъ и гостей не льстецовъ придворныхъ и не дикихъ домохозяевъ. Два родные брата Рыльскіе, владѣльцы Почуекъ, были сыновья того Рыльского, который при жизни Мишка, каштеляна Краковского, нѣсколько лѣтъ управлялъ Бѣлоцерковщиной, и, какъ главный губернаторъ, получая 12,000 злотыхъ жалованья, при воздержномъ образѣ жизни, по смерти своей оставилъ дѣтямъ двѣ деревни.

»Въ этомъ безлѣсномъ краѣ чрезвычайно трудно обзавестись деревянными строеніями; поэтому и отопленіе здѣсь много стоитъ; по нуждѣ — мать изобрѣтеній, пишетъ Платеръ: я, съ истиннымъ удовольствіемъ, увидѣлъ здѣсь подражаніе открытію, которое до этихъ поръ приписывалъ себя, это — огрѣваніе двухъ избъ однимъ огнемъ.

»Король выѣхалъ въ 10 часу отъ Рыльскихъ, и переѣхавши за ми-

лю отъ Хвастова валь раскопанный на дорогѣ и тянуційся далеко по обѣимъ сторонамъ ея, прїѣхаль, въ первомъ часу, въ *Хвастовъ*, мѣстечко принадлежащее Кіевскому бискупу. Его принимали въ бискупскомъ дворцѣ каноники Кіевскіе: Палуцкій, архидіаконъ Черниговскій, и офіціалъ Степкій, коадьюторъ архидіакона Кіевского, и Островскій, каноникъ Кіевскій, управляющій бискупскимъ имѣніемъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся умаиской рѣзни (*rzeź humaniska*); разказывали королю, что въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ онъ находится, и на дворѣ, во время этой страшной рѣзни, семьсотъ человекъ пали жертвой... Послѣ ксендзъ Палуцкій говорилъ о кристалахъ, находящихся подъ Бѣлополемъ, краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣта, которыхъ образцы показывалъ и ошлифованнымъ въ перети и въ природномъ видѣ. По этому поводу ксендзъ Островскій разказывалъ, что когда Маршалкова Сангушкова, лѣтъ 30 назадъ, дѣлала фундаментъ для своего Заславскаго замка, то рабочіе нашли окаменѣлый скелеть слона, который, выкапывая, по неосторожности, разбили на куски. По хуже этого то, что народъ, превратя эти кости въ порошокъ, какъ лекарство употреблялъ отъ поноса.

»Послѣ обѣда и кофе, часу въ пятомъ, неожиданно прїѣхаль изъ Кіева фельдмаршалъ князь Потемкинъ, намѣстникъ Тавриды и Екатеринославля, послѣ покупки Смѣлянщины, за два милліона рублей, польскій шляхтичъ и помѣщикъ, вмѣстѣ съ графомъ Штакельбергомъ, русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ, гетманомъ Браницкимъ и принцемъ Нассауекимъ, засвидѣтельствовать королю свое уваженіе.

»Для короля, истомленнаго четырехъ-недѣльной дорогой и получившаго насморкъ, прїѣздъ этихъ неожиданныхъ гостей былъ прїятнымъ и успокоительнымъ случаемъ; а какъ они, рано выѣхали изъ Кіева, и нигдѣ не обѣдали, то король приказалъ подать кофе покуда будетъ для нихъ къ 7 часамъ приготовленъ ужинъ. Его величество, хотя и не ужиналъ, но сидѣлъ за столомъ, пилъ за ихъ здоровье, и полный повечительной доброты, пошелъ самъ съ ними во флигель, для нихъ назначенный, простился съ ними и уходя, не велѣлъ беспокоиться провожать себя обратно. Передъ ужиномъ еще найяснѣйшій панъ познакомилъ съ княземъ Потемкинымъ бискупа Нарушевича, который, чрезъ свое новое сочиненіе *Taurika*, былъ для намѣстника этого края еще болѣе замѣчательнымъ; князь задержалъ его у себя болѣе часу, разговаривая съ нимъ объ исторіи Скивовъ, Хозаровъ, Гушновъ, Угровъ и другихъ, ко-

торые когда-то заселяли эти мѣста, и о родствѣ или сходствѣ языковъ греческаго съ латинскимъ, турецкаго съ арабскимъ.

«Король зная, что гости его, только на другой день послѣ завтрака располагали выѣхать, рѣшился слѣдующій цѣлый день пробить въ Хвастовѣ.

«21 марта въ 8 часовъ, всѣ были уже одѣты. Графъ Штакельбергъ имѣлъ аудіенцію у короля. Послѣ дали знать князю, что онъ можетъ уже представиться королю. Потемкинъ сообщилъ тогда пріятную для Польши новость, что императрица, въ день своего рожденія, даровала крымскимъ гаванямъ порто-франко, выгодное для Польши и для Черноморской торговли. Послѣ, кіевскіе гости сѣли за вѣсть, а король занимался въ кабинетѣ, игра продолжалась до полудня; а какъ князю надо было поскорѣе возвращаться въ Кіевъ, то онъ и намекнулъ объ обѣдѣ, который король велѣлъ подавать въ половинѣ перваго. Потемкинъ, пишетъ Платеръ, выказалъ за обѣдомъ глубокое знаніе исторіи русской и граничившихъ съ нею государствъ, ихъ вѣры, языка и обычаевъ; но все же пріятнѣйшимъ разговоромъ былъ для него Крымъ... Король пилъ за его здоровье, — Потемкинъ всталъ и не хотѣлъ сѣсть, отвѣчая пайяснѣйшему пану пріятнымъ комплиментомъ, что онъ обыватель польскій.

«Послѣ обѣда князь Потемкинъ откланялся, а на предложеніе дружбы, сдѣланное королемъ, обѣщалъ ему свое доброжелательство и, поцѣловавъ руку въ знакъ покорности (!), отправился обратно въ Кіевъ.

«Мы также на завтра, говоритъ староста Инфляндскій, выѣзжаемъ изъ Хвастова, который припомнить потомкамъ нашимъ дни пребыванія въ немъ короля польскаго и вниманіе, оказанное ему особой сильной въ европейской политикѣ. Къ этому еще надо припомнить, что ханъ крымскій Шейнъ Гирей, поддавшійся Россіи со всѣмъ своимъ краемъ, неизвѣстно почему, оставивъ (въ Кагулѣ) спокойное мѣстопробываніе и 80,000 пансіону, отдыхалъ въ Хвастовѣ на пути въ Турцію, десять дней, сопровождаемый двумя своими канцлерами, двумя маршалками двора, тремя стами слугъ татаръ и конвоемъ русскихъ изъ восьмидесяти человекъ, подъ командою полковника.

«Король, выѣзжая изъ Хвастова 22 марта, взялъ въ свой экипажъ принца de Ligne и графа de Dillon. Предъ Мытвицей, половина которой принадлежала гетману Браницкому, а другая Руликовскому, его встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Потоцкій, воєвода русскій, начальникъ украинской дивизіи, съ почетнымъ карауломъ и отсалютовавъ его палашемъ,

верхомъ провожалъ на станцію. Тамъ, простившись съ тѣми, которые ѣхали въ Кіевъ, король въ одномъ экипажѣ съ Потоцкимъ, Нарушевичемъ и Платеромъ, ѣдучи почти по чертѣ русекой границы, часу въ третьемъ гдѣ пріѣхалъ въ *Василевщину*, отъ владѣльцевъ ее графа Тарновскаго и супруги его, урожденной Устрицкой, былъ радушно принять.

»Палацъ здѣшній окруженъ водою, а большая деревня, его окружающая, тянется далеко яромъ. Это мѣстоположеніе припомнило мнѣ (я позабылъ записать), что почти отъ самого Чуднова, ѣхавши низинами и степями, на пространствѣ трехъ, четырехъ и пяти большихъ украинскихъ миль, мы не видѣли ни одной деревушки; онѣ все скрывались отъ насъ въ ярахъ, гдѣ жители удобнѣе могли пользоваться водою, текущею въ долинахъ. Другая замѣчательность въ степяхъ украинскихъ, — это разбѣянные по полямъ могилы, обыкновенно называемыя курганами, которыхъ значительное число останавливаетъ любознательнаго путника. Общее мнѣніе относитъ ихъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ и козачьихъ бунтовъ, которыхъ театромъ была Украина; но безчисленное множество этихъ могилъ, выкапываемыя изъ нихъ кости, уже обратившіяся въ бѣлый порошокъ и въ мѣло-подобную массу, кажется доказываютъ, что то старѣе набѣговъ татарскихъ. Къ этимъ замѣчаніямъ привели насъ чаще обыкновеннаго сегодня замѣчаемыя могилы. Историческая проникательность Нарушевича, знакомство короля съ мѣстностью и нѣкоторыя замѣчанія Потоцкаго, склоняли гипотезу къ тому, что могилы могли быть указаніемъ войнѣ Дарія, потому, что онъ, по Геродоту, гнавши Скивоовъ, переходилъ Дунай и Гиппаніею, нынѣшній Бугъ, протекающій въ Украинѣ. Его многочисленныя полчища могли быть причиною и сраженій и могилъ; теперь еще попадаются, выкапываемыя въ разныхъ мѣстахъ мѣдныя наконечники скивскихъ копій; а Геродотъ упоминаетъ, что оружіе Скивоовъ было — копіе съ мѣднымъ остриемъ. Прибывши въ *Василевъ*, король пообѣдалъ въ третьемъ часу и поговоривши съ подскарбіемъ Литовскимъ, по причинѣ кашля и головной боли, удалился въ свои покои, предоставляя обществу полную свободу. Часу въ шестомъ послѣ обѣда найяснѣйшій панъ вышелъ изъ своихъ комнатъ, несмотря на сильную боль головы. Въ залѣ былъ сдѣланъ гротъ, украшенный сосновыми вѣтвями и гирляндами, а посреди его стоялъ алтарь, сдѣланный съ дерну. Передъ вензелемъ короля, стоящемъ на алтарѣ, графиня съ панной *Puzynianka, staroscianko Upińska* и другими дамами, пѣли приличныя этому случаю строфы; а въ

сторонѣ, старецъ, аллегорическое Время, держалъ раскрытую книгу и писалъ въ ней слѣдующее: «Въ 1787 году 22 марта его величество Станиславъ Августъ король Польскій, великій князь Литовскій, при проѣздѣ своемъ въ Каневъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ домъ графа и графини Тарновскихъ въ ихъ наследственномъ имѣніи Василевщинѣ, въ воеводствѣ и повѣтѣ Кіевскомъ находящейся, на память вѣкамъ, и собственноручное воспоминаніе этого радостнаго дня оставилъ» :

«Послѣ окончанія куплетовъ, графиня положила у ногъ короля своего малютку-сына, а прочія дамы — букеты цвѣтовъ.

«Когда Тарновскіе просили короля подписать написанное, онъ не только исполнилъ ихъ желаніе, но еще собственноручно прибавилъ: «и орденъ св. Станислава давно служащему отечеству и королю, хозяину дома графу Тарновскому, племяннику, вѣчной памяти, Мокроновскаго, воеводы мазовецкаго, друга короля, пожаловалъ» .

«Король, говорили мнѣ», пишетъ Платеръ, «едва могъ написать эти слова такъ у него болѣла голова; поэтому, онъ ранѣ простился съ хозяевами, не принявъ участія въ ужинѣ, которымъ угощали его свиту; кубки за здоровье его величества сопровождались частыми пушечными выстрѣлами. Проснувшись ранѣ всѣхъ, я узналъ, что король еще спитъ; но черезъ часъ докторъ Беклеръ уведомилъ всѣхъ присутствующихъ въ залѣ, что король, не спавши до часу по-полуночи, послѣ до семи часовъ утра спалъ спокойно, и это благотѣльно подѣйствовало на его здоровье.

«Въ Василевѣ представлялись королю: Анкута, судья брестъ-литовскій, Федоровичъ вице-регентъ житомирскій, Мровчинскій поручикъ коронныхъ войскъ, Островскій чесникъ сановскій, Піотровскій скарбникъ нурекій, Ржеплинскій войскій трембовльскій, Володкевичъ чесникъ новгородскій и два Выговскіе подсудки кіевскіе.

«Въ девять часовъ король вышелъ, одѣтый по дорожному, простился съ Тарновскими, которые пожелали еще проводить его до слѣдующей станціи и выѣхалъ изъ Василева, взявши съ собою меня и Нарушевича; мы проѣзжали черезъ триумфальные ворота, для этого случая сдѣланные, на которыхъ была надпись: «Станиславу Августу — народъ.»

«Мы опять проѣзжали черезъ тотъ самый валъ, который идетъ около Паволочи и, по преданіямъ, называется Траяновымъ, или Змѣевымъ. На пространствѣ трехъ миль дороги по голой степи, засѣянной только моголами, глаза ни на чемъ не могли остановиться; только въ половинѣ перваго мы начали спускаться въ яръ и пріѣхали въ деревушку, въ которой, еще

разъ на нѣсколько минутъ, Тарновскіе принимали короля. Подали завтракъ; лошади отдохнули, и всё тронулись въ Каневъ. Не доѣзжая полмили до *Потока*, мы видѣли приготовленную иллюминацію на столбахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на нѣсколько сажени, на которыхъ прикрѣплены были связки лучины, омоченной въ смолѣ. При въѣздѣ въ Потокъ, короля встрѣтилъ народъ, стоящій рядами по обѣимъ сторонамъ триумфальныхъ воротъ, сдѣланныхъ хотя въ деревенскомъ вкусѣ, но по правиламъ архитектурнымъ, и священникъ греко-россійскаго исповѣданія, съ кляромъ и крестомъ, привѣтствуя короля короткою рѣчью на славянскомъ языкѣ; потомъ пѣли многолѣтіе и раздавались клики народа.

»Предъ домомъ, приготовленнымъ для короля, встрѣтили его: Дѣдушицкій писарь латовскій, Деболи министръ польскій, изъ Петербурга, и Заблочкій консулъ херсонскій, которые приглашены были къ обѣду. Послѣ кофе, король, поговоривши съ Деболи, ушелъ отдыхать, а мы разошлись по квартирамъ. Правда, насъ, было, пригласилъ князь подскарбій къ себѣ и предложилъ вистъ; но какъ моя квартира была за 4450 шаговъ и я положительно рѣшился, чтобъ въ моемъ дневникѣ *nil la dies sine linea* не проходилъ, то оставивъ всѣхъ и пошелъ домой.

»Въ восемь часовъ 24 марта, всё мы собрались къ выходу, потому что отъѣздъ былъ назначенъ попозднѣе; въ девять король сѣлъ въ экипажъ съ тѣми же, съ кѣмъ пріѣхалъ. Въ Потокъ, одинъ крестьянинъ хотѣлъ привѣтствовать короля рѣчью, но какъ того же добивались и два другіе, а времени не было, то ничего и не вышло. Король, узнавши объ этомъ на другой день, приказалъ остановиться экипажу и выслушалъ рѣчь. Эта встрѣча стариками, избранными громадой, предлагавшей хлѣбъ-соль, пару сѣрыхъ жеребцовъ, пару сѣрыхъ воловъ, пару сѣрыхъ овецъ, и барашковъ, очень понравилась королю; онъ далъ имъ поцѣловать руку, и выѣхалъ въ хорошемъ расположеніи духа.

»Въ Степанцахъ, двѣ мили за Потокомъ, еще разъ привѣтствовали его толпы народа; наконецъ показался — *недосигаемый Каневъ*.... «

П. Ревякинъ.

ПОЛЯКАМЪ ОБЪ УКРАИНЦАХЪ.

(ОТВѢТЪ НА БЕЗЫМЕННОЕ ПИСЬМО.)

Пишущій эти строки получилъ письмо, на польскомъ языкѣ, безъ подписи автора и безъ означенія, куда адресовать отвѣтъ. Письмо, между тѣмъ, вовсе не такого содержания, чтобы отвѣчать на него не слѣдовало. Кто бы ни былъ мой таинственный корреспондентъ, но его мнѣнія, очевидно, принадлежать не одному ему, а выражаютъ убѣжденія цѣлаго кружка, а, можетъ быть, и общества. Это обстоятельство стоить того, чтобы посвятить нѣсколько времени на печатную переписку.

Прежде всего я долженъ сказать, что безымянное письмо обнаруживаетъ въ его авторѣ челоуѣка хорошо воспитаннаго. Какъ ни предубѣжденъ онъ противъ моей литературной дѣятельности, онъ вездѣ сохранилъ формы рѣчи, приличныя публичному объясненію, и если выразился кое-гдѣ рѣзко, то не иначе, какъ въ интересахъ своей общественной идеи. Автора поразили два стихотворенія мои, напечатанныя въ сентябрьской книжкѣ *Основы*: именно *Солоніця* и *Кумѣйки*. Признавая за ними, съ свойственною просвѣщеннымъ Полякамъ любезностію, достоинства литературныя, онъ говоритъ, что цѣль ихъ ошибочна и, притомъ, умышленно-ошибочна. Авторъ письма не допускаетъ мысли, чтобы мы, украинскіе писатели, не знали нынѣшнихъ отношеній украинскаго простонародья къ шляхтичамъ-Полякамъ правой стороны Днѣпра, а между-тѣмъ, въ стихотвореніяхъ моихъ, равно какъ и въ разныхъ статьяхъ украинскаго вѣстника *Основы*, онъ видитъ желаніе вооружить противъ шляхты украинское простонародье. Вотъ его собственныя слова, въ переводѣ:

«Мы умѣемъ оцѣнить, сколько благородныхъ побужденій въ трудахъ вашихъ... Мы не только не подавляли никогда, съ нашей стороны, этого стремленія, но всегда ему сочувствовали, и вѣрьте мнѣ — не Поляки будутъ васъ порицать. Но что намъ больно, и больно по справедливости, такъ это то, что вы положили въ основаніе вашихъ трудовъ убѣжденія ошибочныя и стараетесь ихъ утвердить на счетъ нашего прошедшаго и настоящаго. Вы смѣтрите на насъ, какъ на шляхту XVII вѣка, навязываете намъ титулы и убѣжденія, которымъ мы ужъ не придаемъ никакого вѣсу, не хотите разсудительно понять того преобразования, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ, не хотите уразумѣть, во имя какой идеи страдалъ онъ... и бросаете въ него обвиненія вмѣстѣ съ его врагами. За что? спрашиваю васъ. За то, что стоитъ онъ передъ вами... со слезами на глазахъ... и раню въ сердца? Не пустыя фразы вамъ говорю, а правду, не презрѣніе выражаю, а сердечную боль. Не полемика также занимаетъ меня, когда я вижу, какъ искусительно стараетесь вы растревлять инстинкты народа и даете ему ножъ въ руку. Хотѣлось бы мнѣ вѣрить, что вы не знаете нынѣшней Польши, что нынѣшнюю шляхту считаете такою, какою была она во времена Хмельницкаго, и потому съ отвращеніемъ отъ насъ отворачиваетесь. Тогда бы одна искренняя наша беседа съ вами объяснила все дѣло. Но я не могу такъ думать о людяхъ, пишущихъ исторію и разныя другія сочиненія. Не могу также допустить мысли, что вамъ не извѣстно нынѣшнее положеніе Украинско-русскаго народа и что вы не знаете, на какую ступень поднялся онъ вслѣдствіе крестьянской реформы. Вы должны знать, что онъ вышелъ изъ крѣпостной зависимости и что унижительныя отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ болѣе не существуютъ. А если вы это знаете, то за что же стараетесь поддерживать въ народѣ ненависть къ шляхтѣ, вмѣсто того, чтобы залечивать старыя раны? Эта ненависть не оправдывается ужъ теперь ничѣмъ, и по совѣсти можно сказать, что въ вашихъ сочиненіяхъ ея больше, нежели въ сердцахъ народа. Не смѣшивайте эпохъ и понятій историческихъ и не принимайте старинной шляхты за одно и то же съ нынѣшнею: тогда вы вѣрнѣе поймете наши достоинства и недостатки. На шляхтѣ лежитъ ответственность за состояніе Руси до конституціи 3-го мая 1791 года; но... за послѣдніе семьдесятъ лѣтъ обвинять ее безусловно нельзя, потому что ужъ не она тутъ распоряжалась... Всегда она обращалась къ украинскому народу съ словами: wolność i równość! Будила она его этими

словами, когда онъ еще не понималъ ихъ значенія, какъ начинаетъ разумѣть теперь. Вы упорно молчите(?) объ этомъ и изучаете нашу исторію. Вы хорошо помните, что у насъ были Жолкъвскіе и Вишневецкіе, а не хотите знать, что были у насъ также Костюшки и Ружицкіе... Въ вашей исторіи и въ убѣжденіяхъ вашихъ, польскій шляхтичъ — какая-то вредная личность. Пора бы выразумѣть ее безпристрастиѣ. Вы привыкли отличать шляхтича отъ народа и считать его чужимъ народу, пришлымъ. Кромѣ сословныхъ привилегій, шляхтичъ у васъ не имѣетъ за собой ничего и на Руси играетъ исключительную роль угнетателя, а народъ постоянно находится въ борьбѣ съ нимъ, какъ элементомъ, препятствующимъ цивилизаціи и общественному благосостоянію. Это убѣжденіе утвердилось вашими историками, и за него вы ухватились тѣмъ охотнѣе, что оно чрезвычайно упрощало вопросъ о народныхъ правахъ согласно съ демократическими понятіями, а численное меньшинство шляхты совершенно подчиняло этимъ правамъ. Между тѣмъ, вникнувъ поглубже въ исторію, вы бы должны были убѣдиться, что самоправно уничтожать на Руси шляхтича въ пользу народа вы не имѣете права; что онъ, по крови, по заслугамъ и жертвамъ, которыя принесъ, такой же добрый Русинъ, какъ и всякій другой; что туловищемъ, исключительно простонароднымъ, покрывать Украинско-русскую землю не возможно, если хотите въ этомъ вопросѣ относиться къ историческому праву. Такой выходъ ставить весь вопросъ въ иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вы польскую шляхту, живущую здѣсь цѣлыя столѣтія и служившую отечеству, называете теперь чуждою и не признаете за нею помѣстныхъ правъ единственно потому, что она сдѣлалась сословіемъ и образовалась въ духѣ польской цивилизаціи? Вы можете порицать эту цивилизацію, можете опровергать привилегіи шляхетскаго сословія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы имѣли право лишить ее наслѣдства въ пользу народа. Такое истолкованіе права исключительно въ пользу народа такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо истолкованіе его исключительно въ пользу шляхты. Шляхту въ украинской Руси составляютъ большею частію роды искони-русскіе и меньшею частію нобилитованные на сеймѣ литовскіе и польскіе, которые родились съ первыми и, заселяя эту землю, устранивали города и слободы. Извѣстны судьбы обитателей этой земли: два раза войны обращали ее въ пустыню, а южная часть Украины населена не болѣе ста лѣтъ назадъ. Поэтому не думаю, чтобы вопросъ о земской давности могъ тутъ въ чемъ-нибудь поддерживать права народа, который, въ большей

части примѣровъ, поселился на этой землѣ въ силу правъ, данныхъ ему наследственной шляхтою. Тѣмъ болѣе не понимаю, какъ это вы отказываете шляхтѣ въ правѣ на обладаніе землею, или лишаете ее наследства въ пользу народа.»

Такъ пишетъ ко мнѣ неизвѣстный корреспондентъ и приводитъ свою рѣчь къ тому, что развитіе украинскаго народа внѣ интересовъ шляхетскаго меньшинства въ западной Украинѣ не приведетъ этотъ народъ ни къ чему, достойному сочувствія просвѣщеннаго человѣчества, и что судьбы югозападной Руси неразлучны съ судьбами Польши въ будущемъ, какъ они были неразлучны въ прошедшемъ.

Прежде, чѣмъ подвергну безпристрастному разбору выписку изъ его письма, считаю нужнымъ заявить, что о прошедшемъ нашемъ мы, Украинцы, судимъ посвоему, и понятія наши объ историческомъ правѣ не совпадаютъ съ понятіями шляхетско-польскими, а будущаго мы себѣ не чертимъ опредѣлительно, какъ дѣлаютъ Поляки, не чертимъ по той простой причинѣ, что въ будущемъ все зависить отъ множества непредвидимыхъ явленій и комбинацій. Главное наше дѣло — пользоваться достойнымъ образомъ настоящими условіями нашего положенія. Главная наша цѣль — узнать самихъ-себя, ознакомиться другъ съ другомъ, научиться всему хорошему, всему жизненному другъ отъ друга, утвердиться въ основныхъ своихъ понятіяхъ о народѣ и его потребностяхъ. Мы никуда не рвемся безъ оглядки; мы терпѣливо сносимъ неудобства настоящаго нашего положенія, изъ любви къ тому великому дѣлу, которымъ мы заняты. Мы твердо убѣждены, что, употребляя въ свою пользу настоящее, мы каждый день творимъ свое невѣдомое будущее. Оно придетъ, оно не можетъ не придти; но блага грядущей судьбы народа обусловливаются его внутренними достоинствами. Не говорите намъ, гг. Поляки, что вы, какъ сословіе цивилизованное въ западной Украинѣ, можете вести дѣло народное впередъ, что вы, какъ потомки людей политическихъ, замѣните намъ недостатокъ понятій гражданскихъ, etc. etc. До тѣхъ поръ, пока мы сами собою не придемъ къ убѣжденіямъ, похожимъ на ваши, мы для васъ — или безжизненная, апатичная масса, или — толпа фанатически враждебная. Вы любите свой языкъ, свои преданія народныя. Позвольте и намъ заняться своимъ языкомъ и изученіемъ всего того, что съ нами когда-либо происходило. Вы любите свой языкъ за то, что онъ развитъ великими писателями, а свои преданія за то, что они исполнены славныхъ воспоминаній и героическихъ бѣдствій. Предоставьте же намъ сравнитель-

но незавидное право — любить свою простонародную рѣчь, какую былъ когда-то и вашъ развитой уже языкъ, и углубляться въ воспоминанія о нашемъ политическомъ и гражданскомъ ничтожествѣ, которое нѣкогда, во времена вами забытыя, было и вашею участію. Вы много вѣковъ ужъ играете роль видную; мы не играемъ такой роли. Но поддались ли вы преобладавшей нѣкогда тевтонской народности, будучи невѣжественны и слабы? Нѣтъ, при всемъ своемъ тогдашнемъ варварствѣ, вы захотѣли быть Поляками, и устояли на своемъ. Какъ же это вы желаете, чтобы народъ не того языка, характера и даже не той религіи, что вы, слился съ вами во имя польской цивилизаціи? Зачѣмъ вы вовлекаете только-что пробуждающійся изъ многовѣковаго оцѣненія народъ въ игру, которой исходъ вамъ самимъ неизвѣстенъ? Мы убѣждены, что только наша внутренняя дѣятельность, только внутренніи наши достоинства спасутъ насъ отъ ничтожества, которымъ долженъ томиться каждый, чувствующій способности стать выше. Вы рассчитываете на племя иноязычное, инохарактерное, иновѣрное. Очевидно, что ни нашъ политическій возрастъ, ни наши понятія о томъ, что такое вы и мы, не сходятся. Мы не ищемъ союзниковъ, какъ вы; намъ они не нужны. Если нѣтъ въ насъ силы стать выше нынѣшняго нашего положенія, то мы и не достойны лучшей участи; а сила эта должна, по нашему убѣжденію, быть не механическая; все, въ жизни народовъ, зависитъ отъ развитія внутренней, нравственной силы. Въ нашихъ усиліяхъ — познать себя вы намъ не союзники, а другихъ усилій мы не намѣрены дѣлать. Это значитъ, что ваши нынѣшнія потребности могутъ возникнуть для насъ нескоро. О чемъ же вы хлопочете? Намъ ваши попеченія объ украинской Руси тягостны, потому-что всякое усердіе требуетъ благодарности, а благодарить васъ намъ не за что: вѣдь вы собственно о себѣ хлопочете и, еслибъ могли обойтись безъ насъ, то, вѣрно, и не вспомнили бы о нашемъ существованіи. Что за симпатія такая къ намъ у потомковъ той самой шляхты, которая еще такъ недавно говорила о насъ: *psia krew!* Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаются. Это можно видѣть не только на народахъ, но и на отдѣльныхъ личностяхъ. Доказательствъ вашей симпатіи вы не представили даже и въ 1855 году, когда былъ случай — не говорю сдѣлать намъ пользу (пользы не могло выдти изъ вашей помощи), но дружески, человѣчески броситься туда, гдѣ людямъ тяжело. Не прошло и десятка лѣтъ — уже вы родные братья украинской Руси! Нѣтъ, и въ одномъ вашемъ предположеніи, что мы вамъ повѣримъ, таится уже свойственное шляхтѣ отъ вѣковъ

пренебреженіе къ хлопамъ. Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ. Судьба ваша была ужь, и долго была, въ вашихъ рукахъ. Наша судьба вполнѣ никогда отъ насъ не зависѣла. Доживъ до идеи самосознанія, мы впервые почувствовали себя творцами нашей будущности. Дайте же намъ утвердиться на своемъ основаніи, не сбивайте насъ съ него политическими системами. Вы сами низвели себя до нынѣшняго своего положенія; сами извольте и возвышаться, а мы вамъ не помощники.

Что касается до обвиненій и сѣтованій моего незнакомаго корреспондента, то въ нихъ много правды, когда смотрѣть глазами польскаго шляхтича, и мало, когда смотрѣть глазами антишляхетнаго Украинца. Взглядъ каждаго народа, каждаго сословія и каждой отдѣльной личности усвоивается опытами прошедшаго, каково бы оно ни было. На основаніи этого взгляда, народы, сословія и едвичныя лица устанавливаютъ свои отношенія другъ къ другу. Ошибки, свойственныя той и другой сторонѣ, по пословицѣ: *всякая рука къ себѣ крива*, исправляются теченіемъ жизни, или караются силою вещей. Вѣчно и вѣчно идутъ позвы, суды и пересуды, пока неугомонное чувство правды не успокоится или сознаниемъ своей несостоятельности, или пассивною покорностію неодолимой силѣ, или отдаленными надеждами восторжествовать при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Рѣшать въ данный моментъ, кто правъ, кто виноватъ, могутъ посторонніе, но никакъ не тяжущіеся. Поэтому писатель, защищающій права своего народа, естественно долженъ мало разсчитывать на противную сторону. Его прямое дѣло — утвердить свою сторону въ ея понятіяхъ, такъ какъ, при всей, кажущейся со стороны, несправедливости этой цѣли, въ достиженіи ея вся его надежда. Такимъ образомъ, признавая за своимъ корреспондентомъ право говорить отъ лица народа, котораго онъ — живой, мыслящій членъ, прошу его дать и мнѣ право выражать мнѣнія моего народа настолько, насколько я связанъ съ нимъ общими ему и мнѣ понятіями. Если оба наши народа устоятъ на высказанныхъ нами началахъ, между ними произойдетъ все то, что обыкновенно происходитъ между притязающими на извѣстныя права сторонами, а сила вещей будетъ ихъ верховнымъ судьей безъ апелляціи. Тужить объ этомъ нечего, потому что исторія не представляетъ никакого моральнаго и матеріальнаго завоеванія безъ тяжкихъ усилій и великихъ жертвъ. Всякая сила стремится занять принадлежащее ей мѣсто; равновѣсіе же между силами поставлено общимъ для всего міра закономъ. Оно будетъ отыскано и нашими потомками изъ естественнаго общаго стремленія къ самосохраненію.

Теперь приступимъ къ разбору того, что я старался перевести изъ безыменнаго письма въ возможной полнотѣ.

Говоря *мы*, авторъ письма конечно, разумѣетъ самую просвѣщенную часть польскаго общества. На этой части не лежитъ упрекъ подавленія нашихъ стремленій — оживить нашъ дремлющій народъ посредствомъ грамотности, улучшенія его быта и пробужденія въ немъ нравственнаго сознанія. Что касается до Поляковъ, цивилизованныхъ только посредствомъ фрака и бѣлыхъ перчатокъ, то прошу автора вспомнить статью одного изъ парижскихъ журналовъ, въ которой говорится, къ какимъ мѣрамъ прибѣгли кіевскіе Поляки для подавленія первой *Грамматки* на украинскомъ языкѣ, и не встрѣтило ли распространеніе стихотвореній Шевченца и другихъ воспитательныхъ для Украинскаго народа квигъ, въ брошюркахъ, прямого и косвеннаго противодѣйствія со стороны мѣстной шляхты? Вспомнимъ также подвигъ ея пожимовски возню по поводу погребенія нашего поэта надъ роднымъ Днѣпромъ и все то, что до сихъ поръ происходитъ въ Кіевѣ между представителями украинской и польской народности. Доходящія до насъ извѣстія убѣждаютъ насъ въ печальной истинѣ, что значительная часть дѣятелей польской народности въ Кіевѣ состоитъ изъ прямыхъ наслѣдниковъ іезуитовъ XVIII вѣка, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы Кіевляне были униатами и католиками. Во все время нашего политическаго существованія, не было ни одного случая, чтобы мы, Украинцы, пытались, посредствомъ воспитанія или религіи, сдѣлать Поляка Украинцемъ; тогда какъ вы, гг. Поляки, съ незапамятныхъ временъ и до настоящаго дня не перестаете хлопотать о томъ, чтобы Русь была Польшею, во что бы то ни стало. Мы cadaго, кто пересталъ быть Украинцемъ, извергали изъ своей народной среды, назвавъ его *Алхомъ*, *недоляшкою* или *перевертнемъ*; тогда какъ вы готовы были всосать въ свою націю самыхъ презрѣнныхъ нашихъ отступниковъ и измѣнниковъ, изъ любви къ несчастной политической системѣ, которую проповѣдуете, не смотря на то, что она оказалась несостоятельною въ глазахъ всего міра (разумѣю систему хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей).

Что касается до вашего сочувствія, то оно не того рода сочувствіе, которое могло бы насъ радовать. Говоря вообще, Полякъ сочувствуетъ въ нашей словесности только тому, что подходитъ подъ его виды на будущее и подъ его настоящія антипатіи. Мы для него всё еще козаки, встрѣчающіе на окраинѣ Польши первый порывъ, первый натискъ врага

Рѣчи Посполитой. Лишь только дѣятельность ваша выходитъ изъ этой узкой рамки, она беспокоить Поляка и кажется ему нелѣпою. Чтобы выразить мою мысль яснѣе, укажу на то, какъ, подъ вліяніемъ патріотическаго стремленія въ одну только сторону, великій польскій поэтъ Мицкевичъ сбавлялъ цѣны творчеству Пушкина съ извѣстнаго событія 1825 года, тогда какъ оно становилось всё выше и выше. Такъ часто судятъ Поляки и объ украинскіихъ писателяхъ. У нихъ, въ собственной литературѣ, существуетъ цѣлый украинскій отдѣлъ, котораго альфа Мальчевскій, а омега — Богданъ Залѣскій. Первые стихи поэмы Мальчевскаго, по ихъ мнѣнію, изображаютъ совершеннѣйшій типъ козака. Поэтъ торжественно обращается къ нашему земляку: «Куда летишь ты на быстромъ конѣ? не за зайцемъ ли, котораго завидѣлъ въ полѣ? не врага ли настагаешь? не къ милой ли спѣшишь на свиданье?» и отвѣчаетъ заинтересованному читателю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что возвеличилъ своего героя достойнымъ образомъ: «Нѣтъ, ты летишь исполнить волю своего пана, мчишь его письмо къ другому пану.» Выше этой роли мы не дослужились у польской шляхты даже и въ литературѣ. Богданъ Залѣскій воспѣваетъ нашихъ гетмановъ и запорожцевъ, но у него они выходятъ никакъ не лучше тѣхъ картинокъ, какія часто попадаются на нотахъ польско-украинскихъ виртуозовъ, любящихъ украшать свои произведенія пляшущими и конными козаками. Украинцы не видятъ въ нихъ своего образа и подобія; Украинцамъ они представляются шляхтичами-эксцентриками. Ни Мальчевскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Гроза и никто изъ Поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностію не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми, хорошо знакомыми съ польскою литературою. У Поляковъ есть еще поэтъ, пишущій по-украински, а не по-польски, именно Падура. Стихотворенія его до такой степени кажутся Полякамъ украинскими, что историкъ Запорожеской Січи, г. Скальковскій, принялъ ихъ за народныя думы и ввелъ въ первое изданіе своего сочиненія. Мы видѣли великолѣпное варшавское ихъ изданіе, свидѣтельствующее о разсчетѣ издателя на сочувствіе польской публики. Пѣсни Падуры распространены по Днѣстру и Бугу между надворными панскими козаками и чиншовою шляхтою, посредствомъ раутовъ въ жидовскихъ корчмахъ и подъ вліяніемъ разгульныхъ пановъ-холостяковъ, покровительствующихъ простонародной пѣсенности и подражающихъ созданнымъ въ воображеніи Запорожцамъ. Всѣ таки и этотъ родъ сочувствія нашей народности не встрѣ-

тивъ въ Украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они стонутъ отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность Поляковъ быть съ ними за панибрата. Печальный фактъ представляетъ безуспѣшность босоногихъ шляхетскихъ мисіонеровъ XVII и XVIII вѣка, ходившихъ изъ села въ село и проповѣдывавшихъ народу ученіе вѣры въ католическомъ духѣ: народъ отвѣчалъ шляхтѣ на проповѣди Коливщиною; еще печальнѣе эти попытки побрататься съ Украинцами во имя его козачества, перелицеваннаго наизнанку! Я польское и я украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что Полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру Украинца, а Украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные престаиватели той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣливаться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа.

Авторъ письма напрасно говоритъ, что Поляки всегда сочувствовали «благороднымъ побужденіямъ», управлявшимъ нами въ нашихъ трудахъ. Эти слова справедливы только въ такомъ случаѣ, если къ словамъ *благородныя побужденія* прибавить слова: *по мнѣнію Поляковъ*. Ни одинъ народъ не сознаётъ себя подлымъ. Каждый народъ подвизается за свою правду, но эта правда для другого, соперничающаго съ нимъ народа — неправда. Благородные подвиги одного народа опровергаются гремящими батареями другого, и если одні батареи уничтожатъ другія, то за благородство подвиговъ побѣдитель раздастъ въ побѣжденномъ народѣ не лавровые, а скорѣе терновые вѣнки. Развѣ признавали Поляки XVII вѣка благородство за Хмельницкимъ и его сподвижниками? а между тѣмъ козаки имѣли, въ собственномъ мнѣніи, такое же право на благородство, какъ и Вишневецкій съ королевскою шляхтою. Мы наследники того, что сдѣлали для насъ взбунтовавшіеся противъ магнатовъ козаки; почему же намъ не думать, что, опровергая польско-шляхетскія тенденціи, мы поступаемъ такъ же благородно, какъ и они поступали, когда крушили матеріальную силу магнатовъ? Чтобъ сочувствовать благороднымъ побужденіямъ нашихъ трудовъ, надобно понимать ихъ благородство въ безусловномъ значеніи. Иначе — мы въ глазахъ

вашихъ то самое, что были козаки въ глазахъ автора извѣстной брошюры: »O kozakach, iesli ich zniesć, czy nie, discours.« Убѣдась въ невозможности уничтожить козаковъ *до нон*, политикъ XVII вѣка рѣшился ихъ терять. Точно такъ, можетъ быть, и вы, господа, потому насъ терпите и ищете съ нами союза, что не можете насъ уничтожить; въ противномъ случаѣ, едва-ли признали бы благородство нашихъ побуждений даже и на половинныхъ условіяхъ. Мы, напримѣръ, откровенно скажемъ, что не признаемъ особеннаго благородства за вашими тенденціями полонизовать западную Украину, но даемъ право вашему народному эгоизму. Вамъ свойственно желать, чтобы Польша была даже и тамъ, гдѣ ею только изрѣдка пахнетъ; попробуйте, сможете ли вы это сдѣлать съ Украиной, которую вы нѣкогда предполагали заселить чужестранцами, истребивъ и разогнавъ туземцевъ, которую обратили-было почти въ пустыню и которую теперь склоняете содѣйствовать возстановленію прежней Польши. Что касается до насъ, то борьба нашихъ предковъ съ вашими предками, часто слѣпая и нелѣпая, но въ общемъ необходимая для нашего самосохраненія, не пропала для насъ безслѣдно. Если вы — смягченные и озаренные духомъ вѣка шляхтичи, то и мы — дышашіе новою, современною жизнію козаки. Если для васъ дороги мѣста, на которыхъ ваши предки торжествовали, то и для насъ дороги мѣста, за которыхъ наши предки гибли. Вы внесли, говорите вы, въ нашу пахарскую хату европейское просвѣщеніе. Спасибо вамъ за трудъ, хотя вы вносили его собственно для себя; но если бы даже и для насъ, то всё-таки хата—*наша* и вы въ ней—*чужіе*. Мы васъ не гонимъ, пока вы насъ не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію и собственно для себя, для блага своей земли, а не для поддержанія переформированной вами по проэктору 3-го мая 1791 года, но неосуществимой, системы. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насъ съ вами »jedność i równość«, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, чѣмъ были для насъ ваши предки, что насъ разрознило и чего намъ ожидать отъ осуществленія вашихъ политически-соціальныхъ плановъ; мы, однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, для противодѣйствія вамъ, соединяемъ его въ могучее тѣло единствомъ преданій, чувствъ и убѣждений. Если вы цѣните благородство управляющихъ нами побуждений, зная все это, то вамъ ничего больше не остается дѣлать, какъ предоставить насъ самимъ себѣ и полагаться только на собственные внутренніе ресурсы, какъ мы полагаемся на свои.

Авторъ письма говоритъ о превращеніи, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ. Въ чемъ должны мы видѣть это превращеніе? не въ сочиненіяхъ ли польскихъ эмигрантовъ? не въ тѣхъ ли утопіяхъ колонизованія русскихъ областей, которыми онъ болѣзненно бредитъ? Мы знаемъ, каковы были свободные Поляки. Ихъ настоящее положеніе внушаетъ намъ участіе; но мы никакъ не поручимся, что, съ возвращеніемъ болѣе свободы, не возвратится старый польскій духъ, подъ иными формами. Въ этомъ сильно заподозриваютъ ихъ въ нашихъ глазахъ эти дикія мечты, которыя мы и читаемъ въ польскихъ писаніяхъ, и слышимъ изъ живыхъ польскихъ устъ, — мечты о расширеніи Польши по Смоленскъ и Днѣпръ, о предводительствѣ Славянскимъ міромъ, о политическомъ мессіаниззмѣ и Богъ знаетъ о чемъ еще. Люди, до такой степени не завоевательные, какъ мы, желающіе каждому быть, чѣмъ онъ хочетъ и какъ ему угодно, должны отшатнуться отъ сосѣда, который проситъ развязать ему руки, можетъ быть, съ готовымъ уже планомъ подвернуть подъ себя освободителей.

Изъ этого корреспондентъ мой долженъ убѣдиться, что современная Польша намъ не безызвѣстна, что мы ее не воображаемъ такою, какою она была въ XVII вѣкѣ, но при всемъ томъ не имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ удостовѣрились бы въ ея превращеніи. Я готовъ думать, что мой корреспондентъ самъ по себѣ — почтеннѣйшая личность и что кругъ людей, къ которому онъ принадлежитъ, заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ представителей новой, преобразовавшейся Польши; но поручится ли онъ, что его гуманныя идеи относительно Украинскаго народа, это признаніе правъ равенства, это желаніе братскаго единства, будутъ закономъ для большинства? Въдъ и въ XVII вѣкѣ были люди, въ самый разгаръ козацкихъ войнъ, совѣтовавшіе сейму предоста-вить козакамъ въ ихъ землѣ и обществѣ полную свободу управленія. Я самъ нашелъ замѣчательный въ этомъ отношеніи документъ между рукописями Петербургской публичной бібліотеки и напечаталъ въ приложеніяхъ къ одной изъ моихъ думъ (*Основа*, за октябрь; 10-е прим. къ *Дунайской Думѣ*). Но извѣстно, какъ разошлось въ XVII вѣкѣ самое дѣло съ этими *ria desideria*. Кто поручится намъ, что мой почтенный корреспондентъ и его пріятели не будутъ вопіять въ пустынѣ посреди возстановленной Польши? Увѣщанія, которыми онъ меня почтилъ, сами по себѣ трогательны; но мы въ нихъ не слышимъ голоса всего *шляхетскаго народа*, а еслибъ и слышали, то, помня хорошо прошедшее и

не видя ничего убѣждающаго въ настоящемъ, мы бы заткнули уши и пошли своимъ путемъ.

О томъ, что народу Украинскому теперь хорошо у Поляковъ-земле-владѣльцевъ, я не могу распространяться, потому что долженъ былъ бы войти въ несовѣмъ удобныя для печати историческія подробности изъ недавняго времени, но спрошу: любить ли вообще народъ польскую шляхту въ западной Украинѣ? Нѣтъ, и сами вы говорите, что будто бы мы » стараемся поддерживать въ народѣ *ненависть* къ шляхтѣ.« Вы говорите, впрочемъ, что этой ненависти больше въ нашихъ сочиненіяхъ, нежели въ сердцахъ народа. Откуда же вошла она въ наши сочиненія? Вы забываете, что состояніе украинской литературы еще далеко не таково, чтобы ей играть роль политическую. Народъ нашъ не пойметъ политики; онъ способенъ сочувствовать только тому, что составляетъ его повседневность. Если наши поэмы и думы о старыхъ временахъ, о временахъ его страданій отъ польской шляхты, живо его интересуютъ, значитъ въ сердцѣ у него есть чувства, а въ головѣ преданія, соответствующія этого рода поэзіи. Да и чѣмъ это вы воображаете поэта, говоря, что онъ долженъ залечивать старыя раны? Вѣдь поэтъ есть не что иное, какъ прямой продуктъ народнаго чувства, народныхъ понятій. Какимъ же образомъ онъ можетъ выражать не то, что ему внушаетъ жизнь его народа и чего жаждетъ его народъ? Залечивать раны! — да развѣ Мицкевичъ залечивалъ ваши раны? Почему же долженъ залечивать ихъ Шевченко? Да сами они были вопіющими ранами своихъ народовъ, сами болѣли сердцемъ такъ, какъ ихъ народы! Нѣтъ, всѣ страданія и всѣ торжества своей націи долженъ сливать поэтъ въ своей пѣснѣ и посредствомъ прошедшаго будить настоящее. Никто въ этомъ случаѣ не подержитъ моихъ словъ больше вашего Мицкевича.

O wieści gminna, ty arko przymierza
 Między dawnemi i późnemi czasy,
 W tobie lud składa broń swego rycerza,
 Swych myśli przedze i swych uczuć kwiaty.
 Arko! tyś żadnym nie złamana ciosem,
 Póki cię własny twój lud nie znieważy.
 O pieśni gminna! ty stoisz na straży
 Narodowego pamiątek kościoła;
 Z archanielskiemi skrzydłami i głosem,
 Ty czasem miewasz i broń archaniola....

Вспомните еще дальнѣйшіе стихи:

A jeśli podle dusze nie umieia
 Karmić ią żalem i poić nadzieją....

Вотъ что говорить поэтъ, поддержавшій польскую народность лучшимъ ея выраженіемъ и увѣковѣчившій память о существованіи Польши. Мы не обвиняемъ его въ народномъ фанатизмѣ, а вы, едва слышали нѣсколько свободныхъ звуковъ украинской бандуры, уже боитесь за свое будущее, уже видите противъ себя въ рукахъ народа ножи, уже требуете, во имя цивилизаци, замолчать о кровавыхъ преданіяхъ старины украинской. Этимъ самымъ вы осуждаете свою народность больше, чѣмъ мы въ своихъ стихахъ и прозѣ. Что это за законное и прочное положеніе шляхты среди Украинскаго народа, когда она боится его воспоминаній, затуманенныхъ вѣками безграмотности? Что это за терпимость шляхетская, когда просвѣщеннѣйшіе люди обращаются съ упреками къ автору, которому, по ихъ мнѣнію, народъ будетъ живо сочувствовать, и убѣждаютъ его замолчать о томъ, что составляетъ единственное достояніе Украинца? Корреспондентъ мой, въ другомъ мѣстѣ своего шпесма, говоритъ, что польскую шляхту «поддерживаютъ преданія, права, просвѣщеніе, родовое мужество и доблести» и что, потерявъ польскую шляхту, Украинцы «потеряли бы вмѣстѣ съ нею ту степень цивилизаци и тѣ историческія преданія, которыми она обладаетъ исключительно.» Мы увѣрены, что битвы съ Хмельницкимъ также входятъ въ число преданій шляхты. Отчего жъ эти преданія принадлежать ей одной исключительно? Почему намъ не дано права помнить хоть то, какъ насъ Ляхи били, если ужъ мы лишены права вспоминать, какъ мы ихъ побѣждали? Страшное дѣло: поднимается въ XVII вѣкѣ украинское простонародье подъ предводительствомъ Павлюка, пять тысячъ падаетъ въ одной битвѣ, и событіе это считается до такой степени темнымъ, что просвѣщенный Полякъ XIX вѣка упрекаетъ своего современника Украинца, зачѣмъ онъ вспоминаетъ о немъ въ стихотворной думѣ? Были же какія-то причины со стороны шляхты, заставлявшія земледѣльческій народъ сказать: «лучше смерть, нежели золь животь!» Былъ же какой-то жизненный смыслъ въ этомъ событіи, если Украина, въ то время сравнительно малолюдная, теряла за одинъ разъ по пяти тысячъ убитыми, изъ ненависти къ своимъ колонизаторамъ! Было, видно, за что сражаться съ шляхтою, когда все Заднѣпріе, главное жерло возстаній народныхъ, превратилось буквально въ пустыню послѣ Дорошенка!... Прошло лѣтъ около двухъ-сотъ, народъ, размножившійся на кровавыхъ пепелищахъ, на мѣстахъ гибели предковъ, желаетъ знать, за что гибли предки; желаніе его удовлетворяется самымъ естественнымъ образомъ, къ историческимъ думамъ присоединяются современ-

ныя свидѣтельства самихъ Поляковъ, — и это называютъ дѣломъ лукавымъ, дѣломъ недостойнымъ просвѣщеннаго вѣка! Чтò жь, послѣ этого *Spiewy historyczne* (историческія пѣсни), Нѣмцевича?.. Нѣтъ, судья тутъ одинъ народъ, для котораго эти думы пишутся. Если онъ имъ сочувствуетъ, онъ этимъ даетъ имъ значеніе жизненное, и какъ бы ни огорчилось ими маленькое меньшинство изъ своихъ личныхъ видовъ, преданіе о старинѣ не умолкнетъ. Если нынѣшняя шляхта не похожа на старинную, пусть она это докажетъ, пусть она заставитъ народъ забыть, что это потомки тѣхъ «душмановъ», о которыхъ писалъ Павлюкъ, возбуждая поселянъ къ возстанію; пусть она сольется съ народомъ въ нераздѣльное тѣло, которое одно бы чувствовало и одного желало. Это лучший способъ заставить народъ позабыть старые счеты съ шляхтой. Польша для него отодвинется тогда за черту Руси, и не пойдетъ нашъ народъ безъ вызову напоминать ей времена Павлюка и Хмельницкаго. Но иначе судить польско-украинская шляхта. Въмѣсто того, чтобы слиться самой съ Украинцами, она хочетъ слить Украину съ Польшей и ополчить потомковъ тѣхъ козаковъ, которые дали имъ такой жестокій урокъ за посягательство на народную волю. Они говорятъ, что по крови они съ нами одно и то же; а кто выдумалъ слова: *psia krew?* Они говорятъ, что они съ нами одно и то же по заслугамъ; — передъ кѣмъ? Народу не служилъ никто въ XVII столѣтіи, — ни даже наши гетмааны, а если мы служили шляхетскому сословію, то давно въ этомъ раскаялись. Увѣряютъ они, что мы вмѣстѣ приносили жертвы. Нѣтъ, чтò было съ нашей стороны жертвою, то со стороны шляхты чистымъ выигрышемъ. Если же приносила шляхта нашему народу жертвы, то развѣ со слезами на глазахъ, — со слезами злости, стыда и сожалѣній о потерѣ всякихъ крулевщизнъ и не-крулевщизнъ. Увѣряютъ они, наконецъ, даже въ томъ, что они тѣ же Русины. Почему же они говорятъ въ своихъ семействахъ попольски, проповѣдуютъ ненавистный народу папизмъ и тянутъ всю Украину къ Польшѣ? Русинъ у польской шляхты значить *живущій въ Руси*, все равно какъ Мазуръ значить *живущій въ Мазовіи*. Будучи Русиномъ, онъ такой же Полякъ, какъ и Мазуръ, будучи Мазуромъ. А по нашему, кто Русинъ, тотъ ужъ не Полякъ, и кто Полякъ, тотъ не Русинъ. Живутъ Поляки въ Украинѣ давно и всегда были чужими для народа, потому что подчиняли его интересы своимъ собственнымъ. Пока они не отрекутся отъ имени польскаго и отъ мертвящаго всякую жизнь папизма, пока не назовутъ себя *Украинцами* въ нашемъ значеніи слова, до-тѣхъ-поръ они будутъ, въ гла-

захъ народа, пришельцы, иностранцы, однимъ-словомъ — чужіе, и судьбы наши не будутъ ихъ судьбами.

Въ сочиненіяхъ нашихъ мы не заводили еще рѣчи объ аграрномъ законѣ; но шляхта польская видѣть уже для себя опасность и съ этой стороны. Мы только скажемъ, что, называя своимъ отечествомъ Польшу, а себя потомками старорусскихъ родовъ, она сама опредѣляетъ на будущее время права свои на то, чѣмъ владѣетъ наследственно въ Украинѣ. Мы не касаемся вопроса о сословіяхъ, не говоримъ также о томъ, чтобы, какъ выразился мой корреспондентъ, накрыть всю украинскую Русь исключительно простонароднымъ туловищемъ: это покажется не наше дѣло; но мы не можемъ допустить мысли, чтобы душою нашего народа могли быть иностранцы, называющіе себя Русинами только въ полемическихъ статьяхъ. Мы предполагаемъ въ народѣ его собственную—не-шляхетскопольскую—душу. Если онъ не мертвая масса, то въ немъ откроется все, что необходимо для его дальнѣйшаго развитія. Такимъ-образомъ мы вовсе не дорожимъ присутствіемъ въ Украинѣ непрощенныхъ цивилизаторовъ ея и не сомнѣваемся, что безъ ихъ участія дѣло наше пошло бы вѣрнѣе. Но цивилизаторы наши никакъ не хотятъ обойтись безъ насъ и усердно набиваются съ своими благодѣяніями, въ которыхъ мы не нуждаемся. Въ нашихъ рукахъ, говорятъ они, просвѣщеніе и деньги, а у васъ нѣтъ ни того, ни другого; что вы безъ насъ сдѣлаете? Если мы захотимъ что-нибудь сдѣлать завтра, то, конечно, мудрено обойтись безъ того и другого; но вѣдь мы не такъ нетерпѣливы, какъ воображаютъ Поляки. а просвѣщеніе и деньги не есть нѣчто доступное однимъ и недоступное другимъ. Время даетъ народамъ то и другое при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и на самыхъ скудныхъ и тѣсныхъ пространствахъ земли. Вы—по-вашему—просвѣщенное и богатое общество XIX вѣка, а мы будемъ такимъ обществомъ, можетъ быть, въ XX. Изза этой разницы не стоить сворачивать съ своего яснаго пути на чужой, призрачный.

Корреспондентъ мой, воображая, что мы довольны нынѣшними взаимными отношеніями украинскаго народа и польской шляхты, и что мы уважаемъ глухую дѣятельность польскихъ политиковъ послѣдняго времени, спрашиваетъ меня съ упрекомъ: »Зачѣмъ же, зная обо всемъ этомъ, вы пишете думы, возбуждающіе давнишній народный фанатизмъ и представляете насъ народу не такими, каковы мы теперь, а такими, какими были нѣкогда?« Отвѣчаю: потому пишу я думы, основанныя на событіяхъ старины украинской, что воспоминанія о нихъ меня воодушевляютъ. Въ глазахъ Поляковъ, любовь народа къ такъ-называемымъ гайда-

мацкимъ пѣснямъ (отъ Наливайка до Гонты) есть фанатизмъ, а въ нашихъ глазахъ это дѣло столь же законное, какъ и любовь Поляковъ къ собственнымъ историческимъ преданіямъ. Поляки, карая ожесточенный ими народъ за возмущенія, превратили Украину въ пустыню, заставили козаковъ собственными руками выжигать свои города и села. Исторія не живетъ на пепелищахъ; она созидается въ благоустроенныхъ городахъ; она пишется въ безопасныхъ книгохранилищахъ. Тамъ, гдѣ листки лѣтописей и документовъ разлетѣлись въ вихрѣ пожаровъ и забытыя городскія улицы заросли дикими деревьями, тамъ живетъ одна поэзія. Она одна хранитъ отъ забвенія печальныя преданія безпомощнаго народа, и Полякамъ ли упрекать Украинцевъ за то, что они украшаютъ цвѣтами воображенія незаписанную ими во время дѣйствительности, или записанную наскоро, чтобы помнить только годы и имена? Вы написали множество подробныхъ лѣтописей и исторій. Вы не переставали писать ихъ въ то время, когда на мѣстѣ Кореуна, Черкасъ и Чигирина лежали только груды пепла. Мы, напротивъ, *iak słowik z ogniem zaiętego gmachu* ⁽¹⁾, уходили съ своими пѣснями въ недоступныя для васъ мѣста, и какъ предки наши во времена андрусовскаго мира пѣли про Наливайка, такъ мы во время политическаго уничтоженія Польши пѣли про Хмельницкаго и его предшественниковъ, и поемъ до сихъ поръ. Между тѣмъ сохраненныя вашею насильственною для насъ цивилизаціею склады бумагъ очутились вдали отъ васъ и отъ насъ на сѣверѣ. Въ нихъ мы находимъ забытую нашимъ народомъ старую свою исторію, и что же? Не смотря на то, что мы, читая польскія рукописи, узнаемъ ее изъ устъ нашихъ старыхъ враговъ, она совпадаетъ съ нашими народными пѣснями больше, чѣмъ съ сочиненіями вашихъ цивилизованныхъ историковъ и лѣтописцевъ. Сквозь предразсудки шляхты пробиваются чистыя понятія угнетеннаго ею народа о своихъ человѣческихъ правахъ, и даже изъ среды бурныхъ шляхетскихъ сеймовъ доносится къ намъ голоса, оправдывавшія наши несчастныя возстанія. Не понимаемъ послѣ этого, какимъ образомъ вы даете своимъ писателямъ право утверждать польское общество въ его любви къ преданію, и не даете украинскимъ писателямъ права опираться свою народность на печальныхъ фактахъ, сохранившихся въ пѣсняхъ и въ вашихъ собственныхъ бумагахъ. Вы видите, что наше простонародное общество не дожило еще до историческаго возсозданія своей прошедшей жизни. Оно только-что открыло глаза на про-

(1) Т. е. какъ соловей изъ объятаго огнемъ зданія. Стихъ Мицкевича.

шедшее и настоящее; естественно ему руководствоваться покаместъ историческою пѣснью, предоставляя только немногимъ изъ среды себя уяснять свою исторію при посредствѣ чужихъ литературъ. Мы помнимъ время, когда за пѣсню о Хмельницкомъ или другомъ героѣ козачества, Поляки бросали бандуриста въ тюрьму и лишали жизни. Я самъ, во время странствованій моихъ по убогимъ хатамъ въ западной Украинѣ, слышалъ множество разказовъ о томъ, какія были приняты мѣры польскою полиціей къ заглушенію въ народѣ памяти о давнемъ и недавнемъ козачествѣ. Слыша теперь упрекъ отъ просвѣщеннаго Поляка за историческія думы, писанныя въ народномъ духѣ, не въ правѣ ли мы заключить, что только одна невозможность удерживаетъ цивилизаторовъ Украины отъ угашенія народнаго духа въ лицѣ писателей украинскіихъ? Вы говорите, что въ этихъ думахъ больше ненависти къ Польшѣ, нежели въ сердцахъ народа. Слѣдовательно, онѣ полны неправды. Какая же неправда можетъ имѣть вліяніе на живую, народную массу? Оглянитесь на свои католическія миссіи въ Украинѣ. Не смотря на всѣ вспомогательныя средства, ихъ проповѣди не произвели въ народѣ никакой перемѣны, не сроднили его ни съ католичествомъ, ни съ польскою народностію. Посмотрите на вашего Падуру, который льститъ Украинцамъ всевозможными мѣрами. Украинскіе стихи его для народа то же самое, что и польскіе стихи Богдана Залѣскаго. Будутъ ли приняты мои стихи народомъ, этого я не знаю, но не вижу ничего предосудительнаго въ моемъ желаніи оживить ими народную память, утвердить въ немъ здоровыя понятія о самомъ себѣ и о тѣхъ сосѣдахъ, которые много разъ стлали ему очень мягко и, не смотря на то, что у него до сихъ поръ болятъ бока отъ доврчиваго спанья на польской постели, всё еще заманиваютъ его соснутаю маленько.

На вторую половину вопроса моего корреспондента я долженъ отвѣчать: что мы не знаемъ довольно фактовъ, которые бы убѣдили насъ въ томъ, будто бы нынѣшніе Поляки вовсе не похожи на своихъ предковъ. Они не имѣли возможности доказать это относительно Украинцевъ цѣлою націею, тогда какъ порознь представили довольно грустныхъ примѣровъ своей шляхетской снѣси, своего равнодушія къ судьбамъ народа и даже презрѣнія къ его матеріальнымъ нуждамъ. Исчислять эти примѣры я не имѣю возможности, но исторія ничего не забудетъ. Чтобы заставить украинскіихъ писателей изображать Поляковъ, каковы они теперь, надобно Полякамъ поразить украинскіе умы своими достоинствами въ такой сильной степени, въ какой ихъ предки поразили эти самыя

умы своими недостатками, пороками и злодѣйствами; надобно, чтобы самъ народъ переѣнялъ о нихъ свои понятія и, вмѣсто ненависти, которую будто бы мы только разжигаемъ, загорѣлся къ нимъ благодарною любовію. Пока это явленіе не совершится, до тѣхъ поръ не перестанутъ писатели украинскіе вызывать изъ прошедшаго окровавленнаго тѣни своихъ предковъ, завѣщавшихъ потомству стоять за правду, которой они не были въ силахъ защитить отъ польскихъ магнатовъ. Но если бы какимъ-нибудь чудомъ появились у насъ поэтическія произведенія въ пользу примиренія съ Поляками, тогда-какъ народъ еще съ ними не примирился, т. е. не увѣровалъ въ ихъ пересозданіе, то они произвели бы не больше впечатлѣнія на массу, сколько способна произвести, напримѣръ, книга: «Kozaczyzna w Turcyi», изданная, лѣтъ пять тому назадъ, въ Парижѣ очень роскошно на счетъ какого-то мечтателя-эмигранта. Они были бы достоинствомъ извѣстнаго кружка и никогда бы не пошли въ массу, чуждую нашихъ политическихъ соображеній. Всего лучше можно это видѣть на безчисленномъ множествѣ книгъ, издаваемыхъ въ теченіе столѣтія въ видѣ букварей, учебниковъ, басень, поэмъ, повѣстей, романовъ, драмъ, проповѣдей и всяческихъ иныхъ внушеній не во вкусъ и не въ духъ народа. Вся эта туча печатныхъ листовъ пронеслась надъ простолюдинами, какъ шелестящая и помрачающая воздухъ масса саранчи, и народъ остался почти при тѣхъ же чувствахъ, понятіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, какъ до екатерининскаго времени. Даже привилегированныя сословія, принявшія на вѣру выработанныя въ академіяхъ понятія, подвергаютъ ихъ теперь строгому пересмотру и возвращаются, въ своихъ убѣжденіяхъ, къ тому пункту, съ котораго они повернули въ сторону отъ неграмотной массы. Къ чему же пригодились бы наши сочиненія, написанныя по предвзятой системѣ, мимо вѣдома нашего народа и въ упоръ нажитымъ вѣками его убѣжденіямъ? Требовать этого отъ писателя, желающаго быть народнымъ, значить не уважать вдохновляющаго его сочувствія къ народу и не вѣрить добросовѣтности его наблюденій надъ народомъ. На то, чтобы сродниться съ народомъ въ словѣ и чувствѣ, онъ отдалъ лучшую часть жизни: какія же вишія побужденія могутъ быть достаточно сильны, чтобы повернуть его въ другую сторону? Если мы, по мнѣнію Поляковъ, стоимъ на ложномъ пути, то имъ остается только махнуть на насъ рукой, какъ мы махнули на шляхту, на ея шляхетскія преданія и на ея шляхетскія тенденціи. Наша исторія представляетъ намъ печальное утѣшеніе:

Нехай знають на всімъ світі,
 Якъ ми погпбали
 И, гинучи, свою правду
 Крѣвню записали.

Но и этого утѣшенія готова лишить насъ цивилизованная шляхта, во имя своихъ яко-бы болѣе человѣчныхъ традицій. Нѣтъ, мы не стыдимся своей исторіи, не смотря на то, что мы были варварами въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Уже одинъ фактъ, что мы не снесли насилія цивилизаторовъ Украины, оправдываетъ насъ предъ судомъ всѣхъ современныхъ народностей. Хороши были бы мы, еслибъ, въ XVII вѣкѣ, допустили деспотическому католичеству разлиться до Чернаго моря и Глухова, а въ XIX удовольствовались такими похвалами отъ польской музы, какою начинается знаменитая въ новѣйшей польской литературѣ поэма Мальчевскаго! Нашъ духъ въ XVII вѣкѣ былъ крѣпче, чѣмъ воображали его Поляки, и идеалъ нашъ въ XIX-мъ выше идеала современной польской шляхты. Если корреспондентъ мой убѣжденъ, что »вернуть шляхту съ ея исторической дороги — дѣло невѣроятное («zawrócenie szlachty z historycznego jéj toru jest niepodobném»), — о чемъ мы мало заботимся, — то почему же можетъ быть возможно для нея повернуть насъ съ нашей исторической дороги (о чемъ она заботится сильно)? Новѣйшее просвѣщенное общество не представляетъ примѣра, чтобы кто-нибудь изъ насъ сталъ въ ряды польско-украинской шляхты, тогда-какъ самъ корреспондентъ мой указываетъ — конечно съ презрѣніемъ — на нѣсколькихъ кіевскихъ студентовъ, которые *szlachciców się zaparli, a chłopami nie zostali*. Да они и не желали сдѣлаться хлопами, а просто — Украинцами, объявивъ безнадежными шляхетскія тенденціи. Много ихъ или мало, но это люди, постигшіе, гдѣ возможенъ прогрессъ жизни, при нынѣшнемъ всемірномъ воскресеніи народностей, и гдѣ онъ не возможенъ. Тащить куда-то малочисленному сословію цѣлый народъ — дѣло странное. Соединиться съ этимъ народомъ, слиться съ нимъ своими симпатіями — дѣло естественное. Украинскіе Поляки соглашаются, что они, большую частью, тѣ же Украинцы, превращенные католичествомъ и польщиною въ иную народность. Что можетъ быть натуральнѣе для просвѣщеннаго мыслителя, какъ воротиться на ту прямую дорогу, по которой шли ихъ предки, не совращенные еще іезуитами и варшавскими политиками? А впрочемъ мы обойдемся и безъ нихъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Въ-заключеніе, я прошу читателей позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ, которыя будутъ вполне понятны только моему корреспонденту. Подозрѣнія его на счетъ нашихъ затаенныхъ цѣлей несправедливы. Мы живемъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ уже и въ государственную политику входитъ идея правды, какъ надежнѣйшій двигатель, какъ вѣрнѣйшая опора. Украинцы всегда чуждались извѣстнаго правила: цѣль оправдываетъ средства. Осуществить наши надежды, мы надѣемся мирными путями: путемъ просвѣщенія и справедливости, путемъ уразумѣнія общей пользы; всѣ другіе пути мы считаемъ ненадежными...

П. Кулишъ.

17 января, 1862.

С. Петербургъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ

НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ.

Въ *Воронежской Бесѣдѣ*, г-жа Кохановская помѣстила статью, въ которой сравниваетъ и объясняетъ нѣсколько народныхъ пѣсень; однакожь, несмотря на остроумныя догадки, статья эта остается только одною изъ попытокъ въ этомъ родѣ, а мнѣ кажется, наступила уже пора серьезной разработки произведеній народа, которыя должны разъяснить многое въ его жизни.

Почему мы, изучающіе народъ, любяще его, сознавая всю важность подобнаго изученія, будучи увѣрены, что только этимъ путемъ дойдемъ до разумнаго уясненія себѣ народной жизни, — такъ мало обращаемъ на это вниманіе, и собирая тысячи пѣсень, оставляемъ ихъ сырымъ матеріаломъ, не пользуемся своимъ богатствомъ какъ слѣдуетъ? Откуда это молчаніе? Вялость ли это? сосредоточенье ли силъ, переработка ли внутренняя? или, просто, родная наша лѣнь?.. Но слово *лѣнь* для меня слишкомъ многозначуще. У насъ лѣнны всѣ: крестьяне на барщинѣ, чиновникъ на службѣ, литераторъ, художникъ, ученый, землевладелецъ; у всѣхъ валится дѣло изъ рукъ и въ руки не просится.. Слово *лѣнь* тутъ не у мѣста. Это глубоко грустное явленіе — не лѣнь; такая всеобщая безгласность и бездѣйствіе не что другое, какъ нравственное безсиліе, немощь. Но пусть же раздастся живой звукъ, пусть вырвется хоть едва внятный стонъ, — онъ наведетъ на путь, какъ вѣха, какъ тычина въ мятель, хоть и занесло ее на-половину снѣгомъ.

Кромѣ бездѣйствія отъ изнеможенія, мы бездѣйствуемъ отъ неумѣнья взяться за дѣло; мы отвыкли отъ дѣла и наконецъ пришли къ тому, что все молчитъ, поглощенное апатіей, — не сохранивъ даже сознанья настолько, чтобъ различить дѣло отъ бездѣлья.

Но пускай же начнутъ говорить всё: незачѣмъ бояться промаховъ, незачѣмъ ребячески считать печатное слово то откровеніемъ безошибочнымъ, то бояться его, какъ пугала. Ошибки неизбежны, но они-то и ведутъ къ толкамъ, къ пересудамъ, — къ распашкѣ той петронутой цѣлины, которая встрѣчается у насъ повсюду.

Мнѣ кажется нелишнимъ — уяснить себѣ, для чего мы изучаемъ народность, что привело насъ къ этому изученію и какія послѣдствія могутъ быть изъ этого, теперь почти всеобщаго, стремленія?

Сила, влекущая всѣхъ къ изученію народа, преимущественно заключается въ томъ общественномъ переворотѣ, который поставилъ всѣхъ и каждаго лицомъ къ лицу съ народомъ, въ постоянное съ нимъ столкновение. Тѣ, которые прежде съ презрѣніемъ отворачивались отъ крестьянина, теперь обращаются къ нему, вынужденные необходимостью знать того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Иные изучаютъ теперь, изучали народъ и прежде; какъ могли и какъ умѣли. Одни изъ книгъ, другіе въ переднихъ, отъ извозчиковъ, въ лавкахъ, на большихъ дорогахъ, изъ окна багскаго дома, по проселкамъ, въ избахъ и хатахъ; одни глядѣли на народъ и разсматривали его на разстояніи, другія сквозь микроскопъ, а кто жилъ съ народомъ заодно, въ одну ноту тянулъ съ нимъ унылую пѣснь, скорбѣлъ и плакалъ по немъ горячими слезами роднаго брата. Однихъ и теперь влечетъ къ изученію народа только необходимость, у другихъ, какъ тогда, такъ и теперь, сердце бьется однимъ съ нимъ бѣніемъ, сливается въ одно чувство съ нашей братьей. Всѣ эти разнообразныя взгляды, различныя побужденія, время привело къ одному заключенію — къ потребности изучать народъ, и теперь-то можно его изучать, теперь-то надо ждать любопытныхъ выводовъ, каждому дѣлиться съ обществомъ своими выводами и наблюденіями. Мы всё и видимъ и сознаемъ это дѣло по-своему; каждый изъ насъ имѣетъ въ своемъ взглядѣ свой собственный отгѣнокъ, въ каждомъ отгѣнкѣ есть своя правда; натура каждаго чувствуетъ и анализируетъ по-своему. Всѣ эти единичныя заключенія составляютъ одну силу или одну цифру, въ которой всякій отдѣльный знакъ, стоящій на своемъ мѣстѣ, играетъ назначенную ему роль, и не только важенъ, но необходимъ. Поэтому-то трудъ, взглядъ, мысль каждой отдѣльной личности, всякое едва сознанное ощущеніе — дороги и важны. Пишите все, съ разсужденіями или безъ разсужденій — какъ угодно, но пишите; только тогда мы узнаемъ народъ, а пока — мы его не знаемъ, или знаемъ столько же, какъ и онъ насъ. Изученіе поведетъ насъ къ сближенію, сближеніе къ слитію, и тогда

развитіе пойдетъ лучшимъ путемъ. Мы народу необходимы, также какъ и онъ намъ. Всѣ недостатки наши — только послѣдствіе былого; у многихъ изъ насъ не совершенно еще порвались и перегнули корни, связующіе съ родной почвой. Не на западъ наше мѣсто и не на востокъ, а здѣсь, — здѣсь и нигдѣ болѣе. Здѣсь мы крѣпче стоимъ, здѣсь мы можемъ принести пользу человѣческому развитію; только здѣсь наша дѣятельность способна проникнуть во всѣ поры жизни, только здѣсь мы вполне способны употребить въ дѣло всѣ наши силы, и въ слѣдствіе этого только здѣсь мы сами можемъ вполне развиться.

Дѣла, писать долженъ каждый: каждому долженъ быть открытъ путь къ печатному слову; каждому должна быть дана свобода высказать свое мнѣніе гласно. Печатаніе должно обратиться въ разговоръ, въ которомъ могутъ и должны участвовать всѣ безъ исключенія. Какъ поучительно для молодого поколѣнія выслушивать старческой споръ, или споръ зрѣлыхъ мыслителей, процѣживаемый черезъ опытъ, такъ точно для стараго поколѣнія и опытныхъ людей полезно слушать споръ молодежи, полный огня, порыва, идеальной чистоты и теоріи, безъ уродливой и уродующей практики. Нѣтъ! Я не того мнѣнія, какъ И. С. Аксаковъ, чтобы не допускать юность на мірекую сходку, — нѣтъ, это ошибочно; всякъ пусть идетъ и толкуетъ, всякъ пусть подаетъ голосъ, и юноша, и женщина, и старецъ. Всѣ имѣютъ одни права, и зажимать ротъ юношѣ то же чинопоклоненіе, которое вы такъ презираете. Грустно и жалко встрѣтить такой деспотическій взглядъ на молодежь, такую мертвящую холодность тамъ, гдѣ думали встрѣтить привѣтъ новой жизни и воззваніе ея къ дѣятельности; но г. Аксаковъ, выступивши подъ знаменемъ народности, часто поражаетъ своими мертвящими словами, своимъ каноническимъ тономъ. Въ то время, когда мы сами начинаемъ только познавать, но еще не познали, когда мы сами еще не знаемъ, какой дать отвѣтъ на вопросы времени, кто имѣетъ право говорить отъ имени каждаго изъ насъ? Теперь именно то время, когда каждый русскій начинаетъ думать по-своему и когда еще отъ насъ самихъ скрыто время, въ которое всѣ мы, одушевленные одной мыслию, проникнутые однимъ чувствомъ, заговоримъ однимъ желаніемъ. Я отказываюсь отъ многого, навязаннаго мнѣ, въ числѣ всѣхъ русскихъ; я оскорбляюсь многимъ и многимъ, приписаннымъ всѣмъ русскимъ, я наконецъ совершенно отказываюсь отъ такой любви къ народу, какую проповѣдуете вы, г. Аксаковъ. Доказывая полякамъ неосновательность ихъ притязаній, вы идете тѣмъ самымъ путемъ въ своемъ московскомъ журналѣ, недопуская воз-

возможности самобытнаго развитія южно-русскаго языка. Гдѣ же тутъ любовь? гдѣ народность?—Или вы, въ своей безпредѣльной любви къ народу, разрѣшаете себѣ даже насиліе и презрѣніе его воли?!

Вы требуете, чтобы народъ развивался самъ, — слѣдовательно своими собственными силами и побужденіями. Отчего же вы презираете народный голосъ, и сливая южную Русь съ кровною и нераздѣльною Великою Россіей, въ безразличное тождество, оставляете всторонѣ—мнѣніе объ этомъ самого народа? Или вы забыли, что русскій мужикъ, отправляясь на заработокъ въ Малую Русь, говорить, что идетъ въ Малороссію, къ хохламъ; а малоросъ въ свою очередь говорить, что онъ былъ въ Россіи, идетъ изъ Россіи, кушцы изъ Россіи,—это русскіе и проч. и проч.? Какъ тотъ, такъ и другой, совершенно различаютъ себя другъ отъ друга, и каждый стоитъ за свое крѣпко.

Въ вашемъ взглядѣ я вижу не любовь, а деспотизмъ, привычку самовольнаго распоряженія, противъ котораго вы такъ негодуете. Вы, возстающій на Петра за его насильственное преобразованіе, вы дѣйствуете по его системѣ. Вы точно также насильственно проводите дороги, по своему личному усмотрѣнію и кабинетному мышленію; вы желаете провести желѣзную дорогу изъ Москвы въ Кіевъ: *желѣзную дорогу во что бы то ни стало!* Да ваше рѣшеніе хуже Петра: у Петра была нѣмецкая государственная система въ головѣ; ему надо было во что бы то ни стало связать сѣверъ съ югомъ посредствомъ чиновничества. Онъ о простомъ народѣ думалъ, какъ о безответномъ матеріалѣ, а вы простой народъ уважаете, вы защищаете его права и — готовы распорядиться послѣдними его средствами (еслибъ они были въ вашемъ распоряженіи), чтобы притянуть къ себѣ, съ помощію желѣзной дороги, ничего невѣдающихъ хохловъ не спрашивая на то ихъ согласія. У васъ нѣтъ уваженія къ народу, когда распоряжаетесь съ нимъ такъ нецеремонно. Никогда не слѣдуетъ вѣсть народъ; надо, чтобы онъ шелъ самъ, а теперь и въ особенности, потому что вы не знаете еще качествъ его, слѣдовательно не знаете, что для него лучше. До сихъ поръ онъ тщательно скрывался отъ насъ, и только теперь выходитъ на свѣтъ, только теперь для него наступаетъ *день*, — но — не *вашъ*, гдѣ презираютъ и юность и волю и національность.

Я охотно перехожу отъ вашей любви къ народолобію г-жи Кохановской. Порадуюсь тому, что женщина съ такою теплотою изучаетъ народъ, подаетъ свой голосъ въ *промадь* и обсуждаетъ пѣсни такъ тепло и такъ хорошо.

Г-жа Кохановская, разбирая нѣкоторыя пѣсни изъ сборника г. Якушкина, уясняетъ ихъ вариантами малороссійскими. Но, мнѣ кажется, заключенія, которыя она дѣлаетъ, требуютъ большаго доказательства. — Напр. пѣсня на стр. 397, начинающаяся такъ:

Ой, поїхавъ королѣвичъ на погуляння,
Та и покинуувъ Марусеньку на горюванья...

привела къ заключенію, что пѣсня эта происхожденія литовскаго. Точно также и пѣсня про Ваньку-ключника доказываетъ вамъ ее литовское происхожденіе, и вы утверждаете свое мнѣніе на томъ, что въ Россіи *въ то время* (?) былъ извѣстенъ одинъ король: король Литовскій. Кромѣ слова *король*, доказываетъ ли еще что-либо въ этой пѣснѣ ея литовское происхожденіе? Вариантъ этой пѣсни, записанный мною, не имѣетъ въ себѣ слова *король*, но положительно указываетъ на мѣсто дѣйствія въ Валахіи, у князя Волоханскаго.

Какъ жилъ себѣ, й охъ! князь Волоханскій,
Имѣлъ онъ себѣ дѣвушекъ, й охъ! премножество.

Далѣе, очевидно, пѣсня потеряла нѣсколько стиховъ, смыслъ которыхъ долженъ быть таковъ: жилъ себѣ Ванька-ключничокъ, да и полюбилъ онъ княгинюшку; — но на Ваньку донесли:

Скажу и доведу я, охъ! князю Волоханскому,
Что Ивась ли ключничокъ й охъ! жилъ три годочка,
Зъ вірною княгинею, охъ! да Ванька познакомился,
Ой то скажу, то доведу ой князю, князю Волоханскому.
Охъ какъ закричитъ князь Волоханскій
Своимъ громкимъ голосомъ охъ! на своихъ на сто слуговъ закричалъ:

»Что, слуги мои вѣрные!
Охъ, возьмите лопатушки,
Лопаты зеленые,
Охъ да копайте да канавушки—
Канавы глубокія,
Охъ и урывайте столпочушки—
Столпы поточаванны,
Охъ да убивайте колечушки,
Колечки злоченыя,
Охъ да чепляйте вы гужовушки,
Охъ да гужи шолковые.
Возьмите Ванюшку, ой да подь бѣлыя рученьки...

Подробностей вехода Ваньки на висѣлицу, описанныя такъ прекрасно въ одномъ изъ приведенныхъ вами вариантовъ, у меня нѣтъ, но слѣдуютъ стихи тѣже, что и въ первообразѣ (по вашему мнѣнію):

Ванька на релли качается.

— Охъ да й молода княгинюшка,
молода княгинюшка —

Охъ да въ комнатѣ кончается...

Въ вашемъ вариантѣ, также какъ и въ приведенныхъ вами, пѣсня этимъ оканчивается; у меня слѣдуетъ еще нѣсколько строкъ, въ которыхъ княгинюшка вспоминаетъ свое житье съ Иванькомъ, и въ такихъ словахъ, которыя, безъ всякаго покрова, изображаютъ ихъ любовныя отношенія.

Пѣсня эта записана мною отъ цыгана въ Черниговской губерніи; при этомъ онъ говорилъ, что пѣсня занесена ихъ предками издалека, изъ Валахїи, занесена подъ большимъ секретомъ, потому что ее запрещали пѣть, и однажды одного изъ нихъ посадили въ тюрьму за то, что онъ пѣлъ ее на ярманкѣ. Голосъ ея оригиналенъ и грустенъ. — Но нѣтъ сомнѣнїя, что наберется еще нѣсколько вариантовъ, которые могутъ представить дѣло въ другомъ видѣ и пополнять пѣсню еще болѣе. Слѣдовательно, заключенія ваши о происхожденїи пѣсни остаются только догадками, точно такъ же, какъ и заключеніе о первообразахъ.

Сличая варианты пѣсень великорусскихъ съ малороссійскими, вы не указали на малороссійскія варианты пѣсни подъ названіемъ «*Татарскій полонь*», между тѣмъ такіе варианты существуютъ въ печати, и это особенно любопытно потому, что пѣсня эта есть также и въ средней и восточной половѣ Россїи; вездѣ она равно хороша, вездѣ свѣтится первообразомъ. На всемъ юговосточномъ протяженїи Россїи были одни и тѣже столкновенія пограничныхъ жителей съ татарами, и драма, выраженная въ пѣсни *Татарскій полонь*, могла случиться вездѣ и послужить поводомъ къ созданію этого поэтическаго произведенія; но гдѣ именно она создавалась, едвали, пока, можно указать безошибочно. Напѣвъ могъ бы навести на первообразъ, но въ извѣстныхъ мнѣ вариантахъ напѣвъ гармонируетъ вполне съ словами и носитъ на себѣ мѣстный колоритъ. Мотивъ ея, въ средней Россїи, сохранилъ въ себѣ ясно свой серединный характеръ, а на востокѣ въ немъ слышатся татарскія звуки. Сравнивъ только эти три варианта, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, который изъ нихъ назвать первообразомъ? Какъ нельзя указать первообраза въ этой пѣснѣ, такъ точно почти и во всѣхъ другихъ. Первообразомъ мы еще указать не можемъ; средства наши недостаточны, да къ тому же и тотъ матеріалъ, которымъ пользуемся — неразработанъ. Множество пѣсень, находящихся въ сборникахъ велико-

русскихъ, и которыя великороссіяне считаютъ своими собственными произведеніями, не могутъ назваться ихними потому, что варианты этихъ пѣсень находятся у Южноруссовъ и точно также считаются ими своею принадлежностью. Пока все сборники пѣсень, отъ портфелей ученаго до альбома деревенской барышни, не сдѣлаются достояніемъ общимъ, пока не исчерпаемъ мы до дна народныхъ пѣсень, пока не сличимъ ихъ, да не только въ складѣ рѣчи, но и въ музыкѣ, пока наконецъ пѣсни всехъ Славянъ не войдутъ въ это общее дѣло, — до тѣхъ поръ нѣтъ возможности найти первообразъ, до тѣхъ поръ все наши старанія, попытки разъяснить народную пѣснь — останутся одиѣми, болѣе или менѣе удачными, догадками.

Какъ рано дѣлать заключенія о происхожденіи пѣсни, о ея первообразѣ, точно также, мнѣ кажется, рано еще дѣлать *заключеніе* и о современной народной поэзіи. — Я невольно остановился надъ слѣдующей вашей фразой: «А между тѣмъ основной первоначальной звукъ этихъ, постоянно падающихъ, тоновъ народнаго творчества есть очень и очень древняя пѣсня (стр. 384).» — «*Постоянно падающихъ* тоновъ народнаго творчества»... На страницахъ *Воронежской Бесѣды* въ статьѣ М. де-Пуле, о Кольцовѣ, тоже сказано: «Что бы ни говорили о нестарѣющей живучести русской простонародной пѣсни, но *она видимо дряхлѣетъ и доживаетъ свой послѣдній вѣкъ* (стр. 427.) Наконецъ припоминаю и слова Н. И. Костомарова, сказанныя имъ въ «Воспоминаніи о двухъ малярахъ» (*Основа*, апрѣль, стр. 52): «Народная Украинская поэзія *видимо* приближается къ угасанію.» Останавливаюсь надъ этими рѣшеніями и спрашиваю себя: неужели все это правда?!...

Мнѣ нехочется потдаться этимъ прискорбнымъ заключеніямъ. Почему вы, сознавшіе такъ ясно упадокъ народной поэзіи, не указали его ясно намъ, чтобъ разрѣшить наше сомнѣніе и вывести насъ изъ самообольщенія?.. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этомъ остановиться и серьезно побесѣдовать съ нами какъ о состояніи современной народной поэзіи, такъ и о причинахъ ея упадка.

Я невольно задумываюсь надъ вашимъ печальнымъ выводомъ, провѣряю свои мысли, вспоминаю пѣсни въ устахъ народа и сомнѣваюсь въ справедливости вашего приговора.

Любовь и чувство къ пѣсни еще въ полной силѣ въ народѣ. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня поется не только по привычкѣ, но и съ полнымъ участіемъ, поглощая все существо поющего. Можно ли тутъ со-

мнѣваться въ недостатокѣ любви и сказать, что теперь чувство народа къ своимъ пѣснямъ падаетъ, «*пѣсня дряхлѣетъ*,» «*первоначальный звукъ ея падаетъ*.» Пѣсни историческія, я согласенъ, современниками ихъ пѣлись съ большимъ пониманьемъ, хотя и теперь нельзя сказать, чтобъ ихъ не любили и не чувствовали: я часто видѣлъ плачущихъ парней, когда бандуристъ имъ пѣлъ старинныя думы. А пѣсни семейныя? пѣсни дѣвочкія, бурлацкія, обрядвыя, сиротскія, поютъ развѣ не такъ, какъ пѣлись, развѣ значеніе ихъ для народа устарѣло? Бездомный бурлака нашего времени также грустно затянетъ: *Та ишовъ козакъ зъ Дону*, какъ бывало пѣлъ ее бурлака въ старину. Такая любовь къ пѣсни, такое ея животрепещущее пониманье успокоительно, и доказываютъ, что поэтическое чувство въ народѣ очень сильно... Но въ народѣ есть и попытки творчества. Перехода изъ устъ въ уста, пѣсня заходитъ далеко отъ мѣста своего рожденія и часто теряетъ первоначальный свой образъ; иногда доходитъ отрывкомъ, и что же?—погостивъ гдѣ-нибудь нѣсколько времени, она является очень часто въ новомъ видѣ, убранныя и осмысленная. Это доказываетъ, что поэтическое чувство въ народѣ доходитъ до творчества, которое не принимаетъ пѣсень въ искаженномъ и ему непонятномъ видѣ, а пересоздаетъ въ форму для него живую. Пѣсня постоянно теряетъ на пути одно, пріобрѣтаетъ другое. Не зная всѣхъ видоизмѣненій, которыя она потерпѣла во время своего странствованія, можемъ ли мы утвердительно сказать, что новѣйшія добавленія и измѣненія народа хуже прежнихъ? На чемъ мы провѣримъ свое заключеніе??

Въ пѣсняхъ каждая эпоха оставила по себѣ слѣдъ, — это правда. Но однѣ изъ нихъ дошли до насъ, другія дошли въ маломъ числѣ образцовъ, третьи въ искаженномъ видѣ, четвертыя очень не полныя, — какой же послѣ этого вѣрный приговоръ мы можемъ сдѣлать?

И когда пришелъ тотъ несчастный часъ, что народная поэзія дойдя до своего апогея, начала спускаться?!.. Древность полна поэзія, времена Грознаго, Стеньки Разина, оставили прекрасныя поэтическія рассказы, пѣсни и мощные звуки. Время Хмельницкаго? — тоже; Петра? Екаторины? — и эти періоды оставили въ поэзіи ясный слѣдъ творческой силы!... Крѣпостное состояніе, рекрутскіе наборы хотя и тяжело ложились на народъ, но духъ творчества въ немъ еще не изсякъ, онъ живъ, и поэзія народная не умерла, она сильно напомнила о себѣ раздражающими стопами рекрутскихъ пѣсень или пѣснь крѣпака. Ежели не явились пѣсни въ большомъ количествѣ (это быть можетъ), то не отъ упадка поэтическаго творчества въ народѣ, а оттого, что жизнь его была

все та же и та же; однообразный ходъ ея не вызывалъ новой формы; разъ вылившись, унылые звуки, переполненные тоской, безъ измѣненія носились отъ конца до конца Россіи, всюду находя отголосокъ, сочувствіе, отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ однообразное, иногда жалкое положеніе.

Мнѣ могутъ сказать, что я успокоиваю себя общими фразами, что дѣло надо высказать на чистоту, слѣдуетъ доказать примѣрами. Извольте. Наблюдая за пѣніемъ народа, не одинъ я замѣчалъ, что пѣвица или пѣвецъ иногда вставляетъ въ пѣсню такое слово, которое точнѣе выражаетъ состояніе его духа въ то время. Развѣ это сознаніе пѣсни, дошедшее до усвоенія ея себѣ, не приближается къ творчеству? Во время *плачу* надъ любимымъ существомъ, надъ рекрутомъ или умершимъ, развѣ стоны вырываются заранее приготовленные? нѣтъ, они импровизируются, и въ эту минуту творчество на самой высшей своей точкѣ. Я былъ свидѣтелемъ самаго разнообразнаго, самаго теплаго творчества дѣвчатъ, когда онѣ *пѣли* отъ тоски и когда каждая додавала свое слово въ общій раздрающій плачь, прерванный рыданьями. Мать, когда она утѣшаетъ ребенка, сколько въ ней бываетъ изобрѣтательности, доходящей тоже до импровизаціи! А бандуристъ, представитель народной поэзіи, мой другъ Остапъ, развѣ не кладетъ всю свою душу въ думу, которую поетъ? не создаетъ въ это время новыхъ звуковъ, не прерываетъ пѣнья по вдохновенію? Онъ творитъ; избирая думу, ощущаетъ каждое ея слово, варьируетъ, выпуская, что не по душѣ въ ту минуту, добавляя тѣмъ, что вырывается изъ души: — не полны ли художественности тѣ звуки, на которыхъ онъ отдыхаетъ, — это ли не творчество?! Но мы всего этого не записываемъ, не изучаемъ, часто даже не замѣчаемъ.

Есть доказательства осязательнѣе, а именно—примѣры современной поэзіи. Привожу здѣсь тѣ *позднѣйшія* пѣсни, которыя мнѣ извѣстны:

1.

Ой горе, біда, — не Гетьманщина!
 Надокучила вже вража панщина.
 Я на панщину йду — торбу хліба несу,
 А изъ панщини йду — дрібні слѣзи роню....
 Посилає мене панъ въ велику дорѳгу,
 Въ велику дорѳгу—на степъ, на сторѳжу,
 Та й дає міні панъ коня вороного —
 Неїзджаłego.

Посилає козака молодого —

Небувалою.

Та й дає жь міні пань три копійки гробшей,
Щобь було й увітьця, та й ще й похмілітьця,
Міні молодому ні вь чімь не журитьця,
Ой сіна купити, коня накормити. И т. д. (1)

2.

Сонь головочку схилиє,
Мілий мілу покидає
Та зь дрібними діточками.
»Дітки мене взушили,
Красоту зь лиця змінили..
Ой якь вийду за ворота —
Летить воронь сизокрилий.
»Скажи, воронь, де мій мілий?»
—»Десь твій мілий на роббті
Та у сахариімь заводі;
Ой тамь днює, тамь ночує,
Дзвони дзвонють — вивь не чує,
Візьме топорь, та й майстриє. (2)

3.

Поза горі вітерь віє,
А вь долині тихо.
Було колись отгуть добре,
А тепера — ліхо.
За молодіхь панівь стало
Трудно на роботу:
Увесь тиждень на панщині,
А собі вь — суббту.
А вь неділю, до східь сонця,
Вь усі дзвони дзвонять:
Десятчики підь віконню,
На панщину гонять:
Чоловікамь за неведомь
Раненько вставати;
Старімь бабамь крупі драти,
Та ще й плаття прати,
Малімь дітямь пірья драти
И тютіонь вазати...

(1) Записана вь Прилуцк. уездь Полтав. губ..

(2) Запис. вь Черниговс. губ. и уездь.

4.

Въ неділю раненько у всі дзвони дзвонять:
 Сибірського десятчики на панщину гонять.
 «Ой годі-жъ вамъ, Рашавчане, до церкви ходити,
 Беріть мішки та лопати, идіть майдану копати!»
 Та й у тому майдані набіті кілочки,
 Та вже ходять Рашавчане голі, безъ сорочки!...
 Ой у того Сибірського біленькі онучі,
 Заплакали Рашавчане на панщину йдучи!..
 Та зазичивъ панъ Сибірський десять тисячъ гробшей,
 Да вістроївъ у Рашовці караванъ хорбший.
 Та якъ пішли, ой якъ пішли ченшовії жбни,
 Вклонілися Сибірському низенько у ноги!
 «Ой пане же нашъ добродію, пожді жъ намъ хочъ трохи!»
 Та низенько Сибірському вклонілись у ноги..
 Та й насіявъ панъ Сибірський пшениці ланами,
 Та назганявъ на панщину батьківъ ізъ синами.
 Летить кричюкъ на той бічюкъ, та й летючі криче:
 «За старіми, за панами вся Рашевка плаче!» (*)

5.

Наступає чорна хмара,
 А другая сіня,
 Не заступить синь за батька,
 А батько за сіна.
 Жецуть батька въ степь косити,
 Сіна молотити,
 Третю дбчкү-паняночку —
 Тютюну садити,
 А невістку зъ свекрухою
 У запъ жита жати.
 Сіли вони обідати, —
 Гіркий нашъ обіде!
 Озирають позадь себе,
 Ажъ окомомъ иде.
 Підійжджає панъ окомонъ,
 Канчүкъ розпускає:
 «Чому, чому, Білозірці,
 Усіхъ васъ немає?»
 — «Окомоне, добродію,
 Що маємъ робити?
 Покидали маліхъ дітокъ,
 Нікому глядіти.»

(*) Подтавс. губ. Гадячскаго уѣзда.

—А я велю малихъ дітокъ
 Въ ставкахъ потопіти,
 Та всімъ же вамъ, Білазірцямъ,
 Въ роботу ходіти.
 У нашої окомонши
 Червона спідвиця;
 Ой виходять Білозірці,
 Якъ сходить зірниця.
 У нашого оконома
 Сівая кобіла,—
 Ой побила Білозірцівъ
 Лихая година.
 У нашого Білозбра
 Червона хустка —
 Остаетця въ Білозбра
 Не два хата пуста.
 У нашої окомонши
 У подбвжъ мерэжки, —
 Йдуть до-дому Білозірці,
 Якъ не видно стéжки. (4)

6.

Ой Содома, пане брате,
 Содома! Содома!
 Немá въ мене свіпкá жита
 Ні въ полі, ні дома.
 Було въ мене, куме, жито,
 Зелене-зелене...
 Заіхали вражі пані,
 Забрали відъ мене.
 Було въ мене, куме, жито
 Ой скрізь по-падъ річку;
 Заіхали вражі пані —
 Забрали на січку.
 Охъ пішовъ я, пане-брате,
 Плати поминати.
 А вінъ мене вібивъ добре,
 Та й вигнавъ взъ хати.
 А що жъ маємъ, пане-брате,
 Тепера робіти?
 Іде черга до вінниці
 Ввесь тиждень ходіти.
 Охъ пішовъ я въ понеділокъ,
 Пішовъ у вівторокъ,
 Ажъ вііхавъ навъ комисаръ,

(4) Черниговс. губ. Борзенск уѣзда.

Давъ пага́ивъ сборокъ.
 Ой ходи́въ я увѣсь тѣждень,
 Ходи́въ до субѳти,
 Ажъ ви́хавъ и самъ дідичъ:
 «Чортъ-ма́ зъ васъ робѳти!»
 А въ неділю д́уже рано
 Усі дзвѳни дзвѳняютъ.
 Осау́ли съ козака́ми
 До ви́лннці гѳняютъ.
 Отъ д́умавъ я, па́не-бра́те:
 Бо́гу помолю́ся;
 Осау́ла бере за́ лобъ,
 Бѣе вѣемъ по у́шахъ.
 Въ чужі́мъ селі́ дзвѳни дзвѳняютъ,
 А въ на́шому тѣхо;
 Въ чужі́мъ селі́ чортма́ добра́,
 А въ на́шому лі́хо.
 А наші́ осау́ли
 Знаю́тъ па́ньску ла́ску:
 Зъ чоло́вика деру́тъ штани́,
 А зъ жі́нки — запа́ску.
 Ой ході́мо, па́не-бра́те,
 Та за круті́ гѳри,
 Неха́й тута вивѳдѳтца
 Крукі́ та ворѳни!
 Ой ході́мо, па́не-бра́те,
 Въ степъ та въ гайдама́ки, — —

Вотъ нѣсколько примѣровъ современнаго народнаго творчества. Я имѣю однакожь полное право предполагать, что это не лучшіе образцы. Новыя пѣсни должны быть и въ чумачествѣ, ибо они создаются вездѣ, отъ мирной хаты до поселеній и острога. Народъ, оттолкнутый и униженный, не охотно дѣлится своими сокровенными чувствами, да еще съ нами. Мы не знаемъ состоянія его поэзіи, какъ не знаемъ вообще его нравственнаго развитія; доказательствомъ тому могутъ служить постоянныя противорѣчія въ сужденіяхъ о народѣ; на примѣръ: одни говорятъ, что онъ глубокой атеистъ, другіе — что онъ религіозенъ. — Когда народъ почти для всѣхъ насъ — новость, какъ же мы можемъ положительно говорить о немъ? Будемъ его изучать, вновь изучать, безъ охлажденія и усталости, — какъ изучали въ первую пору своей любви къ нему; теперь именно то время, когда мало помалу народъ высказывается тѣмъ, что онъ есть, а не тѣмъ, къѣмъ мы его считаемъ.

Теперь настала пора, когда каждый, имѣющій у себя не только тысячи пѣсень въ кабинетѣ, а хоть одну, долженъ передавать ее намъ, а не

держатъ у себя для полнаго обдуманнаго труда. Мнѣ кажется, пустивъ ихъ въ оборотъ, онъ самъ расширитъ кругъ своего взгляда и выполнитъ заданную себѣ задачу еще лучше. Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ, что у того-то 500 пѣсень, у другого 1000, у третьяго тысячи, и чтожь?— проходятъ года, — а эти массы пѣсень все лежатъ безъ пользы. Въ этомъ дѣлѣ не худо вспомнить пословицу: *Нечего сулить журавля въ небо, дай синицу — да въ руки.*

Что касается до *Воронежской Бесѣды*, то въ ней такъ много хорошаго, такъ вѣтъ отъ нея свѣжимъ сельскимъ воздухомъ, что я привѣтствую ее отъ всей души, а равно желаю всякаго успѣха и развитія другимъ изданіямъ, рождающимся во всѣхъ мѣстахъ южной, западной и великой Россіи: — это отрадно и многозначуще въ будущемъ!..

Л. Жемчужниковъ.

28 декабря, 1861 г.

ВСЕГДА ЛИ ВЪРНО СВИСТАТЬ ВЪ «СОВРЕМЕННОМУ?»

И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ.
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе магригалы
Себѣ встречали и иногда...
E sempre bene, господа!

Въ январской книжкѣ *Современника*, въ отдѣлѣ *Свистка*, мы прочли слѣдующія замѣтки:

«Н. И. Костомаровъ находитъ, что мы слишкомъ уже далеко пошли, и что *не худо поворотить назадъ*» «Сейчасъ мы получили его *Тысячелѣтіе* и въ немъ, къ изумленію нашему, прочли, что, въ настоящее время, *нѣтъ никакого движенія*, а лишь только миражъ движенія, иллюзія, обманъ; что и передовыхъ людей — *людей идей* — *вовсе нѣтъ*, а есть передовые люди *моды* — личности наиболѣе неспособныя и пустыя. *Такъ Н. И. Костомаровъ характеризуетъ наше время и наше движеніе*, въ самыхъ видныхъ рядахъ котораго стоитъ онъ самъ» «Перестанемъ же, — говоритъ Н. И., — повторять модную фразу: «вне-рѣдь!» — лучше: «назадъ!» «Даже — назадъ къ половинѣ IX вѣка, за тысячу лѣтъ.»

Кто думалъ видѣть въ *Свисткѣ* серьезную, правдивую мысль, тотъ на этотъ разъ сильно ошибся. На этотъ разъ, *Свистокъ* до избытка преисполненъ самовосхваленія и — клеветы: сказанія его о *Тысячелѣтій*, которое по его словамъ, будто бы написано «въ стилѣ яростно-возвышенномъ» (у Костомарова — стилѣ «яростно-возвышенный»!)? Какой вздоръ!) не заключаютъ въ себѣ ни внутренней, ни даже внѣшней, правды. Статья г. Костомарова, изъ которой выхвачено и извращено нѣсколько выраженій, имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой ей приданъ *Современникомъ*: стоить прочесть ее, чтобъ убѣдиться въ неправдивости *Свистка*. Г. Костомаровъ не возражалъ *Современнику*, а это было нужно; ибо, къ сожалѣнію, въ нашъ — по видимому — критическій и скептическій вѣкъ, еще слишкомъ много людей, —

которые рабски, по принципу, поддаваясь чужому уму, часто принимают на веру то, что с умыслом или совершенно извращается, или представляется в неверном свете.

Автор *Свистка*, г. Эюпъ, такъ же оригинально поступилъ и съ статьями *Основы* по поводу слова *жидъ*, какъ и съ *Тысячелетіемъ*, г. Костомарова: онъ или вовсе не читалъ ихъ, или прочиталъ такъ какъ ему было нужно, чтобъ показать, будто есть варвары, которые еще сомнѣваются: — «братъ ли съ собою (если итти впередъ) всѣ безчисленныя національности, входящія въ составъ русскаго народа, — напр. Евреевъ»... Мы почти увѣрены, что г. Эюпъ не читалъ нашей статьи, (*Основа*, июнь, 1861 г.), вызвавшей *Сіонъ* на патріотическій подвигъ... Какъ ни усомнились мы въ правдивости *Свистка* послѣ поступка съ г. Костомаровымъ, но на-столько вѣримъ г. Эюпу, что—думаемъ—еслибъ онъ прочелъ то, что дѣйствительно нанечатано въ *Основѣ*, то не рѣшился бы отнестись къ намъ выписаннаго выше вопроса. Къ повтореніямъ, съ чужаго голоса, мы вообще привыкли; мы не удивились бы этому и въ *Свисткѣ*, и не остановились бы на его толкахъ по поводу Евреевъ, толкахъ, ничего не объясняющихъ и не рѣшающихъ; но насъ поразила надменность, съ которой *Свистокъ* отнесся къ *Основѣ* вообще: «*Основа* родилась недавно... да и что *Свистку* за дѣло — какъ думаетъ о разныхъ предметахъ *Основа*? Мало ли кто какъ о чемъ не думаетъ! Не возражать же противъ всякаго...» О *Свистокъ*! о Олимпіецъ! вотъ гдѣ оно—барство-то! подъ покровомъ свисту—журнальное барство—самое чванное и—самое противное!... Печальный, старческій признакъ... Для собственнаго спасенія, *Свистку* слѣдовало бы отнестись же хорошенько вспомнить украинскую пословицу: «*що високо літає, той нязько сідаеть*». Право, это и для свисту полезно: слишкомъ высоко возьмешь,—смотри—и оборвешься. Вотъ и теперь: какую взялъ *Свистокъ* фальшивую ноту, заговоривъ о Костомаровѣ, объ *Основѣ*... Но, положимъ, говорить объ *Основѣ* что вздумается—простительно; *Основа* для *Современника*—вопросъ частный, мѣстный; *Современникъ* занятъ собой, вообще—міровыми явленіями, и легко могъ забыть, что, въ январѣ и даже въ августѣ 1861 г., великодушно призналъ за *Основой* право на «уваженіе», потому что «въ ней видна цѣль, видно стремленіе разъяснить живые вопросы», поддержать живую связь съ народомъ. Но — что не простительно — такъ это противорѣчіе *Современника* самому-себѣ да еще — въ сужденіяхъ о такомъ предметѣ, которому нужны многіе годы, чтобъ перемѣниться, именно—о цѣломъ народѣ, о Малороссахъ. Помните

ли, братья-земляки, — какъ мы были удивлены, какъ мы краснѣли отъ удовольствія и—еще больше—отъ сознанія своихъ недостатковъ, — читая, въ июльской книжкѣ *Современника* слѣдующія слова г. Чернышевскаго: »Если есть племена, могущія привлекать къ себѣ симпатію больше, чѣмъ другія племена, то — именно — Малороссы — одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно-настоячиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи, — все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, — такъ—что иноплеменникъ становится малорусскимъ патриотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи. Нельзя не сочувствовать имъ«.

Такъ говорилось въ *июль*. Послушайте же, что говорится, въ томъ же *«Современникѣ»*, о тѣхъ же Малороссахъ, въ *январь*: »Сыны благословенной Малороссіи, изучая, самымъ усерднымъ образомъ, философію, все-таки не могли уразумѣть — чѣмъ бы могъ жидъ различаться отъ собаки, равно какъ и того, что — кромѣ искусства дѣлать сало и хорошія наливки—для человѣческаго благоденствія на землѣ необходимы и нѣкоторыя другія знанія.« (*Свистокъ* этимъ доказалъ, что, для его собственнаго благоденствія, необходимо знаніе исторіи, въ особенности, исторіи того народа, о которомъ онъ судить)... Ну, можно ли такъ себѣ противорѣчить, такъ клеветать на цѣлый народъ? Откуда вы взяли, будто Малороссы не умѣли »различать жиды отъ собаки« и не понимали потребности знаній? Да этого нельзя сказать ни объ одномъ въ мірѣ народѣ съ демократическими началами, а тѣмъ болѣе о Малороссахъ — народѣ вѣротерпимомъ по-преимуществу. Жидовъ не любили не потому, что они — жиды, а потому что они не хорошо поступали съ народомъ: даже фанатикъ, отецъ *Климентій* — стихослагатель конца XVIII в., осуждая Жидовъ и Цыганъ, не касается ни ихъ народности, ни вѣры: онъ говоритъ только, что они *«зловѣрны; (бо въ нихъ стѣлько есть правды, якъ въ шельму сребра)*; что они живутъ обманомъ, не имѣютъ земли, домовъ, постояннаго мѣста жительства; Климентій даже благосклоннѣе къ жидамъ нежели къ цыганамъ, потому что первые ведутъ болѣе-общественную, осѣдлую жизнь. Не меньше жидовъ (и цыганъ), Малороссы не любили и *перѣхристовъ*, и *перѣвертней*, и *недбляшковъ*, если они измѣняли своимъ изъ-за выгоды; но ни одному человѣку, къ какому бы народу, сословію и вѣрованію онъ ни принадлежалъ, не былъ совершенно закрытъ доступъ, напр., въ козацкую общи-

ну, какъ только убѣждались въ честной преданности его народнымъ пользамъ.

Любопытно было бы знать, къ какому вѣку вы приурочиваете ваше сказаніе, будто бы мы, изучая философію, не умѣли цѣнить другихъ знаній? Это ужъ ещя клевета, или—крайнее незнаніе нашей исторіи. Вспомните конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ, когда, во вѣсхъ концахъ Южной Руси, основалсь *братства*, членами которыхъ были, большею частію, люди свѣтскіе (дворяне, мѣщане): главною ихъ заботою были школы, образованіе народа (прочтите хоть начало X тома *Исторіи Россіи*, г. Соловьева); вспомните, что *Гадлякимъ* договоромъ, 1658 года, (Гетманство Выговскаго, Н. И. Костомарова), постановлено — основать, въ Южной Руси, *два академіи съ университетскими правами* и Кіевскую академію обратить въ *университетъ*, — также учредить въ разныхъ мѣстахъ *училища*, не ограничивая ихъ числа; дозволено заводить каждому *типографіи*; объявлено совершенновольное *книгопечатаніе*; даже *относительно впръ* допускались всякія возраженія и мнѣнія *безпрепятственно*; вспомните, что въ Малороссіи, до половины XVIII вѣка, изъ *войсковыхъ* суммъ часть отдѣлялась на школы; что, издревле, основаніе училищъ признавалось тамъ дѣломъ благотворительнымъ; что даже у Климентія вы встрѣчаете уваженіе къ школь! Что все это было въ народномъ духѣ, указываетъ украинская поговорка: *лучче зъ розумнимъ у пеклі, ніжъ зъ дурнимъ у раю*. Подмѣчая, вѣроятно, эту склонность къ уметвенному саморазвитію въ нашемъ народѣ, взвѣсивая его нравственныя свойства, Полякъ — врагъ Украины — *Окольскій*, въ XVII вѣкѣ, писалъ (Continuaseya Dyaguzsa Wojennego,): «хотя между козаками нѣтъ ни одного князя, ни сенатора, ни воеводы, но есть межъ ними такіе мужики (chłopi), что елибъ не законы *contra plebejos*, то нашлись бы столь достойные, что ихъ слѣдовало бы признать равными Цинциннатамъ иThemistокламъ (aby ich et Qu. Cincinnato, ab aratro ad dictaturam byl wezwany, atque Themistoceli virtute par. nazwano)».

Въ заключеніе, замѣтимъ, что въ Малороссіи философія не была мертвой наукой: наша жизнь не позволяла ей остаться набальзамированнымъ трупомъ. Сковорода, котораго вы, кажется, не очень жалуете, потому что знаете только слабую его сторону, Сковорода, благодаря своей любви къ философіи, постоянно занятъ былъ мыслью — *якъ би умѣрти не безъ ума*, и посвятилъ всю свою жизнь на служеніе обществу, на просвѣщеніе народа. Философія помогла ему стать выше со-

словныхъ и другихъ современныхъ предразсудковъ, ходить въ просто-народной одеждѣ и учить народъ, на родномъ языкѣ, вездѣ, гдѣ были слушатели: на рынкахъ, на ярмаркахъ, по дорогамъ, у корчемъ и шинковъ, — относиться равно и къ богатымъ и къ бѣднымъ, къ вельможамъ и крестьянамъ, и остаться всю жизнь вѣрнымъ своимъ честнымъ началамъ, не смотря на насмѣшки, на клеветы, которыя распускались о немъ за правдивость его и любовь къ нему народа. «И они люди», говорилъ онъ въ укоръ. «Люди! Нѣтъ смѣшнѣе, какъ красивый ликъ съ пустою головою, и нѣтъ дороже, когда въ смѣшной внѣшности является утаенная разумность; и во вретницѣ иногда кроется дражайшій камень: *красна хата не углами, а пирогами*. Не люблю тѣхъ людей, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *Шумитъ, гремитъ... А что тамъ?* — *Кобылья мертвая голова бѣжитъ*. Не любя мнѣ пустая надменность и пышная пустошь.»

Около 1770 г., Сковорода уже ясно сознавалъ потребность народной науки, «науки для себя, которая была бы достоинствомъ не однихъ жрецовъ науки, но проникла бы весь народъ, водворилась бы въ душѣ всѣхъ, кому не чуждо человѣческое».... «Для народа русскаго», писалъ философъ, — «нужно явить новое знаніе, *взявъ содержаніе* для него *изъ жизни самого же народа*, — знаніе, основанное на самопознаніи. Это самопознаніе, по ученію Сковороды, должно выразиться познаніемъ себя 1) какъ самостоятельной (индивидуальной) личности, 2) какъ бытія народнаго, связаннаго съ другими, себѣ подобными, и 3) познаніемъ всеобщимъ, какъ человѣка, связаннаго со всѣмъ человѣчествомъ, со всѣмъ бытіемъ». «Русь не-русская», — говорилъ Сковорода, — «видится мнѣ диковинкою, какъ еслибы человѣкъ родился съ рыбьимъ хвостомъ, или собачьей головою». «Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное. Нужно лишь умѣть найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ обратить его въ нашу же жизнь. Это знаніе, этотъ огонь кроется у насъ, какъ огонь въ кремнѣ: подставь трутъ, и ударь огнивомъ. и явится у тебя твой домашній огонь, и не-за-чѣмъ тебѣ будетъ ходить по сосѣднимъ хатамъ, съ трясницею, — кланяться и одолжаться чужимъ огнемъ».

Видите ли: нашъ философъ проповѣдывалъ, за 100 лѣтъ назадъ, то самое, къ чему стали приходять въ наше время.

Надо еще прибавить, что не одинъ простой народъ, но и образованный слой общества, оцѣнилъ Сковороду и дорожилъ имъ, какъ на-

роднымъ гениемъ: чуть ли еще не при его жизни, было награвировано два или три его портрета.

Какъ же сказать о народѣ, гдѣ были подобныя явленія, будто онъ дофилософовался только до сала и наливockъ??

Не пренебрегайте *исторіей*: иначе вамъ вѣрить не стануть; не взводите несправедливости ни на человѣка, ни на народъ, — даже — во имя нашей собственной пользы: по неволѣ, не по правдѣ, намъ и самое счастье противно. На этомъ мы выросли, на этомъ стояли, стоимъ — и стоять будемъ.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

ВСТРѢЧА НА УКРАИНѢ КИРИЛЛА РАЗУМОВСКАГО И ИЗБРАНІЕ ЕГО ГЕТЬМАНОМЪ. (1)

ЖУРНАЛЪ

о происхожденіи и приездѣ в Малую Россію обрѣтающихся при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ, отправленныхъ, въ 1745 году, отъ всей Малороссійской Націи для прошенія о бытіи в Малой Россіи, по прежнему, Гетману и о прѣтчихъ Малороссійскихъ нуждахъ, Господь Депутатъ, и о прочемъ слѣдующемъ дѣйстви.

К оной депутаціи отправлены были из Глухова Обозній Войсковій Генералній *Яковъ Лизогубъ* и знатній Бунчуковій Товарищъ *Василій Гудовичъ*, а обрѣтающомусь до того для своихъ нуждъ в Санктпѣтербургѣ Хорунжому Войсковому Генералному *Николаю Ханенку* тажъ депутація обще з вищеписавними чинами поручена была, а когда вищепомянутій Обозній Генералній *Яковъ Лизогубъ* жизнь свою в Санктпѣтербургѣ, 1749 года генваря, окончиль, то оніе два в той депутаціи состояли.

Сего же 750 году генваря 3 дня, оніе — Хорунжій Войсковій Генералній господинъ *Ханенко* и Бунчуковій Товарищъ *Гудовичъ* в Глуховъ прибили, з данною имъ із Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи Высочайшею отпускною Грамотою.

(1) Старинный подлинникъ, съ котораго списавъ предлагаемый журналъ, хранится въ архивѣ Выдубицкаго монастыря. Ред.

Новую Высочайшую Грамоту, написанную къ присутствующимъ Генеральной Войсковой Канцеляріи Членамъ, того жъ Генваря 4 в Генеральной Войсковой Канцеляріи подали, которая в томъ состоитъ, яко Ея Императорское Величество, на всеподданиѣйшее отъ всей Малой Россіи прошеніе, Всемилостивѣйше соблагонизволили быть въ Малой Россіи Гетману, на основаніи бывшаго Гетмана Скоропадскаго, и для избранія онаго изъ Малороссійскаго народа волними голосами, отправленъ Ея Императорскаго Величества Лейбъ-компаніи-подпоруччикъ, Ея Императорскаго Высочества Государини Великой Княгини камеръгеръ и ординовъ святаго Александра и святія Анни кавалеръ, Графъ *Иванъ Симоновичъ* господинъ *Гендрикозь*, со особливою Императорскою грамотою. Помянутіе жъ депутаты, съ Всемилостивѣйше-пожалованнимъ имъ награжденіемъ, отпущени.

Того жъ 6 генваря, високопомянутая Грамота в Глуховѣ в Соборной церкви, по литургіи и з молебніемъ к Богу за всевысочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе пѣніемъ, публикована, и во всѣ Малороссійскіе полки и господамъ полковникамъ оной высочайшей грамоти копии, а особливо и из Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи во всякой порознь полкъ надписаніе грамоти жъ, чрезъ нихъ же Господь Депутатовъ приславіи, по Генеральной Войсковой Канцеляріи нарочными войсковыми канцеляристами при указѣхъ и з повелѣніемъ, даби и въ оныхъ Малороссійскихъ полкахъ тѣмъ же образомъ публиковано било, разослани. И хотя еще о слѣдованіи Его Святелства Графа *Ивана Симоновича* господина *Гендрикова* в Малую Россію извѣстія не имѣлось, однако Сотнику Глуховскому с козаками сотнѣ своей, для встрѣчу Его Святелства, веленно состоять въ готовности и держать вѣстовныхъ в Сѣвекѣ, кои завременно могли бѣ дать знать о приближеніи Его Святелства. Особливо жъ отправленно Атамана Компанійскаго з дванадцать человекъ компанійци в Сѣвекъ и веленно имъ дожидать прибытія Его Святелства, а изъ Сѣвекѣ имъ предъ каретою Его Святелства слѣдовать.

9 числа генваря получено господами Генеральною Старшиною отъ Его Графскаго Святелства, чрезъ нарочного куриера Глуховскаго гарнизона сержанта *Биховскаго*, писмо, пущенное отъ 6 числа того же генваря изъ Калуги, которымъ изволилъ объявлять, что уже находится в слѣдованіи в Глуховѣ, і требоваль о надлежащемъ къ прибытію его приуготовленіи.

Того жъ числа отъ присутствующихъ в Генеральной Войсковой Кан-

целярїи членовъ отпращенъ къ Его Графскому Сїятелству Сотникъ Глинскій *Антонъ Крижановскій* с писемнымъ къ Его Сїятелству поздравленіемъ новаго года и благополучнаго в Малую Россію шествїа, і при томъ з допесеніемъ, что къ прибытію Его Сїятельства все потребное приуготовленіе в совершенной исправности состоитъ.

По имѣнію же вышесказанной о слѣдованїи Его Сїятельства в Глуховъ ведомости, для встрѣчи и проваженїа Его Сїятельства, учрежденъ слѣдующій распорядокъ:

1. На границы Малороссійской, подъ селомъ Товстогубовомъ, поставленъ Сотникъ Глуховскій *Туранскій* с козаками сотнѣ своей до трехъ сотъ человекъ.

2. Отъ того мѣста вереть за четири Сотникъ Крелевецкїй *Ошевскій* со сту человекъ козаками.

3. Ближе къ селу Ясманѣ Сотникъ Воронежскїй *Холодовичъ* со сту человекъ козаками.

4. Да еще ближе подъ Ясмань Сотникъ Ямпольскїй *Каневецкїй* з своею сотнею, и при всѣхъ оныхъ сотняхъ сотеніе били знамена.

13 генваря упомянутой Сотникъ *Крижановскій* возвратился в Глуховъ зъ писмомъ отъ Его Сїятельства къ Генералной Старшинѣ, котормъ Его Сїятельство, за поздравленіе его и за прудкое донесенное ему о приуготовленїи извѣстіе, объявляетъ свое удовольствіе; а онъ Сотникъ словесно объявлялъ о приближенїи Его Сїятельства к Сѣвску, да в подтвержденіе того, тоей же ночи противъ 14 числа чрезъ нарочнаго, получено извѣстіе, что Его Сїятельство прибылъ уже в Сѣвскъ.

Того жъ 14 генваря зутра, какъ приеутствующіе в Генералной Войсковой Канцелярїи Члени, такъ и прочая Генералная Старшина и другіе всѣ имѣющіеся въ Глуховѣ чини въехали в село Ясмань, состоящее отъ Глухова в 17 верстахъ, и при нихъ находилась команда Компанїйская, называемая Надворная Короговъ, и войсковая музыка, где прибытія Его Сїятельства и дожидались. А та компанїйская команда, з войсковою музыкою, при вѣздѣ въ село Есмань поставлинна била. И таковымъ порядкомъ, какъ оніе команды роставлены били въ тѣхъ мѣстахъ, Его Сїятелству надлежащую стрѣчь учина генваря 15, порядочно одна за другою командою упередъ слѣдовали.

Когда же къ селу Ясманѣ зближились, то упомянутіе Генералной Войсковой Канцелярїи Члени, Генералная Старшина и протїіе всѣ бившіе тамо чини въехали, і предъ онимъ селомъ Есманю поклонъ Его Сїятелству і поздравленіе благополучнымъ его прибытіемъ учинили, гдѣ і

войсковая музыка на литаврах і на трубахъ играть начала; а Его Сіятелство притомъ не карети вишелъ и показалъ свое благодарствіе. Паки сѣлъ въ карету и поехалъ в село Ясманъ до назначенной квартиры, куда его объ тѣ чини провожали і в квартирѣ учинили поклонъ. В ономъ же селѣ Ясманѣ, взявъ Его Сіятелство малой ростахъ, выехалъ в Глуховъ, и предъ нимъ всѣ висшесанніе сотники з своими командами такимъ же порядкомъ, какъ и прежде, ординовали, и Надворная Компанѣйская Короговъ з войсковою музыкаю слѣдовали в Глуховъ, а помянутіе Генеральной Канцеляріи Члени, Генеральная Старшина и прочіе всѣ чини провождали жъ к Глухову.

За прибытіемъ же Его Сіятелства к Глуховскому форстату учинена из города салютація не пушекъ в 31 выстреле.

В'ездъ в городъ слѣдующимъ порядкомъ: были всѣ висшесанніе сотники, впередъ Глуховскій, потомъ Кролевецкій, Воронежскій и Ямпольскій, с командами своими і з сотенными знаменами, ехали всякъ предъ своею сотнею з обнаженными саблями, а козаки з ружемъ, держа оное на караулъ, такожъ и компанѣйская команда из своимъ командиромъ; притомъ войсковая музыка на литаврахъ и трубахъ играли обикновенній маршъ.

Внутрь города, от Севскихъ воротъ до квартиры Его Сіятелства, по обомъ сторонамъ улицы, поставленъ билъ Глуховскій гарнизонный полкъ, со своими афицери и з распущенными знаменами.

В свитѣ Его Сіятелства слѣдовали:

В 1-й каретѣ секретарь і переводчикъ.

В 2-й каретѣ Его Сіятелство з своимъ адютантомъ. При сей каретѣ по сторонамъ ехали, на верховихъ лошадяхъ, два лейбъгвардіи сержанта.

В 3-й каретѣ Ея Сіятелство з своею фамилією.

В 4-й каретѣ дѣти ихъ Сіятелства.

В прочихъ же коляскахъ другіе от свити Его Сіятелства чини.

И з такимъ провозженіемъ, генваря 15 числа, пополудни второго часа, Его Сіятелство благополучно в городъ Глуховъ прибылъ.

В домѣ Его Сіятелства в собраніи уже были господъ Генеральной Старшины и прочихъ чиновъ дами, которіе ихъ Сіятелствъ стретили на крылце, и притомъ всѣ висшесанніе чини, которіе встрѣчали, пришли в отдалі в домѣ Его Сіятелства надлежащій комплементъ. А послѣ духовніе чини, архимандритъ, протопопъ Глуховскіе з своими соборами к

Его Сіятелству пришли жь, не которыхъ архимандритъ краткое, а протополь пространнѣйшее, Его Сіятелству привѣтствіе говорили.

ФОРМА ЦЕРЕМОНИАЛУ,

какимъ образомъ должно быть произведенію церемоньи ко избранію Гетмана, февраля 22 сего 750 году.

В назначенный к тому день, то есть сего февраля 22, для знанія всѣмъ чинамъ и собранія в городъ Глуховъ, учинени имѣють быть три сигнала пушечной стрелби.

Первій сигналъ тѣмъчасъ по отбитіи утренней зори. Послѣ которого сигнала Глуховскій гарнізонный полкъ имѣеть быть поставленъ упреди на мѣстѣ гетманскаго избранія близь театра, гдѣ удобнѣе разсудится; а Малороссійскіе всѣ полки, в указномъ козачомъ числѣ, при старшинахъ своихъ (кои уже должны до того сигнала состоять за городомъ в готовности), имѣють слѣдовать с ружемъ исправнымъ и при сабляхъ, в строю пѣшо в городъ, с распущенными полковыми и сотенными знаменами и с полковою музикою, играя маршъ и з боемъ на литаврахъ по войсковому порядку. А оніе малороссійскіе полки должны входить в городъ одинъ за другимъ порядочно, и по старшинству полковниковъ, а іменню: 1, Лубенскій. 2, Миргородскій. 3, Гадяцкій. 4, Переяславскій. 5, Прилукскій. 6, Стародубовскій. 7, Полтавскій. 8, Нѣжинскій. 9, Чернѣговскій. 10, Кіевскій. И всѣ оніе полки, по приходѣ в городъ, к тому жь мѣсту, гдѣ устроены к избранію гетмана театръ, имѣють в присутствіи тутъ же, а самимъ полковникамъ стать на своихъ мѣстахъ, по распоряженію квартирмистровъ ихъ, каждому полку распределенныхъ, по первенству полковниковъ и устроится шаренгами у добромъ порядки, а потомъ оними полками командировать имѣеть одинъ з старшини генеральной, господинъ *Якубовичъ*, и об ономъ к полковникамъ указы посылать из Генеральной Канцеляріи.

Вторій сигналъ будетъ в 9 часу, по которому Генеральная Старшина и с ними Бунчукові Товарищи и протчіе чины должны собратся в домъ к Его Сіятелству, господину министру; а преосвященнымъ архiereямъ и протчему духовенству с'ехатся должно в церковь чудотворца Николая.

Третій сигналъ в 10 часу, послѣ которого из дому Его Сіятелства господина министра слѣдовать будетъ к театру избранія гетманско-

го карета пугомъ, в которой секретарь, з Височайшею Ея Императорскаго Величества грамотою, сидѣть имѣеть, а предъ каретою компанѣйскій одинъ старшина; з нимъ 6 членъ выборныхъ компанѣйскихъ козаковъ с ружемъ пѣшо.

Позади же той команды предъ самою каретою музыка гетманская, с играніемъ на трубѣхъ и з боемъ на лѣтаврахъ слѣдовать будутъ и трубачамъ или товарищамъ ихъ на лошадяхъ в убранныхъ, около той же карети, по сторонамъ имѣють ити с ружемъ гарѣзонніе гвандери 12 человекъ.

За каретою несени бытъ имѣють гетманскіе клейноты слѣдующимъ порядкомъ:

Большое знамя подъ россійскимъ гербомъ, которое давно было прежде бывшему гетману Даніилу Апостолу, несено будетъ Бунчуковимъ Товарищемъ однимъ, а по сторонамъ онога два Бунчуковихъ Товарищи; началствующій же притомъ генералній хорунжій в ассистенціи да дванадцать Бунчуковихъ Товарищей.

Гетманскую булаву, на красной бархатной подушке, нести имѣють два Бунчуковіе Товарищи, и притомъ началствовать имѣеть Судья Генералній господинъ *Горленко*, да тутъ же и прочая Старшина Генералная, и за ними слѣдовать имѣють 24 человекъ Бунчуковихъ Товарищей, в рядъ по 4 человекъ.

Потомъ несенъ будетъ бунчукъ, на бархатной красной подушки, двома Бунчуковими Товарищи; потомъ началствующій Генералній Бунчужній, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе и Войсковіе Товарищи и прочее шляхетство порядочно.

Войсковій прапоръ имѣеть нести сотникъ с надлежащею ассистенціею.

Потомъ слѣдуетъ большая гетманская печать войсковая на красной бархатной подушке; оную понесутъ два Бунчуковіе Товарищи, а началствовать имѣеть при немъ тутъ же Генералній Писарь, да в ассистенціи двадцать Бунчуковихъ Товарищей и Канцеляристи Генералной Войсковой канцеляріи.

За всѣми тѣми клейнотами имѣеть ехать Его Сіятелство господинъ министръ пугомъ в карете, з надлежащею ассистенціею отъ свиты Его Сіятелства верхами на лошадяхъ.

А въ заключеніи 16 человекъ компанѣйскихъ козаковъ з однимъ старшимъ, при руже пѣшо.

Отъ дому его сіятелства министра до мѣста злекціи будутъ стоять

компаніѣйци или солдаты по обонмъ сторонамъ улицы, дабы изъ естого церемоніи отъ народу стѣсненія и помѣшательства бить не могло.

По принесеніи к театру вишеписанныхъ гетманскихъ клейнотовъ, взнести оніе на театръ і положить оніе на столъ, который будетъ поставленъ в лѣвой стороны, а знамя держать при томъ же столѣ тому жъ Бунчуковому Товарищу, который его неслъ; грамота же Ея Императорскаго Величества положена будетъ на другомъ столѣ, по правую сторону.

По приездѣ к театру господина министра, архiereи Кіевскій и Чернѣговскій, з архимандрити і прочимъ духовенствомъ, имѣють приступить к театру с правой стороны, а Генералная Старшина съ лѣвой; Бунчуковіе Товарищи и прочіе чины стануть в назначенномъ имъ мѣстѣ.

Когда вчинится обраніе гетмана, в то время выпалить ис пушекъ, мортиръ и из ружа бѣглимъ огнемъ.

После совершения элекціи, духовніе и мирскіе чины имѣють пойти в церковь, для учиненія молебствія о Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи, куди внесени будутъ, при грамотѣ Ея Императорскаго Величества, клейноти гетманскіе и такъ положатся на столѣ, какъ на театре, на конхъ имѣють лежать во время молебного шѣнія, а при выходѣ ис церкви отнесени будутъ паки купно із грамотою къ Его Сіятелству господину министру на дворъ с тоєю жъ церемонією, какъ и прежде з двора на мѣсто обранія били несени.

ЖУРНАЛЪ,

какимъ образомъ произійшло обраніе гетмана войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра 1750 году февраля.

За прибытіемъ в Глуховъ на 15 день сего февраля ясне в Богу преосвященнѣйшаго архиепископа митрополита Киевскаго, Галицкаго і Малія Россія, господина *Тимодея*, преосвященного епископа Чернѣговскаго господина *Амвросія*, такожъ архимандрита Лаври Києвопечерскія господина *Іосифа* и другихъ обителей архимандритовъ и разныхъ духовныхъ знатныхъ особъ, за собраніемъ Малороссійскихъ Полковниківъ, Бунчуковихъ Товарищей, старшихъ полковихъ сотниковъ з сотеними старшинами, Значковими Товарищами, многими рядовими козаками, а особли-

во войсковыхъ Товарищей и прочего шляхетства малороссійскаго, учинена была отъ министра его сиятельства господина генерала-маіора, Ея Императорскаго Величества лейбъ-компаній-подпоручика и Ея Императорскаго Высочества Государынь Великой княгини камеръ-гера, графа *Ивана Симоновича Гендрикова*, ко веѣмъ онимъ чинамъ повѣстка, даби оіе веѣ чиновніе персоны собралися на 18 того жъ февраля поутру в домъ, гдѣ имѣется канцелярія по комисіи его сиятельства о избраніи гетмана, и когда оіе духовніе, тако жъ веѣ мирскіе чины, какъ Генералная Старшина, Полковники, Бунчуковіе товарищи, старшини полковіе и сотники и прочее малороссійское шляхетство, якихъ веѣхъ персонъ було до тысячи, в тотъ домъ собралися, то его сиятельство изволилъ словесно объявлять, яко онимъ веѣмъ чинамъ уже извѣстно, что онъ, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу, прибылъ для избранія въ Малой Россіи гетмана волними голосами по прежнимъ обикновеніямъ, и требовалъ ихъ ведать мѣніе, кого они бытъ гетманомъ в Малой Россіи обще желаютъ?

На что веѣ оіе, какъ духовніе, такъ и мирскіе чины объявили единогласно, яко желаютъ бытъ в Малой Россіи гетманомъ его сиятельству графу *Кирилу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, о чемъ и на третральной его сиятельства господина министра вопросъ тожъ веѣ велегласно объявили, а по совершеніи того опредѣлили публѣчно с надлежащею церемонією избранію бытъ того жъ февраля 22. И для того февраля 21 отправленъ отъ его сиятельства Глуховскаго гарнізону адютантъ и при немъ войсковая музыка, которой, езда по городу Глухову и за городомъ с играющею музыкою, объявлялъ о будущей завтрешнего дни публичной церемоніи благополучнаго гетманскаго избранія, и к полковникамъ ихъ для таковаго жъ объявленія ездилъ.

А назначенній к тому избранію день того жъ февраля 22 дня для знанія веѣмъ чинамъ и собранія в городъ Глуховъ учинени были три сигнала.

Первой сигналъ послѣ отбитія утренней зори.

По которому сигналу поставленъ былъ Глуховскій гарнізонній полкъ по одной сторонѣ у нарядъ противъ устроенаго для избранія гетманскаго театра между церквами новостроячейся Живоначальной Троици и Святителя Николая; з западной стороны по срединѣ того мѣста устроены былъ театръ з лѣсницами и перилами, покрытъ краснимъ тонкимъ сукномъ.

Потомъ малароссійскіе всѣ полки, кои уже до того сигнала за городомъ собрались были, в городъ к тому устроенному театру шли в строю пѣшо, с респущенными полковими и сотенными знаменами и с полковими музиками, играя маршъ з боемъ на литаврахъ, полкъ за полкомъ по старшинству полковниковъ, яко то: первій полковникъ Лубенскій господинъ *Апостоль*, держа обнаженную шпагу, а старшина полковая и значковіе товарищи за нимъ з обнаженными шаблями, тако жъ и сотники — всякъ передъ своею сотнею с саблями, а козаки с ружемъ шли.

А равнимъ образомъ и всѣ полковники предъ своимъ полкомъ и старшинами слѣдовали: Миргородскій господинъ *Капильсть*, Гадяцкій — господинъ *Галецкій*, Переяславскій — господинъ *Сулима*, Прилуцкій — господинъ *Галаганъ*, Стародубовскій — господинъ *Максимовичъ*, Нѣжинскій — господинъ *Кочубей*, Чернѣговскій — господинъ *Божичъ*, а в Киевскомъ і Полтавскомъ за небитіемъ полковниковъ, яко то Полтавского господина *Горленка*, за отлучкою в Санктштербурхъ, а в Киевскомъ полку за неімѣніемъ полковника, командировали обозніе полковіе с протчою полковою старшиною.

Онѣ полки по приходѣ в городъ к тому жъ мѣсту, гдѣ устроень театръ, порядочно полкъ за полкомъ поставлени шеренгами около театра.

По правой стороны близъ церкви святителя Николая, зачавъ отъ гарнизонного Глуховского полку, полкъ Лубенскій, Миргородскій, Гадяцкій, Переясловскій, Киевскій; по левой стороны близъ церкви Живоначалнія Троицы, зачавъ отъ Глуховского гарнизонного полку, полкъ Прилуцкій, Стародубовскій, Нѣжинскій, Чернѣговскій і Полтавскій, совокуяся вмѣстѣ с Киевскимъ. Оними полками командировалъ Асаулъ Войсковій Генералній господинъ *Якубовичъ* на лошадѣ.

В 9 часу по полуночи учинень второй пушечной сигналъ.

По которому Генералная Старшина, с ними Бунчуковіе і Войсковіе Товарищи и протчое шляхетство собрались в домъ к Его Сіятелеству господину мнѣстру графу Ивану Симоновичу *Гендрикову*.

А преосвященній архиепископъ, митрополитъ Киевскій, тако жъ архимандритъ Киевопечерскій и другіе архимандрити и знатніе духовніе особи, с'ехалися в церковь святителя Николая, гдѣ преосвященній митрополитъ и литургію отправлялъ з своимъ освященнимъ соборомъ, а преосвященній Чернѣговскій, за болѣзнію своею, битъ не моглъ.

В 10 часу учиненъ былъ третьей пушечной сигналъ.

Посля того изъ дому его сиятельства господина министра слѣдовала впередъ на лошадяхъ компанійская команда въ шестнадцать человекъ съ однимъ старшиною.

За тою командою карета цугомъ, в которой сидѣлъ секретарь Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, *Писаревъ*, держа в рукахъ на серебряномъ блюдѣ и на красной бархатной подушке Высочайшую Ея Императорскаго Величества грамоту. Около кареты по сторонамъ шли съ ружьемъ Глуховскаго гарнизона дванадцать человекъ гренадеръ.

За каретою слѣдовала войсковая музыка, играя маршъ съ боемъ на литаврахъ; потомъ несены гетманскіе клейноты слѣдующимъ порядкомъ:

Первое большое знамя подъ российскимъ гербомъ, которое давно было гетману Апостолу, несено Бунчуковымъ Товарищемъ *Иваномъ Гамальею*, а по сторонамъ оного, два Бунчуковіе Товарищи *Григорій Лизогубъ* да *Павелъ Ломиковскій* шли.

За ними Генералній Хорунжіи господинъ *Ханенко* да в ассистенціи дванадцать человекъ Бунчуковихъ Товарищей.

2. Несена была Гетманская булава на красной бархатной подушке двома Бунчуковими Товарищи, *Яковомъ Марковичемъ* да *Федоромъ Шираемъ*. За оною шли Судія Войсковій Генералній господинъ *Горленко*, Подскарбій Генералній господинъ *Скоронадскій*, Писарь Генералній господинъ *Безбородко*, Асаулъ Генералній господинъ *Валкевичъ*; ассистовали 24 человекъ значныхъ Бунчуковихъ Товарищей.

3. Несенъ гетманскій бунчукъ, на бархатной красной подушке двома Бунчуковими Товарищи *Илією Лизогубомъ* и *Петромъ Искрицкимъ*; притомъ Енералній Бунчучній господинъ *Оболонскій*, а в ассистенціи все Бунчуковіе Товарищи и прочее Малороссийское шляхетство.

4. Большая національная серебряная и визолоченная печать, на красной бархатной подушке, несена двома Бунчуковими товарищи *Петромъ* и *Григоріемъ Горленками*; а за ней ассистовали Писарь Суда Войскового Генералнаго съ Канцеляристами Войсковими.

5. Войсковій прапоръ несенъ Бунчуковымъ товарищемъ *Павломъ Марковичемъ*; за нимъ шли все Войсковіе Товарищи.

За всеми тѣми клейнотами ехалъ его сиятельство господинъ министръ графъ *Иванъ Симоновичъ Гендриковъ* цугомъ в каретѣ съ надлежащею ассистенціею отъ свиты его сиятельства, а в заключеніи того 16 человекъ компанійскихъ козаковъ съ однимъ Старшиною. Отъ дому его

сіятелства до мѣста елекціи поставлены были компанѣйцы и солдаты по обимъ сторонамъ улицъ, даби шествію церемонѣи отъ народа утѣшенія и помѣшателства быть не могло.

И когда та карета, в которой везена високопомянутая височайшая грамота к Малороссійскимъ полкамъ между шаренги вступила, то тотчасъ какъ отъ Глуховскаго горнѣзоннаго полку, и отъ всѣхъ малороссійскихъ полковъ, дана была честь: наклонивъ знамена до земли, играли полковіе музыки и били на литаврахъ, а козаки держали ружье на карауль, и сія отдача чести продолжалась по то время, пока височайшая грамота секретаремъ, а гетманскіе клейноты висшеписанными чинами внесены бли на театръ и его сіятелство господинъ министръ къ театру прибиль.

На ономъ театре приуготованы были два столы, покрытѣе красною камкою.

С которыхъ на одномъ столѣ, съ правой стороны, положена секретаремъ Височайшая Ея Императорскаго Величества грамота.

А гетманскіе клейноты на другомъ столѣ з левой стороны положены жъ были.

По приездѣ к оному театру господина министра, ис церкви святителя Николая, по отправленіи уже святой литургіи, митрополитъ Киевскій с архимандрити и протчіимъ духовенствомъ у священномъ ихъ одѣянїи вышли и имѣли мѣсто с правой стороны на ономъ театре.

А Генеральная Малороссійская Старшина с левой стороны, Бунчуковіе жъ Товарищи и протчое шляхетство стояли по сторонамъ оного театра за нижними перилами, а Малороссійскіе Полковники отъ всѣхъ полковъ приступили ближе к театру.

При такомъ всего духовенства и мирскихъ чиновъ собраніи, его сіятелство господинъ министръ велухъ всему собранію объявилъ Височайшее Ея Императорскаго Величества на прошеніе всей Малой Россіи всемилостивѣйшее соизволеніе о бити в Малой Россіи гетману, какъ о томъ де в Височайшей Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственнїи Ея Императорскаго Величества руки черезъ его, министра, прислаиной грамотѣ изображенно.

И потомъ заразъ оная Високомонаршая Всемилоствѣйшая Грамота всему собранію чтена была велухъ объявленнымъ секретаремъ.

А по прочтеніи той грамоти за Височайшее Ея Императорскаго Величества Малороссійскому народу милосердіе пвысокоматеринское призьвїе преосвященнимъ митрополитомъ Киевскимъ говорена краткая благо-

дарственная рѣчь; такожъ и Генералная Малороссійская Старшина, Полковники, Бунчукові Товарищи и прочіе всѣ висшеписаніе чини за такую Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость учинили всенижайшее благодареніе.

По окончаніи того, Его Сіятелство господинъ министръ, при такомъ объявленномъ отъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи, требовалъ волними, по прежнему обикновенію, голосами избранія, кого пожелаютъ, гетманомъ.

На якое его требованіе во-первыхъ его преосвященство митрополитъ Киевскій з архимандритами и всѣми духовными чинами, такожъ Генералная Старшина, Полковники, Бунчукові Товарищи, полковая Старшина и всѣ чини, и собранное отъ полковъ войско и многой народъ единогласно объявили усердное желаніе о битіи в Малой Россіи гетманомъ Его Графскому Сіятелству *Кириллу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, что і трекратно велегласнымъ объявленіемъ подтвердили.

По тому трекратному объявленію и желанію, Его Сіятелство господинъ министръ *Гендриковъ* всѣхъ чиновъ онымъ избраннымъ гетманомъ поздравлялъ и словесно объявлялъ, что о такомъ согласномъ избраніи в гетмани его сіятелство Кирила Григоріевича господина Разумовскаго имѣеть взнестъ к Ея Императорскому Величеству.

Послѣ чего, в знаменіе того всерадостного и благополучнаго совершеннаго избранія Гетмана, начата палба и учиненъ с пушекъ войсковой артилеріи и мортировъ 101 вистрѣлъ, а послѣ Глуховскій гарнізонъ и все Малороссійское войско с мѣлкого ружья бѣглимъ огнемъ палили.

И тако уже ис театра оная Высочайшая грамота, а за нею висшеизображенніе гетманскіе клейноты понесени в церковь святителя Николая і положени на поставленнихъ в той церквѣ убранныхъ двухъ столахъ; духовніе же и мирскіе чини ввошли в ту жь церковь, гдѣ заразъ говорена предика чрезъ архидіакона катедрі Софійской.

А по окончаніи предикъ, о Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи всѣмъ собраннымъ духовнымъ чиномъ отпѣтъ благодарственній молебенъ с трекратною пушечною и мелкого ружья палбою.

По молебномъ пѣніи тѣ жь Высочайшая грамота и гетманскіе клейноты из церкви песен были такою жь церемоніею и порядкомъ в квартиру его сіятелства господина министра, какъ из квартери его сіятелства к театру. А послѣ і всѣ Малороссійскіе полки из города к своимъ станціямъ порядочно, какъ і в городъ, входили.

И в тотъ день какъ духовніе, мирскіе всѣ чини трактовани были сто-

ломъ: знатнѣйшіе чины в домѣ его сіятелства господина министра, а другіе нижнихъ классовъ, и за невмѣщеніе тамо, в другомъ дворе, гдѣ канцелярія по коммисіи его сіятелства имѣется. И при столѣ палили за Высочайшее Ея Императорскаго Величества и ихъ Императорскихъ Высочествъ здравіе и знатныхъ персонъ, в томъ числѣ новоизбранного его ясновелможности господина гетмана, при чемъ производима была пушечная палба, і продолжалось все то до полуночи.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

ЧОРНОМОРСЬКІ КОЗАКИ ⁽¹⁾.

«Теперъ що живуть въ Чорноморні козаки, то все то покоління тихъ Запорозцівъ, що колись жили въ Січі. Ужянція ⁽²⁾ у нихъ однакова. Сказано, яблучко відъ яблунки не даліко відквітця. Въ 38-му году я своїмъ судномъ перевозивъ изъ Тамані на Кавкасъ: вѣрмію, сіно, овесъ, гармати и всякі воєнні снаряди. Насъ Херсонськихъ судовщиківъ було багато; возили ми по контракту съ казною; бачите, помісяшно договорувались. Отъ, звієте, инчий часъ — козаки тільки живокъ однихъ позоставляють дома; а самі підуть до берега грузить суда; якъ-же покинуть роботи, — повертаютьца до дому — ажъ дома ні скотинки; — де що у кого було, все Черкеси поугонять. Що жъ би ви думали, зажурятьца вони? якъ би не такъ. А що, хлопці, кажуть, збулись худобки; дітямъ молока нема; а ну лишень на роздобутки. Посідали заразъ на коней, та за Кубань; а Кубань одъ нихъ не даліко течє. Отто, гляді въ ночі, ажъ земля гудє: — женуть скотини вдвое більшъ, якъ було. Той часъ и поділять, — и кутью таку зададуть, що держись.

(1) Записано слово въ слово отъ Херсонского купца Гната Степановича Рябокона. Съ пятнадцати літъ зачавъ вінъ ходить на морськихъ лоткахъ; та й промікався по Чорному и Азовскому моряхъ, почитай, літъ до шісдесяті. «Де вже я не виходивъ! Казавъ не разъ міні повіствователь. «Бувъ я въ 38-му и въ 39-му годахъ въ Румеліи, бувъ въ Анадоліи, бувъ и на Кавказі. Приходилось бачить багато доброго и лихого».

Гнатъ Степановичъ живий ще й досі. Нехай ёму легенько згадаєтця. Більшъ усєго любє вінъ розказувать про Чорноморцівъ. Бо той народъ ёму якосъ дуже по душі прийшовся. И не диво-жъ то: звісно — своє.

(2) Ужянція: тобъ-то звичай.

I.

Якъ спалили Чорноморці Очжибей, що теперъ Одесомъ зветця.

У мене бувъ товаристь; зъ нимъ ми мали въ товаристві судно. Отъ, того товариста жінки дідъ служивъ ще при Потёмкину та при Суворові въ Чорноморіі козакомъ; то вінъ було часто намъ розказує, якъ спалили Очжибей, теперішній Одесь, — вінъ першгъ Очжибеємъ звався.

Суворовъ, каже, пославъ Довгичівъ, щобъ ті спалили непременно Очжибей. Тамъ у Турка було багато заготовано: сіна, хліба, пороху и всякої-всячени. Отъ Довгичі и пішли; та ба, — побоялись Турка; не зробили нічого. Якъ ёго, мовляли, запалить? Турка тамъ сіла. Днемъ на явну смёрть — не підешь; а вночі щепъ обляже округі, — тожъ страшно; — заступаютъ, — тамъ и капуть; понюхали, понюхали, та съ чимъ пішли, съ тимъ и вернулись. Суворовъ розсердився; — пославъ їхъ вдрўге, — вони и вдрўге тежъ; вінъ оятъ въ трєте — вони и въ трєте вернулись нічого не заподявши. Тоді Суворовъ бачивши, що не Довгичамъ утнуть се діло, нарядивъ Чорноморцівъ. Отъ Чорноморці вибравши таку нічъ, що ні зги — темненá, хочъ око виколи — підійшли по близче, та й послали, стільке тамъ чоловікъ, розвідать, де що и якъ що обстоить; а самі давай збирають помацки сухий бурьянъ, щобъ те звісно було, де хто находитця, давали кресевомъ премітку. Де який кресне, то й видно. Тó бъ-то за для того, щобъ не дуже розбрóдилися, та щобъ голо-су одинъ-другому не подавали. Отъ якъ узнали відъ тихъ, що послали розвідувать, въ якімъ місці можна щепъ пройти; — кого оставили стерегти коней, а хто въ оберемоць сухого бурьяну — та въ Очжибей; — якъ-же туди пробрались, поїдтикали, підъ яку тільке було можна стріху, сухою баділля, та якъ запалили зо всіхъ кінцівъ, то на вдáку, чи въ самому пеклі такъ клекотить, якъ тамъ заклекотило. Все до тла вигоріло; — а Чорноморці живісенькі всі до одного повтікали. Оттоді Суворовъ и каже: «Ай да рабята, вотъ маладцы, не Данцамъ чета. Спасіба, удружили», и Патёмкину сказавъ: «эта народъ — маладцы.» Правда, що молодці, замінивъ розкащикъ, все народъ видний, врёпкий, глянешъ на старóго — ёму буде літъ підъ сімдесять, а дай ще трєхъ нашіхъ молодіхъ, то каналья б́уду, коли не сиравитця. А пані у їхъ — не то що наші: бідний чоловікъ и підступить боїтця; а тамъ — любо та гарно поглядить.

II.

ПРОСТОТА ЧОРНОМОРСЬКОЇ АРЕСТОКРАТІЇ.

Коло Тамані у Чорноморців є свої соляні озера. Опріч козаків, казв́а нікому не одускає. Не знаю, чи и тепер так? А тоді так було. Ото деві, — валкі ідуть наберать сіль; а коло жадної валки и хазяїн. Подивися було, та й думаеш, що то хазяїні так собі, прости козаки: одєжина на їх незаможня, тільки що не вь одних сорочках — а вь каптанках; як-же распитаєся, то гляді — той сотник, той хорунжий, або ще й вище. Оть понаберавши, пороспачують вь канцелярії и одправлять хлопців продавать сіль; — а ні, то який и самъ за валкою піде; які-жъ позостають дома, — то це вь празник и понаїздять вь Тамань; та вже не вь простих каптанах а вь каптанах Ангеліанського сукна дорогого є вилєтами; пошідперизувані гярними поясами вь смушевих набекрєнь шапках и шаблі зь боку; — у другого груди так и усипані всі кавалерією, аж горить; — інчий сівий як лунь, а молодцємъ такимъ диветця — и Гєсподи. Ото попреходять перш до бєрега, де інчий час и вь празничний день идє така робота, що й дихнуть ніколи. Звісно, воєнне діло. Тоді сама гаряча робота йшла є Черкєсомъ... Постановлять вь рядъ и гукнуть до своїх козаків: »здорові були, хлопці!« — »Здрівя желаемъ,« — ті обізвуться; аж земля дрєгне. »А що, чи сіно дүшете?« (Козаки тоді вязали вь кіпи и полукіпи сіно, вь кіпу вбивали по 12 пудъ, а вь полукіпу по 6.) — »Дүшемо, в́аші високоблагородія.« — »Дүшіть, дүшіть та глядіть, як підете під Черкєса, то и єго здушіть так, щоб аж не піснувъ.« — »Як Біг поможє, то не вивернетця зь наших рукъ.« Дадуть одвіт молодці, та зараз и вдеруть такі пісні, — що слүхаєш — та й не наслүхаєся... Я багато їх пісєнь знав — та на лихо позабував усі. Тільки и остався вь памяті кінєць однієї.

»Ой полеті, галко, ой полеті, чорна, та на Дінь рїбу їсти,
 Ой пренесі, галко, ой пренесі, чорна, від кошового вісти;
 Ой ужє гальці, ой ужє чорій та изь Дону не вертатця...
 Ой ужє намъ, братці, славне Запорожє, та є кошовімъ не видатця.

Цей варіант, вь Записках о Южной Руси Куліша, вь пісні обь Швачці; — записанъ інче. Я читав її моєму повіствователю, щоб то довідать, чи не переінчивъ він єго часомъ. »Такъ ні, каже, слова ці

дуже врзались въ моєї пам'яті, якъ-би то я їх тілже вчора чувъ. Чого вже не знаю, або що заб'увъ, об'я тимъ и спорить не буду; а це вже що такъ, то вірно.» Закінчавъ вінъ, та й ставъ розказувать далі:

«Ото, знаєте, постоїть, постоїть було те панство; побалакають съ хлопцями та попрощавшись — всі гай до Дончика. Дончикъ бувъ купецъ; мавъ вінъ у Тамані бакалійну лавку и різні иностранны віна; та якъ забер'утьця туді, то не скоро вийдуть; зададуть тамъ такий бенькетъ, що ажъ чортамъ д'ушно стане. Що міні любо, такъ те, що не жаденъ изъ їхніхъ панівъ передъ найбіднішимъ піки въ гору не задерє; съ посліднімъ козакомъ, мовляли, розговоритця, дасть ёму совіть, якъ въ воєннимъ, такъ и въ домашнімъ ділі. Про тежъ на сл'ужбі — ані чиркь, — а ні, то нгазавъ покушт'є.»

III.

Якъ пропившихся козаківъ знаряжають: конемъ, муніцею и всімъ, що треба въ похідъ.

Иичий козакъ сір'єма догуляетця до того, що попропиває од'єжену, коня и збрую; — а тутъ похідъ на носі висить. Що ёму бідоласі робить? А такихъ тамъ иичий разъ чимало знайдетця. Начальство-жъ зна їх удалъ, отъ и велить посписувать, у кого чого не достає. И дадуть той списъ старшому. Старший звелить накупить усего по тому спису, — не знаю, за чії вже гроші, мабуть за обществениі, — а далі, передъ тимъ якъ виступать, постановлять въ одинъ рядъ коней, накупленихъ по спису, роскладуть муніцю; а въ другімъ ряд'у, на зустрічъ, постановлять горемікъ, що попропивались; то це по спису й викликають: Грицько Тараня, або Дем'янъ К'уля, а к'є лешинъ сюді! то визваний и виходить; «отп'є, каже старший, тобі кінъ, оп'є збр'уя, а оп'є муніця; щобъ же ти умівъ шанувать своє добре, та не заб'увъ мого наказу, то дайте ёму, хлопці, на памятку п'ятдесятъ тамъ, або сто нагаївъ; то вінъ пам'ятуватиме л'учче.» Якъ-же хлопці зачнуть піжить, — то ажъ пір'я летить. Бо за так'у *проштраннысть* козаки б'ють не жалк'ючи. Отъ, якъ одб'уде неборака своє, то встане та ще й поклонетця старшому и под'якує за на'уку; старший же прочитає ще ёму довгу ратацію. — Тоді за другого; та такъ перебер'уть до остатн'єго; якъ-же росираву и розділъ учивать, тоді помолятця Богу, посідають на коней, г'аркнуть лобру пісьню — и м'аршъ у похідъ.

IV.

Домашній побитъ чорноморськихъ козаківъ.

Жили Чорноморські козаки тоді не дуже-то заможні. Та коли їмъ сердегамъ було що й придбать? Хибя тенеръ, якъ съ Черкесомъ войнѣ утихомірилась, то може й поопірились тріхи; тоді жъ, якъ я бувъ въ їхъ містахъ, то їмъ ніколи було свого доглядать... Якимъ черга, ті ідуть на Кавказъ воювати, зносять кресті, копають канави, земляні стіни видвигать — якъ гори. Робота була зазвонна — нічого сказати. Тіжъ, котрі оставались дома, тожъ на пічі не лежали. На березі по всякъ часъ було діло. За хазійствомъ гляділи одні жінки. Стену жъ у їхъ було доволі. Отъ, якъ підійде робоча поря, то неділі за дві, або й більшъ, понаходять въ Чорноморію на заробітки Анапці. Въ Анапі було багато різного, забредшого зо всіхъ кінцівъ, люду, — та все біднота. Оце-жъ, поприходивши въ Чорноморію, подоговорюютьца зъ жінками убрать їхъ хлібъ — чи, тамъ, за плату, чи съ копійці; то поке прийде робоча поря, то вони їмъ и хаті пооправляють и по хазійству дадуть всякий порядокъ; а тамъ поскошуютъ и хлібець и сіно, хто скільке спромігся засіяти. Коли-жъ повертаютьца козаки до дому, то звісно, — де вже відержать, щобъ не куриўти! — не така натура. То жінки їхъ и лають: »А чорті-бъ убівъ вашого батька, та зъ вашими козаками! колибъ не Анапці, то хаті и досі бъ були повкривані вітромъ. А їмъ чортъ ма й гадки; збі горілка була«.

V.

Гайдамаки.

»Чи не чували ви часомъ, Гнатъ Степановичъ, чого про Гайдамакъ відъ Чорноморця діда, вашого товариста жінки?« Спитавъ я якось у Рябокони. »Та де вамъ!« той відвітувавъ. »Багато бувало кой-чого розкажуе; та я на лихо позабувавъ все до чиста. Одно те, що то давнѣ було; а друге—що не те вже въ голові сидить, щобъ помятувати такі давні річі. А ось що, такъ якось задержалось; а ще й давнѣшъ чувъ. Такі рідна баба моя бувало розкажуе. Тоді міні було літъ дванадцять — не більшъ. Забувъ тільки, зъ якого села вона була. Тамъ десь біля Черкасъ жили

вони тоді — здається. Зібралось, каже, насъ въ хату трое дівчатъ; ми-жъ не то, щобъ уже були дівками; а такъ, якъ то кажуть, підлітками. Старі наші всі були въ полі... Отъ сидемо, коли чємо—въ селі піднявсь такий галасъ — крий Мате Бѣжа: біготні, гамъ, крикъ, брязкотні; наче світа преставленіе... Оце-жъ лішечко, ой нєнечко! та що жъ намъ на світі Бѣжому робить?.. Що намъ робить? Питаемо одна въ одніє; та трусемося мовъ въ лихоманці. На двір-же й носа боїмосъ висунуть... Оце Гайдамаки прийшли людей різать, каже одна изъ насъ; а тоді вже чутка була, що вони скрізь вѣштають та лихо рѣблять; бо старі якъ позіхѣдять, то тільки й речі, що за гайдамакъ... Поріжуть вони й насъ, кажемо. Дежъ-то мій батько! кричить одна, та ломле руки; де моя мате? жалібно питає друга... Матусенько-жъ моя ріднесенька, уже міні съ тобою не бачитьца, а може вже тебе й на світі нема, може вже тебе зарізали! Такъ преговорюючи та ридючи, — бігаємо та здійсмаємо до неба руки; а далі вибігли и въ сїни; а изъ сїней виведений бувъ въ стріху димарь; ми туди, — та не шивши, не івши двѣ сутѣкъ тамъ и просиділи. . Пройшла та й буча, — стихомірилось въ селі; а ми сидимо, боїмосъ и поворухітьца... Коли на треті сѣтки чємо—опять гомінъ и брязкотні шаблями. О теперъ-же, кажемо, пропали наші бідні голівоньки. Заколотило насъ знову. Стало було одлягати відъ сѣрця потрохи. Такъ ні жъ, — опять біда. Защитивъ, кажемо, оди́нь разъ насъ царь небесний;—а теперъ мабуть не помилує. Коли такъ воно й є: чємо—забрязкотили въ сїняхъ шаблі. Якъсь изъ насъ съ переляку й поворухісь. «А ну, хлопці, подивітьца, чи нема когѣ въ димарі,» хтось каже, «бо щось тамъ шелестить.» Тутъ уже ми не здержались; якъ закричали въ оди́нь гѣлосъ: «батьчки, ріднесенькі, зжалійтєсь надъ нами, — не ріжте насъ; пустіть наші дүші на покайня...» Підбігло до насъ стільке тамъ чоловікъ, та й кажуть: «мовчіть, голубочки, ми васъ не зіймемо; не бійтєсь насъ, бо не бійть, а спасать ми прийшли сюді. Злізайте лишень мерщій. Такъ дєжъ-бо, такъ тобъ и унять насъ! — не ймемо віри, а ще дүжчий гвалтъ піднялі... Постягали вони насъ, та все уговорюють, щобъ їхъ не боялись; а далі підійшовъ и старший и пані якъсь изъ нїмъ, — и ті стали ублагать. «Дурні дівчата, каже старший, чогѣ-ще ви такъ жахаетєсь? кажү-жъ бо вамъ: насъ нічого боятьца; бо ми не гайдамаки а козаки.» И пані, така ласкава, такъ насъ голубе та заспокоює... «Чиі ви?» питає у насъ. Трусячісь та крізь слєзи ми розказали. «Дєжъ ваші батькі, та нєньки?» — «Не знаємо, паночку голубчику, не знаємо, баренько; якъ пішли въ поле, коли въ селі було ще тихо, — то й досі нема « По-

хитавъ головою повкóвникъ (бо то бувъ повкóвникъ, а пані — ёго жінка), а далі й каже: »посидьте-жъ ви трóхи въ хаті, та нічого не жахайтесь, ми зайдемо ще до васъ.« Отъ трóхи згóдомъ заходять и кажутъ: »такъ якъ теперъ у васъ нема́ рідні ні жадної душі, то ми візьмемо васъ до себе.« Поприпадали ми до стóлу та гірко, гірко заплакали, и плакали ми вже тоді не від переляку, а звісно, чогó ми плакали.

Люди кажутъ: отецъ небесний печётца объ сиротахъ... Щирая тому правда. Не забувъ вінъ и насъ біднихъ, а пославъ всімъ трёмъ одного батька и матіръ. Щó то за добрі люди були — и Господи... Перевезли вони насъ всіхъ трёхъ у Миргородъ; тамъ и заміжъ всіхъ поодавали. Менé за вашого дїда, вінъ гнавъ тоді табунъ и занімався кушнірствомъ; — а тихъ за дяківъ, заразъ-же їхъ чоловіківъ пострігли въ діакони и перевели въ Херсонъ... Одинъ изъ нихъ діакономъ и вмеръ, а другий дослужився протопопи. Мій-же чоловікъ, тамъ годівъ черезъ стільке, тожъ переїхавъ въ Херсонъ, та тутъ и обжився. Въ Херсоні всі три нареченні сестри дружно та мирно и віку дожили.»

Василь Тищенко.

1861 року, 21 февраля.
Новогеоргиевскъ (Херс. губ),
що колись бувъ Крилівъ.

ПЛАТУНИ.

Старі козаки-січовики (поки ще не попереводились) було розказують такъ: що въ запорозцівъ на Дніпрі піхота сиділа въ Січі, а комінники жили въ Великому Лузі, для доброї паші конямъ. Тамъ вони пускали коні въ табуні. Кошовий насплавъ військового ста́дника (бо тоді ще не звались табунщиками). Військовий ста́дникъ мавъ пірна́чь залізний ⁽¹⁾; ёму комінники наряджали зъ себе підпасичівъ, котрі змінялись другими по черёжно. Якъ піхоті, такъ и комінникамъ, вільно було въ мірне вре́мня займа́тця—кому рибальствомъ, кому пласту́нствомъ; а ремесні козаки ⁽²⁾ зоставались въ Січі. Пластуні стріляли дикий звірь, якого тоді въ дніпровихъ плавняхъ було доволі. Пластунами, кажуть, звались за те, що непосидячі були, все вештались по плавняхъ и якъ більше їмъ приходилось місить грязь, ніжъ ходіть по сухому, спрічь пластать, то й прозвались пластунами. Що зробилось зъ Січю и запорозцями—всі знають (бодай не згадувать). Дванадцять ро́ківъ ні Січі ні Запорожжя не було. На тринадцятому Турчинъ піднявся, стався розмірь; почали викликать козацтво. Ось коли ёго впя́ть ста́ло треба!—Пішовъ и старий и молодій, зібралось військо; зробили й кошъ: два роки звали ёго *кошемъ вірнихъ козаківъ*. Якъ же посідала піхота на лотки підъ Очаковомъ, та зайшовши зъ Чорного моря, взяла сама безъ помічі відъ московської вярми, на острові Березані турецьку кри-

(1) Залізний ста́дницький пірна́чь и тепе́рь е, під охраною Ейського діжурства, въ Чорноморні.

(2) Сидільники, лимарі, ковалі, слюсарі, кравці, шевці и инші. Такъ було зпершу и на Чорноморні въ Новій Січі.

пость, то тоді її прозвано їх *вірнимъ військомъ Чорноморськимъ*. За те, бачь, що вони на Чорному морі зь своїхъ лотокъ пұшками, з'бандірували Тұрчина: не виробивъ буліголова, здавъ кріпость нашимъ зь усіма пұшками, знаменами и всімъ запасомъ.

Въ сёму розмірі, пластуні були и въ піхоті и въ комінникахъ, алé не було їх відко. Якъ же замиривъ Тұрчинъ, Чорноморці прийшли на Кубань. Тамъ на Кубані, знайшли вони такі жь плавні, якъ и на Дніпрі. Жонатихъ стали обселять слободами, а сірома — хто ремесний—въ Нову січь, по куреняхъ (3), а охочі до звіря—розсипались по плавняхъ и на запорозькій гшталть добувались. При пластуняхъ були охочі хлопці, при нихъ вони й зростали, а вивчившись характерствá, робились пластунами. Цілу осінь и зиму, покí звірь порашковий(4), пластуні жили въ плавняхъ, а весною, приходили въ слободи и приносили свою дóбичь, звірячі смұхи, продавали їх, купували порохъ, оливо и изъ одéжі що треба. На останню жь кошійку, поведівши музикъ на підійтку, інші зоставались до осені на літню роботу въ слободахъ и хуторахъ, а інші заразъ одходили въ плавні: хто стрільцювать, а хто рибáлчить. Плавні въ Чорноморіі, не тільки на одній Кубані, вони закривають мáло не половину бéрега Азóвського моря; въ нихъ водятця: олені, дикі кози, дикі свині, вовки, лисиці, відніхи, харсуні(5), а въ рідкость попадаютьця й бобрі. Пластуні, окрімъ стрільби зь ружжя, ставляють всякі самолóви: капкани, стұпниці(6), цівки(7), пружини(8), сільця, ниткі, або тенéта. Пластунъ не зна рóскоши, не гарáздъ одіжний, поневіряетця, а пластунства не кидаетця. Високі камині, полóма, містами чагáрь, зхищають ёго. Однó небо въ плавні пластунъ бáчить, якъ гліне вгóру; по ёго яснихъ зóряхъ, въ ночі, міркúе вінъ собі дорóгу, а якъ хмáрно, то по вітру, котрий нагнуае верхі очерётівъ висóкихъ. У вітеръ, якъ у день, такъ и въ ночі, сама

(3) 1793 году Кошъ Чорноморський на Кубані зробивъ кріпость, курені, отб и звáли до сéго Чорноморці Січью. Тодіжъ гóродъ Катеринодарь.

(4) Порошкій звірь считаётця від 1 пáздерника до 1 березóля.

(5) Барсуки.

(6) Деревяна снасть, замíсть капкана, хитро пострóбена, — звірину хацае за пáльці від лáпи.

(7) Пружини сь вірéвчатими сільцями, на вірéвку дұдка, абó цівка для того, що якъ пійма звірину сільцé за нóгу, то дұдка по бичóвці прису́неця де нóги и звіряка перегрíзла бь верёвку, такъ мұсятъ грíзти дұдку, абó цівку.

(8) Тежъ, тільки безъ цівки стáвця похвátань.

лўчча охота. Якъ вїтеръ подихае, зашелестїть комишь, пластўнъ идє ходомъ смїло, а якъ вїтеръ оддыхае, то вїнъ стоа наслухае. Отакъ плўчи наткнїтця блїзько на звїряку. Пїдъ вїтеръ пластўнєкїй вїстрїль не полўха звїря; бо пластўнъ идє протївъ вїтру, то вїтеръ одъ єго и лунў знїсєть за собою. Коли жъ вїтру не бувае, то пластўнъ пїдбармўуетця, ходомъ тїєї звїряки, яку вїнъ по мїсту сподїваєтця знайтї. У кожного звїря вь плавнї є свїй пўхїдъ, прїзрїр: олєнь мае хїдъ рївнїй; свнїя прўшелестїть ходомъ рївнїмъ, станўвтця и наслухае и вїяьтєжъ; коза — прїшўвши рївно разївъ два, три, скўчїть; вовкъ мае хїдъ рївнїй, та якъ мєншїй за олєня, то й шўму одъ єго вь комишї мєнше. Такъ пластунї прїмїнївшїєсь, з'учають пўхїдъ прўчого звїря. Пїдпустївшї звїря блїзько, пластўнъ не даєтця ємў вь знїаки, щобъ не сполўхати, а понїавшї, якї звїрїна, стрїля на трїєкъ и мўсїть повалятї. Отўжъ и пластўнъ, що, не бачївшї звїря очїма, застрїлїть єго пєвно, та ще такъ угадає, щобъ вїстрїль не пропїавъ; прїмїри: дїкого кнурї бїє по лопїтахъ, або пїдъ вўхо; неповалєнїй на мїєтї кнуръ кїдаєтця на дїмъ и своїма здорєвєннїма їклама порубає пластунї, якъ не всїє хїбїтєсь. Убїту дїчъ мўсїть вїбандурїть, щобъ не спўртїлєсь, и, зробївшї скїлька нїкрутокъ на комишї, щобъ пїєслї мўжна бўло знайтї, идє дальше. На дрўгїй, їнколи на трєтїй дєнь, пластўнъ зъ хлўпцємъ або зъ товїрїшемъ, идуть заберїти побїту дїчъ, якїї пластўнъ самъ забрїть не змїгъ. Зъ незїдўмого жъ звїря, прїмїромъ: вовка, харсунї и прўче, деруть однї смўхи. Тїмъ врєямъ, якъ пластўнъ ходїть на охоту, єго хлўпєць зъ курїнї оббїга розстївлєнї по стєжкїхъ капкїанї, чи стўпїнцї, сїльця; повїберїє що попалосє; познїма смўхи; перебїанїть ловўчїй пўсудъ (бо звїрь на закрївавлєнїй капкїанъ або стўпїню не пїде), та зновъ розстївїть по стєжкїхъ. Іншї пластунї, чоловїка по двї ї по трї живуть вь односўмствї, вь однїмъ курєнї, то отакї односўмї розїходїтця на охоту по сєкту вь рїзнї стўрїонї, щобъ одїнь на дрўгого не наткнўвєсь. Бо трапляєтця вь-рїдкостъ, що їншїй не здєржавъ сєкту, та ї повєрнє вь ту стўрїону, де вже ходїть одїнь товїрїшъ, а якъ всїякїй пластўнъ вь плавнї держїть пўхїдъ тїї звїрїнї, пїдъ кўтру бармўєтця, то, обманївшїєсь обїдва, убїває товїрїша той їзъ їхъ, хто поснїшїтця понєреду вїстрєлїть.

Вь плавнїяхъ бувають сухї грїдї. На нїхъ рўблятця пластўнєскї курєнї.

Пластунї, вь прїкубанєскїхъ плавнїяхъ, стїла чїсто натїкаютьця на Черкєсь, кўтрї прокрадаютьця плавнїями черєзь Кубїнь (Черномўрєську

границю) въ нашу сторону, щобъ украсти корову, або волá, атó й чоловіка. Якъ набредуть на шляху, або въ полі, то, встáвивши ёму жеребокъ въ ротъ, та на бичовці и зятягнуть до себе въ неволю, або й порубають. Отъ сямъ-то пластунамъ ужé не до охóти; имъ охóта впадá вже на чоловіка зъ такимъ же розумомъ, якъ и вони. Затимъ обходи пласту́нські рóблатця по два, атó й чáтами: оди́нь за однімъ идуть не близько, бо бувае, якъ Черкеси засядуть, то, вдáривши залпомъ зъ ружжя, можуть побить, або кинувшись рáнтóмъ похапáть, то и идуть, кажú, пластуні, хотя въ день, хотя въ ночі чáтою: оди́нь за однімъ рідко. Коли передній стáне, то й другий и третій и всі тежъ, а чи присяде — то й всі. Якъ передній вислухае, такъ и всі. Хто когó підетереже: чи пластуні вперёдъ замітять черкесъ, то їх и верхъ, а якъ що черкеси, то й пластунамъ бідá. Хибá не сила тихъ, що вперёдъ замітять, то й пропустять сильнiшу чáту, сидячи мóвчки. Якъ же черкеси, то після такого случая, або жъ вертаютьца назáдъ, або идуть скорiше на дрянанину дáльше; а якъ пласту́нська не-сила, то, пропустивши черкесъ, бьють зъ потилиці. Одъ такої пiнфи гáспидьска ордá гóбитъ рахóбу, падае, де хто попáвъ. Нарізуватьца на черкесъ те́перь не приходитьца, трéба умкнiуть, бо пластуні себе визначили, що мáло їх, и якъ би имъ одкрито вдáритьца на черкесъ, то їх ружжя не вiстрелене и всякий їх вiстрілъ бiде безъ прóмашки, алéжъ вони дáльше не підуть, трéба вернiтись, бо одъ пласту́нських вiстрілівъ границя зтревожилась, то черкесамъ вдáчі не бiде.

Найлiчче пластуні плюндрують черкесъ на їх стороні. Тамъ вони въ себе не бережiтьца и якъ разъ инший наріжетца на пластунá, то й аминь ёму.

Щобъ написáть всі пласту́нські порядки, то булáбъ ціла книжка. Може знайдутьца молóдчі, до того охóчі. Я жъ, здаецца, сказáвъ стiльки, що видно бiде жóдному, щó то за пластуні?

Спрáжній пластунъ загáвка якъ лисця, зачмише якъ кабанъ; крикне якъ олень, або якъ козá дiка, заснiвае дiкимъ пiвнемъ, захарчить харсунóмъ, завiе вовкóмъ, забреше собакою. Жóдень пластунъ хочь оди́, або дво́е зъ такихъ удачъ въ собi мáе. Вонó бувае ну́жно подáть, який бiде у нихъ по сéкту, гóлосъ; або якъ розсипавшись у плавні, ну́жно бiде швидко зiбрáтьца до кiни; чи по якiй мóви трéба подáть другóму гáсло.

Такъ якъ пластуні ходять отъ жóдного кардóна и жóдна чáга мiсить обхóдити своё займище, то у їхъ есть по сéкту прекмéти: або сухá вер-

ба, або кущъ чагарю, озірцѣ, підкова, пакрутка на комишю, або прями комишъ клячений (°). Тамъ лежить схована прикмета: або цурупалочокъ, або що інше; якъ чата вспіла дійти впередъ, то та, знайшовши прикмету, переклада її на другий ладъ и вертається. А якъ прийде після друга чата, то заразъ и пойме, що товариство зъ другого кардона доходило до того місця; переложивши зновъ прикмету, вертаються назадъ другимъ обходомъ, або розсипаються на охоту по плавні.

Підъ засідку на стежкахъ кидають противъ ноці сухого комишу, або дрібнихъ сухихъ гиллячокъ, котрі на огні засушуються впередъ. Памятаєте, панове, якъ пластунъ бѣе на тріскъ звіря? Отожъ, накидавши на стѣжку сѹші, пластуни залагають, и якъ крадеця черкесъ по тій тропі, то підъ ногами въ ёго сушь и трісне, то отуть ёго и пластунъ трісне....

Наші пластуни одягаються въ черкеську одѣжу и, підъ їхъ бармючись, запускають бороди, хто хоче; на поясі ремінному носять: кінжалъ зъ ножемъ, жарівницю, чабалтасъ кулішницю, відвертку. За поясомъ пістоль и збоку черкеську шабельку. На ногахъ онучі суконні, або портняні съ шерстяними, або прядівьяними волоками. Черевики, або постільці, більшъ свинячі навѣрхъ шерстю, щобъ не шамтіло въ траві.

Не диво пластунамъ бути и прудкими и чуткими, второнними й проворними. Зимю на холоді, а літомъ на комаряхъ та зъ голодомъ. Не бачивши луччого, думали, що такъ на всімъ світі. Трапилося їмъ бути въ Севастополі, якъ Турки, Франці та Британці держали зъ нами розміръ. »Тамъ, кажуть, годували насъ добре, давали горілку; нужді такої не прийняли, якъ у себе на кардонахъ. Вікъ би такъ служили й до-дому не пішли бѣ. Насъ тамъ хвалили, та не знаємъ за що, бо ми привикли рівно тягти службу, якъ той вілъ, не хїбили з'роду».

Я. Г. Кухаренко.

(°) Для оспіху *клячѣть* комишъ: охвативши въ оберемокъ стоячого на піві комишу и стиснувши ёго кріпко руками, переломлють: комишъ, випущений зъ рукъ, розступитця и, зоставшись переломленнямъ, покаже приваку.

На добра-нічъ усімъ на нічъ!
Дайте одпочіти...
Хто кохає мене щіро —
Не буде будіти.
Не будіте, міле браття,
Мене зъ домовіни:
Ой не хóчу я до сýду
Бачити України!
А на сýді зно́ву б́ду
Гóспода благáти,
Щобъ верн́тись працювáти
До вбóгої хáти:
Ой не живъ я, Бóже прáвий,
На білому світі:
Рвавъ терні́ я по дорóзї,
Не рожеві квіти.
Не дознавъ я, Бóже прáвий,
Любого впоко́ю
За неспрáвдою людськóю,
До́лею тяжкóю.
Верні́, Бóже, дорогі́
Літа молоді́,
Що звáли́ли, отруї́ли
Ворогі́ лихі́.
Верні́, Бóже, мою́ сі́лу,
Що гну́лась-хили́лась,
На на́рúгу, на забáву
Лю́дямъ знадобі́лась.
Верні́ Бóже, мене́ зъ ра́ю
До рідно́ї хáти, —
Б́ду, в́ хáті працювáти,
Тебе́ прославля́ти.»

Т. Вешнякъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ГУБЕРНСКИХЪ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЙ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

До-сихъ-поръ, въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій, касающихся южно-русскаго края, мы помѣщали и главнѣйшія постановленія правительства, относящіяся до крестьянскаго дѣла. Съ нынѣшняго года мы нашли полезнѣе, согласно желанію многихъ, ввести важнѣйшія распоряженія правительства въ нашу лѣтопись, и обратить особенно вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Постановленія губернскихъ присутствій южно-русскаго края будутъ сообщаться въ *Основы* постоянно. Они имѣютъ важное значеніе: служа какъбы дополненіемъ и разъясненіемъ общихъ основаній, изложенныхъ въ «Положеніяхъ,» эти постановленія указываютъ на мѣстныя потребности и особенности, и дѣлаясь обязательными для помѣщиковъ и крестьянъ той губерніи, гдѣ они состоялись, получаютъ такимъ-образомъ силу мѣстнаго закона.

На первый разъ мы помѣщаемъ, извлеченія изъ постановленій мѣстныхъ губернскихъ присутствій за первые восемь мѣсяцевъ со времени ихъ открытія.

Постановленія Черниговскаго губернскаго присутствія, от- крытаго 16 марта ().*

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Началомъ лѣтняго полугодія считается: а) въ уѣздахъ Остерскомъ, Козелецкомъ, Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, и Конотопскомъ—1 апрѣля; б) въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ, Сосницкомъ, Кролевецкомъ, Глуховскомъ и Новгородѣверскомъ—10 апрѣля;

(*) Эти постановленія извлечены изъ *Лѣтописи Сельскаго Благоустрой-
ства*, издававшейся Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ,

в) въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ—15 апрѣля; г) въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ—23 апрѣля.

Оцѣнка рабочаго дня. Установлена слѣдующая оцѣнка мужскихъ рабочихъ дней:

А) Въ уѣздахъ Борзенскомъ, Козелецкомъ, Конотопскомъ, Нѣжинскомъ и Остерскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 1 апрѣля по 15 іюня	25 к.
— 15 іюня — 1 іюля	40 —
— 1 іюля — 15 августа	60 —
— 15 августа — 1 октября	30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 1 октября по 1 апрѣля	17 к.
------------------------------------	-------

Б) Въ уѣздахъ Городницкомъ, Глуховскомъ, Кролевецкомъ, Новгородсѣверскомъ, Сосницкомъ и Черниговскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 10 апрѣля по 29 іюня	25 к.
— 29 іюня — 10 іюля	40 —
— 10 іюля — 23 августа	50 —
— 23 августа — 10 октября	30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 10 октября по 10 апрѣля	20 к.
--------------------------------------	-------

В) Въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 13 апрѣля по 29 іюня	30 к.
— 29 іюня — 15 іюля	40 —
— 15 іюля — 23 августа	50 —
— 23 августа — 13 октября	35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 13 октября по 13 апрѣля	20 к.
--------------------------------------	-------

Г) Въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 23 апрѣля по 29 іюня	30 к.
— 29 іюня — 20 іюля	40 —
— 20 іюля — 23 августа	50 —
— 23 августа — 23 октября	35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 23 октября по 23 апрѣля	20 к.
--------------------------------------	-------

Плата за подводы. При посылкѣ подводу на разстояніи далѣе суточного пути, харчевое и кормовое продовольствіе полагается по 1 коп. сер. на каждую версту и подводу.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Владѣлецъ, увольняющій отъ обязательныхъ отношеній неспособнаго къ работѣ двороваго человѣка, безъ его на то согласія, обязанъ, при самой выдачѣ ему увольнительнаго акта, внести мировому посреднику, для передачи

увольняемому, денежное вознагражденіе, равняющееся стоимости того полного содержанія, которое означенный дворовый человѣкъ получалъ отъ бывшаго своего помѣщика. Сумму этого вознагражденія должна составлять совокупная стоимость продовольствія и одежды, которыя получалъ увольняемый; мѣра же вознагражденія за помѣщеніе и отопленіе, которыми онъ пользовался, опредѣляется мировымъ посредникомъ по мѣстнымъ соображеніямъ. Вознагражденіе выдается на все время, остающееся со дня выдачи увольнительнаго акта, до истеченія 2-хъ лѣтняго срока, по мѣсячному расчету, причежъ неполный мѣсяцъ приравнивается за полный. Точное опредѣленіе суммы вознагражденія, слѣдующей увольняемому, неспособному къ работамъ, здоровому человѣку, представляется мировому посреднику, который при этомъ случаѣ руководствуется средними, существующими въ каждой мѣстности на всѣ предметы содержанія цѣнами.

Постановленія Полтавскаго губернскаго присутствія, открытаго 12 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнее полугодіе считается съ 1 апрѣля, а зимнее съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, хозяйственный годъ раздѣляется на три періода: 1) отъ 1 іюня по 1 сентября; 2) отъ 1 апрѣля по 1 іюня и отъ 1 сентября по 1 октября, 3) отъ 1 октября по 1 апрѣля. Кромѣ того, уѣзды Полтавской губерніи раздѣлены на два разряда: къ первому изъ нихъ причислены уѣзды Полтавскій, Кременчугскій и Константиноградскій; ко второму всѣ прочіе уѣзды Полтавской губерніи. На основаніи этихъ 2-хъ дѣлений, цѣнность рабочихъ дней опредѣляется:

	Въ 1-й мѣстности	Во 2-й мѣстности.
Въ теченіе 1-го періода	30 коп. сер.	33 к. сер.
— — — 2-го — —	23 — —	20 — —
— — — 3-го — —	20 — —	13 — —

Плата за подводныя. Подводчику на его хѣрчи и на кормъ лошадей или воловъ, при посылкѣ помѣщикомъ подводъ на разстояніе далѣе сутаго пути, выдается: въ лѣтнее полугодіе т. е. съ 1 апрѣля по 30 сентября подводчику съ одноконною подводой по 23 коп. и съ пароволовою по 23 коп. на каждыя сутки; а въ зимнее полугодіе, т. е. съ 1 октября по 15 марта 1862 г. подводчику съ одноконной подводой по 23 коп. и съ пароволовою по 30 к. на каждыя сутки.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. При увольненіи неспособныхъ дворовыхъ людей, владѣлецъ обязанъ внести по 10 руб. на каждую ревизскую душу, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ заключается болѣе одной души; если же увольняется каѣба или старикъ безсемеинный, то ему назначается по 12 р. въ годъ.

Урочное положеніе.

Размѣръ дневнаго урока для одного работника.

I. Обработка поля подъ посѣвъ или посадку.

1. Работникъ съ паромъ воловъ долженъ положить и вывезть навоза, накладывая на каждый возъ до 30 пудовъ:

	въ лѣтній день			въ зимн. день:		
а) На разстояніи не болѣе	1 вер.	10 возовъ		7 возовъ		
б) — — —	1 ¹ / ₂	8 — —		6 — —		
в) — — —	2	7 — —		5 — —		
г) — — —	2 ¹ / ₂	6 — —		4 — —		
д) — — —	3	5 — —		3 — —		

Примѣчаніе. Работникъ съ одноконной подводой долженъ набирать до 20 пудовъ навоза въ разъ, и сдѣлать однимъ концемъ больше противу вышеозначеннаго урока.

2) Вспахать поля, при глубинѣ вспаш- Если мѣсто работы удалено отъ секи до 4-хъ вершковъ и при ширинѣ лѣнія далѣе 6 верствъ, то на проходѣ борозды до 3 вершковъ. туда и обратно изъ урока вычитается:

При разстояніи отъ селенія до						
7-ми	8-ми	9-ти	10-ти	11-ти	12-ти	
верс.	верс.	верс.	верс.	верс.	верс.	верс.
к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.

а) Мягкаго поля ¹/₂ дес. • 50 100 150 200 250 300

б) цѣлиннаго или глинистаго ¹/₃ — 33¹/₃ 66²/₃ 100 133¹/₃ 166²/₃ 200

3) Заранить однозубнымъ раломъ:

а) Свѣжей вспашки ¹/₂ дес. 50 100 150 200 250 300

б) Прошлогодней вспашки ¹/₃ — 33¹/₃ 66²/₃ 100 133¹/₃ 166²/₃ 200

4) Заборонить разъ вдоль и два раза

поперекъ: одной парой воловъ или од-

ной лошадыю ¹/₂ дес.

50 100 150 200 250 300

Примѣчаніе 1. Каждому работнику

можетъ быть поручаемо 2 бороны, при-

чемъ двумя боронами онъ долженъ за-

боронить вышеозначеннымъ порядкомъ

цѣлую десятину.

Примѣчаніе 2. Всѣ вышеозначенныя

работы производятся орудіями и ско-

томъ помѣщика; кромѣ того при вспаш-

кѣ помѣщикъ обязанъ давать, къ плу-

гамъ, по одному погонщику къ двумъ

парамъ воловъ.

II. Уборка хлѣба и другихъ растений.

3) Скосить въ день:

На голую косу:

а) Озимаго и яроваго хлѣба, при пло-
хомъ урожаѣ ¹/₂ дес. 50 100 150 200 250 300

б) Яроваго хлѣба, при хорошемъ уро-
жаѣ ²/₃ — 40 80 120 160 200 240

в) Озимаго ¹/₃ — 33¹/₃ 66²/₃ 100 133¹/₃ 166²/₃ 200

На грабки:

а) Озимаго и яроваго хлѣба при пло-
хомъ урожаѣ ²/₃ дес. 40 80 120 160 200 240

б) Яроваго хлѣба при хорошемъ уро-
жаѣ ¹/₃ — 33¹/₃ 66²/₃ 100 133¹/₃ 166²/₃ 200

а) На степномъ сѣнокосѣ съ 3 дес.	300	$\frac{1}{4}$ дес.	900	$\frac{1}{2}$ дес.	1300	$\frac{3}{4}$ д.
б) На луговомъ и болотномъ негон- комъ	съ 2 —	200	400	к. с. $\frac{1}{4}$ д.	$\frac{1}{2}$ д.	1000 $\frac{1}{2}$ —
в) На топкомъ болотѣ. съ $\frac{1}{2}$ —	130	300	430	к. с. $\frac{1}{4}$ —	730	900

12) Скидать сѣна въ стогъ или скир-
ду (считая въ копнѣ около 10

пуд.)	30	копнѣ $1\frac{1}{4}$ к.	$2\frac{1}{2}$ к.	$3\frac{3}{4}$ к.	5 к.	$6\frac{1}{4}$ к.	$7\frac{1}{2}$ к.
-----------------	----	-------------------------	-------------------	-------------------	------	-------------------	-------------------

13) Скосить камыша и сложить въ к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар.
саженъ въ зимній день . $1\frac{1}{5}$ куб. с. $\frac{3}{4}$ $1\frac{1}{5}$ $1\frac{1}{5}$ $2\frac{2}{5}$ 3 $3\frac{3}{5}$

14) Сжать камыша и связать въ кули мѣрою каждый въ 16 вершковъ окруж- ности	50	кулей $2\frac{1}{12}$	$4\frac{1}{6}$	$6\frac{1}{4}$	$8\frac{1}{3}$	$11\frac{5}{12}$	$13\frac{1}{2}$
---	----	-----------------------	----------------	----------------	----------------	------------------	-----------------

III. Приготовление продуктовъ къ про-
дажѣ или потребленію.

15) Смолотить въ день лѣтнаго по-
лугодія:

Ржи и пшеницы	$1\frac{1}{2}$ копы	3 $\frac{3}{4}$	7 $\frac{1}{2}$	11 $\frac{1}{4}$	15	18 $\frac{3}{4}$	22 $\frac{1}{2}$
Прочаго хлѣба	2 — —	3	10	13	20	23	$\frac{1}{2}$ коп.

Въ день зимняго полугодія:

Ржи и пшеницы	1 — —	3 $\frac{1}{3}$	6 $\frac{2}{3}$	10	16 $\frac{2}{3}$	16 $\frac{2}{3}$	20
Прочаго хлѣба	$1\frac{1}{4}$ — —	4 $\frac{1}{6}$	8 $\frac{1}{3}$	12 $\frac{1}{2}$	13 $\frac{1}{3}$	20 $\frac{5}{6}$	23

Примѣчаніе. Вымолоченное зерно
должно быть, при этомъ, сложено въ
ворохъ (кучу), солома же должна быть
убрана съ тока и сложена въ ожерелъ
на разстояніи, впрочемъ, не далѣе 30
саж. отъ мѣста молотбы.

16) Остричь овецъ . . . 12 штукъ $\frac{1}{2}$ ш. 1 ш. $1\frac{1}{2}$ ш. 2 ш. $2\frac{1}{2}$ ш. 3 ш.

17) Нарубить дровъ и сложить на к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар.
мѣстѣ рубки $\frac{1}{5}$ куб. саж. $\frac{1}{2}$ 1 $1\frac{1}{2}$ 2 $2\frac{1}{2}$ 3

18) Выдѣлать сыраго кирпича изъ
готовой вымѣшанной глины 300 штукъ
съ поправкою сѣланнаго на каушѣ.

Примѣчаніе. Мѣра выдѣлываемаго по
урокамъ кирпича должна быть слѣду-
ющая: длина 6 вершковъ, толщина $1\frac{1}{2}$
вершка.

VI. Земляныя работы.

19) Уроки для земляныхъ работъ
устанавливаются лишь для копанія рововъ
и канавъ и притомъ не глубже $2\frac{1}{2}$ ар.
отъ поверхности почвы.

а) При прорытьѣ рововъ и канавъ не
глубже $1\frac{1}{2}$ арш., каждый работникъ
долженъ выкопать:

		к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.	к. ар.
Въ лѣтній день	24 куб. арш.	1	2	3	4	5	6
Въ зимній день	18 — —	1	2	3	4	5	6

б) При глубинѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ ар.:

Въ лѣтній день	18 куб. арш.	$\frac{3}{4}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{4}$	3	$3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$
Въ зимній день	13 $\frac{1}{2}$ — —	$\frac{3}{4}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{4}$	3	$3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$

Примѣчаніе: Неподлежитъ урочному положенію копаніе рововъ и канавъ: а) на низменной, болотистой почвѣ, б) на почвѣ каменистой, в) при мерзлой землѣ и г) въ мѣстахъ, гдѣ древесные корни и пни мѣшаютъ успѣху работы.

По желанію одной изъ двухъ сторонъ, введеніе урочнаго положенія обязательно лишь по введеніи уставныхъ грамотъ; до введенія же уставныхъ грамотъ это урочное положеніе можетъ быть введено лишь по добровольному согласію обѣихъ сторонъ.

Постановленія Екатеринославскаго губернскаго присутствія, открытаго 13-го марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Для крестьянскихъ работъ по всей губерніи (кроме Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго) началомъ лѣтняго полугодія считается 1-е апрѣля, и началомъ зимняго 1-е октября; а для Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго, началомъ лѣтняго полугодія 13-е марта, а зимняго 13-е сентября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, губернія раздѣлена на 3 мѣстности. Къ первой отнесены уѣзды: Верхнеднѣпровскій и Новомосковскій, въ которыхъ цѣны рабочихъ дней установлены такіа: мужской лѣтній день 30 коп., женскій лѣтній день 30 коп.; мужской зимній день 25 коп., женскій зимній день 15 коп. Ко второй мѣстности относятся уѣзды: Екатеринославскій, Павлоградскій, Бахмутскій и Славяносербскій, въ которыхъ рабочіе дни оцѣнены такъ: лѣтній мужской 60 коп., а женскій 35 коп.; зимній мужской 35 коп., а женскій 20 коп. Къ третьей мѣстности отнесены уѣзды Александровскій и Ростовскій, въ которыхъ лѣтній мужской день оцѣненъ 65 коп., а женскій 40 коп.; зимній мужской день 40 коп., а женскій 20 коп.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніи далѣе суточного пути, а именно: конныхъ подводъ далѣе 30, а на волахъ далѣе 20 верстъ отъ того селенія, гдѣ живетъ крестьянинъ, помѣщикъ выдаетъ подводчику, на его харчи и на кормъ пары воловъ, по 10 коп. сер. въ день (или на каждыя 20 верстъ), а для подводчика съ лошадыю по 15 коп. въ день (или на каждыя 30 верстъ.)

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемому до срока дворовымъ людемъ. а) На каждаго неспособнаго къ работѣ двороваго человѣка выдается въ мѣсяцъ по 2 р. сер., а на таковаго же малолѣтняго по 1 р. сер.; б) возрастъ для взрослоаго считается, по мѣстному обычаю, съ 14 лѣтъ; в) если взрослый человѣкъ семейный, то съ нимъ въстѣ должны быть уволены его жена и дѣти; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ обязанъ вносить установленную плату за тѣхъ только членовъ семейства увольняемаго, которые также къ работѣ неспособны.

Урочное положеніе. Каждый работникъ и каждая работница обязаны, въ одинъ день, отработывать одинъ изъ слѣдующихъ, свойственныхъ ихъ полу, уроковъ: (въ этомъ урочномъ положеніи для измѣренія вездѣ принята десятина казенной мѣры (2400 кв. сажень).

I. Обработка земли, оранка и бороньба.

1) Заорать (запахать) никогда непаханной (цѣлинной) земли одну треть десятины.

— — — — — 20

— — — — — 10

Рябовъ

2) Заралить однимъ разомъ (отъ трехъ до пяти зубьевъ), въ одинъ слѣдъ двѣ десятины.

3) Заорать многолѣтняго залежа и мягкой земли $\frac{1}{2}$ десятины.

4) Забороповать, въ три слѣда, одну десятину.

Примѣчаніе 1. При всѣхъ этихъ работахъ, при которыхъ употребляются волы или лошади, рабочіе приставленные за погоничей, на выше указанныхъ разстояніяхъ, ведутъ и погоняютъ рабочихъ животныхъ.

Примѣчаніе 2. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

II. Посѣвъ и уборка хлѣба.

1) Посѣять всякаго рода хлѣба на четырехъ десятинахъ.

2) Скосить всякаго рода хлѣба и льна полдесятины.

3) Связать снопы и сложить въ копны одну треть десятины.

4) Сжать серпомъ, связать и сложить въ копны всякаго рода хлѣба одну девятую часть десятины.

5) Скошеннаго и несвязаннаго въ снопы хлѣба и льну сгрести и сложить въ копны полдесятины.

6) Выдержать льну и связать въ снопики или горетки — одну пятнадцатую десятины.

7) Привезти сжатого или скошеннаго хлѣба съ поля въ токъ (гумно) и выкидать снопы зъ скирды:

При разстояніи отъ 4 до 3 версты 3 раза

— — — — — за 3 версты 4 — —

— — — — — — 2 — — 5 разъ

— — — — — — 1 версту и менѣе 6 разъ.

При разстояніяхъ промежуточныхъ между вышеуказанными—среднія количества изъ помннутыхъ цифръ.

Примѣчаніе. Количество копенъ на возахъ обыкновенныхъ полагается по роду хлѣба, отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$, а на гарбахъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 4-хъ. Для складки же привозимыхъ копенъ полагается на каждыя шесть возовъ и на каждыя четыре гарбы по одному складчику.

III. Косовица и уборка сѣна.

1) Скосить сѣна полдесятины.

2) Сгрести сѣна въ вазки одну десятину.

3) Сѣно, нагроможденное десятлю гребнями, складываютъ въ копны, загроможиваютъ, загребаютъ и отправляютъ три работника и одна работница.

4) Сложить сѣно въ полускирдъ, длиною въ 6 сажень, шириною въ 2 и чрезъ верхъ въ $8\frac{1}{2}$ саж.—шести человекамъ при двухъ парахъ воловъ. При кладкѣ же скирдъ, полускирдъ или стоговъ другихъ размѣровъ полагается: на 16 копенъ одинъ работникъ съ парюю воловъ.

IV. Моложьба хлѣба, стрижка овецъ, копка земли и прочія мелочныя работы.

1) Вымолотить цѣномъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, въ лѣтнее полугодіе, въ день: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго $1\frac{1}{2}$ копны; арнаутки—30 сноповъ; въ зимнее полугодіе: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго—одну копну; арнаутки 40 сноповъ.

2) Остричь овецъ:

Взрослыхъ — — — — — 13 штукъ

Ягнятъ годовалыхъ — — — — — 20 — —

Барановъ — — — — — 10 — —

- 3) Выкопать канаву:
- а) Глубиною въ 1 арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ въ одинъ арш.—погонныхъ сажень 9.
 - б) Глубиною $1\frac{1}{4}$ арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ $1\frac{1}{2}$ арш., погонныхъ сажень 4.
 - 4) Вырыть ямъ: въ мягкой землѣ 10 кубическихъ аршинъ; въ твердой землѣ—7.
 - 5) Перекопать грядъ для огорода въ одинъ штихъ: въ мягкой землѣ 20 квадр. сажень, въ твердой землѣ 12.
 - 6) Вырѣзать въ овчарѣй кизяку, въ одинъ штихъ, толщиною въ 4 вершка мужицкѣ—9 кв. саж.
 - 7) Вывезти изъ сарая кизяку для просушки 9 кв. саж.
 - 8) Выполоть руками, или истребить сорныя травы: женщицкѣ $\frac{1}{15}$ десятины.
 - 9) Забить колья и заплести лозою огорожу, высотой въ 2 арш.—погонныхъ сажень 5.
 - 10) Наприть для простаго крестьянскаго холста изъ льну, пеньки, поскоши, на мотовило въ 2 арш.—3 пасемъ.
 - 11) Выткать десятки 6 аршинъ; выткать сукна и ряденъ 8 аршинъ
 - 12) Наломать, съ надлежащими отъ экономіи инструментами, и сложить въ сажени: мягкаго камня $\frac{1}{8}$ куб. сажени, твердаго камня $\frac{1}{9}$ куб. сажени.
- Всѣ прочія работы, какъ неподходящія подлѣ правильнаго учета, производятся поленными работами.

Постановленія Херсонскаго губернскаго присутствія, открытаго 19-го марта.

Плата за подводку. При посылкѣ крестьянскихъ подводъ на разстояніе дальѣе сучнаго пути, владельцемъ выдается въ сутки: подводчику на харчи 10 коп., на кормъ пары воловъ 10 коп., и на каждую лошадь 10 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго землемѣрнымъ до срока дворовымъ людямъ. Мужицкѣ и женщицкѣ свыше 14 лѣтъ полагаются 36 р. въ годъ или 3 р. въ мѣсяцъ; отъ 9 до 14 лѣтъ—27 руб. въ годъ или 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ и дѣтямъ моложе 9 лѣтъ—15 р. въ годъ или 1 р. 25 к. въ мѣсяцъ.

Уточное положеніе.

1) Вспахать въ день, мягкаго (переложнаго) поля, при плугѣ въ 6 воловъ, должно полдесятины (1200 кв. сажень).

2) Твердаго поля (цѣлины) при 8 волахъ—полдесятины.

Примѣчаніе. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

3) Передвоить (перепахать или перералить) десятину малымъ плужкомъ въ $1\frac{1}{2}$ дня; однопалымъ раломъ въ одинъ день; трехпалымъ, при двухъ парахъ воловъ, въ день—двѣ десятины.

Примѣчаніе. Когда поле заросшее (шырейное), то работа перепашки уменьшается на одну треть.

4) Боронить (заволочить) два раза одной бороной, при парѣ воловъ, переложнаго поля, въ день, одну десятину; цѣлиннаго поля, на десятину въ день $1\frac{1}{2}$ бороны пароволовой или 1 борона пароконная.

3) Засѣять одинъ человекѣ долженъ, въ день, всякаго рода хлѣбомъ, 4 десятины; кукурузой—8 десятинъ.

6) Сжать серпомъ хлѣба, туго связавъ въ снопы и сложивъ по мѣстному обычаю, въ полуконцы или кисеры, съ одной десятины должны 10 рабочихъ.

Примѣчаніе. При урожаѣ, на десятинѣ болѣе 10 копъ, каждый рабочій долженъ сжать серпомъ 60 сноповъ, тугой вязи, мѣрою въ объѣмъ $1\frac{1}{2}$ аршина.

7) Убрать хлѣбъ косою, съ одной десятины, при урожаѣ отъ 10 до 13 копъ, въ день, должны 2 косаря и 4 вязальщицы; при меньшемъ урожаѣ $1\frac{1}{2}$ косаря и 3 вязальщицы.

8) Сапать (спрашивать) десятину кукурузы, сильно заросшую въ день—10 рабочихъ; менѣе заросшую—8; баштана десятину заросшую—12, менѣе заросшую—10.

9) Наломать и вычистить кукурузы въ день, на каждаго рабочаго,—4 четверти кочановъ.

10) Скосить льна 10 дес. въ день—18 косарей; сгрести и сложить въ копны—4 копничка и 4 гребца.

11) Скосить травы 10 дес. въ день—17 косарей; убрать въ копны—11 гребцовъ и 3 копничка съ 1 загребальщицей.

Примѣчаніе. Тамъ, гдѣ убираемые поля не будутъ обмѣряны, уборка хлѣба и сѣна производится поденною работою.

12) Сложить сѣно въ скирду, длиною 10 саж., шириною 2 и чрезъ верх $7\frac{1}{2}$, въ день 7 работниковъ и 3 рабочихъ, при 3 парахъ воловъ, для стягиванія копнъ.

13) Вымолотить цѣномъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, въ лѣтніе мѣсяцы, въ день, рабочій долженъ: озимаго хлѣба—одну копу; яроваго $1\frac{1}{2}$ копы; арнаutki 40 сноповъ; въ зимніе мѣсяцы: озимаго хлѣба—30 сноповъ; яроваго—1 копу; арнаutki—40 сноповъ; кукурузы сухой, въ лѣтніе мѣсяцы, 10 четвертей въ кочангахъ.

14) Остричь въ день работникъ долженъ 23 овецъ; работница—20.

15) Нарубить и сложить трехполѣвнхъ дровъ въ лѣсу и на плавняхъ работникъ долженъ въ день $\frac{1}{4}$ кубической сажени, или 4 работника—одну сажень; причѣмъ вѣтви должны быть сложены въ кучи.

16) Камыша нажатъ, въ сырыхъ плавняхъ безъ воды, или набить по льду въ день—90 пучковъ, въ $\frac{3}{4}$ аршина вязи, со складкою въ кучи на берегу.

17) Хворосту или лозы нарубить или бурьяну накосить осенью и зимою и привезти, на разстояніи 5 верстъ, въ день—одинъ возъ; на разстояніи же 2 и менѣе верстъ—2 воза.

18) Вырыть каналы въ обыкновенномъ, не каменистомъ, грунтѣ, глубиною въ 1 арш., шириною сверху 1 арш. и на днѣ 6 вершковъ—рабочему въ день полагается 3 саж. въ длину. При той же ширинѣ, глубиною иъ $1\frac{1}{2}$ арш.—3 саж. При поправкѣ старыхъ каналов—10 саж.

19) Выкопать ямокъ, для посадки деревьевъ, глубиною и шириною въ 1 аршинъ, въ обыкновенномъ грунтѣ, въ день—12, въ твердомъ—8. Открыть такихъ же ямокъ, когда деревья не привились, на слѣдующій годъ—20 въ день.

20) Перекопать земли, въ саду или въ огородѣ, въ 5 вершковъ глубиною, въ первый разъ, весною на рабочаго полагается 16 квадр. саж.; во второй разъ—24.

21) Вырѣзать князку (скотскаго кирпича), одинъ рабочій, въ день, долженъ на пространство 18 квадр. саж.

22) Привозить снопы въ токъ, на разстояніи отъ 4 до 5 верстъ, должно три раза, за три версты—пять разъ, за 2 версты—шесть разъ; за версту и меньше—семь разъ. Свыше пяти верстъ разстоянія—опредѣлять возку сноповъ, примѣняясь къ этому же расчету.

Постановленія Кіевскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнимъ рабочимъ временемъ, для отбыванія издѣльной повинности, считается періодъ съ 24 марта по 24 сентября, а періодъ съ 24 сентября по 24 марта считается зимнимъ временемъ.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе суточного пути, до 13 марта 1862 года, выдаются слѣдующія платы: подводчику на харчи, какъ въ лѣтній, такъ и въ зимній день по 10 коп. ср.; на кормъ одной лошади въ лѣтній и зимній день по 20 коп., на пару воловъ въ лѣтній день по 10 коп., а въ зимній по 20 коп. ср.

Размѣръ пособія, назначаемого увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. При увольненіи неспособныхъ къ работѣ дворовыхъ людей ранѣе истеченія 2-хъ лѣтъ, владѣльцы вносятъ для обезпеченія ихъ по расчету на каждый мѣсяць, до окончанія двухъ обязательныхъ лѣтъ: а) одиночкамъ обоюго пола по 1 р. 30 коп.; б) женщинѣ при мужѣ или родственникѣ по 1 р.; в) малолѣтнимъ обоюго пола до 12-и лѣтняго возраста по 75 копѣекъ.

Урочное положеніе. Каждый работникъ обязанъ въ одинъ день: 1) Посѣять на трехъ десятинахъ зерно—въ одинъ переходъ, а на двухъ десятинахъ—въ два перехода. 2) Сжать и сложить въ копны озимой пшеницы съ $\frac{1}{12}$ десятины, а ржи или яроваго хлѣба съ $\frac{1}{12}$ десятины; или же (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) сжать, при хорошемъ и среднемъ урожаѣхъ, 1 копну, а при худомъ, безъ урока, сколько успеютъ. При этомъ каждый, туго связанный снопъ, долженъ имѣть въ объемѣ у перевязи не болѣе $5\frac{1}{2}$ четвертей аршина.

Примѣчаніе. Въ мѣстностяхъ, гдѣ неопредѣлено съ достаточною вѣрностью пространство земли и количество посѣва, каждый работникъ обязанъ сжать озимаго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ, одну копну въ 60 сноповъ, въ показанномъ выше объемѣ, или яроваго полторы копны, а при худомъ того и другаго хлѣба безъ урока, сколько успеетъ.

3) Скосить озимаго и яроваго хлѣба $\frac{1}{3}$ часть десятины; сѣна на перелоггахъ и посѣвной травы $\frac{1}{2}$ десятины, а на низменныхъ лугахъ и болотахъ съ кочками $\frac{1}{3}$ десятины.

4) Собрать и сложить въ копны сѣно на лугахъ поемныхъ и заливныхъ съ $\frac{1}{3}$ десятины и на прочихъ сѣнокосныхъ поляхъ съ $\frac{1}{2}$ десятины.

5) Связать и сложить въ копны кошеннаго хлѣба озимаго на $\frac{1}{6}$ и яроваго на $\frac{1}{4}$ части десятины.—Въ мѣстностяхъ, гдѣ неопредѣлено пространство земли, равно въ 6-ой и 7-й мѣстностяхъ связать и сложить озимаго и яроваго хлѣба три копны.

6) Обмолотить въ лѣтніе дни 60 сноповъ озимаго и яровой пшеницы и 90 прочаго яроваго хлѣба, а въ зимніе 40 сноповъ озимаго, столько же яровой

пшеницы и 60 прочаго яроваго. Причемъ вывѣять съ этаго числа сноповъ вымолоченное зерно и убрать его въ магазинъ, также отнести солому на указанное въ гумнѣ мѣсто.

- 7) Раскидать навозъ на $\frac{1}{4}$ десятины.
- 8) Посадить картофеля на приготовленной для сего землѣ на $\frac{1}{7}$ десятины.
- 9) Выкопать картофеля при хорошемъ урожаѣ $2\frac{1}{2}$, а при худомъ $\frac{1}{2}$ четверти.
- 10) Обсыпать кукурузу на $\frac{1}{12}$ части десятины.
- 11) Выломать и очистить качановъ кукурузы $3\frac{1}{2}$ четверти.
- 12) Наколоть дубовыхъ кольевъ для изгородей 60 штукъ; обтесать такихъ кольевъ 30 штукъ.
- 13) Вбить колья въ землю и заплести хворостомъ на пространствѣ 4-хъ сажень, высотой въ $2\frac{1}{2}$ аршина.
- 14) Связать четыре коны сноповъ изъ готовыхъ кулей ржаной соломы для покрытія кровель.
- 15) Нарубить $\frac{1}{4}$ кубической сажени трехполѣнныхъ дровъ. Урокъ этотъ не распространяется на дубовыя и другихъ твердыхъ породъ дрова, рубка которыхъ производится безъ уроковъ.

Примѣчаніе 1. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пространство земли въ точности не измѣрено, работы, показанныя въ пунктахъ 3, 4, 7, 8, 9, 10 и 11 производятся безъ уроковъ.

Примѣчаніе 2. Работы, здѣсь непоименованныя, на основаніи 189 ст. мѣст. полож., производятся безъ уроковъ и при такихъ работахъ число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ, на основаніи 190 ст. того же положенія, не должно превышать въ лѣтнее полугодіе 12, а въ зимнее 9 часовъ. — Въ число это не включается время, назначенное для отдыха рабочихъ.

Примѣчаніе 3. При урочной работѣ, каждый крестьянинъ, окончившій заданный ему урокъ, а при безурочной, отработавшій положенное число часовъ, не можетъ быть затѣмъ удерживаемъ на работѣ.

Примѣчаніе 4. На пяти верстахъ разстоянія отъ села, въ которомъ живутъ крестьяне, они обязаны выполнять работы по урочному положенію, безъ всякаго вычета изъ уроковъ за употребленное на проходъ время. Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 5-и верстъ, то работа производится безъ назначенія уроковъ, а на проходъ къ мѣсту работы и обратно каждой версты, сверхъ 5-и верстъ, полагается полчаса.

Постановленія Харьковскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Начало лѣтняго полугодія считается съ 1 апрѣля, а зимняго съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Въ отношеніи оцѣнки рабочихъ дней губернія раздѣлена на три части и для каждой изъ нихъ положены рабочему слѣдующія платы:

1) Въ уѣздахъ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ, Лебединскомъ и Сумскомъ.		
а) Въ мѣсяцахъ: мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ	мужчинъ	женщинъ
и октябрѣ	22 к.	20 к.
б) Въ мѣс. июнѣ, июлѣ, и августѣ.	35 к.	20 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	20 к.	10 к.
2) Въ уѣздахъ Валковскомъ и Харьковскомъ:		
а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, августѣ, сентябрѣ и		
октябрѣ	25 к.	14 к.
б) Въ мѣс. маѣ, июнѣ и июлѣ	40 к.	25 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	18 к.	10 к.
3) Въ уѣздахъ Волчанскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ:		
а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, и		
октябрѣ	25 к.	12 к.
б) Въ мѣс. июнѣ, июлѣ и августѣ.	60 к.	40 к.
в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ	20 к.	10 к.

Оцѣнка коннаго или волового дня увеличивается въ полтора раза.

Плата за подводды. Подводчику, посылаемому помѣщикомъ на разстояніе даѣе сучогаго пути, выдается на харчи и на кормъ лошадей или воловъ: пароконному по 37 коп., а пароволовому по 32 коп. въ сутки, полагая въ этомъ числѣ на продовольствіе крестьянина 20 коп. и на кормъ лошадей 17 коп., а воловъ 12 копѣекъ.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Для обезпеченія увольняемыхъ дворовыхъ людей, выдается на каждаго изъ нихъ, безъ различія пола и возраста, сумма, соответствующая платежу по 2 рубля въ мѣсяцъ за все время, остающееся до 19 февраля 1863 года.

Урочное положеніе: I. Сельскія работы.

	Число дней.				
	Съ раб- скомъ.	мужскихъ Пльшихъ.	Женск-		
Запахать одну десятину сохою или плугомъ.	{	Въ лѣтнее полугодіе	2	«	2
		— зимнее —	3	«	3
Засѣять и забороновать $\frac{1}{2}$ десятины		1	«	«	
Посѣять хлѣбное зерно на 3-хъ десятинахъ		«	1	«	
Скосить хлѣбъ на одной десятинѣ и связать въ снопы		«	2	3	
Сжать хлѣбъ на одной десятинѣ		«	7	«	
		или «	«	8	
Смолотить двѣ копны сушенаго озимаго хлѣба		«	1	«	
Смолотить $1\frac{1}{2}$ копны яроваго или сыромолотнаго хлѣба		«	1	«	
<i>Примѣчаніе.</i> Въ одной копнѣ хлѣба полагается 60 сноповъ, имѣющихъ въ объемѣ у перевязки $1\frac{1}{4}$ аршина.					
Скосить сѣна на одной десятинѣ		«	2	«	
Собрать сѣна съ десятины въ копны		«	1	1	
Скидать стогъ въ 12 саж. кругомъ и 9 саж. че- резъ верхъ.		4	4	«	

Разгрузить навозъ на одной десятинѣ	«	2	«
Нарубить кубич. сажень трехполѣвннхъ дровъ	«	2	«
Остричь 10 овецъ разнаго возраста	«	«	1

II. Перевозка лошадыми.

На разстояніи одной версты.	{	15 возовъ навозу	1	«	«
		10 копенъ озимаго хлѣба (со складкою въ скирды).	1	«	«
		15 копенъ яроваго хлѣба	1	«	«
		10 возовъ сѣна, каждый не болѣе 12 пудовъ.	1	«	«
		1 саж. трехполѣвннхъ дровъ	1	«	«
6 копенъ озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи трехъ верстъ	1	«	«		
3 конны озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи 6-ти верстъ	1	«	«		
1 конна хлѣба на разстояніи 12-и верстъ	1	«	«		

III. Перевозка хлѣба (со складкою въ скирды) волами.

10 ¹ / ₂ копенъ на разстояніи одной версты	1	«	«
6 ¹ / ₂ — « — двухъ верстъ	1	«	«
4 ¹ / ₂ конны « — трехъ —	1	«	«
3 — « — отъ 4 до 5 вер.	1	«	«
2 — « — шести верстъ	1	«	«

Постановленія Подольскаго губернскаго присутствія, открытаго 13 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. За сгонный пѣшій день платится, какъ мужичинѣ, такъ и женщинѣ по 20 коп. ср., а за тяглый день по 30 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ:
 а) дворовымъ людямъ, состоящимъ въ услуженіи при лицѣ владѣльца, въ обязанностяхъ камердинеровъ, дворецкихъ, буфетчиковъ, лакеевъ, ключницъ, горничныхъ, нянекъ и другихъ подобныхъ—мужчинамъ по 3 р., а женщинамъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; б) состоящимъ въ услуженіи при дворѣ владѣльца или въ экономической службѣ въ обязанностяхъ кучеровъ, атамановъ, досмотрщиковъ за скотомъ и другихъ—мужчинамъ семейнымъ по 3 р., одинокимъ по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; в) малолѣтнимъ обоимъ разрядамъ въ половину противъ совершеннолѣтнихъ, но съ тѣмъ, чтобы малолѣтніе круглые сироты изъ дворовыхъ, согласно прим. къ ст. 21 Пол. объ устр. двор. людей, были увольняемы владѣльцами не иначе, какъ по желанію ихъ родственниковъ, засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ или уѣзднымъ предводителемъ; по если кто либо изъ прислуги, по усердію своему или за особыя помѣщику услуги, получалъ жалованье въ размѣрѣ, выше опредѣленнаго симъ постановленіемъ, то при исчисленіи и выдачѣ такимъ дворовымъ людямъ денежнаго пособія, должно сообразоваться съ окладомъ этого жалованья.

Постановленія Таврическаго губернскаго присутствія, открытаго 15 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. а) Трудъ вѣшаго крестьянина цѣнится, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, въ день: въ январѣ—30 коп., въ февралѣ—33 коп., мартѣ—40 коп., апрѣлѣ—50 коп., маѣ—60 коп., іюнѣ—73 коп., іюлѣ—1 р., августѣ, 1 р., сентябрѣ—73 коп., октябрѣ—60 коп., ноябрѣ—33 коп., и декабрѣ—33 коп. б) Женскій трудъ въ день цѣнится: съ 1-го января по 1-е марта—20 коп., въ мартѣ—23 коп., апрѣлѣ 30 коп., маѣ—33 коп., іюнѣ—40 коп., іюлѣ—50 коп., августѣ—50 коп., сентябрѣ 40 коп., октябрѣ 33 коп.; съ 1-го ноября по 1-е января—20 копѣекъ. в) Дневной трудъ крестьянина, на пароволовой или пароконной подводѣ, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, цѣнится: въ январѣ—73 коп., съ 1-го февраля по 1-е іюня—1 р., съ 1-го іюня по 13 августа—1 р. 30 коп., съ 13 августа по 1 ноября отъ 73 до 80 коп., и съ 1 ноября по 1 января—1 р.; г) Примѣняясь къ цѣности пароволовой подводѣ, взмывается съ крестьянина такая же плата, если онъ не выйдетъ съ плугомъ, считая отъ каждой пары воловъ.

Плата за подводѣ. Размѣръ платы за подводѣ крестьянъ, посылаемыхъ съ сельскими произведеніями помѣщика на разстояніе далѣе сутаго пути, назначенъ сообразно мѣстностямъ, въ коихъ подводѣ будутъ посылаемы и большому или меньшему удобству продовольствія въ нихъ людей и скота, именно: въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи—Дніпрозскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ признана необременительною для помѣщика и безобидною для крестьянина плата въ сутки на содержаніе воловъ или лошадей 20 коп. и на продовольствіе подводчика 13 коп., всего 33 копѣекъ; въ Крымскихъ уѣздахъ—на содержаніе воловъ или лошадей 30 коп. и подводчику 13 коп. всего же 43 коп. сер.

Числ. раб. Числ. дней.

Урочное положеніе.

Вспахать экономическую, въ 3,200 кв. сажень десятину земли—цѣлины въ пять паръ воловъ. 3. 3.

Сообразно качеству земли и мѣстному обычаю, должны вспахать, при упряжкѣ отъ 2 до 4 паръ воловъ. 2. 3.

Примѣчаніе. Гдѣ казенная десятина въ 2,400 кв. саж., введена въ хозяйство, по желанію можно перейти съ экономической на казенную. Засѣять 3 казенныя десятины по 2,400 кв. сажень. 1. 4.

Засѣять $2\frac{1}{4}$ экономическія десятины. 1. 1.

Взборонить желѣзными бородами въ 2 или 3 пары воловъ отъ 1 до 2-хъ десятиць земли цѣлины. 1. 1.

Взборонить землю мягкую деревянными бородами, въ 2 пары воловъ, отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ десятиць. 1. 1.

Сжать хлѣбъ съ экономической десятины и сложить въ снопы крѣпкой вязи. 8. »

Примѣчаніе. Если жилицы имѣютъ грудныхъ дѣтей, то на каждую десятину прибавлять по два рабочихъ.

Скосить экономическую десятину хлѣба полъ косу на грабли, 2 косца и 4 вязальщика. 6. »

Скосить экономическую десятину хлѣба на косу безъ грабковъ и сложить въ копны.	3.	»
Скосить экономическую десятину густой травы, выше одного аршина.	3.	»
Сгрести и сложить въ копны, отъ 40 до 50-ти пудовъ каждая, десятину травы.	3.	»
Пересадить на приготовленныя гряды одинъ корень отъ другаго на полъ аршина на 80 грядъ.	1.	1.
Выполоть саами 80 грядъ мужчинъ или 60 грядъ женщинъ.	1.	1.
Навизать 16 нитокъ, 6 аршинъ каждая, переброженныхъ готовыхъ табачныхъ листовъ. . . .	1.	1.
Табачныя листья, 16 нитокъ, обратить въ папуши, каждая отъ 12 до 13 листьевъ.	1.	1.
Работы, въ урочномъ положеніи непоименованныя, производятся безъ уроковъ, по числу рабочихъ часовъ: въ лѣтнее полугодіе—12-ти, и въ зимнее—9 часовъ.		

ВІСТІ.

НАБЛЮДЕНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

О нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда.

Какъ мировой посредникъ, я, каждый день, по моей обязанности, разсматривалъ дѣла, въ которыхъ раскрывалась картина прежнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и между собою; и какъ исполнитель закона, устанавливающаго и охраняющаго вновь возникающія права, я всегда справлялся съ воззрѣніемъ крестьянъ на данное отношеніе, стараясь примѣнить новый законъ, съ наибольшимъ, по возможности, удобствомъ для тѣхъ, кто долженъ ему подчиняться. Вращаясь въ этой, главнымъ образомъ, юридической сферѣ, мнѣ постоянно приходилось останавливаться съ удивленіемъ на кажущейся рѣдкости, если не сказать, совершенномъ отсутствіи, юридическихъ обычаевъ у крестьянъ. До такой степени крѣпостное право, въ прежнее время, охватило собою весь гражданскій бытъ закрѣпощеннаго южнорусскаго земледѣльца, и такъ рѣшительно уничтожило въ его жизни всякую инициативу личности и общества. До 19-го февраля, кажется, не легко было отыскать мѣстность, гдѣ бы крѣпостное право доходило до такой крайности, какъ здѣсь. Крестьянинъ лишень былъ возможности располагать съ увѣренностію однимъ днемъ въ недѣлѣ. Даже въ воскресенье онъ долженъ былъ идти на панцину, если его требовали, съ тою, впрочемъ, разницею противъ другихъ дней, что, по непонятной силѣ уцѣлѣвшаго обычая, въ этотъ день можно было дѣлать, по народному выраженію, готовую работу, т. е. грести и метать сѣно, возить снопы и сѣно, вѣять, но не пахать землю, косить, жать и мо-

лотить. Нельзя забыть всей горечи отчаянія, съ которою крестьянинъ на вопросъ, какъ онъ хозяйничаетъ у себя дома, говорилъ: «господарую» — лаконическій отвѣтъ, который другими словами можно выразить такъ: нѣтъ силъ хозяйничать, работая день въ день на пана. Вслѣдствіе этого, въ гражданскомъ быту крестьянина, могли остаться только слабыя черты юридическихъ обычаевъ, какъ намеки на существовавшій прежде порядокъ гражданской жизни, какъ слабыя слѣды народнаго разума, едва пробивавшагося сквозь гнетъ крѣпостнаго права. Дѣйствительно, только послѣ продолжительной практики можно открыть немногіе обычаи—и то касающіеся, по большей части, сферы имущественныхъ отношеній. Въ области же уголовного права, карающая власть пана убивала всякую инициативу самихъ крестьянъ, такъ что: наказаніе вора, заключавшееся въ хожденіи по селу съ повѣшенною на спинѣ вора краденною вещію, при ругательствахъ и побояхъ, пѣніе срамныхъ пѣсень толпою, идущею за человѣкомъ, пойманнымъ въ прелободѣніи, всенародное срываніе шапки съ должника, что значить на народномъ языкѣ «грабувать якъ злодіа,»— всё это являлось какъ что-то случайное, какъ рѣдко повторявшійся прологъ драмы, которая разыгрывалась надъ преступникомъ, когда его постигало карающее правосудіе пана. Самъ народъ, кажется, мало вѣритъ въ серьезное значеніе этихъ наказаній, и даже теперь, по уничтоженіи помѣщичьяго суда, предпочитаетъ прибѣгать, гдѣ только удобно, къ становымъ приставамъ и урядникамъ общественныхъ управленій, судящимъ и наказывающимъ по другимъ, болѣе новымъ, началамъ. Гораздо болѣе замѣтно прочности и юридической опредѣленности въ обычаяхъ, касающихся имущественныхъ отношеній. Конечно, немного было гарантій, силы и долговѣчности этихъ обычаевъ съ той стороны, гдѣ они соприкасались съ имущественными интересами помѣщика и его всесильной волей.

Нечего думать объ уваженіи помѣщиковъ къ обычаю—отдѣлять крестьянамъ такую или иную часть своей земли; распредѣлять ее по твердой, болѣе или менѣе всеобщей нормѣ, или давать крестьянамъ тотъ или другой спопъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что голова, то разумъ, что село, то свой законъ. Только въ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ между собою и съ посторонними лицами замѣчаются обычаи, имѣющіе большую или меньшую степень прочности. Замѣчательно, что обычаи, которые прежде всего встрѣчаются въ быту свободныхъ козаковъ, непременно существуютъ и у крестьянъ.

Въ этомъ сказалась историческая сила того единства политичес-

нихъ и гражданскихъ правъ козаковъ и посполитыхъ, въ послѣдствіи помѣщичьихъ и казенныхъ (незначительныхъ, впрочемъ, въ Малороссіи своимъ числомъ) крестьянъ, которое нарушено актомъ присоединенія Украины къ Россіи и готово было потеряться при дѣйствіи крѣпостнаго права. Крестьяне вѣрятъ въ благотворное дѣйствіе обычая, потому что въ нихъ выразился народный разумъ. И если они отвыкли отъ примѣненія ихъ, то только потому, что, при существованіи крѣпостнаго права, это было невозможно. Козаки и посполитые, по понятіямъ аристократической Польши и ея законодательства — «хлопы и подданные», до присоединенія Южной Руси къ Великодержавіи, не составляли двухъ сословій, рѣзко раздѣленныхъ политическими и гражданскими правами. Существовало, правда, слабое различіе въ правахъ, заключавшееся главнымъ образомъ въ томъ, что козаки несли военную службу, но это было такъ неважно, что не уничтожило общности интересовъ козаковъ и посполитыхъ, такъ-что во время междоусобицы въ Украинѣ вождь козацкой дружины Богданъ Хмельницкій могъ видѣть въ лицѣ посполитыхъ народъ и свое войско, говоря, что у него гдѣ кракъ, тамъ и козакъ, или отвѣчая польскимъ комиссарамъ: «я чернь не выдамъ, чтобы вы, задавивши крестьянство, и на козаковъ не ударили.» Эти два класса, прежде различенные только слабыми и постоянно колеблющимися признаками, по Переяславскимъ статьямъ образовали два особенныя, раздѣльныя, сословія: «кто козакъ — тотъ козацкую вольность имѣеть, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ несетъ обычную государеву повинность». Несмотря на это, единство двухъ сословій оставалось въ семейныхъ и экономическихъ связяхъ и въ сдѣлкахъ, по которымъ передавались имущественныя права отъ козаковъ крестьянамъ, и обратно. Только въ последнее время, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, стало рѣзко замѣтно стремленіе козаковъ и крестьянъ обособиться въ два замкнутыя круга; названіе *крѣпака*, крѣпостнаго челоука породило отчужденіе, и вмѣстѣ жалость къ задавленной личности. Но послѣ освобожденія крестьянъ, все стремится возвратиться въ прежнюю колею; козаки и крестьяне идутъ другъ другу навстрѣчу.

Начало сближенія ихъ, выразившееся тотчасъ, по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, частыми браками между козаками и крестьянами, будетъ рости по мѣрѣ развитія крестьянскаго хозяйства и развитія ихъ гражданскихъ отношеній. Едва ли есть, въ обширномъ русскомъ государствѣ, страна, гдѣ бы, по освобож-

деніи крестьянъ, рѣшительнѣе и рѣзче высказались юридическіе обычаи, существованія которыхъ не подозрѣвали. Въ этой воскресающей старинѣ все болѣе и болѣе оживаетъ прежнее сословное единство козаковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ, по объявленіи манифеста о свободѣ, обнаружено, что южнорусскіе крестьяне покупали, продавали, мѣняли, дарили, завѣщали земли между собою и съ лицами другихъ сословій и владѣли ими на правѣ собственности, какъ козаки. Этотъ фактъ, обреченный прежде на безвѣстное существованіе подъ покровомъ общихъ законовъ, по которымъ не предоставлялось крестьянамъ ни право владѣнія недвижимымъ имуществомъ, ни право приносить жалобу на своего помѣщика, вынырнулъ на свѣтъ. По положенію о крестьянахъ, земли, дома и вообще недвижимыя имущества, приобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время, на имя ихъ помѣщиковъ, укрѣпляются за крестьянами, или ихъ наследниками, окончательно, по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самими помѣщиками, или рѣшеніемъ мирового учрежденія (общ. полож. о крестьян. ст. 32). Въ дополненіе къ этой статьѣ приложены правила разсмотрѣнія и утвержденія мировыми учреждениями актовъ, непризнанныхъ самими помѣщиками. Въ этомъ постановленіи заключается развитіе той мысли русскаго законодательства, что, до указа 3-го мая 1848 г., которымъ разрѣшено помѣщичьимъ крестьянамъ приобрѣтать недвижимыя имѣнія въ собственность, они могли покупать ихъ только на имя помѣщиковъ. Но законъ этотъ не охватилъ собою существующихъ въ дѣйствительности, на Украинѣ, поземельныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, потому что тамошнее посольство, получившее, по присоединеніи Южной-Руси къ Великой Россіи, полную гражданскую правоспособность и участвовавшее даже на радахъ, при избраніи гетмановъ, (отъ чего эти рады назывались черными или черневыми), приобрѣтало и отчуждало недвижимыя имѣнія, не только въ первое время по присоединеніи, но въ теченіи всего прошлаго столѣтія, даже и въ настоящемъ столѣтіи, въ первой, а быть можетъ и во второй его четверти. Окончательную потерю крестьянами этого права, кажется, слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда вполне прекращено въ Южной Руси дѣйствіе Литовскаго Статута съ распространеніемъ на нее общихъ велико-русскихъ законовъ, т. е. къ 1843 году. На это, вѣрно, имѣло вліяніе какъ ослабленіе родственныхъ и другихъ связей между помѣщичьими крестьянами и козаками, такъ и рѣшительное запрещеніе, въ 1832 году, козакамъ продавать свои предковскія земли ко-

му—либо, кромѣ лицъ своего сословія. Но прямого закона, которымъ бы положительно запрещалось помѣщичьимъ крестьянамъ въ Южной Руси пріобрѣтати недвижимыя имѣнія, сколько намъ извѣстно, не было до послѣдняго времени. Такимъ—образомъ, въ настоящее время обнаружено въ Южной Руси множество актовъ, хранившихся у крестьянъ цѣлое столѣтіе и больше, по которымъ они пріобрѣтали земли въ собственность. Въ числѣ этихъ актовъ мнѣ удалось видѣть древнѣйшій, писанный въ 1689 году на одномъ мѣстекѣ (городовомъ) урядѣ. Акты эти писались, какъ простая росписка, при свидѣтеляхъ и безъ свидѣтелей. Иногда въ текетѣ ихъ писалось «при упрошенныхъ свидѣтеляхъ продалъ или уступилъ,» но подписовъ свидѣтелей на роспискахъ не имѣется. Другіе писались въ сотенныхъ канцеляріяхъ, или на сотенныхъ урядахъ; въ экономическихъ правленіяхъ коронныхъ посполитыхъ, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, за подписями сотника и смотрителя; на городскихъ, или мѣстекскихъ, урядахъ; въ экономическихъ конторахъ помѣщиковъ за подписями управляющихъ, атамановъ и проч. Въ этихъ актахъ почти всегда встрѣчается выраженіе: «продалъ или уступилъ съ позволенія помѣщика или экономіи.» Это выраженіе также попадается и въ домашнихъ роспискахъ между крестьянами, на которыхъ нѣтъ подписей довѣренныхъ отъ владѣльца лицъ. Наконецъ, есть акты, совершенные въ повѣтовыхъ судахъ и изъ числа ихъ мнѣ удалось видѣть два, относящіеся къ 1820 и 1822 годамъ. Участниками въ сдѣлкахъ по веѣмъ этимъ актамъ были какъ отчуждатели недвижимыхъ имѣній, коронные посполитые, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и крестьяне—послѣ пожалованія, передававшіе свои земли между собою или крестьянамъ другихъ имѣній; казаки, духовенство, впоследствии дворяне, лица другихъ свободныхъ состояній и, наконецъ, сами помѣщики, которые мѣнялись землями съ своими крестьянами, или покупали у нихъ тѣ, которыя признавали за собственныя. Въ новѣйшее время, главнымъ образомъ, уже во второй четверти настоящаго столѣтія, помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ коснулись права собственности крестьянъ на земли, пріобрѣтенныя ими по такимъ актамъ, производя развертку веѣхъ вообще крестьянскихъ земель между домохозяевами по какой—либо напередъ определенной нормѣ. Другіе помѣщики не задумались отобрать отъ крестьянъ эти земли и отдать ихъ въ постороннія руки; наконецъ третьи оставляли за собою земли, переведши крестьянъ въ свои отдаленныя имѣнія, или продавъ ихъ на выводъ. Но не смотря на это, право собственности крестьянъ на земли не было совѣмъ

уничтожено. Въ настоящее время есть много имѣній, въ которыхъ эти земли признавались издавна и теперь признаются за собственныя крестьянскія. Земли эти, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, отдѣлены на планахъ отъ экономическихъ, подъ названіемъ собственныхъ крестьянскихъ, или записаны такими по конторскимъ книгамъ и описямъ. Къ-сожалѣнію, при всей заботливости, съ которою крестьяне сохраняли свои документы на принадлежащія имъ земли, (1) весьма многіе изъ нихъ потерялись. Множество пріобрѣтеній дѣлалось крестьянами безъ документовъ, такъ точно, какъ и сами помѣщики, еще очень недавно, передавали другъ другу недвижимыя имѣнія, по однимъ словеснымъ сдѣлкамъ. Не говоря о давнихъ пріобрѣтеніяхъ, въ настоящее время очень часто можно встрѣтить, во владѣніи помѣщичьихъ крестьянъ, земли, которыя достались имъ отъ матерей козачекъ, получившихъ ихъ въ приданое безъ документовъ. Само собою разумѣется, что и кромѣ ихъ во владѣніи крестьянъ теперь есть много земель, которую они считаютъ своею, хотя не имѣютъ на нее документовъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики почему бы-то ни было не успѣли регулировать крестьянскихъ надѣловъ, крестьяне, владѣя такими землями за урядъ съ тѣми, съ которыми они пожалованы и съ надѣленными впоследствии отъ помѣщиковъ, потеряли память о томъ, гдѣ оканчиваются одні и гдѣ начинаются другія; смѣшали все виды находящихся въ ихъ владѣніи земель и распространяютъ, въ равной мѣрѣ, на всю совокупность своего владѣнія, понятіе собственности, называя безразлично все свои земли «предковскими.» Происхожденію такого понятія о предковскихъ земляхъ, конечно, очень благоприятствуетъ то обстоятельство, что въ Южной Руси ни до присоединенія ея къ Великой-Россіи, ни послѣ, поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ не было установлено никакими официальными актами, подобными писцовымъ книгамъ московскаго государства и инвентарнымъ описямъ, составленнымъ на основаніи устава о волокахъ Сигизмунда Августа 1566 года, устава, никогда, какъ извѣстно, не примѣнявшагося въ Южной Руси. Такимъ-образомъ, владѣніе посполитыхъ землями, за которыя они исполняли повинности, какъ прежде пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и послѣ, опредѣлялось первымъ займомъ.

(1) По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ одного имѣнія, документы эти собраны крестьянами въ скриняхъ, завязанные въ лубкѣ.

Что касается воззрѣнія массы крестьянъ на отношенія ихъ къ землѣ, то она, кажется, держится принципа частной собственности, такъ серьезно, сколько можно этого желать, при настоящемъ экономическомъ развитіи страны.—Дѣйствительно, въ первое время, по объявленіи манифеста, даже изрѣдка и теперь, можно слышать отзывы крестьянъ, что чрезъ два года, или когда придетъ, по ихъ выраженію, *слушній* часъ, имъ отдадутъ помѣщичьи земли въ собственность, въ вознагражденіе за даровый ихъ трудъ на пановъ въ теченіи многихъ лѣтъ.—По словамъ другихъ крестьянъ, они хотя и признаютъ право помѣщика получать выгоды съ своей земли, но ограничиваютъ распоряженіе тѣмъ условіемъ, что помѣщикъ не долженъ никому отдавать въ наемъ принадлежащихъ ему земель, кромѣ своихъ крестьянъ. Впрочемъ, такое отрицаніе права собственности помѣщиковъ на ихъ земли встрѣчалось, и теперь еще встрѣчается, не какъ всеобщее и искреннее убѣжденіе крестьянъ, а болѣе какъ случайное предположеніе, какъ протестъ противъ существовавшаго крѣпостнаго права.—Вообще у крестьянъ нѣтъ искренняго убѣжденія въ правѣ ихъ на помѣщичью землю. Противное этому мнѣніе явилось у нихъ какъ результатъ отвычки владѣть землями на правѣ собственности, какъ плодъ самого крѣпостнаго права. И по мѣрѣ того, какъ въ народный бытъ возвращаются начала, освященныя исторіей, въ ихъ сознаніи утверждается уваженіе въ частной собственности на землю вообще и къ помѣщичьей въ — частности. — Крестьяне нѣкоторыхъ имѣній, называя, какъ выше сказано, все находящіяся въ ихъ владѣніи земли, предковскими, объясняютъ это право тѣмъ, что козацкія земли всегда были свободны отъ повинностей. Такимъ образомъ, они присвоиваютъ эти земли себѣ потому только, что, по ихъ словамъ, они казаки или *гетьманьці*. — Впрочемъ, въ одномъ изъ такихъ имѣній состоящемъ изъ 500 душъ, мнѣ удалось встрѣтить человѣка, который, въ объясненіи крестьянскаго права на земли, пошелъ далѣе козачества, его славы и паденія, говоря, что «люде перше одъ панівъ стали, и что они уже жили на своихъ земляхъ, когда наѣхали къ нимъ паны.» Деревенскій историкъ не выводилъ изъ сказаннаго имъ никакого заключенія, и остановился на недоразумѣніи, родотвенномъ съ скептицизмомъ козаковъ, которыхъ мнѣ удавалось слышать, безопасно раздумывавшихъ на тему: «чудно якось сталося що всі землі підъ панами, а у насъ нема нічого.»

Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависмости, высказываютъ

предположеніе о своемъ правѣ на помѣщичьи земли только какъ за-
 поздалый протестъ противъ существовавшаго прежде крѣпостнаго пра-
 ва; они не имѣютъ, въ этомъ отношеніи, глубокаго, болѣе или менѣе
 опредѣленнаго, убѣжденія и весьма далеки отъ предвидѣнія тѣхъ суро-
 выхъ послѣдствій строгаго развитія принципа частной собственности,
 съ которыми теперь борется западно-европейское общество.—Напро-
 тивъ, получивъ съ манифестомъ больше свободы и больше обезпечен-
 ности труда, крестьяне, какъ-будто, стремятся отдѣлить себя отъ
 помѣщичьей земли, лишь бы сохранить личную независимость.—При
 строгомъ исполненіи въ прошедшемъ лѣтѣ закона о трехдневной бар-
 щинѣ, помѣщики волею-неволею должны были предоставить крестья-
 намъ большія противъ прежняго выгоды при уборкѣ хлѣба и сѣна.
 Напримѣръ: они отдавали имъ сѣнокосы съ третьей кошицы и съ
 половины, что прежде бывало только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ;—
 должны были предоставить снопы изъ хлѣба, сверхъ крестьянской за-
 пашки, а тѣ изъ помѣщиковъ, которые унорествовали, и пытались
 заставить крестьянъ жать по три дня, за панщину, безъ снопа, понес-
 ли потери, такъ—какъ ихъ посѣвы остались нежатыми до наступленія
 зимы. Въ виду этихъ и имъ подобныхъ экономическихъ явленій, крестьяне
 ободрились. Изъ нихъ заспощники (крестьяне, неимѣвшие надѣла и рабо-
 тавшіе у помѣщика за снопы, подобно свободнымъ жнецамъ), чтобы отдѣ-
 лить себя отъ помѣщичьяго хозяйства, настойчиво требовали отъ помѣщи-
 ковъ отдѣленія земли для своей запашки, на настоящей хозяйственный
 годъ (пока продолжается трехдневная барщина), получили ее, и
 обработали, нанимая рабочій скотъ у козаковъ—въ чемъ нельзя не
 видѣть большой, съ ихъ стороны, энергіи. И при всемъ этомъ они
 платятъ подати, съ такою аккуратностію, какой никогда не было за-
 мѣчено за помѣщиками. Этотъ послѣдній фактъ, въ глазахъ нашихъ,
 заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ краснорѣчивѣйшее доказа-
 тельство любви къ порядку южно-русскаго крестьянина, на котораго
 приказъ: «подушне дай» дѣйствуетъ какъ бы магическою силою, ис-
 ключающею всякую возможность прекословія. — Платить онъ по-
 душне по весьма незатѣливому побужденію «щобъ не чинався урядъ.»
 По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ растетъ сознаніе независимости,
 они меньше и меньше гоняются за помѣщичьею землею. Есть имѣнія, въ ко-
 торыхъ всѣ или нѣкоторые крестьяне отказались отъ надѣловъ: одни
 потому, что хотятъ переселиться на казенныя земли; другіе въ гор-
 домъ сознаніи своей независимости, говоря, что безъ насъ «пани пос-

качать».—Крестьяне съ большимъ отвращеніемъ смотрять на издѣльную повинность за земли, какъ невыгодную вообще въ экономическомъ отношеніи, и напоминающую имъ крѣпостную зависимость; но они легче мирятся съ денежнымъ оброкомъ за надѣленную землю. Такимъ образомъ, въ одномъ имѣніи моего участка они перешли на оброкъ, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ и до представленія имъ уставной грамоты, что, само собою разумѣется, рѣдкій, и, быть можетъ, исключительный случай, а въ другомъ имѣніи, рѣшившись платить оброкъ, они никакъ не хотѣли подчиниться требованію помѣщицы оставаться на издѣльной повинности, въ теченіи настоящаго 1862 года. Признаніе права собственности помѣщиковъ на земли такъ сильно, что крестьяне вызываются брать помѣщичьи имѣнія въ аренду въ цѣломъ ихъ составѣ. — До сихъ поръ въ моемъ участкѣ въ одномъ имѣніи сдѣлано было такое предложеніе помѣщицѣ крестьянами, но аренда пока не состоялась, потому что не сошлись еще въ цѣнѣ.—Быть-можетъ, такіе примѣры стануть повторяться чаще.

Крестьяне, правда, не охотно вступаютъ во всякія сдѣлки съ помѣщиками, а тѣмъ болѣе въ соглашенія объ уставныхъ грамотахъ, и рѣшительно не хотять подписывать послѣднихъ. Но это происходитъ отъ недовѣрія къ помѣщикамъ, изъ боязни опять попасть въ крѣпость и отъ нерѣшимости. Въ большей части имѣній уставныя грамоты могутъ быть введены только по приказанію начальства.—Перехожу къ другимъ, замѣченнымъ мною, юридическимъ обычаямъ въ быту крестьянъ.

Во-первыхъ, замѣчу, крѣпостное право, кажется, совсѣмъ вытѣснило обычай, установившіеся относительно наследованія имущества между родственниками. До сихъ поръ я не встрѣчалъ примѣровъ раздѣла наследства собственной крестьянской земли и потому мнѣ рѣшительно неизвѣстно примѣненіе какихъ либо твердыхъ правилъ наследованія въ быту крестьянъ, если не возводить въ общее правило двухъ-трехъ подмѣченныхъ примѣровъ, гдѣ, при наследникахъ мужчинахъ и женщинахъ, одежда женщины и вещи, составляющія принадлежность женскаго хозяйства: полотно, нитки и проч. наследовала непременно женщина. У козаковъ существуетъ правило, что отцовскій домъ наследуетъ меньшій братъ.—Но если изъ нѣсколькихъ братьевъ одинъ пошелъ въ солдаты, то право на отцовскій домъ принадлежитъ ему. У помѣщичьихъ крестьянъ эти обычай, какъ само собою разумѣется, не могли имѣть примѣненія при дѣйствіи крѣпостнаго права. По по-

положенію о крестьянахъ, усадьба, оставляемая въ наследственномъ пользованіи крестьянъ, принадлежитъ всѣмъ лицамъ въ ней живущимъ. Нѣтъ сомнѣній, что это правило впоследствии подвергнется измѣненіямъ, сообразно съ существующимъ юридическимъ возрѣніемъ крестьянъ на этотъ предметъ. До сихъ поръ мнѣ встрѣчалось видѣть примѣры, что въ избѣ живутъ сыновья умершаго домохозяина и ихъ зять. По положенію, усадьба принадлежитъ всѣмъ живущимъ въ ней, хотя, по понятіямъ крестьянъ, зять—не наследникъ отцовскаго достоянія. Такое столкновеніе положительнаго и обычнаго права, въ дальнѣйшемъ развитіи юридическаго быта крестьянъ, по всей вѣроятности разрешится въ пользу обычнаго права.

Замѣчательнъ существующій у козаковъ и у крестьянъ порядокъ взысканія долговъ. У Южно-Руссовъ существуетъ обычай «править» и «грабувать». Долгъ *правится* до тѣхъ поръ, пока должникъ не уплатитъ его деньгами, тою вещію, какую онъ взялъ, или пока онъ не пойдетъ на соглашеніе о замѣнѣ одной вещи другою. *Грабуютъ* же тогда, когда за неимѣніемъ у должника денегъ, приходится брать у него вещи, или, по выраженію писаннаго закона, когда взысканіе обращается на имущество. Грабуетъ земская полиція, когда она угоняетъ скотъ, или беретъ какую нибудь движимость изъ имѣнія, для продажи на пополненіе долга. Грабуютъ сборщикъ податей и староста, когда они уводятъ овцу отъ должника и берутъ у него одежду, съ тѣмъ, чтобы продержатъ ее, пока хозяинъ принесетъ взыскиваемые долги. Наконецъ грабуетъ самъ кредиторъ, когда онъ, во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, беретъ его вещь и уноситъ ее къ себѣ.—Такимъ образомъ всякое взысканіе, обращенное на имущество, какъ бы строго ни были соблюдены, при исполненіи его, всѣ законныя формы, называется грабежемъ. Въ названіи этомъ, надо замѣтить, нѣтъ ничего, какъ это кажется съ перваго раза, пугающаго воображеніе или оскорбляющаго чувство свободы. И это потому, что названіе и самое дѣйствіе взысканія рассчитаны на высокой честиности, кротости и утонченномъ чувствѣ справедливости, лежащемъ въ нравахъ южно-русскихъ простолюдиновъ. Въ грабуваніи нѣтъ физической силы, противъ которой не возможно сопротивленіе со стороны должника. Напротивъ, его самоеудъ только потому и возможенъ, что должникъ всегда сознаетъ неправоту своего дѣла, и молча подчиняется, во имя нравственнаго закона, волѣ своего кредитора. Мнѣ извѣстенъ примѣръ удовлетворенія кредиторомъ своего дол-

га мѣшками борошна, принадлежавшаго должнику. Послѣдній отдавъ въ мельницу зерно, но прежде чѣмъ успѣлъ получить муку, приходитъ туда кредиторъ. Узнавъ, чье борошно, онъ спокойно поджидаетъ должника. Когда пришелъ должникъ, то кредиторъ, поднимая на свою спину мѣшки, сказалъ ему: «Вибачай за борошно! Візьму ёго за те, що ти мені виновать.» Озадаченный такимъ поступкомъ должникъ попробовалъ было шумѣть: «Хибѣ я не хотівъ тобі оддать? Та якъ же бѣ ёго й оддать, коли въ мене перше дитина вмѣрла, а далі корова пропала, та трѣба було разомъ и грѣшей позичать у добрихъ людей и волівъ одроблять. Про такой случай можно бѣ и въ самого чорта вѣпросити пильги, а не то що... Се якъ би вѣи такъ грабували, то й на свѣті бѣ не жить.» — Такъ говорилъ должникъ, пока его противникъ вынесъ изъ мельницы мѣшки. Въ слѣдъ за нимъ поплелся домой и должникъ, почесывая затылокъ, да облегчая свою душу жалобою знакомымъ на то, что землякъ «безневинно наробивъ ёму сорому.» — Отъ начала до конца этой встрѣчи двухъ поссорившихся земляковъ, въ словахъ недовольнаго должника—ни одной увертки, направленной къ тому, чтобы освободиться отъ платежа долга, ни одного гнѣвнаго выраженія души, оскорбленной самимъ фактомъ насилія.

Это явленіе изъ жизни южно — русскаго народа, представившееся намъ такимъ, какъ оно здѣсь описано, заслуживаетъ вполне серьезнаго вниманія историковъ—юристовъ. Важность его, въ исторіи гражданского права страны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ-болѣе, что указанный нами порядокъ взысканія долговъ съ неисправныхъ должниковъ примѣнялся не только въ гражданскомъ быту между частными лицами, но даже въ распоряженіяхъ правительственныхъ какъ это видно изъ слѣдующаго, сообщеннаго мнѣ Р. П. Витавскимъ, универсала Гетмана Мазепы, 1703 года: «Пану Полковникови войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго Полтавскому и всеи старшинѣ тамошней, а особливо панамъ Державцамъ, около Полтавы маєтности свои мѣючимъ, и вѣмъ кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ. Ижъ предположилъ Панъ Алексѣй Черніакъ товаришъ войсковый, же многіе люде околичныхъ селъ тамошнихъ задолжавшиися ему, то готовыми позычаючи грошми, то за напитки, не хотять въ тихъ долгахъ уицатися. Зачимъ яко всякий должникъ инакимъ способомъ долгу своего збути не можетъ, тилко повиненъ его вѣрителєви своему выплатити, и жаденъ державца подданного

своего заступати и охоронити отъ плаченія долгу не есть мощенъ подлугъ права, такъ мы пилюо всеѣмъ должникамъ прикладуемъ, аби всякій, кто колевекъ есть долженъ ему, пану Черняковѣ, конечие безъ вымовки и жадной спреки, въ тихъ долгахъ своихъ выплачовался и уищался, шо отъ кого доведетел. А если бы хто не мѣлъ чипити, тому досить, то позволяемъ ему, пану Черняковѣ, таковыхъ противныхъ и волѣ нашей непослушныхъ людей должныхъ грабити, и грабежовъ до выкупленія имъ не ворочати. Въ чомъ аби никто волѣ нашей не былъ противникомъ, и повторе пилюо приказуемъ.» Какъ ни странно кажется намъ, усвоившимъ юридическія понятія писаннаго закона, такая правительственная санкція насилія, и какихъ бы ни заслуживалъ порицаній правитель, дающій судъ въ собственномъ дѣлѣ лицу, которое, по своему общественному положенію, находится въ большей или меньшей возможности располагать средствами физическаго принужденія съ явнымъ нарушеніемъ справедливости; но мы были бы несправедливы къ Мазепѣ и къ его универсалу, тотчасъ приведенному, если бы не приняли во вниманіе всего здѣсь нами сказаннаго. Безъ этого мы не поняли бы тѣхъ оправданій допускаемаго насилія, которыя находилъ гетманъ, издающій универсалъ, въ хорошо извѣстныхъ ему нравахъ южно-русскаго общества и въ своемъ, надо сказать, безошибочномъ убѣжденіи, что кредиторъ, настаивающій объ уплатѣ законнаго долга, кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, а быть можетъ и никогда, не будетъ поставленъ должникомъ въ необходимость прибѣгнуть къ могуществу физической силы.

Всеѣ заимствованія изъ европейской цивилизаціи сдѣланы были у насъ тѣмъ классомъ общества, который впоследствии образовалъ изъ себя привилегированное сословіе; а масса народа оставалась тогда, какъ и теперь, такою, какъ она была прежде: простою, безхитрою, исполненною кроткой и нелицемѣрной покорности всему, что она привыкла считать справедливымъ. Этотъ характеръ южно-русскихъ простолюдиновъ—крестьянъ обнаружился еще и въ производствѣ дѣлъ на вновь-открытыхъ волостныхъ судахъ. На основаніи положенія о крестьянахъ, въ волостныхъ правленіяхъ заведены книги для записки рѣшений волостныхъ судовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи волостей, книги эти были совершенно пусты, и на вопросъ, — почему не записываются въ нихъ судебныя рѣшенія, писаря отвѣчали: что все дѣла на судѣ прекращены миромъ. Дѣйствительно, южно-русскій простолюдицъ очень миролюбивъ и участіе общественной власти, или

частнаго человѣка, когда онъ завелъ споръ съ противникомъ, нужно только для того, чтобы убѣдить его въ справедливости требованія противника и напомнить о неизбежности судебного рѣшенія.

Кромѣ юрисдикціи волостныхъ судовъ, узаконенной положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и съ большою или меньшею подробностью имъ опредѣленной, существуетъ у крестьянъ другой подзаконный судъ, судъ громады. Этотъ послѣдній судъ, всегда ближайшій къ мѣсту совершенія противозаконнаго дѣянія, распространяетъ свою юрисдикцію на дѣла, въ которыхъ громада, по увлеченію страсти или по убѣжденію разсудка, видитъ особенно-чувствительное оскорбленіе общественной нравственности, и всякую проволочку признаетъ неумѣстной. Такъ, громада изрекаетъ свои приговоры о ссорахъ и дракахъ съ какимъ-либо особенно — задирающимъ свойствомъ, о домашнихъ расправахъ супруговъ, о прелюбодѣйствѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровства. Рѣшенія громадскихъ судовъ, по большей части, какъ мною замѣчено, приговариваютъ къ тѣлесному наказанію, и часто очень строгому, что объясняется участіемъ въ этихъ рѣшеніяхъ страсти, и непривычкою массы къ денежнымъ штрафамъ — по бѣдности ея.

Вотъ примѣръ громадскаго суда, — единственный по роду рѣшеннаго имъ дѣла. Крестьянинъ началъ пьянствовать и продалъ сельскому старостѣ за 42 руб. корову, которая стоила больше. Собравшаяся громада наказала запившагося крестьянина розгами, отобрала оставшіяся у него непронитыми 6 руб., возвратила ихъ старостѣ и приказала ему отдать корову хозяину, говоря, что не слѣдовало ему покупать у того, кого «Богъ покарáвъ»; истраченные наказаннымъ крестьяниномъ 6 руб. также велѣла возвратить старостѣ и распорядилась, чтобы шинкаръ не давалъ невоздержному водки.

Переходя къ другимъ юридическимъ обычаямъ южно-русскихъ крестьянъ, мы замѣчаемъ наибольшее число установившихся правилъ касательно личнаго найма, что совершенно - естественно при бѣдности массы и маломъ числѣ принадлежащихъ ей правъ на вещи. Первая, главная и общая черта вольнонаемнаго труда, составляющая существенное его отличіе отъ *панщины*, есть та, что поденщикъ и постоянный работникъ, получаютъ ли плату деньгами и вещами или нѣтъ, всегда продовольствуются отъ хозяина.

За поденную работу платятъ больше натурою, чѣмъ деньгами. Косари, молотилка, пару воловъ съ погоничемъ и плугъ воловъ еще

можно нанять за деньги. Но на полотье, пряжу нитокъ и другія женскія работы нанимаются за деньги весьма рѣдко. Воскъ и медь, столь необходимыя въ религіозныхъ обрядахъ, также соль, чаще всего служатъ орудіемъ найма. Предпримчивые хозяева, зная эту черту народнаго характера, съ успѣхомъ спекулируютъ, запасаясь въ большихъ размѣрахъ такими продуктами, такъ-какъ расплата солью, медомъ и воскомъ стѣбтъ имъ гораздо меньше, чѣмъ еслибы они заплатили деньгами. Кромѣ поденной работы за плату, отдаваемую въ руки работнику, здѣсь въ большемъ ходу толоки, или работы за харчъ, конечно хорошую, изобильную, — дорогую въ быту поселянъ — и за водку. Водка при этомъ употребляется въ чрезмѣрно-большомъ количествѣ. Напримѣръ, косари и женщины-мазальщицы домовъ вышиваютъ ея, по отзывамъ хозяевъ, по квартѣ и больше. Есть наконецъ одна работа, за которую ни въ какомъ случаѣ не бберутъ денегъ: — это рытье могилы для покойника. Относительно найма погонича къ плугу существуетъ правило, что за пять дней работы, хозяинъ на 6-й отправляется съ плугомъ пахать его ниву. Такой способъ вознагражденія для погонича очень выгоденъ, если сравнить денежную поденную плату за этотъ трудъ — отъ 10 до 15 к. съ платою за дневную работу плуга — отъ 1 до 1½ руб. сер. Несмотря на это, упомянутый обычай соблюдается у крестьянъ и не поддается измѣнившимся экономическимъ условіямъ времени.

Наемъ работника или работницы въ годовое услуженіе (наймитъ, наймичка) имѣетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ свои особенности, не лишеныя большаго интереса для наблюдателя. Наемная плата, получаемая нанимающимся, называется «роківщина», «рокове» и отдается, по принятому обычаю, по окончаніи года. Плата эта заключается въ деньгахъ, хлѣбѣ и одеждѣ. Въ теченіе года хозяинъ водить наймита въ своей одеждѣ, которую наймитъ, отходя, по окончаніи года, оставляетъ у хозяина для наймита, имѣющаго поступить на его мѣсто. Годовой срокъ считается обыкновенно отъ праздника до праздника, хотя бы послѣдній приходился не въ одни и тѣ же числа гражданскаго лѣтосчисленія, напр. отъ Великодня до Великодня. Прогулы надбываются послѣ срока, а за утрату и порчу порученныхъ вещей дѣлаются, по окончаніи года, вычеты изъ наемной платы, которые нерѣдко бываютъ очень велики. Если нанявшійся отходить отъ хозяина, не прослуживъ года, то онъ долженъ возвратитъ носимую одежду и не имѣетъ права на плату за прослуженное время, — а если хозя-

пнть, по обстоятельствамъ, не имѣть надобности въ работникѣ и отпускаетъ его до истеченія годового срока, то долженъ заплатить за прошедшее время его службы. Продолжительныхъ сроковъ найма не существуетъ; занимается только мальчикъ, пока не придетъ время женитьбы, да человекъ, постигнутый несчастіемъ, хотя и этого послѣдняго никогда не покидаетъ надежда собраться на свою хату и жить якъ люде.

Въ прежнее время, случаи поступленія южнорусскихъ земледѣльцевъ въ наймиты, по всей вѣроятности, были болѣе рѣдки, а надежда — сдѣлаться хозяиномъ изъ наймитовъ, при большемъ просторѣ и привлекательности земледѣльческаго быта, — была живѣе и энергичнѣе. Народная муза—всегда вѣрный отголосокъ задушевной жизни общества—сохранила намъ, въ этомъ отношеніи, живущую въ устахъ поселянъ пѣсню, про наймита—нетягу, въ которой этотъ идеальный наймитъ—бѣднякъ, прослуживши многіе годы, безъ платы, хозяйкѣ—вдовѣ, вознаграждается правомъ выбора: завестись своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, получивши отъ вдовы многочисленное скотоводство, или сдѣлаться домочадцемъ, женившись на ея дочкѣ.

Ой нетяго, нетяго,
А нетяженько моя,
А де заслужчина твоя!

Ой служивъ я у вдови.
Ой служивъ у небоги,
Сорокъ годъ ще й чотирі.

Ой несходно, несходно!
Заплати—жъ мені, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой вивела удова,
Та вивела небога
Сорокъ коней ще й чотирі.

Ой дивітеся жъ, люде.
И суди жъ ти, громадо,
Чи несходно ёму буде.

Ой несходно, несходно!
Заплати—жъ мені, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.

Ой вигнала удова,
Та вигнала небога
Сорокъ волівъ ще й чотирі.

Ой дивітєся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему бѣде.

Ой вивела удѡва
Ой вивела небѡга
Свою дочкѹ-нарѣдочку.

Ой дивітєся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему бѣде.

Ой сходно, сходно,
Заплати-жъ мені вѡво,
Бо я въ тѣбе служивъ довго.

Вотъ идеаль южнорусскаго наймита: безпріютный бѣднякъ служить зажиточной хозяйкѣ, служить многіе годы безъ всякаго договора, и не получаетъ никакого вознагражденія до-тѣхъ-поръ, пока выслужилъ право, и рѣшился самъ сдѣлаться хозяиномъ. Дѣйствительность, конечно, не всегда вѣрна своему идеалу. Такъ и на этотъ разъ: — идеаль самъ-по-себѣ, а на самомъ дѣлѣ—нанимаются довольно часто; существуетъ правильный договоръ такого найма, съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ за службу, съ срокомъ также точно опредѣленнымъ и, по большей части, всегда непродолжительнымъ. Вообще, личный наемъ въ современномъ намъ быту южнорусскихъ поселянъ уже не носитъ на себѣ характера какой-нибудь случайности, но въ отношеніяхъ хозяина къ наймиту дѣйствуетъ обычай. Теперь, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, замѣчаются суровость, жесткость и неподвижность—неизбѣжные результаты консервативной силы всякаго обычая.

Не останется, конечно, безъ вліянія на это право то обстоятельство, что теперь нанимають много наймитовъ и наймичекъ паны. Этотъ родъ найма, въ глазахъ нанимающихся, имѣеть нѣкоторыя неблагопріятныя стороны, какъ-то: нанявшійся у пана, въ дворовую и, особенно, комнатную службу, отстаетъ отъ хозяйства, или мало приобрѣтаетъ опытности въ этомъ чрезвычайно-разнообразномъ дѣлѣ; замкнутость и искусственная непривлекательность домашняго быта пановъ очень отталкивають отъ комнатной службы крестьянскую молодежь, для которой сидѣть весь день молча, и отказывать себѣ въ увеселеніяхъ улицы и досвѣткахъ кажется нестерпимымъ. За все это панамъ приходится платить прислугѣ нѣсколько дороже, да сверхъ того они всегда да-

ють наймитамъ частіе негь впередь, и, слѣдовательно, въ ихъ сдѣлкахъ съ наймитами не можетъ быть рѣчи объ удержаніи хозяиномъ денегъ за прослуженное время.

Въ наймѣ на лѣто пастуховъ замѣчаются слѣдующія черты: пастухи бываютъ или общественные — на все село, или поставленные отъ хозяина, которые насутъ какъ хозяйскій, такъ и прійманскій скоть. Плата за вынасъ, въ теченіи лѣта, рогатаго скота состоитъ обыкновенно изъ денегъ и коробки или пуда хлѣба (ржи) на зимнее продовольствіе пастуха. Денежная плата измѣняется, смотря по тому, существуетъ ли въ селеніи общественный, по большей части, козачій вынасъ, есть ли тамъ обыкновеніе пускать чрезъ 2 года одну руку поля въ толоку, или скоть вынасывается на землѣ, принадлежащей въ частную собственность. Въ послѣднемъ случаѣ, плата самая дорогая. Сколько мнѣ извѣстно, она колеблется отъ 30 коп. до 1 р. среб. Плата за рогатый скоть отдается обыкновенно по окончаніи лѣта. Но за овецъ и свиней, какъ за товаръ, который подвергается болѣе частымъ переходамъ отъ хозяина къ хозяину въ теченіи весны, лѣта и осени, въ нѣкоторыхъ селахъ есть обыкновеніе брать одну половину платы весною, когда животное постунаетъ на пастбу. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, селахъ этого не дѣлаютъ; но держатся правила собирать плату среди лѣта, для чего пастухъ, оповѣстивъ предварительно хозяевъ, загоняетъ овецъ или свиней на загонъ и держитъ ихъ тамъ, пока хозяева приносятъ деньги. Вообще же принято, что за скотину, какъ бы скоро, по поступленіи къ пастуху, она ни была взята хозяиномъ для продажи, дается пастуху половина наемной платы. Пастухъ за потерю овцы отъ звѣря (волка) не отвѣчаетъ; но если она пропала отъ крови, которую слѣдовало *сбить*, то онъ долженъ заплатить хозяину.

Вознагражденіе за погравы имѣеть, по народному праву, свои особенности, которыя постараемся представить такъ, какъ они намъ показались.

Народъ держится правила: «Не той платитъ за спашъ, хто пасѣ, а той, хто піймавъ.» Примѣненіе этого правила ко всемъ случаямъ погравы не всегда возможно, рѣдко соотвѣтствуетъ платежнымъ средствамъ поймавагося хозяина скота и во многихъ случаяхъ явно несправедливо, напр. когда хозяину коровы, взшедшей только одинъ разъ и то на весьма короткое время на ниву сосѣда, приходится вознаграждать за потерю хлѣба на цѣлой десятинѣ и больше. Рядомъ съ строгими и часто очень отяготительными для поймавагося хозяина рѣ-

шеніями крестьянскихъ судовъ, можно встрѣтить примѣры, что общественыя власти, въ разрѣшеніи жалобъ о потравахъ, стараются обходить изложенное нами правило, выискивая хозяевъ, которыхъ скотъ видѣли прежде на мѣстѣ потравы и привлекая ихъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ владѣльцемъ пойманнаго скота. Тѣмъ не менѣе народъ и урядники вѣрятъ въ силу упомянутаго правила, и не упускаютъ случая попугать имъ небрежныхъ хозяевъ скота. Такую привязанность къ неудобносполнимому закону и сочувствіе къ его устрашающей силѣ можно объяснить, по нашему мнѣнію, тѣмъ условіемъ хозяйственнаго быта крестьянъ, что они живутъ не въ хуторахъ и не на фермахъ, а въ большихъ селахъ. Хозяинъ, живущій въ селеніи, часто въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ своей нивы, конечно, не въ состояніи бдительностію и постоянствомъ надзора предупреждать потравы. Народный обычай старается вознаградить его за это, рассчитывая, при назначеніи платы за поправу не столько на соразмѣрность ея съ причиненнымъ убыткомъ, сколько на устрашеніе небрежныхъ.

Пойманный на поправѣ скотъ рѣдко загоняютъ, а по большей части отнимаютъ у пастуха одежду, и держатъ ее пока пастухъ, или его хозяинъ, не придутъ за нею.

Совершенно новое явленіе въ быту южно-русскихъ крестьянъ составляетъ переселеніе на казенныя земли, которое, съ нѣкоторыми ограниченіями, позволено теперь крестьянамъ мелкопомѣстныхъ имѣній. Переселеніе это, издавна существовавшее у козаковъ,—у помѣщичьихъ крестьянъ бросилось мнѣ въ глаза тою своею особенностію, что изъ козаковъ шли на переселеніе преимущественно люди богатые, а бѣдняки, не могли преодолѣть своей привязанности къ роднѣ и непріимчивости, оставались на старыхъ мѣстахъ. Напротивъ, у крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависности, замѣтно больше отваги и энергіи, такъ—что даже бѣднѣйшіе изъ нихъ рѣшаются проситься въ переселеніе.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

II.

Прошелъ мѣсяць. Весь этотъ мѣсяць провелъ я въ спѣшныхъ, приготовительныхъ, такъ—сказать, работахъ, среди которыхъ рѣшительно не было еще возможности вемотрѣться въ явленія новой жизни

нашого земства. Открывались сельскія общества, производились выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго управления, сельскаго и волостнаго. Если встрѣчались жалобы и недорозумѣнія, то они разсматривались и рѣшались мною почти наскоро, почти въ духѣ умершаго вотчиннаго права, — во всякомъ случаѣ не такъ обстоятельно и не съ тѣми приѣмами строгой законности, которыхъ требуетъ современное положеніе крестьянскаго дѣла. А потому немного еще приходится мнѣ внести въ свои записки.

Разскажу съ самого начала, какъ открывались общества. Вездѣ, во всѣхъ селахъ, повторялось одно и тоже съ самыми малыми измѣненіями.

»Крестьяне, собранные на дворѣ помѣщика, или управителя, ожидали моего приѣзда. Приѣхавъ въ село, я съ Положеніемъ въ рукахъ обращался къ крестьянамъ съ такими словами:

»Громадо! Объявили вамъ свободу и казали до времени, поки уставитця нове начальство, казали вамъ бути постарому, підъ начальствомъ своего пана. Бо по правиламъ (*), треба було вибрати мировихъ посередниківъ и імъ поручити запроваженне новихъ порядківъ. Отъже для того участка, въ которімъ записано ваше село, назначили мене мировимъ (голоса изъ громады: »чули ми сее, чули, ясний пане.«) Не знаю, чи зумію, чи ні, послужити вамъ, громадо, такъ, якъ бы хотілось, але буду старатися служити, шануючи законъ, на варті у котрого мене поставлено... Зъ сѣго часу вашъ панъ вже не буде вами правити, — будете мати свое власне начальство, которе сами виберете собі зъ своего кола. А коли буде въ кого зъ васъ якась претенсія до пана, або у пана до кого зъ васъ, то маєте удаватися до мого суда; я буду васъ годиль, мириль: — для того и прозиваюсь я мировимъ. А ежели потрібно буде провинившогося укарати по закону, то волю того закона ниhto другій, якъ я буду шукаль своимъ судомъ. Але не святій я, громадо, чоловікъ: часомъ могу и помилитися, укарати когось несправедливо, могу зробити якуюсь справу не такъ, якъ би належало; — въ такімъ разі скривжений має право скажитися на мене до мирового з'їзду, що буде збиратися разъ на місяць въ повітовімъ нашімъ місті. Тамъ будуть судити справу вже всі наши мировні, разомъ зъ маршалкомъ. Коли и мировий з'їздъ не

(*) Положеніе о крестьянахъ здѣсь вездѣ въ народѣ называється правилами.

догодить, можно и на него скажитися въ губернію до присутствія. Але, зъ Божою помощю, може ми якое и обійдемося безъ тихъ скаргъ до мирового з'їзду и до губерньского присутствія. Хочу служити вамъ, громадо, щиро и начальствовать надъ вами такъ, щоби, якъ пройдуть тіі мої три роки, то почувъ би відъ васъ спасибі, бо тее спасибі буде для мене луччею наградю за всю працю, на котру теперъ піднимаюсь. Дай же, Боже, щоби межъ нами була правда, святая правда (изъ громады: »дай Боже, дай Боже!«)... Теперъ на—самъ—передь треба вамъ вибрати старосту, котрий заступить вамъ пана, — більшь якъ пана. Панъ бувъ вамъ начальникъ для того, що вздумалося ёму покупити ваше село, або для того, що вмеръ ёго отець и досталося ему ваше село въ спадокъ. А староста буде вами правилъ для того, що громада ёму скаже: даемъ тобі право правити нами три роки. Зрозумте жъ, громадо, що тутъ виходе, яка виходе власть старости, и якъ прийдеться після того покорятися старостові. Вибрайте жъ, що тільки е у васъ найлуччоґо, шукайте чоловіка такого, щоби вінъ ні въ чимъ не булъ примеченимъ. Щоби потимъ, якъ стане вінъ укорати п'яного чоловіка, той не мігъ би ему сказати: »а ти хйба не буваешъ часомъ п'яний?« якъ стане вінъ сварити когось за тее, що не шануе свого отця, або матеръ,—щоби той не мігъ сказати ёму: »а для чоґо жъ ти самъ оттоді—й—тоді такъ—и—такъ трактовавъ свою маму, або батька?« коли вінъ слоче новстидати ледащого, щоби той ледащій не мігъ приномянуги ёму ёго не дуже щирої праці.—Розуміете?!. (»Авжежъ такъ«!) Отъ же ,послухайте я вамъ, громадо, прочитаю зъ правилъ всі обязанности старости, то ви й побачите, якій тутъ потрібенъ вамъ чоловікъ, який тутъ потрібенъ розумъ.«

Я раскрывалъ Положеніе и читалъ статью за статьею объ обязанностяхъ старосты, переводя каждую строку на южно—русскій языкъ и объясняя примѣрами. При этомъ, сейчасъ же оказывалось, что отсутствие издания Положенія на южно—русскомъ языкѣ вызоветъ много и много недоразумѣній и еще болѣе усилитъ въ крестьянахъ то недовѣріе къ мировымъ посредникамъ, которое вызывается уже тѣмъ, что мировой посредникъ—панъ, человекъ въ сюртукѣ. Нужно сказать еще и то, что у насъ мировые посредники почти все поляки и половина изъ нихъ сами не вполне понимаютъ языкъ Положенія,—значить, дѣйствительно переводы и толкованія не могутъ выходить у нихъ безукоризненны.

Тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ обязанностяхъ старосты, касательно нуждъ и пользы общества, громада выслушивала всегда внимательно и спокойно; но какъ только доходило до наблюденія за отбываніемъ повинностей передъ помѣщикомъ, громада начинала волноваться и изъ толпы слышались разныя замѣчанія, сомнѣнія. Статья же 59-я: «долженъ крестьянъ, отбывающихъ издѣльную повинность, наряжать на работу, а съ оброчныхъ взыскивать оброкъ, сообразно съ требованіемъ помѣщика... и вообще немедленно исполнять законныя требованія помѣщика, подъ своею личною отвѣтственностью,—» эта статья вызвала часто взрывъ негодованія слушавшихъ, вслѣдъ за чѣмъ десятки голосовъ начинали кричать: «не треба, не треба намъ старости! Якъ будемъ вольні, то втоді й виберемо собі старосту, а теперъ на—що ми будемо відъ себе давати панові отамана до загадованья паньщини!»

Сколько въ этихъ случаяхъ нужно было терпѣнія, такту, мягкости и краснорѣчія, чтобы возвратить громаду къ порядку и убѣдить ее въ томъ, что свобода не ведетъ за собою уничтоженія повинностей за землю; что изъ закона вычеркнуто право помѣщика на личность крестьянина, но не вычеркнуто право помѣщика на купленную имъ, или полученную по наслѣдству, землю; что, по уничтоженіи вотчиннаго права, помѣщикъ не можетъ, уже черезъ своего управителя, или атамана, требовать отъ свободнаго человѣка слѣдуемой съ него повинности, что громадѣ необходимо имѣть своего представителя, старосту, посредствомъ котораго помѣщикъ сносился бы съ громадою и который слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы ни съ кого не взяли лишняго. Я предвидѣлъ подобныя трудности при открытіи общества и хотя не имѣлъ еще случая испытать силу своихъ убѣжденій, но отказался отъ предоставленнаго мнѣ содѣйствія полиціи и обѣзжалъ село одинъ безо всякихъ атрибутовъ какой-либо власти. Были минуты, когда я терялъ терпѣніе, когда не ставало у меня ни голоса, ни словъ, ни присутствія духа. Въ эти минуты, еслибъ была при мнѣ хоть какаянибудь матеріальная сила, я, кажется, не выдержалъ бы—употребилъ бы ее въ дѣло и, разумѣется, испортилъ бы дѣло совершенно. Находясь же въ безвыходномъ положеніи, я понималъ, что выйти изъ него могу лишь силою слова, убѣжденія, мира, и — выходилъ. Иногда я даже пользовался своимъ положеніемъ. Я обращался къ раздраженной толпѣ съ такими словами:

»Послушайте, громадо!.. послушайте, що я вамъ скажу... Ова!

якажъ не добра громада:—говорити чоловікові не дає!.. Послухайте... Не мині васъ змушувати до того, що потребує відъ васъ законъ. Бачите якъ я до васъ приїхавъ... самъ еденъ и говорю зъ вами, здаєця мині, не такъ якъ той, що задає страху, говорю по-людськи, добримъ способомъ, бо я не поставленъ надъ вами для того, щоби ви мене боялись, а поставленъ, щоби ви черезъ мене познали новий законъ и яки вінъ надає вамъ права, яки вінъ тамъ потребує нови порядки; поставленъ я, щоби боронилъ я тії ваши права, тії нові порядки, боронилъ би васъ и пана відъ кривди, щоби судилъ и годилъ би васъ. Отъ же я приїхавъ и читаю вамъ правила; говорю вамъ, що и якъ теперъ повинно бути у насъ, говорю вамъ не зъ голови своєї, не зъ паньскої думи, а читаю зъ закона. Ви замість того, щоби ушанувати якъ треба нового свого начальника, которий ежели й не добрий чоловікъ, то не мігъ ще, бо навіть немає часу, зробити вамъ щось не добре,—ви ёго обижаете дармо. Про мене, якъ ви тамъ собі хочете: слухайте, чи не слухайте мене. Я іще разъ скажу вамъ, що ни сварити, ни карати васъ за тое не буду. Піднялея я служити вамъ, а не командувати вами. Якъ приконаєте, що однимъ розумомъ та христіанскимъ словомъ служити на васъ, громадо, не можно, то не конечно буду набивался... уступлюсь. Най становитця надъ вами мировимъ хтось инший. Але щожъ вамъ съ того?.. Якъ я, такъ и другий, все теежъ самое буде вамъ говорити и скінчитця таки воно на тймъ, що хтось зовсімъ перестане говорити, а каже змусити васъ шанувати закони. Не можна жъ перебирати картки їхъ, якъ тії хуетки у жидівки въ крамниці. И будете ви мали въ своїмъ селі жандарівъ, або ще й москалівъ... И зъ якій же раці? зъ тий, що една якась картка не подобалась.»

Говоря такимъ образомъ, я всякій разъ достигалъ того, що громада успокоивалась и мирилась съ указаннымъ мною требованіємъ закона.

Въ селѣ (*) были собраны громады нѣсколькихъ селъ. Встрѣченъ я былъ ими чрезвычайно враждебно—такъ, что съ разу былъ озадаченъ и тономъ заговорившихъ со мной крестьянъ и содержаніемъ первыхъ сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ. Когда въ отвѣтъ на вопросы сталъ я читать соотвѣтствовавшія статьи Положенія, то крестьянинъ изъ

(*) С. Г—б—въ.

села Ц — пом'єтившись у самого мого локтя, сейчас же остановилъ мое чтеніе, почти ударилъ тяжелою ладонью по раскрытой книгѣ и сказалъ съ сердцемъ: »Не говоріть намъ зъ голови, а читайте те, що прійшло відъ царя. Въ тихъ правилахъ зовсімъ не тее написано, що ви читаете.«—Слухай, чоловіче, зам'їтилъ я ему: — знаю, чого тобі хочетця, знаю, що ти хочешъ услухати... але, я на-самъ-передъ не зъ тихъ, що читають правила за сорокивку, або за кварту горілки и стараются набрати тихъ сорокивокъ якъ найбільше. Ні, чоловіче, я не торгую неправдою! дай мні чистий покій, и слухай«. —Но мое чтеніе снова было остановлено загор'їлою рукою —вещкого крестянина и я услухалъ отъ него опять тотъ же самый укоръ, только въ выраженіяхъ бол'є р'зкихъ.—»Громадо! заговорилъ я тономъ обиженного: — ви не послали по мене, ви мене не наймали, я не обіцявъ вамъ читати для потіхи. Прихавъ я до васъ якъ начальникъ, зъ волі царської; читаю для того, щоби не говорити зъ-голови, щоби відв'ічати вамъ просто зъ закона, читаю, що бачать мої очі. Якъ буде сей чоловікъ вашимъ мировимъ (Боже ёму допомогай!), то буде вінъ читати вамъ правила такъ, якъ вінъ уміє, а я не могу позичити въ н'го очей и ёго очами читати. Та й на що би я молюъ язикомъ своимъ тее, що вамъ мелять москалі за сорокивку?.. Чи мало їхъ у васъ, чи не буде ще часу наняти вамъ кого зъ нихъ и тішитися їхъ читаннямъ?.. Отъ якъ я поїду до вашихъ сусідівъ, то заразъ найміть собі котрого и най вінъ васъ мороче... тільки не забудьте ёму сказати, що якъ буде читати річи гарні, то накинете двадцятку: —побачите, яки вінъ тоді стане веселі та любі закони начитувати. А теперъ, перепрошаю васъ, буду сполняти свою службу по присязі, а не въ утіху с'єму чоловікові.« И я продолжалъ читать. Посл'є третьей выходки, я сложилъ книгу, взялъ ее подъ мышку и досталъ изъ кармана бумажникъ съ записной книжкой.

— Вибачай мні, чоловіче: може воно й не совсемъ гарно такъ зачинати знаємість; але—що робить—мушу я сее зробити. Скажи мні, якъ ти прозиваєся?

Тонъ мой смутилъ заносчиваго крестянина.

— Якъ же ти прозиваєся, чоловіче?

Онъ сказалъ свое имя и прозваніе, потомъ прибавилъ:

— »Мні капитанъ читавъ тії правила и я дуже добре памятаю, що...«

— Чоловіче, я записавъ якъ ты прозиваєся; теперъ можешъ собі скільки хочешъ баламутити своїхъ сусідівъ. Але, памятай!.. ежели въ — вцяхъ вийде якій непорядокъ, яке непослушанне, то я приду и заразъ тебе визву зъ громади къ отвіту...

— »Коли кажу я вамъ, — мині капитанъ читавъ!..«

— И про капитана твого не забуду я втоді.

Въ это время другой крестьянинъ, стоявшій противъ меня шагахъ въ пяти, или шести, нѣсколько нетрезвый, проговорилъ сквозь зубы: »Співай, співай, мій голубчику!... послѣ инакше заспівашь.« Проговоривъ эти слова ко мнѣ, онъ медленно повернулся и, переваливаясь съ ноги на ногу, отошелъ въ средину толпы.

Я продолжалъ читать, не показавъ даже вида, что слышалъ.

Беседа моя съ крестьянами въ этотъ день началась въ полдень и продолжалась почти до самого вечера. Солнце жгло меня немилосердно; языкъ высохъ; ломило грудь; потъ бѣжалъ съ меня ручьями, хоть я сбросилъ съ себя пальто. Но я видѣлъ какъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, мирное слово убѣжденія начинало брать верхъ, начинало все болѣе и болѣе покорять упрямыхъ крестьянъ и какъ имъ правилось то, что я, не смотря на усталость, ловилъ на лету каждый вопросъ и отвѣчалъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, подтверждая всякій разъ статьями Положенія, хотя иногда вопросъ дѣлался такъ-себѣ, совершенно не для того, чтобы получить отвѣтъ. Мнѣ кажется, еслибъ тогда распорядился Иисусъ Навишъ такъ, какъ ибкогда распорядился онъ ради того, чтобы Евреи кончили битву, то я говорилъ бы съ крестьянами до обморока. И чтоже? тѣ самые люди, которые въ полдень дерзко прерывали мои толкованія и обращались со мной, какъ съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ ихъ обманывать, въ интересъ класса помѣщиковъ, обращались до нельзя оскорбительно, тѣ самые люди слушали меня потомъ съ самымъ неограниченнымъ довѣріемъ и вниманіемъ. Держа надъ моей головой свои соломенные шляпы, изъ которыхъ образовался такимъ образомъ родъ навѣса, они спрашивали меня обо всемъ, касавшемся ихъ новаго быта. Когда усталость заставила меня опуститься на землю, близъ стоявшіе не допустили до того и бросились растилать свои свиты. Когда наконецъ я объявилъ, что уже совершенно измучился и сталъ прощаться, — со всѣхъ сторонъ посылались самыя искреннія изліянія благодарности, сопровождаемыя дружескими взглядами. Почти цѣлою толпой я былъ поднятъ съ земли, отведенъ къ шарабану и приподнятъ на его

ступеньки. Я поѣхаль, а вслѣдъ за мной крики желанія счастливаго пути. Я узналъ потомъ, что послѣ моего выѣзда изъ — го, громада пошла къ священнику, положила рубль на столъ и просила сейчасъ же итти въ церковь служить молебенъ — «отъ за того мирового, що першій розказавъ и розтолкувавъ всю правду.»

Ну вотъ и говорите послѣ этого, что «на мужика не подѣйствуешь убѣжденіемъ», совѣтуйте послѣ этого:

»Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.«

Помѣщикъ имѣнія, въ которомъ былъ этотъ сходъ, принадлежитъ къ кружку людей, выдающихъ въ крестьянской реформѣ безпорядокъ — и больше ничего. Система хозяйства и управленія имѣніемъ, созданная этимъ помѣщикомъ, служила образчикомъ людямъ его кружка и считалась имѣ системой чрезвычайно-умной, талантливой, основанной будтобы на глубокомъ познаніи натуры нашего крестьянина и его потребностей: «Строгъ, но справедливъ.» На то, что крестьяне должны ему нѣсколько тысячъ рублей, на это указывалось, какъ на заботу его о благосостояніи крестьянъ. Описанный мною сходъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ частокола помѣщичьяго гумна и ни крестьяне, ни я не знали, что нашу бесѣду подслушивалъ за частоколомъ «строгий, но справедливый» помѣщикъ. Вхожу въ его тогдашнее положеніе: — ужасныя минуты (вѣрнѣе: часы) были пережиты имъ! Посудите: столько лѣтъ человекъ хозяйничалъ и управлялъ, на основаніи глубокаго познанія натуры крестьянина и въ хозяйничанье его, словно въ семейное дѣло, никто не вмѣшивался, не смѣлъ вмѣшиваться. Вдругъ пріѣзжаетъ посторонній человекъ и передъ нимъ раскрывается во всѣхъ подробностяхъ это семейное житье-бытье; крестьяне, не понимающіе никакой деликатности, выдаютъ все до послѣдней семейныя тайны, все секреты управленія, самые щекотливые секреты — и своими распросами наивно показываютъ, что они были машиной, постоянно хорошо, въ порядкѣ содержанной, что они были всегда сытые, одѣтые соответственно времени года, и проживавшіе въ прочно выстроенныхъ избахъ, слѣдовательно всегда были исправными работниками.

»Паночку! ми... ніколи не мали жаднаго голоса, ми тільки відъ рана до вечора, відъ неділі до неділі слухали, що, де и якъ маємо робити. Ми тільки отъ теперъ відъ ясного пана першій разъ

чуємо, що ми громада и що ми сами можемо дбати о интересахъ громадських... да и то не знаємо, якъ то ми будемо о нихъ дбати: мало що не кажний у насъ чоловікъ въ долгу у пана; — требажъ той долгъ якось відробити — нічого не поможе, — треба відробити; але якъже ёго відробити!»

— Панъ же вашъ,—чуль я,—завше справно платить за кажний перероблений день, замѣчалъ я крестьянамъ.

»Ба! що зъ того, що платить... вінъ рахує за жиночій день десятку, чоловікові поль-злотка, а за тягловий день двадцятку. Колижъ такимъ способомъ відробитця той долгъ? Гонять що-день на роботу, и воно здаєся, що видробивъ, а прійдуть податки и зновъ твій долгъ якъ булъ, ежели не прибільшился. Чоловикъ утратилъ наветь надію вийти зъ долгу.«

»А зо мною якъ теперъ буде?—спросилъ одинъ крестьянинъ, виступая изъ толпы:—на мене совсімъ кривда.«

— Хтожъ ти такій?

»Гуменний.«

— Чоловіче, якъ же може бути, щоби гуменному було зле?

»А щожъ мнѣ зъ того добра, що я якъ день такъ нічь, цілий рікъ служу и пильную паньскій тикъ за тое поле. Бійтєся Бога! да я відбувъ би паньщину та й малъ бы спокій и на себе щось би зробилъ...

Послѣ этого я говорилъ съ помѣщикомъ, представлялъ ему, я—неопытній молодой хозяинъ, ему опытіишему, старому хозяину — представлялъ всю несправедливость его системы. Но помѣщикъ оказался сильнымъ законникомъ. Онъ спокойно раскрылъ передо мной инвентарныя правила и показалъ, что за деньги, данныя на подати, имѣеть право требовать работу, считая пять копѣекъ за женскій день, семь съ половиной копѣекъ за мужской пѣшій и десять копѣекъ за тягловой. Показалъ, что своимъ служащимъ имѣеть право не платить болѣе того, что платить и проч. Я выставлялъ ему безвыходное положеніе такихъ должниковъ помѣщика, особенно если въ долги ихъ вошли разныя и разныя «запомоги» и штрафы, присужденные произвольно, отъ чего цифра долговъ приняла болѣе или менѣе серьезные размѣры, между тѣмъ какъ должники за каждый рубль платятъ работою, стоющею, быть можетъ, два, три рубля. Помѣщикъ, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ, что до всего этого ему нѣтъ нікакого дѣла. Я было принялся объяснять ему, что теперъ уже не-

обходимо думать намъ не объ одномъ матеріальномъ интересѣ, а и о нравственномъ: объ отношеніяхъ своихъ къ крестьянству; но помѣщикъ съ собакевическою провіей замѣтилъ мнѣ, что онъ не вдается въ подобныя сантиментальности, что онъ никогда никакой политикой не занимается и смотритъ на свое имѣніе только какъ на источникъ дохода. Мнѣ оставалось одно: подумать самому о выводѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ исключительнаго положенія. Югозападную границу вѣреннаго мнѣ участка измѣнили и практической хозяйинъ избавился отъ моего посредничества. Громада *ская встрѣтила эту перемѣну съ неудовольствіемъ; выслала ко мнѣ депутацію съ вопросомъ: должны ли они признать новаго мирового? и не будетъ ли ихъ признаніе обидно для меня? — Я выставилъ депутатамъ всю незаконность протеста ихъ громады, увѣрилъ въ томъ, что мировой посредникъ дѣйствуетъ на основаніи закона, а не личныхъ своихъ убѣжденій, наконецъ указалъ имъ и на личныя качества ихъ новаго мирового посредника, котораго, когда онъ былъ маршалкомъ (уѣзди. предв. дворянства), нѣкоторые господа тогда только перестали называть за глаза *маршалкомъ хлоповъ*, когда узнали, что это названіе, данное съ злой насмѣшкой, очень лестно для предводителя дворянства при крѣпостномъ правѣ. Депутаты ушли, и *ская громада успокоилась.

Въ мѣстечкѣ — ахъ тоже собрано было разомъ нѣсколько громадъ, но это были села одного помѣщика, извѣстнаго, кажется, въ цѣломъ нашемъ краѣ. Тутъ я встрѣченъ былъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ крѣпость, осажденная сильнымъ неприятелемъ, встрѣчаетъ отрядъ, пришедшій къ ней на выручку. Все, что только ни говорилъ я, что только ни читалъ, все было хорошо, прекрасно, все принималось съ невыразимымъ удозольствіемъ. Замѣтилъ я позади толпы еврея, вытянувшего шею и съ любопытствомъ прислушивающагося къ нашей бесѣдѣ.

— Иду! — обратился я къ нему: — бачишь громада стоить безъ шапокъ, а для того и я скинувъ свою; прошу жъ тебе: або зними шапку, або иди собі відсі.

Крестьяне переглянулись, а нѣсколько человѣкъ изъ стариковъ медленно, низко поклонились мнѣ.

Выборъ старость совершился спокойно и весело; потомъ стали просить, чтобы я еще разъ разтолковалъ имъ ихъ обязанности. Статьи о повинностяхъ помѣщику никого не возмущали. Наконецъ, начали

крестьяне рассказывать мнѣ про свое житіє—бытїє. Я ихъ останавливалъ, наминалъ, что прїѣхалъ только для открытія обществъ и выбора старостъ, да для прочтенія и растолкованія Положенія, жалобы же все просилъ отложить до другого времени; говорилъ имъ, что снѣшу объѣхать все села своего участка, познакомиться со всеми громадами, говорилъ, что я долженъ снѣшить, потому что по селамъ пьяные люди читають и толкують по своему положенію и народъ напрасно волнуется...

— »Ясный пане!—прерывали меня крестьяне: —не знаемо, якъ тамъ у другихъ, а що до насъ, то най панъ буде спокійний, — у насъ жадного, жадного не буде не порядку. Будьте певні, мы не того бажаемо, що другиі, ми будемо робити панові своему, якъ робили, наветь ще більше, — най тільки заспокоїть вінъ наши кривди; най позаплачуе вінъ намъ наши шкоди; най хоть яка-небудь зъявитця для насъ правда.«

И мнѣ становилось ясно, что населеніе этого имѣнія совершенно не причастно тому общему движенію крестьянства, которое подвато реформою;—что эти громады слишкомъ заняты своимъ мѣстнымъ интересомъ; а потому я долженъ былъ выслушать все сѣтованія до конца и — крестьяне кажутся отвели душу.

— Люди добрі! успокоивалъ я говорившихъ: — вірьте мнї, що вашъ панъ не злий чоловікъ, — вінъ тільки дивний а къ тому же его оточають непотрібні люди. Ми знаємъ, хто зъ насъ якъ сидить; ми зналі, що у васъ тутъ робиться, все нали, але — ще разъ скажу вамъ — вірьте мнї, вашъ панъ не злий чоловікъ. Отъ будете бачили, якъ все у васъ буде иначе, стану лишень я межъ вами и паномъ: побачите, я васъ погожу. Але—прошу васъ — сполняйте все справно и честно, що відъ васъ належить по закону. Старайтеся, щоби ви були чисти якъ скло, щоби я мігъ сміло говорити за васъ, а то якъ на ваши скарги почую я и відъ пана скарги—трудно буде втоді дати раду.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ, крестьяне обратились съ слѣдующимъ послѣднимъ вопросомъ:

— »Скажи жъ намъ, ясный пане, чи маемо ми теперь право куповати горілку на стороні?«

— А ну її тую горілку! отвѣчалъ я:—на що ми ще й объ неї будемъ говорити. Отъ послушайте, що я вамъ порāju: не купуйте горілки ни у пана, ні на стороні...

Предложеніе это оказалось никуда не годнымъ. Здѣшній крестьянинъ не въ состояніи не только понять, но даже и повѣрить возможности не пить водки, если только его организмъ не изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ, которые не принимаютъ употребленія спиртуозныхъ напитковъ. У насъ право пропинаціи, эта грязная привилегія помѣщиковъ, всегда составляла не право продажи, а право распиванія. Жизнь крестьянства, бѣдная, тяжелая, лишенная почти всѣхъ условій разумной, нормальной жизни, какую слѣдуетъ вести человѣку, не представляла у насъ даже и того развлеченія, того занятія для мысли, какое даютъ торговля и промыселъ. У насъ крестьянинъ всегда былъ не больше, какъ сельскій батракъ. Онъ машинально и равнодушно работалъ на помѣщика, потомъ коекакъ и какъ случилось работалъ на отведенномъ ему кускѣ земли, работалъ всѣ будни, покидая хату и семью свою рано утромъ и возвращаясь къ нимъ вечеромъ для того только, чтобы съѣсть *вечеру* и лечь, гдѣ попало, спать, если онъ не на очереди сторожить цѣлую ночь какою-либо добро помѣщика, или если это не лѣто, когда приходится ему, послѣ вечеры, отправляться опять въ поле пасти работавшую днемъ пару воловъ или коней. Однако, какъ ни старались обстоятельства превратить крестьянина въ вола и лошадь, онъ все таки оставался человѣкомъ и потому не могъ жить только физическою жизнью; не могъ удовлетворяться однимъ долгомъ—долгомъ работы; не могъ мириться съ обязанностью только покоряться волѣ другого: не даромъ же бываютъ въ году дни праздничные, въ которые винокурня помѣщика хотя и идетъ, но, вопервыхъ, только зимой; вовторыхъ — не требуетъ всего села; втретьихъ,—не у всякого же помѣщика есть винокурня; наконецъ, винокурня—то и тѣсно связана съ праздничнымъ днемъ крестьянина; она-то и указываетъ ему, что не даромъ бываютъ въ году праздничные дни. Кромѣ праздниковъ, у крестьянина бываютъ въ хатѣ родины, крестины, обрученія, свадьбы, похороны, поминки, слѣдовательно сходятся гости и нужно провести время. Говорить съ гостями?.. не о чемъ: жизнь сельскаго батрака, работника, каковъ каждый нашъ крестьянинъ, слишкомъ бѣдна и малосодержательна. Происшествія дня: волъ захромалъ, конь заболѣлъ, ось переломилась,—но это видѣли всѣ; такой-то сорвался съ крыши и разшибся,—и это видѣли всѣ; управитель ударилъ десять разъ въ лицо,—тоже видѣли всѣ; выск-ли жену, или дочь—невѣсту,—и это всѣмъ извѣстно; о чемъ же говорить съ гостями?.. чѣмъ наполнить время досуга?.. Единственный

выходъ: предаться обрядности. Обряды, будучи разъ сочинены, не требуютъ уже ни малѣйшей мысли, а между тѣмъ ощутительно наполняютъ время. Вотъ и проходитъ досугъ крестьянина въ исполненіи разныхъ обрядовъ. Еслижъ не предстоитъ необходимости совершить какой нибудь обрядъ, онъ идетъ къ тому, у кого потребовалось, а не то онъ вмѣстѣ со всѣми идетъ въ корчму, гдѣ распиваніе той же водки производится съ тою же обрядностью. Когда я слышу сужденія объ иныхъ обычаяхъ нашихъ крестьянъ, мнѣ приходитъ иногда въ голову мысль: зачѣмъ обрядъ называемъ мы также обычаемъ?.. Ко всему этому прибавлю, что въ каждомъ селѣ, въ каждомъ приселкѣ есть корчма; по всѣмъ дорогамъ, по которымъ двигаются какіе либо обозы, стоятъ корчмы недалеко одна отъ другой, а иногда по двѣ, по три вмѣстѣ. Взглянувши только на эти заѣздные дома, сейчасъ видишь, что заѣздъ у нихъ статья второстепенная. Шинкованье же въ корчмахъ чрезвычайно рѣдко ведется самимъ управленіемъ помѣщика. Большею частью корчмы отдаются въ аренду, а арендаторами до очень не давняго времени всегда были евреи, приходившіе на аренды только съ перинами и подушками, а выходившіе, послѣ пяти, шести контрактовъ,—часто съ порядочными капиталами, съ помощью которыхъ они дѣлались купцами и закупали урожаи у владѣльцевъ корчемъ (*). Вслѣдствіе всего этого обряды крестьянскаго досуга, во-первыхъ, чрезвычайно многочисленны; вовторыхъ, безъ водки рѣшительно немислимы. Нанимается ли кто, торгуется ли что нибудь — начинаютъ и кончаютъ водкою и, конечно, не безъ нѣкоторой обрядности. Продавъ что нибудь крестьянинъ—въ ознаменованіе совершившагося факта, хотя бы то была продажа пяти яицъ, является водка. Поссорился крестьянинъ съ соседомъ и вздумалось ему идти на судъ другаго — за рѣшеніемъ судьи непременно слѣдуетъ водка. Рядится крестьянинъ на какую-нибудь работу — выговариваетъ въ придачу водку. Встрѣтился съ знакомымъ другаго села—считаетъ долгомъ пригласить его въ ближайшую корчму выпить водки. Сошлись нѣсколько человѣкъ въ хатѣ—сейчасъ же посылаютъ за водкой. Родилось дитя — въ этотъ же день всѣ сходятся пить водку и поить родильницу завѣшенную ковромъ, или изодранннмъ кускомъ полотна. Заболѣло что-нибудь у крестьянина—бабашарлатанка натираетъ больное мѣсто водкой, которая при этомъ такъ

(*) Впрочемъ, и теперь во всякой околицѣ найдутся корчмы, дѣйствительными арендаторами которыхъ—евреи.

же распивается. Женщина трудно родить—ей подносят водку. Человѣку плохо, совсѣмъ умираетъ—спѣшатъ подать ему водки. Умеръ—сходятся сейчасъ же всѣ пить водку. На выносѣ тѣла надо непременно опять всякому поднести водки. Могила никто не станетъ копать, если не дадутъ ему водки. *Домовины* тоже не сколотитъ никто безъ водки. Опустили въ могилу гробъ, въ который передъ закрытіемъ вылита чарка водки, всѣ пьютъ водку. Идетъ свать въ хату—въ карманѣ у него бутылка водки. На заручинахъ только и дѣлается, что съ особенною обрядностью пьется водка. Свадьба—водка льется рѣкой съ безконечными обрядами. Жениха выводятъ къ вѣнцу и свадебный староста между прочимъ, вытянувъ всѣхъ изъ хаты цѣбно, кропитъ публику святой водой и — водкой. Тоже между прочимъ дѣлается и въ хатѣ невѣсты. Пришли въ церковь, принесена туда и водка, потому что послѣ окончанія надо напоить церковнаго старосту и братство. На возвратѣ домой, молодыхъ встрѣчаютъ по улицамъ водкою и всѣ пьютъ. Выешаютъ молодымъ за пазухи гроши, положенные ростями въ приданное подъ задравныя чарки, вмѣстѣ съ этими грошами выливаютъ за пазухи и по чаркѣ водки. Вездѣ обрядъ, вездѣ водка, ни шагу безъ обряда, ни шагу безъ водки, всѣ обряды—для водки. Ужасно, возмутительно, больно, прискорбно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и такъ вездѣ, по всѣмъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю. А потому мое предложеніе—ещимъ громадамъ не покупать водки ни у пана, ни на сторонѣ показалось предложеніемъ чрезвычайно-страннымъ.

Скоро я убѣдился, что моя пропаганда трезвости рѣшительно ни к чему не ведетъ, между тѣмъ какъ возбужденный крестьянами вопросъ очень важенъ для нихъ, потому что арендаторъ назначаетъ высокую цѣну въ шинкѣ и взыскиваетъ немилосердные штрафы, если поймаетъ когонибудь съ чужою водкою. Крестьяне рассказывали мнѣ, что недавно управленіе помѣщика, по требованію арендатора, взыскало въ его пользу съ одного хозяина за бутылку чужой водки восемнадцать рублей штрафа!

Предложенный вопросъ я разрѣшилъ такъ:

— Ні въ манифесті, ані въ правилахъ ничего не говорится о горілці. Але и въ манифесті и въ правилахъ сказано ясно, що ви теперъ люде вільні. Вільній же чоловікъ, здається мні, купує за свої гроши що хоче и дз хоче. А для того, мні здається, теперъ

ви вже маєте право купувати горілку якъ у своїй корчмі, такъ и на стороні.

Громада разрѣшеніемъ вопроса осталась очень довольна, находя его безукоризненнымъ.

Я отправился къ помѣщику. Первые дѣйствія моего посредничества въ его имѣніи были довольно удачны. Помѣщикъ очень любезно началъ съ того, что взялъ назадъ свое желаніе, (выраженное мнѣ передъ тѣмъ за нѣсколько дней въ письмѣ), чтобы я отказался отъ посредничества въ его селахъ. Помѣщикъ очень чувствительно жаль мнѣ руку, высказалъ полную увѣренность въ моей добросовѣстности и полное невѣріе къ носящимся обо мнѣ слухамъ, обѣщавъ послушаться нѣкоторыхъ моихъ совѣтовъ, а я обѣщавъ рѣшительно, что никто не будетъ имѣть такой исправной барщины, какъ онъ.

При выѣздѣ изъ мѣстечка, въ коловоротѣ остановилъ меня, съ подобострастнымъ поклономъ, толстый, сѣдобородый арендаторъ мѣстной корчмы.

— Вы объявили крестьянамъ, что они имѣютъ право покупать водку на стороні? спросилъ онъ.

— Да.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали!

— Какъ зачѣмъ?

— Не надо было этого говорить.

— Какъ не надо?.. да вѣдь они меня спрашивали.

— Я знаю, что они спрашивали; но не надо было имъ говорить...

— Что же? я долженъ былъ имъ солгать и потомъ взять у васъ сто, или полтора ста рублей, не такъ ли?..

— Я не смѣю этого думать, но... не надо было имъ говорить.

— Я васъ не понимаю.

— Чтожь теперь со мною будетъ? Вѣдь я ужъ заплатилъ за аренду.

— Что будетъ съ вами?..

— Да! что жъ теперь будетъ со мною?

— Если вы заплатили послѣднія деньги и если помѣщикъ не согласится на сдѣлку, то вы будете банкротъ.

— За что же такъ меня карать?

— За то, что вы платите за аренду дороже, чѣмъ она стоитъ. Вѣдь еслибъ нельзя было брать по восемнадцати рублей штрафа за бутылку, то вы никогда бы не дали за здѣшнюю аренду тѣхъ денегъ, какія вы до сихъ поръ давали?.. Все, чѣмъ могу служить вамъ, такъ

это только тѣмъ, что буду вмѣстѣ съ другими склонять помѣщика на сдѣлку.

На другой день я получилъ отъ помѣщика длиннѣйшій формальный за номеромъ отзывъ, написанный однимъ изъ непрестанно-пишущихъ его адвокатовъ—нахлѣбниковъ. На двухъ листахъ мелкимъ почеркомъ написано множество разныхъ разностей и цитаты изъ Положенія и Свода Законовъ, приведенныхъ разумѣется ни къ селу ни къ городу. Между прочимъ, говорится въ этомъ отзывѣ слѣдующее :

«Эти же старосты и другіе крестьяне говорятъ, что будто бы вы дозволили имъ брать на сторонѣ на свои надобности водку. Это противно было бы высочайшему манифесту, коимъ въ пунктѣ 6-мъ до истеченія двухъ лѣтъ со дня изданія того манифеста, повелѣно крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщиковъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности, а въ числѣ этихъ обязанностей была и та, что крѣпостные крестьяне не имѣли права брать на свою надобность водку изъ стороннихъ корчемъ; за это помѣщики платили казнь винокуренную подать, замѣненную въ послѣдствіи акцизнымъ сборомъ, да и вольнымъ людямъ не дозволено ввозить въ помѣщицые имѣніе чужую водку, ибо таковой подвозъ и т. д.»

Такимъ же точно тономъ говорится въ отзывѣ, что старосты не приходятъ каждый день за полученіемъ наряда барщины и не хотятъ ходить по селу заказывать барщину, ссылаясь на то, что «будто бы» я не велѣлъ имъ исполнять своихъ обязанностей.

Я отвѣчалъ помѣщику, что дѣйствительно, по закону, или вѣрнѣе сказать, по буквѣ закона можно все дѣло взвалить на одного старосту, но чтобы исполнить этотъ законъ, надо дать ему жизнь въ самомъ способѣ примѣненія его къ дѣлу. Открывая сельскія общества, я просилъ всѣхъ помѣщиковъ—не уничтожать старой должности атамана, который получивъ нарядъ барщины, отправлялся бы по прежнему на село заказывать ее, но передъ самымъ заказываніемъ заходилъ бы къ старостѣ, дабы потомъ распоряженіе помѣщика могъ объявлять крестьянамъ, какъ приказъ старосты. Я писалъ, что на первый разъ этотъ порядокъ признаю необходимымъ. Я старался объяснить и убѣдить помѣщика, что намъ самимъ надо стараться о томъ, чтобы сельскій староста какъ можно скорѣе усвоилъ себѣ положеніе старшаго человека въ селѣ; если же онъ лично будетъ бѣгать подъ окна хозяевъ съ нарядомъ барщины, то исполняя такую унизительную, въ гла-

захъ крестьянъ, обязанность, онъ сдѣлается не старостою своего общества, а лакеемъ помѣщика. Я сообщалъ, что почти всѣ помѣщики моего участка согласились съ этимъ мнѣніемъ и удерживали должность атамана; старостамъ же я дѣйствительно приказалъ только разъ въ недѣлю, въ субботу, находиться при отдаваніи помѣщиками, или ихъ управителями, распоряженій атаманамъ. Что же касается продажи водки, то я отвѣчалъ, что объясненія мои о правѣ крестьянина на свободу покупки нужнаго ему продукта можетъ быть и неправильны, но искренни, а съ Сводомъ Законовъ я не справлялся, потому что тамъ нѣтъ постановленій о теперешнихъ временно-обязанныхъ крестьянахъ.

Дѣло пошло въ губернское присутствіе — и о водкѣ, и объ старостахъ. Губернское присутствіе рѣшило (между прочимъ): «пригласить г. г. помѣщиковъ, чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства, оставить по крайней мѣрѣ на первый случай существующую до нынѣ должность сельскаго атамана, въ помощь сельскому старостѣ, собственно для заказыванія слѣдующей отъ крестьянъ помѣщику издѣльной повинности съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ ослушанія кого либо изъ крестьянъ, или неисполненія заказа, атаманъ тотчасъ докладывалъ бы о томъ старостѣ, для зависящихъ съ его стороны распоряженій и проч.» О водкѣ же губернское присутствіе рѣшило, заглянувъ въ Сводъ Законовъ; и такъ какъ «ни въ помянутой 753, ни въ послѣдующихъ статьяхъ того же устава (о шт. сбор.) ничего не сказано о крестьянахъ поселенныхъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ», то вышло, что крестьяне нашихъ имѣній не имѣютъ права покупать водку на-сторонѣ.

Послѣ того я получилъ отъ этого же помѣщика другой отзывъ еще длиннѣе, еще замысловатѣе перваго. Онъ требовалъ смѣнить старосту въ одномъ изъ его селъ. Причины были выставлены чрезвычайно важныя: уголовныя преступленія старосты. Человѣкъ этотъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Наружность Ч — а чрезвычайно красиваго мужчины въ высшей степени симпатична. Молодой человѣкъ, умный, толковый и довольно развитый (онъ былъ въ оркестрѣ помѣщика нѣсколько лѣтъ) пользовался въ громадѣ значительнымъ вліяніемъ и мнѣ что-то говорило, что это будетъ одинъ изъ лучшихъ старостъ, и главное — что это будетъ одинъ изъ тѣхъ, которые меня не только послушаютъ, но и поймутъ.

— Страшнія речі тутъ про тебе написані, — сказалъ я Ч — у, прочитавъ отзывъ помѣщика.

— О, я знаю, що пану не хочеться бачити мене старостою,—отвѣчалъ Чернякъ, бросая какой-то странный взглядъ на бумагу въ моихъ рукахъ.

— Вінъ пише, що ти його обокравъ и що ти якось напавъ на священника въ его власнімъ дому.

Ч — ь засмѣялся. Потомъ вдругъ насушился, закусылъ губу и изъ подъ нахмуренныхъ бровей огнемъ засвѣтились глаза.

Онъ разсказалъ мнѣ все дѣло, дѣло старое, бывшее восемь лѣтъ тому назадъ. Я его не повторяю здѣсь. Заниски пишу не для себя и не для отдаленнаго потомства, а для современной печати, въ которой нѣтъ мѣста разсказу Ч — а.

Я поѣхалъ въ его село, собралъ громаду; употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы не даться въ обманъ и, приѣхавъ домой, отвѣчалъ помѣщику, что Чернякъ не можетъ быть смѣненъ, что нѣтъ никакой къ тому законной причины, а имъ представленныя—взяты изъ давно-прошедшаго времени, раскрывать которое не мое дѣло. Потомъ, при личнои свиданіи, я поручился помѣщику за то, что въ селѣ Ч—а будетъ больше веѣхъ порядка и покорности его законнымъ требованіямъ. Сѣверозападная граница моего участка измѣнилась и помѣщикъ, окруженный непрестанно пишущими адвокатами—нахлѣбниками, избавился отъ моего посредничества.

—ещкіе депутаты сейчасъ же явились ко мнѣ и спрашивали: что это значитъ? Я опять объяснялъ, какъ могъ, естественность переменъ и просилъ старость, ради расположенія ко мнѣ, удержать громады отъ незаконныхъ протестовъ, которые ничего не принесли бы, кромѣ несчастія для громады и большихъ неудовольствій для меня. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, —ещкія громады выслали въ губернской городъ депутацію изъ трехъ человекъ съ прошеніемъ. Прошеніе это во многихъ отношеніяхъ было замѣчательно. Оно написано не къ губернатору, не въ присутствіе, а къ одному изъ членовъ присутствія, помѣщику В.—Г., который три года тому назадъ, былъ депутатомъ въ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, одинъ отетанывалъ то мнѣніе, которое пришлось ему въ послѣднее засѣданіе внести въ протоколъ особымъ мнѣніемъ, надѣлавшимъ тогда шуму и сдѣлавшимся теперь мнѣніемъ большинства, значитъ—общественнымъ. Очень жалѣю, что немогу помѣтити въ свои записки этого прошенія—ещкихъ

громадъ, поданнаго В—Г—; наивность его и чистосердечіе во многихъ мѣстахъ чрезвычайно трогательны, а въ цѣломъ—прошеніе полно особаго рода драматизма. Ч—ъ смѣненъ.

Григорій Ге.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(1 января 1862).

— — Зъ знесеннямъ крѣпацтва, у народі пішла, особливе по селамъ, хороша гуторка, що треба учти дітей грамоті, щобъ пани зновъ не закріпостили, а якъ же то ёго й учитьця? Оттуть-то и мудрація и дивовижка! Въ дѣ-котрихъ селахъ, пани и пани позаводили школи, а ніхто въ ті школи не пуськае дітей, хочъ усі й говорять, що треба учитьця грамоті; у тихъ же школахъ, що сама громада завела—доволі дітей; черезъ що жъ воно такъ?.. Эге! спершу воно дивно, а якъ пильно придивисся, то й побачишь, що такъ воно й треба: до панівъ народъ має давно, историчну невіру, а попамъ не дае учти дітей черезъ тѣ, що вони негарно учать, по старій методі, а ничий не втерпить—скубне й за чуба.

Полтавці (не всі, а невеличка громада) щиро силкуютьця удовольнити народню потребу. И порадившись міжъ собою, думали завести «*Общество грамотности*, усе вже було готове, да ба! не вдача! не по існій вині. Такъ-само не вдалось и *в.п.* Злигастевій здавать газету *Нива*. Великі були надії да обидві полетили въ Лету! Нехай царствують! може народятця другії... 3-го сентября одкрита дівоча недільня школа. Хозяїнуе у сій школі в. п. Милорадовичка,—щиро и працѣвито; а учать дівчата зъ дівочої гимназії. У школи грошей и книжокъ доволі, доволі й учениць: записано 150. Черезъ три неділі послі дівочої школи, заведена хлопьяча недільня школа при повітовімъ училищі; да тільки тутъ якесь безголовья!..

Теперь иде річъ, и мабудь, скоро стане діломъ, щобъ завести въ Полтаві ще дві школи, одну на Павленкахъ, другу на Кобищанахъ. Ждемо хутко дозволення зъ Кііва одъ попечителя, щобъ завести щоденну школу, на котру е вже й учителі, и гроши, и ученики.

Заведено ще, въ 1861 р., въ Полтаві дві жидівськихъ суботніхъ школи: хлопьяча й дівоча. Учятця у їхъ жиденята, (у хлопьячу хо-

дять зъ десятокъ и нашихъ хлопцівъ). Чудне діло оці жида! число жиденятъ—показує, що міжъ ними є велика потреба грамоти; за те недостача учителівъ зъ жидівъ, и недостача грошей показує, що старимъ жидамъ байдужє грамота! Чого краще? у хлопцячу школу записано 150, а ходить, щб—суботы 65—80 жиденятъ; учителівъ буває 18—26, а міжъ ними 3 чи 4 зъ жидівъ. Або ще ось що: увъ Октябрі пришлось такъ, що ні—за—що було купити свічокъ для школи; усіхъ грошей зосталось меншъ 3—хъ карбованцівъ. П. п. По—ви (богачі) ще зимою записали на школу 20 карб.; отъ и писали імъ, и такъ прохали, щбъ оддали гроши, бо въ школі ні за що свічокъ купити; «добре, кажуть, пришлемо,» та й досі присилають! Колибъ наши *українці* не нарядили літературнєго чтенія, зъ котрого збирали на *жидівську* школу 90 карб., то, певнобъ, досі школа бухнула. Чудний народъ—жида! За слово гризутца, кричать, наче їхъ ріже хто, а до разумнаго, до плодючого діла—нема вдачи! Нехай, колись, а пришло *Основі* особливий листъ про Полтавськихъ жидівъ (*).

На Наума, 1 декабря, у Полтавській козацій волості, заведено три недільні школи. У с. Горбанівці—на первий разъ було 7 хлопців и 11 дівчатъ; у селі Жукахъ—31 хлопець и дві дівчини и въ с. Иванчиняхъ 22 хлопці. Треба бъ було ще завести школу у селі Патлаівці, да тамъ пан—отець не забажавъ. *Неудобно*, каже.

Такъ якъ у школахъ *можна* учити тільки грамоті, то вв. шп. Стронінъ и Пильчиковъ, зъ дозволення Министра Н. Пр., зъ 1-го октябрія стали читать *народні лекції* (за вхоль 3 коп. ср.) зъ естетствовідіння, исторіи, и инче, що потрібно знати кожному. Людей буває доволі. Лекції читають тільки по неділямъ; одну неділю в. п. Стронінъ; другу—в.п. Пильчиковъ.

Отъ вамъ житте торшинєго году у Полтаві. Життя *громадського* не було й нема; и не диво! *Пани* живуть *панами*. Нема въ насъ того, щбъ працювати усімъ разомъ, дружно, у—купі!.. Кат—зна що видумали! Намъ давайте карти, бенкети, танці: отъ—то наше діло; а голови нехай здорові спочивають... Есть у насъ ще такі панки, що

(*) Нехай *Сіонъ*, якъ хоче горло дере, а ми не одважємось одъ слова *Жидъ*; бо себъ значило одказатися одъ исторіи, одъ *народнєй* мови; а мова намъ дорогша грошей. Правда, ми люде *исключительные*; нічого Жидамъ у васъ шукати; *Сіонъ*, спасибі ему, найшовъ для нихъ *отечество*. Тоді, може, й слово змінитца, якъ перемінитца исторія; а поки—що—нехай собі жили панують, якъ пановали, да нехай же и звутця такъ, якъ звались.

Основу читають для потьхи, а вже зате *Сина Отчества* начитуютьца до схочу, для розуму, для направлення! Химерні люде!

Годі про їхъ,— ходімъ зновъ до лодей: Чувъ я, що поміжъ лакеями, кучерами, поварами, куховарками и горничними, котри уміють грамоти, иде складчина на народню книгарню,—щобъ було, що, кажуть, читати у зимні вечера. Діло добре,—поможи Боже!

Нагадавъ про зимні вечера, то разомъ скажу вже слово и про зіму. Сей годъ лягла у насъ зіма, ще одъ Катерини. Снігу доволі, морозці креплять гарненьки,—затежъ топливо, крий Боже, яке дороге! Да се ще не біда, а отъ велике лихо: — къ осені округъ Полтави залягла сарана, а велика снігова зіма—наробить того, що сарана на весну вишлодитця. А кумедія зъ сараною! Въ осені їхавъ я у Кременчугъ и, оддыхавши веретовъ 50, чи може й більшъ, одъ Полтави, ставъ біля шинку попасать коней. У хаті сідло чотирі чоловіки и говорили про сарану. Одинъ розказувавъ, якъ треба її зводити.

»— Не можна сарани зводити, озвався другий, гріхъ за се...

»— Чого такъ? — спитали его.

»— Э! чого! а ви й не знаєте! Нашъ дяконъ,— вінъ чоловікъ не аби-який, розумний,—розказуе, що сарана—свѣта птица: налетіла сюда зъ Ерусалима, її зводить гріхъ. У ёго бувъ двоюродный дідъ, котрий усе бивъ сарану, дакъ за те, якъ умеръ, то такъ и обсіла его сарана по всему тілі, да такъ густо обсіла, що нігде було й курці влюнуть.»

Ставъ я увіратъ, що дяконъ бреше, що сарана не тільки не *свѣта*, а й не *птица*,—такъ ні! и слухать не хоче! На одному ставъ: »дяконъ чоловікъ старий и розумний, брехать не стане.»

Хотівъ вже закончити цей листъ, якъ увійшовъ до мене у хату приятель зъ села Великихъ Будищъ (Зіньковського повіту): — каже, що й тамъ офицери завели недільню школу.—Мій приятель вовка на дорозі бачивъ, да такъ злякався, що ажъ труситця увесь. Отъ, легководухий чоловікъ! У насъ, у Полтаві, цілими отарами, середъ дня, ходять собаки, страшнійші одъ вовківъ, да ми й то не боїмось! Ціпкомъ одбиваємось; а на полицю нема надії,—вона не оборонить, хочъ и *повинна-бъ по закону* гледіть, щобъ у городі собаки не ходили.

Олександръ Переходовець.

ДОРОЖНАЯ ЗАМѢТКА.

(Изъ Полтавы въ Кременчугъ).

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ проѣхать болѣе 1500 верстъ, но ни разу не случалось быть свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ сценъ, какія я встрѣтилъ, проѣхавъ изъ Полтавы въ Кременчугъ, всего 113 верстъ! Надо не имѣть ни малѣйшаго уваженія къ человѣку, чтобы равнодушно смотрѣть и молчать, какъ издѣваются надъ бѣднымъ простолюдиномъ, пользуясь его безпомощностью!

Проѣхавъ 41 верстъ отъ мѣстечка Рѣшетилówki, я нагналъ пять подводъ съ сѣномъ; всѣ онѣ стояли на дорогѣ, а на-лѣво, восторонѣ, стояла почтовая кибитка, запряженная тремя лошадьми. Услышавъ крикъ: ой! ой!, я приказалъ своему ямщику остановиться и подошелъ къ тѣмъ санямъ, изъ-за которыхъ слышался крикъ. Здѣсь я увидѣлъ изумительное зрѣлище: какой-то господинъ въ енотовой шубѣ, держа въ лѣвой рукѣ шапку, правую отпуская съ дому старику-крестьянину оплеухи. Появленіе сторонняго лица ни на одну минуту не смутило невзвѣтнаго господина.

— За что вы деретесь?—спросилъ я, ставъ между господиномъ и простолюдиномъ.

— Не мѣшайте! это не ваше дѣло! я знаю, за что я бью,—было мнѣ отвѣтомъ.

Я понялъ съ кѣмъ имѣю дѣло и — легко понять — какъ возмутился.

— Я не позволю вамъ болѣе пальцемъ тронуть его! Если онъ виноватъ — жалуйтесь, — законъ разберетъ и накажетъ, а сами не бейте, сказалъ я и, обращаясь къ обиженному, продолжалъ: — «поѣзжайте съ Богомъ».

— Не поѣдетъ!... перебилъ меня жидъ: — я его въ станъ повезу.

— Звісно не поїду, покіль шапки не оддасте,—отозвался, наконецъ, обиженный.

На вопросъ мой: за что жидъ дрался и за что снялъ шапку? старикъ сказалъ: »от-такъ, якъ бачте! везли ми сіно; я йшовъ біля первихъ саней и не чувъ що почта біжить, бо я, на біду собі, глухий; та й не звернувъ... отъ мене и стали лупцѣвать.«

— И вамъ не совѣстно, м. г., сказалъ я жиду, — обижать за это человѣка!

— А почему—зѣ онъ не сворачиваетъ! онъ слышитъ, что колокольчикъ звинитъ!... Я его въ станъ... я купецъ второй гильдіи!...

— Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ я. Вы носите имя купца, а поступаете, какъ разбойникъ! Своротить съ тяжелыми подводами—нѣтъ никакой возможности. Я, наконецъ, требую, чтобы вы отдали шанку, а не то—я ворочусь и представлю васъ становому, какъ разбойника.

— А вы—то кто такой?

— Человѣкъ!... но кто бы я ни былъ, — я, именемъ закона, заставлю васъ не нападать на беззащитныхъ... Отдайте шанку и попросите извиненія: иначе поѣдемъ вмѣстѣ.

Жидъ не сдавался. Я снялъ свою шанку, отдалъ крестьянину, а ямщику велѣлъ заворотить лошадей и ѣхать обратно въ Рѣшетилку. Жидъ трухнулъ и бросилъ шанку на снѣгъ.

— Этого мало: сказалъ я.—Отдайте шанку въ руки, попросите извиненія и заплатите за побиі!... Не то—я рѣшился ѣхать съ вами.

Видя мою настойчивость, жидъ сдался и предложилъ заплатить 4 р.—«Мало, сказалъ я.» — «Ну, а сколько-зе?» — «Да Богъ съ нимъ!»—отозвался крестьянинъ; «не треба миіи его грошей.» Но я не отставалъ. Послѣ долгаго торга, жидъ извинился и заплатилъ обиженному 3 рубля.

Мы разѣхались. Подѣзжая къ Бунаковкѣ, я встрѣтилъ другую сцену въ подобномъ же родѣ.

Возлѣ саней, впряженныхъ одной лошадыю, на которыхъ сидѣло 4 солдата, шла женщина, упранивая солдатъ встать съ саней и обѣщая за то дать имъ *на четверку*. — «Оборонитъ, добродію, бабу», сказалъ мнѣ ямщикъ.—Разспросивъ женщину, я узналъ, что солдаты сѣли къ ней въ сани безъ ея согласія; между-тѣмъ лошадь ея совѣмъ пристаеетъ, и она готова заплатить,—только бы избавитъ отъ непрошенныхъ гостей.

— Не хорошо, ребята, дѣлаете, сказалъ я солдатамъ;—встаньте съ саней.

— Чтѣ-жъ и намъ-то дѣлать, отвѣчалъ одинъ: устали больно, а отдохнуть некогда,—снѣшимъ; завтра къ вечеру надо быть въ штабу.

По послѣ двухъ-трехъ моихъ замѣчаній, всѣ встали и пошли по дорогѣ, а баба поѣхала дальше.

Послѣ этихъ двухъ сценъ я невольно вспомнилъ многое и взгрустнулъ.

Александръ Конисскій.

Кременчугъ,
16 Января 1862 г.

ЗЪ ГОРОДНЯНСЬКОГО ПОВІТУ.

Торікъ, передъ Святками, на останньому тижню, по нашому повіту прогула чутка, що у село Задерієвку везуть шибеницу, катувати жинку. Дяка Богові міжъ нашими селянами ще не саме то багато бува такихъ робівъ, щобъ шибеница була намъ не вдвовижу. Затимъ ця повинна задала людямъ суму. Пішли міжъ людомъ балакання та спрости: за що катуватимуть, и якъ, и коли?... И отъ що виявилось.

У менішому селі жинка-вдова любилаєь зъ парубкомъ, та й не постереглиєь, — знайшлась у нихъ дитинка. Парубокъ підмивєь прикритъ гріхъ, — взяті її за себе. А далі хрєь та й оженивєь на другій, приставъ у прийми. Сумує покинута вдова, и парубка шкода, и сорому свого не мусить забути. Залагла їй въ голову думка, зробити помету прозвѣднику. Отъ вона взяла та й підпалила єго хату. Та, на лихо їй, обрала таку добу, коли всяка хорѳина суха, якъ пороць— саме посередніи літа; такъ зъ запаленної хати розрослась по селу така пожежа, що чимало згорило дечнїхъ хатъ... Зчинивєь рѳзискъ .. Вдова й призналась... Судъ и присудивъ: «наказати на мѣстѣ преступленїєь».

Такъ оцю-то жинку минувного 19-го студня катували въ Задерієвці «для приміру...» Люде повалили дивитись на цей примір. Поки не дійшло до росправи, люде, гомонячи, крїнко лаєли вдову; ниhto не добравєь до того, зза чого вона зробила цей вчинокъ, усьєє казало: «сяка-така пустила чимало людеь по-підъ вікна», и ни жадної искорки жалю ни у кого не було до безщасної виноватниці. Алежъ якъ звели її на шибеницу, та якъ почавъ бієь неї поратись катюга, то народъ такъ и шарáхнувєь въ слѣзи. Де поділась й жоретѳвість людєь-ка!... Кожеє згадаєь, що й воно чоловікъ, и що зъ нимъ тежъ може бути. Подилиєь слѣзи не за те, що карають негѳжи вчинокъ, але за таку страшну кару, за таку наругу надъ людпою, хочъ и він-

ною. Де поділись й ті ганьби та лайки, що за декільки хвилинъ чулись: усе приішло. Тільки голосиння та слези було й чути... Віддубаривши, посадили бідну зновъ на ті страшні гризкола та й повезли въ шпонталь... Оттуть ще білшъ люде виявили свое серце: хто кидавъ безцѣпній хуетку, хто шага, хто книша; чимъ хто богатівъ, тимъ и подарівъ безталанну... Такъ-то нашъ людъ проймає ці «приміри». Кожний, хто ни бачивъ катування, до дому вертався зъ жалемъ та сумомъ, и опричъ нихъ білшъ ничего не мавъ на серцю... Народъ давно, стало бути, одвернувся відъ цихъ «примірівъ». Вінъ не любе негарніхъ вчинківъ, алежъ не хоче такої страсної кари... Люде катуляюща не хочуть и дивитись на нѣго, якъ, бува, вінъ ходе по місту. Перепечайки не боронять ёму навіть брати книша, бублика. Цехай бере, аби самої не чинавъ. Бо заборони тільки, коли хочъ, то вінъ, недовірокъ, візме та й ударе на соромъ: «не кажи-жъ теперечки сяка-така—каже—що тебе не бивъ кать.» Отъ люде й оберегають ёго чинати.

Написавши, якъ люде глядять на кари та на ката, скажу на скінчавня, що мені оце дивійчи довелось бачити, чого то люде не вироблюють черезъ кохання. Роківъ зо три тому бувъ я у Києві, такъ тамъ міні трапилося бачити, якъ обідень ховали дочку й матку. Лучилося це такечки. Мати та зєднала дочку за нелюба. Якъ ни молила, якъ ни благала дочка не губить її, не вважила мати,—силомиць повела свою дою до шлюбу зъ немилимъ. Пришли одъ вінця... Кинудися молоді та й знайшли її на хати, на кровкѣ — повисилася. Якъ сказали матери, то вона такъ и бехнула на долівку... До неї—ажъ и вона Богу душу віддала. Хороше весілля, — бодай білшъ не бачити, тежъ саме, бодай би не довелось у друге слати увъ «Основу» такихъ звістокъ, якъ отъ шлю теперечки.

Леся—ііі.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Полтавскаго Женскаго Училища 1-го разряда
за 1861 учебный годъ.

1) ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩА.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1857 года, когда въ Полтавѣ получено первое извѣстіе о высочайшихъ рескриптахъ, предвѣщавшихъ крестьянскому насе-

ленію Росіи иную будущиость, одинъ изъ членовъ здѣшняго учебнаго сословія (1), первый подалъ мысль, что приготоуить это населеніе къ ожидающей его будущности, составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, правственный долгъ педагогическаго сословія, и потому тогда же предложилъ открыть даровую школу для обученія крестьянскихъ дѣтей.— Мысль эта была принята съ увлеченіемъ въ средѣ всѣхъ учебныхъ вѣдомствъ Полтавы и мало по малу, вращаясь въ кругу ихъ, приняла нѣсколько большіе размѣры, а именно превратилась въ мысль о женской гимназій въ Полтавѣ; а потому, оставляя до времени первую (2), преподаватели всѣхъ полтавскихъ учебныхъ заведеній согласились между собою предложить трудъ свой безмездно на семь лѣтъ, т. е. на полный первый курсъ предполагаемой гимназій. Это предложеніе вызвало за собою многія другія изъ всѣхъ слоевъ городского общества: почетный членъ совѣта здѣшняго института, двора Е. В. камергеръ, М. А. Бѣлуха—Кохановскій первый, кромѣ денежнаго пожертвованія, предложилъ свои услуги въ качествѣ казначея возникающаго предіриятія; изъ особъ женскаго пола многія, также безмездно, предложили свои услуги въ качествѣ классныхъ дамъ будущаго заведенія, нѣкоторыя лица посигъшили изъявить готовность на пожертвованія деньгами. При такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, всѣ эти предіриниматели рѣшились обратиться съ просьбой о содѣйствіи къ г. начальнику губерніи и вообще къ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ, и вездѣ нашли отвѣтъ полный сочувствія: бывший здѣшний епископъ далъ предіриятію свое благословеніе, г. начальникъ губерніи принялъ на себя ходатайствовать о надлежащемъ для него разрѣшенія, и дѣйствительно 11 февраля 1858 года вступилъ въ официальное по сему предмету сношеніе съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ частное съ покойнымъ Генераль-Адъютантомъ Ростовцевымъ, который и не замедлилъ привѣтствовать раждающееся предіриятіе въ видѣ признательности за него своимъ подчиненнымъ.—Между тѣмъ всѣ участвующія въ предіриятіи лица, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, устроили общія совѣщанія для составленія проэкта самаго устава гимназій, и къ половинѣ того же 1858 года этотъ проэктъ былъ приведенъ къ окончанію. Но вслѣдъ затѣмъ г. начальникъ губерніи получилъ отъ Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа

(1) Преподаватель Полтавскаго Петровскаго Корпуса, П. П. Пьяшевичъ.

(2) Впрочемъ, эта мысль, въ настоящее время, нашла уже свое осуществленіе въ видѣ нѣсколькихъ воскресныхъ школъ для дѣтей обоего пола.

сообщеніе, въ которомъ извѣстилось, что такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года издано для открытія подобныхъ училищъ общее положеніе, то и слѣдуетъ сообразоваться съ нимъ и ожидать, пока условія, въ немъ предписанныя, найдены будутъ въ Полтавѣ. Съ другой стороны условія эти т. е. матеріальныя средства, имѣвшіяся тогда въ виду, также не могли поддержать настойчивости предпріятія, и такимъ образомъ оно должно было, по видимому, прійти въ забвеніе. Такъ прошло болѣе года.

Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1859 года одному изъ учителей корпуса (*) пришла счастливая мысль попробовать изыскать денежныя пособія, сверхъ непосредственной подписки, еще путемъ нѣсколькихъ такихъ предпріятій, доходъ съ которыхъ могъ бы быть обращенъ въ пользу женской гимназіи. Въ теченіе зимы съ 1859 на 1860 годъ нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій были исполнены, а именно: дано было нѣсколько вечеровъ съ лотореею—аллегрѣ и нѣсколько драматическихкихъ представленій. Доходъ съ этихъ предпріятій далъ смѣлость предпринимателямъ снова искать разрѣшенія на открытіе женской гимназіи и притомъ именно на основаніяхъ, изложенныхъ въ составленномъ ими проектѣ устава.—Съ этою цѣлью они вновь обратились къ г. начальнику губерніи, прося его непосредственнаго сношенія съ попечителемъ К. У. О., должность котораго въ это время занималъ тайный совѣтникъ Пироговъ. Г. Начальникъ губерніи снова не отказалъ въ ходатайствѣ и тогда же, 19-го января 1860 года, вошелъ въ сношеніе съ попечителемъ.—Результатомъ этого сношенія было разрѣшеніе на открытіе учрежденія, подъ условіемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ измѣненій въ его уставѣ, въ томъ числѣ и замѣны названія Полтавской Женской Гимназіи—названіемъ Полтавскаго Женскаго Училища 1-го разряда въ тѣхъ видахъ, что иначе потребовалось бы разрѣшеніе Министра Нар. Просв., а это могло бы слишкомъ отдалить самое открытіе заведенія.—Учредители заведенія обратились къ супругѣ бывшаго Директора училищъ Полт. Губ. У. Г. Данилевской съ единодушною просьбою принять на себя званіе начальницы Училища; она согласилась принять на себя эту обязанность безмездно, и велѣдъ за тѣмъ была утверждена въ должности Попечителемъ К. У. О. Тогда, подъ предсѣдательствомъ г. директора училищъ, составлена была коммисія изъ трехъ преподавателей съ

(*) Поручику А. П. Риттеру.

цѣлью принятія мѣръ, необходимыхъ для немедленнаго открытія заведенія.—По окончаніи дѣйствій этой комисіи, 16 августа произведено было первое пріемное испытаніе, а 26 того же августа произошло открытіе училища, состоявшее въ молебствіи, чтеніи исторической записки о происхожденіи училища, изъ которой мы заимствовали изложенныя здѣсь подробности, и рѣчи Протоіерея Н. Думиграшки. Въ заключеніе начальникъ губерніи выразилъ въ немногихъ словахъ сочувствіе къ вновь открываемому заведенію и желаніе ему успѣха.—За тѣмъ съ 1-го сентября началось преподаваніе въ училищѣ, но не прекращались, однакожъ, пріемныя испытанія.—Всѣхъ поступившихъ дѣвѣцъ было 206.

2) Извлеченіе изъ устава училища.

Полтавское Женское Училище есть открытое учебное заведеніе. (§ 3). Полный курсъ ученія въ немъ продолжается 7 лѣтъ и раздѣляется на 7 классовъ, изъ которыхъ первый называется *приготовительнымъ*. (§ 4). Предметы преподаванія.

- a) Законъ Божій,
- b) Русскій языкъ.
- c) Математика и Физика.
- d) Географія.
- e) Исторія.
- g) языки французскій и нѣмецкій.
- h) *Естественныя науки*: въ 4-мъ классѣ—общія понятія (1 ур.); въ 5-мъ кл.—Ботаника (2 ур.); въ 6-мъ кл.—Зоологія (2 ур.); въ 7-мъ кл.—Минералогія (2 ур.)
- i) Педагогика; въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
- k) Гигіена: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
- l) Законовѣденіе: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
- m) Домоводство: въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
- n) Рисованіе.
- o) Чистописаніе.
- p) Рукодѣлье: во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, по 2 ур.
- q) Пѣнье: въ 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ по 1-му ур.

Всѣхъ учебныхъ часовъ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ классѣ по 17, въ 4-мъ и 5-мъ по 20, въ 6-мъ—22, въ 7-мъ—23.

Танцованіе и музыка преподаются для желающихъ за особую плату. (§ 6) — ¹⁾

Учебный годъ училища начинается 15 августа и оканчивается 15 Іюня (§ 7). Въ это время ученіе продолжается отъ 8^{1/2}—2 часовъ по полудни. (§ 9). Годичныя испытанія производятся слѣдующимъ образомъ: а) въ концѣ каждаго полугодія т. е. въ декабрѣ и маѣ мѣсяцахъ, каждый изъ преподавателей подаетъ вѣдомость, въ которой знаніе ученицъ отмѣчается словами: *отлично*, *удовлетворительно* и *неудовлетворительно*; б) Ученицы, получившія по какому либо предмету въ одной изъ полугодичныхъ вѣдомостей *отлично*, а въ другой по крайней мѣрѣ, *удовлетворительно*, освобождаются отъ окончательнаго испытанія по этому предмету; в) Ученицы, получившія изъ половины предметовъ своего класса отличную отмѣтку за оба полугодія, а изъ остальныхъ удовлетворительную, освобождаются вовсе отъ испытанія, впрочемъ могутъ быть испытываемы въ какомъ либо одномъ предметѣ по усмотренію директора; г) Ученицы, получившія *неудовлетворительную* отмѣтку изъ большого числа предметовъ своего класса, недопускаются вовсе къ испытанію; д) Испытаніе для тѣхъ воспитанницъ, кои подлежатъ ему, производится въ одинъ день по всеѣмъ предметамъ для каждаго класса; е) Присутствовать при сихъ испытаніяхъ предоставляется всеѣмъ желающимъ, для чего росписаніе ихъ публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

По окончаніи испытаній, производится годичный актъ, состоящій въ чтеніи исторической записки за истекшій годъ, съ поименованіемъ ученицъ, оказавшихъ отличные успѣхи, и въ раздачѣ свидѣтельствъ и аттестатовъ. День для сего акта назначается не позже 15 Іюня. (§ 10. ¹⁾) Въ первый классъ принимаются дѣвочки не моложе 9 лѣтъ. (§ 11). Пріемъ во всеѣ классы, кромѣ перваго, производится по экзамену. Экзамень этотъ производится преимущественно въ началѣ учебнаго года, но можетъ быть допускаемъ и во всякое другое время, при чемъ поступающія экзаменуются и въ частяхъ предмета, уже пройденныхъ

¹⁾ Изъ этого распредѣленія легко усмотрѣть, что Полтавское женское училище состоитъ изъ трехъ въ извѣстной степени законченныхъ курсовъ; 1-й классъ его составляетъ школу грамотности, 2-й, 3-й и 4-й «соотвѣтствуетъ женскому училищу 2-го разряда»; три послѣдніе составляютъ собственно высшій курсъ.

¹⁾ Правила эти заимствованы, съ небольшими измѣненіями, изъ правилъ, изданныхъ бывшимъ попечителемъ К. У. О., Н. Н. Пироговымъ.

въ классѣ, въ который онѣ желаютъ поступить. (§ 12) Въ первомъ классѣ платы за ученіе не полагается, во всѣхъ прочихъ классахъ взимается 10 рублей. (§ 18) Изъ мѣръ поощренія допускаются въ училищѣ слѣдующія: одобренія преподавателей и начальницы заведенія, одобренія педагогическаго совѣта, объявляемыя въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ и на торжественномъ актѣ. (§ 14) Мѣры взысканія, въ училищѣ допускаемыя, суть слѣдующія: замѣчанія отъ преподавателей и начальницы, выговоры педагогическаго совѣта, объявляемые сперва въ самомъ совѣтѣ, а потомъ въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ, и наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, удаленіе изъ училища (§ 15). Удостоиваются перевода въ высшіе классы воспитанницы, оказавшія по всѣмъ предметамъ удовлетворительные успѣхи; впрочемъ неудовлетворительность успѣховъ по одному или нѣсколькимъ предметамъ вознаграждается отличными успѣхами по такому же числу другихъ предметовъ, (§ 17). Для разрѣшенія вопросовъ, относящихся до учебно-воспитательной части, а равно для контроля суммъ, ¹⁾ при училищѣ существуетъ педагогическій совѣтъ, въ которомъ предѣлательствуетъ директоръ училищъ Полтавской губерніи и присутствуютъ начальница училища и всѣ преподаватели. Одинъ изъ членовъ избирается секретаремъ совѣта на опредѣленное время. (§ 18). Засѣданія педагогическаго совѣта бывають періодическія (ежемесячно не позже 5 числа и въ концѣ каждаго академическаго года) и чрезвычайныя. (§ 20) Для наблюденія за порядкомъ въ классѣ и во время перемѣны, имѣются въ училищѣ надзирательницы (§ 27); для надзора же за зданіемъ и прислугою — смотрительница, пользующаяся квартирою въ самомъ зданіи училища. (§ 28).

3) СТАТИСТИКА УЧИЛИЩА.

Приходъ училища въ настоящемъ учебномъ году составляли слѣдующія статьи:

До открытія училища хранилось въ кассѣ.	3,292 р. 63 к.
$\frac{1}{10}$ съ размѣннаго билета приказа общ. призр.	22 « 93 «

¹⁾ Уставъ училища утвержденъ, какъ сказано выше, до обнародованія положенія 10 мая, а потому попечитель К. У. О. и разрѣшилъ членамъ педагогическаго совѣта, какъ учредителямъ заведенія, контролировать сумму его, опосываясь на указъ 2 ноября 1859 г., по которому право это предоставляется «лицамъ и сословіямъ, сдѣлавшимъ значительные взносы для заведеній».

Сборъ за право ученія	1,180	«	—	«
— за уроки музыки и танцованія	569	«	50	«
Изъ постоянного ежегоднаго взноса 1375 р., внесено ¹⁾ въ этомъ году	550	р.	«	«
Единовременныя пожертвованія:				
Г-на Устимовича	250			
А. С. Клименко	50			
М. П. Сахновскаго	25			
А. А. Бартелеми	25			
Н. К. Смирнова	40			
М. П. Гоголь-Яновской	5			
	<hr/>			
Итого	365	р.	«	«
Выручено отъ спектаклей, устроенныхъ				
А. М. Абазою	1,554	р.	20	кл
Выручено отъ лотерей	485	«	14	«
— отъ продажи трехъ экземпляровъ «Со- бранія малороссійскихъ пѣсень» изъ числа 10, по- жертвованныхъ А. В. Едличкою	12	«	«	«
Выручено отъ спектаклей, данныхъ Харьковской труппою. (Сообщено директоромъ Я. Г. Щербинюю)	46	«	66	«

¹⁾ Эти взносы суть слѣдующіе:

Е. И. Абаза жертвуетъ ежегодно въ продолженіе 7 лѣтъ	150	р.
М. А. Бѣлуха-Кохановскій	100	—
А. М. Абаза	250	—
М. М. Абаза	100	—
Х. А. Свирскій	25	—
М. П. Позень	100	—
Г. С. Пестовъ	25	—
А. А. Оболювскій	25	—
Полковникъ Э. Волховскій	15	—
Полтавское купечество	300	—
Л. П. Милорадовичъ	100	—
Д. П. Кандыбина (въ продолженіе 5 лѣтъ)	50	—
Г. В. Рѣдкинъ	50	—
П. В. Сушковъ	10	—
П. Н. Поповъ (въ теченіи 6 лѣтъ)	50	—
П. М. Гудимъ-Левковичъ (пожизненно)	25	—

Итого 1375 р.

Выручено отъ концерта любителей	60	«	«	«
— отъ публичныхъ лекцій ¹⁾	580	«	«	«
Половинный сборъ изъ двухъ концертовъ Г-на Дмитріева-Свѣчина	30	«	«	«
Половинный же сборъ съ представленія Г. Гропдмала	19	«	80	«
	<hr/>			
Всего	8467	р.	86	«

Изъ этой суммы израсходовано:

На первоначальное обзаведеніе	1,157	р.	7	к.
— квартиру съ отопленіемъ	828	«	15	«
— содержаніе чистоты	42	«	42	«
— канцелярскіе расходы и приобрѣтеніе учеб- ныхъ пособій	117	«	20	«
Жалованье класснымъ дамзъмъ, уч. музыки и танцевъ.	348	«	74	«
— смотрительницѣ	139	«	37	«
Жалованье и содержаніе прислуги	315	«	45	«
На освѣщеніе	17	«	91	«
— непредвидимыя издержки	64	«	23	«
	<hr/>			
И того	3030	«	54	«

Затѣмъ, къ 1 іюня, т. е. къ послѣдней повѣркѣ суммы въ прош-
ломъ академическомъ году, осталось въ кассѣ 5437 р. 32 к. Сверхъ
того, участіе публики къ Полтавскому Женскому Училищу выразилось
еще слѣдующими фактами: помѣщенная въ январской книжкѣ «Осно-
вы» статья подъ псевдонимомъ «Полтавскаго Жителя» вызвала для
нашего заведенія сочувствіе даже въ Уфѣ, откуда редакція Основы
получила въ пользу нашего училища 10 р. сер.; коллежскій реги-
страторъ А. Я. Конисскій предложилъ издавать въ пользу училища
«Полтавскій Городовой Листокъ», и хотя осуществленіе этого предри-
ятія, по нѣкоторымъ причинамъ, замедлилось, но есть надежда, что
оно вкорѣ осуществится, хотя и въ измѣненномъ нѣсколько видѣ; лѣ-
карь Д. Р. Гербергъ предложилъ бесплатно лѣчить бѣдныхъ воспи-
танницъ: аптекарь К. П. Ромеръ—бесплатно же отпускать имъ ме-
дикаменты; многія благодѣтельныя особы, которыхъ мы не имѣемъ

(¹) Публичныя лекціи были читаны 9, 16 и 18 Декабря 1860 года, по фи-
зикѣ, Г. В. Котельниковымъ, 7, и 10 Января 1861 г. по педагогикѣ, К. В.
Ковальскимъ, 13 и 16 января по неорганической химіи, М. В. Кизимовскимъ.

права назвать, оказывали родителямъ бѣдныхъ ученицъ даже матеріальныя пособія, чтобы облегчить имъ трудъ воспитанія дѣтей.

Штатъ училища состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Начальница училища, У. Г. Данилевская.

Учителей 36, изъ нихъ:

по мѣсту службы:

преподавателей кадетскаго корпуса	19.
— гимназій	18.
— института благор. дѣвицъ	3.
— уѣзднаго и приходскаго уч.	4.
отставныхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства	2.
домашнихъ учителей и учительницъ	4.
лицъ несостоящихъ на службѣ	6.
По званію: духовныхъ	5.
« штатскихъ	32.
« военныхъ	9;

по предметамъ:

1) *Закона Божія*: Прот. П. Думитрашко, Священники: А. Капустянской, Н. Кузнецкій, Ф. Радзевскій. Діаконъ: С. Гороновичъ.

2) *Русскаго языка и словесности*: Я. Ф. Андриенко, И. А. Антиповъ, Н. И. Антипова, В. И. Воронежскій, Н. А. Евстафьевъ, П. А. Ивановъ, Н. П. Ильшевичъ, С. И. Пономаревъ, П. О. Сосновскій, С. П. Стеблинъ-Каминскій, А. Я. Щитинская.

3) *Физики*: Г. В. Котельниковъ.

4) *Математики*: В. Ф. Барсовъ, К. И. Бобрицкій, Ф. А. Довойно-Сыльвестровичъ, И. Н. Коллертъ, Д. И. Самусь, С. В. Томашевскій.

5) *Исторіи*: Д. П. Пильчиковъ, А. И. Стронинъ, В. А. Щелканъ.

6) *Географіи и Космографіи*: А. Б. Гарлинскій, В. Ф. Горовой, В. А. Рядновъ, А. О. Туржанскій, И. Д. Цысь.

7) *Естественной исторіи*: В. Р. Варжанскій, М. В. Кизимовскій, М. Я. Попелло-Давыдовъ.

8) *Законовъднія*: В. Ф. Вакуловскій.

9) *Педагогики*: К. О. Полевичъ.

10) *Гигіены*: А. И. Сивадскій.

11) *Домоводства*: И. Э. Гаевскій.

12) *Французскаго языка*: Н. Н. Ганнотъ, К. В. Ковальскій, Р. А. Лемлейнъ, Ф. А. Таксисъ.

13) *Нѣмецкаго яз.*: Ф. П. Дейкъ, Н. К. Захаревичъ, В. Я. Кемигъ, П. И. Кульчицкій.

14) *Рисованія*: П. Д. Алексѣевъ, П. В. Зайцевъ, К. Ф. Медвѣцкій.

15) *Чистописанія*: А. А. Казначеевъ, Н. М. Спасскій, Ф. Л. Ткаченко.

16) *Пѣнія*: А. В. Едличко.

17) *Танцевъ*: Г. Дебре, (съ платою 100 р. сер.)

18) *Музыки*: Р. Е. Владимірова, (съ платою 25 р. сер. отъ ученицы); О. О. Эрбенъ.

Секретарь Совѣта: К. В. Ковальскій.

Измѣненія въ этомъ составѣ произошли слѣдующія:

Выбыли: Уч. Кор. П. А. Ивановъ, Э. А. Лемлейнъ и Уч. Института Б. Д. Н. Д. Алексѣевъ; поступили: Уч. Гим. А. Ф. Фененко, и учт. Инст. Б. Д. М. Г. Бурцевъ.

Классныхъ дамъ 37:

а) За плату (по 150 рублей каждой): П. Л. Буховецкая, К. О. Гофманъ, Э. В. Каперовичъ.

б) Безплатныхъ 34: А. М. Бѣлуха-Кохановская, М. П. де-Вильневъ, Е. И. Воронецкая, Л. К. Гаевская, В. С. Голенковская, О. С. Дейнекина, Л. П. Довойно-Сыльвестровичъ, С. П. Думитрашко, В. А. Клименко, Л. В. Ковальская, Ж. М. Коллертъ, К. Ф. Константиновичъ, Э. Х. Лердериъ, В. И. Матророва, В. И. Пилусъ, А. П. Нѣжинцева, К. П. Одинецъ, П. А. д'Оригельмъ, П. К. д'Оригельмъ, П. Я. Попелло-Давыдова, М. В. Прокофьева, А. П. Сахновская, М. К. Сахновская, А. П. Сіяльская, М. А. Чеснокъ, М. М. Эйманъ, О. К. Юрѣва. Сверхъ того, дежурили поочередно изъ классныхъ дамъ института: Е. И. Драшкова, Н. П. Ильенкова, А. О. Кантемирова, Е. М. Клопотовская, А. Т. Ладиховичъ, А. С. Стеблинъ-Каминская, А. Я. Тихоцкая.

Смотрительница за зданіемъ и прислугою О. П. Ступачевская, (пользуется квартирою и платою 240 рублей).

Воспитаницъ въ началѣ учебнаго года было 206; изъ нихъ было 25, оставалось къ концу года 181, а именно:

а) По сословіямъ:

Дѣтей дворянъ и чиновниковъ 114

— купцевъ и почетныхъ гражданъ	19
— иностранцевъ	17
— духовнаго званія	6
— мѣщанъ и другихъ податныхъ сословій	25

б) По вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго	151
Католическаго	12
Лютеранскаго	11
Еврейскаго закона	7

Годичныя испытанія ученицамъ производились 2, 3, 7, и 8, июня, и на основаніи ихъ переведены:

Изъ VI класса въ VII (изъ 7-ми ученицъ)	6.
— V — — VI — 11 —	6.
— IV — — V — 14 —	13.
— III — — IV — 23 —	16.
— II — — III — 42 —	22.
— I — — II — 84 —	29. (*)

Сверхъ того, 6 воспитанницъ допущены были къ переекзаменовкѣ послѣ вакацій (по одному какому-нибудь предмету) и изъ нихъ 5 переведены, послѣ переекзаменовки, въ слѣдующіе классы.

Изъ числа отличныхъ ученицъ опредѣлено объявить благодарность педагогическаго совѣта слѣдующимъ:

VI кл. А. К. Кирпотиной; V кл. Е. А. Клименко; IV кл. М. Н. Башинской, Ю. В. Невинкой, К. А. Лазаревой, Н. Н. Башинской; III кл. Л. А. Клименко, М. К. Лозинской, В. А. Ворожейкиной, П. И. Сувачевой, II кл. М. И. Поплавко, А. Г. Григорашевой; I кл. П. А. Бажуловой, Е. О. Важничей, Т. И. Волкъ-Рассохиной, В. Г. Григорашевой, Н. П. Долннской, Д. А. Кобыяковой, В. С. Григорьевой, Е. Д. Ступачевой.

4) педагогическій совѣтъ.

Всѣхъ засѣданій педагогическаго совѣта было 18. Въ нихъ кромѣ текущихъ дѣлъ, какъ то: освобожденія отъ платы за ученіе, случаевъ суда надъ ученицами, составленія смѣты, измѣненія въ лич-

(*) Классъ этотъ состоитъ изъ 2-хъ отдѣленій; въ одно изъ этихъ отдѣленій помѣщаются безграмотныя или малограмотныя дѣти, которыя и не могли быть переведены во второй классъ. — Такихъ дѣтей было 34.

номъ составѣ и пр. сдѣланы слѣдующія важнѣйшія опредѣленія: а) Начата переписка объ учрежденіи при Полтавскомъ Женскомъ Училищѣ попечительнаго совѣта; б) о дарованіи окупчивающимъ курсъ ученицамъ права домашнихъ наставницъ и учительницъ безъ особеннаго испытанія; в) о измѣненіи въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, (см. выше § 6 устава).

5) нравственное состояніе училища.

Полтавское Женское Училище развивалось при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ. Принадлежа Кіевскому Учебному Округу, оно считало своею обязанностию примѣнить немедленно и у себя тѣ начала, которыя были введены бывшимъ попечителемъ этого округа Н. И. Пироговымъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Руководствуясь истиною, что школа есть маленькій міръ, въ которомъ отражается жизнь со всеми ея отношеніями, педагогическій совѣтъ прежде всего позаботился объ устраниеніи изъ училища возможности тѣхъ явленій, которыя такъ часто возмущаютъ насъ въ жизни: эти явленія — произволъ и неуваженіе къ личности! Уставъ заведенія представляетъ педагогическому совѣту власть судебную; но судъ есть результатъ слѣдствія и если слѣдователя можно заподозрить въ пристрастіи, то и самое рѣшеніе суда необходимо должно быть несправедливо. Поэтому педагогическій совѣтъ счелъ нужнымъ устранить возможность подобнаго подозрѣнія: въ каждомъ классѣ избирается изъ числа преподавателей, слѣдователь, котораго обязанность состоитъ въ предварительномъ разборѣ, въ присутствіи начальницы, обстоятельствъ дѣла въ случаѣ обвиненія преподавателями и классными дамами воспитанницъ или, обратно, въ случаѣ жалобы сихъ послѣднихъ на несправедливое съ ними обхожденіе. Въ свою очередь, для усиленія классной дисциплины, класснымъ дамамъ предоставлено составить самимъ прозектъ инструкціи, и инструкція эта, утвержденная совѣтомъ, объявлена была воспитанницамъ и получила для нихъ обязательную силу, а какъ въ заведеніе допущены къ слушанію лекцій не только ученицы, но и вольнослушавшія, то и сія послѣднія подчинены тоже нѣкоторымъ правиламъ, которыми опредѣляется порядокъ лишенія ихъ права участвовать въ слушаніи лекцій.

Хотя все физическія наказанія, какъ-то: лишеніе пищи, стояніе въ углу и т. п. совершенно устранины уставомъ училища, также точно какъ и все награды, возбуждающія мелочное самолюбіе, (банты,

похвальные листы и пр.) но, несмотря на то, педагогическій совѣтъ два раза только долженъ былъ прибѣгать къ болѣе значительнымъ наказаніямъ, а именно: одной изъ воспитанницъ объявленъ выговоръ, въ присутствіи всего училища, и одной въ самомъ совѣтѣ. Затѣмъ дѣло оканчивалось обыкновенно замѣчаніями начальницы или совѣта, и это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что заведеніе открыто для всѣхъ, а слѣдовательно и для такихъ лицъ, которыхъ домашнее воспитаніе не всегда было удовлетворительно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать справедливости нашимъ воспитанницамъ за ихъ любовь къ труду: съ первыхъ почти недѣль существованія училища, онѣ открыли подписку на учрежденіе маленькой библіотеки, къ которой выразилось и сочувствіе другаго полтавскаго учебнаго заведенія; кадеты Петровскаго корпуса, уже внесшіе свою лепту устройствомъ въ пользу училища спектакля, снова пожертвовали 56 рублей и нѣсколько книгъ для этой библіотеки. Содержательница частнаго женскаго пансіона Э. Х. Лерцеръ пожертвовала для этой же цѣли 50 р. сер.; наконецъ, въ пользу этой же библіотеки дано было любителями публичныя чтенія. Съ такою же готовностію воспитанницы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ классныхъ дамъ и преподавателемъ И. А. Антиповымъ, предложили свой трудъ для занятій въ женской воскресной школѣ при училищѣ, которой распорядительницею, по общей просьбѣ учредительницъ, согласилась быть жена ст. сов. Л. И. Милорадовичъ, а помощницею ея — С. И. Кизимовская.

Такъ отразилось въ женскомъ училищѣ то общее направленіе, которое дано нашему молодому поколѣнію бывшимъ попечителемъ Н. И. Пироговымъ. Не удивительно послѣ того, что вѣсть объ оставленіи имъ этого округа глубоко поразила нашихъ воспитанницъ. Онѣ выразили желаніе украсить его портретомъ залу училища и простились съ нимъ слѣдующею денешю, отправленною на имя помощника попечителя Г. Михневича: «Потрудитесь передать Николаю Ивановичу, что наше заведеніе, при самомъ началѣ жизни лишенное его, спѣшитъ засвидѣтельствовать ему скорбь свою.»

Вообще, не смотря на всѣ безсильныя гоненія, воздвигаемыя на наше училище людьми, которыхъ личные интересы пострадали отъ учрежденія этого общепользнаго и для всѣхъ доступнаго заведенія, мы можемъ предрекать ему блестящую будущность, если только, въ продолженіе 7—лѣтнаго срока, основаніе бесплатнаго труда, на которомъ все это время должна опираться заведеніе, окажетъ

всегда довольно твердымъ, а чтобы упрочить это основаніе, педагогическій совѣтъ сдѣлалъ два слѣдующія опредѣленія: 1) что въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ совѣта читаются фамилии преподавателей, пропустившихъ лекціи; 2) что въ случаѣ, еслибы ктонибудь изъ преподавателей пожелалъ оставить вовсе заведеніе, то онъ долженъ сообщить совѣту о причинахъ своего отказа, причемъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ совѣтъ рѣшаетъ; достаточныя-ли причины имѣлъ отказавшійся и, въ противномъ случаѣ, имя его публикуется въ московскихъ вѣдомостяхъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПО-НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

I.

15 февраля 1862.

Сблизился срокъ къ подаію уставныхъ грамотъ, и помѣщики наши стали въ очень-неловкое положеніе: черезъ мѣсяць грамоты должны быть поданы, а тутъ—мало кто разумѣетъ и писать ихъ... Извѣстно, что малороссійская уставная грамота далеко сложнѣе великорусской, вслѣдствіе одиночнаго нашего хозяйства, и одна *подворная опись* требуетъ долгой и копотливой работы. Но главное затрудненіе заключается въ чрезполосицѣ и въ неимѣніи плановъ. Чрезполосица достигла у насъ такихъ размѣровъ, что очень часто встрѣчаешь нивы въ 300, 200 и даже менѣе квадр. саж. Сосчитать эти нивки (такихъ размѣровъ поля обыкновенно отдавались въ крестьянское пользование), хотя бы примѣрно, а потомъ опредѣлить слѣдующую за нихъ денежную и издѣльную повинность — трудъ далеко не по силамъ такимъ плохимъ ариометчикамъ, какъ большинство нашихъ помѣщиковъ. Смѣло можно сказать, что большая часть нашихъ грамотъ будетъ изобиловать ариометическими ошибками, которыя придется поправлять посредникамъ; а сколько грамотъ нужно будетъ имъ *самимъ* писать! Весна подвалить посредникамъ столько работы, что, пожалуй, не всѣ съ ней и справятся. Но это бы все еще ничего: съ бумагой справиться можно; но какъ справиться съ крестьянами, которые ни о какихъ грамотахъ и слушать не хотятъ. Конечно, вслѣдствіе одного изъ министерскихъ циркуляровъ, грамоту можно писать «безъ участія

крестьянъ», но это мало облегчить дѣло: при повѣркѣ грамоты, посредникъ долженъ же будетъ призвать крестьянъ къ участию. —

Казалось бы, что за годъ крестьяне могли познакомиться съ главными основаніями «Положенія» и убѣдиться въ томъ, что *будетъ такъ, а не иначе*. Но на дѣлѣ видимъ совсѣмъ не то: понятія крестьянъ о своемъ будущемъ далеки отъ того, что говоритъ «Положеніе». Какія-жъ тому причины?—Прежде всего, крестьяне не знаютъ «Положенія», потому-что не читали его, а если и читали, то не поняли его сущности, отчасти вследствие малодоступности языка этого законоположенія для нашей мѣстности, который съ трудомъ понимается и панами. Черезъ послѣднихъ могли бы крестьяне ознакомиться съ «Положеніемъ», но *они не вѣрятъ теперь ни одному панскому слову*. Это вторая и самая главная причина. Недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ дошло до крайней степени... Много пришлось бы говорить, еслибъ мы стали разбирать всѣ причины этого недовѣрія; скажемъ, что основною изъ нихъ нужно признать *крѣпостное право*, осмысленное крестьянами только со времени изданія «Положенія». Народъ только теперь понялъ тяжесть этого права и — не вѣритъ тѣмъ, кто годъ назадъ пользовался имъ. Несправедливо было бы обвинять за это недовѣріе какъ народъ, такъ и помѣщиковъ...

Чтобы показать, какъ велико существующее теперь недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, расскажемъ два случая.

Одинъ изъ моихъ сосѣдей задумалъ устроить сельскій банкъ для временно-обязаннымъ крестьянъ того села, гдѣ онъ живетъ. Потребность въ банкѣ онъ увидѣлъ изъ того, что крестьяне очень часто прибегаютъ къ займамъ (обыкновенно—у шинкарей) небольшихъ денегъ (отъ 50-ти коп. до 3-хъ руб.) на покупку сапоговъ, соли, дегтю, косъ и другихъ мелкихъ предметовъ и платять, при этомъ, до 50-ти и болѣе процентовъ. Желая избавить крестьянъ отъ сельскихъ ростовщиковъ и въ то-же время познакомить ихъ, на дѣлѣ, съ пользою заемныхъ банковъ, онъ предложилъ крестьянамъ въ даръ 200 р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги обращены были въ основной капиталъ банка. Переговоры объ этомъ шли черезъ сельскаго старосту, человека разумнаго, и дѣло казалось конченнымъ. На-дняхъ, сосѣдъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, чтобы поговорить съ ними о банкѣ окончательно и предложить на ихъ утвержденіе проектъ его. Крестьяне пришли. Позвавъ сначала старосту, сосѣдъ спросилъ ихъ:

— Такъ що-жъ, — всі согласні на банкъ?

— Ні! народъ не согласенъ,—отвѣчали старосты.

— Якъ—не согласенъ? одъ чого-жъ?

— Богъ ёго знае! кажуть би то, що нікому глядїть грошей.

— Въ церковь можна оддати, — зробимъ таку скриньку...

— Да воно чому не можна... тільки народъ не согласенъ ні на що!

Болѣ нечего было говорить. Какъ холодною водою окаченный, со-
сѣдъ простился съ старостами, и крестьяне ушли.

Вечеромъ того же дня, мы спросили у одного изъ старостъ—что
за причина отказа отъ даровыхъ денегъ?

— Гмъ! щобъ оце нанъ та дурно гроші дававъ! Ні!—тутъ щось
е... лучше не брать...

Другой случай. Тотъ же сосѣдъ, начавъ писать уставную грамоту,
пригласилъ крестьянъ—поговорить о ней; послѣ разныхъ толковъ, онъ
предложилъ имъ подарить *грунты* (усадьбы). Крестьяне перегляну-
лись. Помѣщикъ объяснилъ имъ, что за грунты они должны будутъ,
во всякомъ случаѣ, платить деньгами, что вотъ Василю напр. прий-
дется платить за грунтъ 1 р. 91 к. въ годъ, Карцу—1 р. 35 к.,
и т. д. Крестьяне молчали. Нѣкоторые изъ нихъ выразили-было же-
ланіе принять даръ, но результатомъ всѣхъ разсужденій по этому пред-
мету было то, что—нѣтъ, не нужно намъ грунтовъ: «лучше мы будемъ
платить, такъ якъ и люде...»

Причина послѣдняго факта, кромѣ общаго недовѣрія, заключается
еще въ томъ, что крестьяне убѣждены, что грунты и нивы, по исте-
ченіи двухъ лѣтъ, сдѣлаются ихъ полною собственностью, безъ всякихъ
выкуповъ. Впрочемъ, послѣднее убѣжденіе мало-по-малу искореняется,
вслѣдствіе извѣстій о введеніи грамотъ въ сѣверныхъ уѣздахъ нашей
губерніи. Можно надѣяться, что къ лѣту оно еще болѣе ослабѣетъ,
но общее недовѣріе останется на долго. — Много и много потре-
буется усилій (но непременно *искреннихъ* усилій) съ нашей стороны,
чтобы возвратить то довѣріе народа, которое утратилось на Украинѣ уже
лѣтъ полтора-два назадъ... Мы даже думаемъ, что искренность отно-
шеній, межъ крестьянами и помѣщиками, для настоящаго поколѣнія
врядъ-ли и возможна; дай Богъ, чтобы хоть дѣти наши сошлись!
Съ нашей стороны, мы обязаны теперь всѣми силами, не жалѣя ни-
какихъ жертвованій, стараться приготовить *дружескія* отношенія
межъ обоими сословіями: только съ такого рода отношеніями возможно
наше общее движеніе впередъ.

Въ слѣдующихъ письмахъ мы поговоримъ о нашихъ мировыхъ сѣздахъ, сельскихъ школахъ и о многомъ, что въ последнее время стало жить живою жизнью.

Ал. Михченко.

ВІЙТЬ СЕМЕНЬ.

Не разъ, на корóткімъ віку, довóдилось мнѣ бачити, якъ грѣхъ карає Богъ, карають люде. Бачивъ кару небесную, бачивъ казни людскіі. Здається—давно бъ тому лиху перевестись на свѣті, та ба, живучее прокляте: віростає, дѣ не сіють, виринає—зовсімъ, мовъ, потоплене. Але—маю надію, більшъ не побачити такого лиха, якѣ бачивъ! Розкажѹ, якъ було.

По—надъ старімъ Дніпрóмъ, пішнее та простóрнее розіслалось село. Веселіі хати по сту рóківъ, коли не більше, міцно й досі стоять,—и правду кажуть, що старіі люде лóчче насъ вмѣли будувати собі домивкі. Кругóмъ села густій лісь: свої дрóва, свій звірь. Дóбре було жити въ тому селі. Мнѣ не разъ довóдилось бувати въ ёму: панотѣць бувъ изъ родні, то було що літа навідувався до ёго. Въ остáтній разъ я бувъ у ёго, рóківъ тому два наза́дъ.

Одно́го вѣчора сидімó ми зъ нимъ; мóва якось перейшла на панцину, пóтімъ заговоріли про самóго пана, про челядь ёго: багáцько дѣ-чого ми перебрали того вѣчору; навпісли панотѣць подумавъ, та й каже:—А все не до віку такъ бóде. Дошкóдитъ та челядь до чóгось—мóже захóче верну́ти своё,—та пізно бóде.

Мнѣ здалось, що вінъ наvertsає на волю, бо тоді іі усюди сподівались, та й кажѹ:

—У гóроді чётка рознеслась, що лю́дямъ прочитають вільну; та мўсять трóхи подождати.

—Ні, я не те хотівъ сказати. У насъ, якъ бачете самі, вже дуже роспівáють людей... не дїждáтьця во́лі. Тамъ, чўешъ, привáщикъ побивъ чоловіка, а завіщо — нерозберешъ; а тамъ вийть беременну жінку такъ насадивъ, що, мóже, чи й жива бóде. Найбóльшъ зуби гóстрять на вийта. Скільки разъ я казавъ: Семене, пошануй себе: въ тебе дїтки, дочка на вірості,—а люде проклинають. Не слухає: «зъ нїми, каже, такъ и трéба. Честі не мають, ласкою незапобі-

жійшь, добра паньского не бережійть.» Такъ я вамъ и кажӯ, що добре, коли люде потёрплять, а то—неладне скóитця.

Не минуло и неділі, якъ ми балакали съ панотцёмъ, а лихо скóилось, лихо на все село, та ще прóтивъ самої неділі. Прихóдить рано панотецъ зъ ўтрені, якійсь смутний. Поглянувъ на мене, та й каже:

—Бачте: якъ я казавъ, такъ и зробилось.

—Що жъ тамъ такé? питаю я.

—Семéна вбїли — бильше ничóго. Білія грéблї найшли: мабуть тоді вбїто, якъ иншóвъ ззивати людéй на панщину.

—Хто жъ убивъ — не чўти?

— То бо й лихо що вбїли, та незвісно—хто. Здаётця, не оди́нь, бо ва Семéна оди́нь не піде, а теперъ бідї чимáло бóде: найдуть судові, піднимуть все село; колибъ и не винно хто не пострадавъ.

Такъ, грóхи пере́гóдомъ, наїхали судові; щобъ вони поспішали діло, якъ треба, розібрати!.. Самъ панъ—енерáль: ёго—то не зразу зачепишь, та ще, на лихо імъ, рідко въ селі буває. Съ підпанками наживни́ше діло, добре—лўчилось—е чимъ замути́тьця. При́хало такї чимáло: тутъ бувъ становий, при нёму писарь, а найглавнїйшїй міжъ усїма—панъ справникъ: великая сила, зразу и бачишь, що вінъ справу людямъ чїнять. Найбильша надїя була на станового — добра душá: булó, якъ схóче, изъ саміснького пекла вїрятуе, а не схóче—не просї Бога.

Отто́жъ и при́хали,—прáмо до пáна на двіръ. День прогáялись, кїмнати вибирáли, потімъ позвáли вправителя. Вправитель бувъ изъ ляхівъ — не абїякий: котрі говорїли, що вінъ прийшовъ управлїти безъ кобеняка, у якїйся сертучїні, а инші казáли—що и зо всїмъ гóлий... мóже й такъ. За те теперъ панъ на всю губу! чужий и не роспзнавъ би ёго одъ справника, а справникъ мае півтїсячї людéй и родївся пáномъ.

— Що се у васъ, Станислáвъ Кáрловичъ, зробилось? Вїта вáшого вбїли? Не підходи́ше діло. Такъ спитавъ управителя становий.

— Я вамъ докλάдувавъ, що у насъ давнó вже нелáднее діетця.

— А поміщїку писáли?

— Писáвъ, та отвїту не булó. Ёго превосходительство не знае нашихъ дїлъ, а нарóду не спїняе. Оди́нь я, самї знаете, ничóго не вдїю.

— Прáвда вáша, Станислáвъ Кáрловичъ, поміщїкъ усёму вї-

ненъ, роспустивъ люде́й. А не знаєте ви, хто убийця? На ко́го по-дозрі́ніє ма́ете.?

— До се́го ча́су—незвісно нічо́го. Якъ изво́лите, то пове́лите зіб-ра́ть усі́хъ изъ ті́єї полови́ни села́, що по той бі́къ греблі́: тамъ найбі́льшъ непокі́рніі лю́де.

Позвавъ становий соцького, приказавъ зібрати тихъ дюдєй, на котєрихъ вправитель гостривъ зуби, що спромєжне жили. А самъ підхопивъ Станислава Карловича підъ руку, та й повивъ єго у другу кімнату: мині, каже, треба зъ ва́ми дуже крі́пко поговорі́ти. Да-лі́ оберну́вся наза́дъ, та й ка́же: «слу́хай, соцький, скажи́ одъ ме́не, що въ тюрмі́ бу́дуть сиді́ти, якъ не вьявлять убій́цю,—дане дава́й імъ зговєрува́тця.»

Пішло ли́хо, пішли спра́вка на все село́. Заголосили жі́нкі, якъ ста́ли їхъ чолові́ківъ забі́рати. Позбі́гались до панотця́ пора́ди про-ха́ти:—Паноченьку, ба́теньку заступі́тця за па́шихъ чолові́ківъ: вамъ бі́льшъ пові́рять, чімъ імъ. Неві́ннихъ беру́ть, та ще похваляю́тця їхъ спрова́дити куді́сь да́льше. «Не бі́йтесь, одві́тивъ паноте́ць: їхъ, ба́чете, тільки на до́просъ беру́ть, а тамъ и пўста́ть. Ді́ло того́ поря́дку тре́бує, щобъ вони́ зібра́лись. Пі́дте зъ Бо́гомъ».

Пові́рили паноте́ві, поверта́лись до до́му, а чолові́ківъ не пу-ска́ють. Вже, зда́ється, все скінчи́лось: и до́хтуръ при́ймавъ, сви-ді́тельствова́въ ті́ло вї́тца, а лю́ди сидять на одній во́ді. На їхъ, ба́чте, росє́рдились, чомъ вони́ не призна́ють: мо́же зъ їхъ хто ви́нєнь, а вони́ набо́шше закрива́ють. Томі́лись бідола́ги: ра́ді бь призна́тця, та ні въ чімъ. Ді́йшло до то́го, що оди́нь вже хоті́въ дарє́мне скла́сти на се́бе грі́хъ чужі́й. Пі́ду, ка́же, скажу́ імъ, що я вби́въ: хай су́дять; одна́ково пропада́ть, та не усі́мъ хоть...—На сі́лу спинили.

А судові́ годую́тця, на здо́рєвья імъ. Вправитель всє́го доста-ча́; звісно—нежа́ліє чужо́го добра́. Пі́дъ ве́чирь тільки запряжу́ть па́нь-скі́хъ скаку́нівъ, та й розза́ють по селе́у. Де кучка люде́й стої́ть, підьі́де зъ їхъ котє́рий: «розбі́йники, закричі́ть: ви, ма́буть, гурто́мъ є́го вби́ли, та й мовчи́те. Въ Си́бірі бу́дете!» Лі́хо, та й го́ді.

Неді́ля прохóдить, вже півторі́ неді́лі; тільки отгодува́ли себє́, а убий́ці незнайшли́. Запусти́ло село́: сь полови́ну погна́ли въ го́родъ, зъ ді́тьми не дали́ прості́тця. Якъ неживі́, жі́нкі кину́лись за чо-лові́ками, де — которі́ прова́дити, а йні́ші — въ самі́й го́родъ ити, въ саму́ тюрму́. Та ба́ — не пўсти́ли. Сумно́ ста́ло; бо́ятця лю́ди

промвнитись, щобъ не причепілись. Вже стали пеняти на того, хто убивъ вїйта: Чомъ вінъ не вїявитця, може бъ невїнихъ випустили. Три неділі минуло, засмученї сидять у тюрмі, а про убійцю й чутки не має. Вже й судъ виїхавъ изъ села; мабуть десь інше проно́хавъ поживу. Якосъ тріхи легше стало....

Тимъ часомъ, якъ судові виїхали, стали люди проміжъ себе дознаватись, хтобъ такі вбивъ вїйта. Та нічого не вдіали. На що вже панотецъ: усю сілу напругавъ — и той не спромігъ дознатись. «А, каже, самъ постію за ёго, нехай тільки одкритця.» Мабуть знавъ добре убійця, що Сибірі не збавитьця ему, що панотецъ нічого тутъ не вдіе, та й не здавася на панотцеву ласку. Але чого не зробили усі люди, зробила те жінка.

Одного вечора сижу я такі у панотцевій хаті, багачко де обчімъ роздумувавъ, найгіршъ заєіло въ голові недавнее ліхо. »Що то, думая, ті люди тамъ у гóроді мўки набрались — а міжъ ними усє були хоробі та почётні хозяинні — чи випустять їхъ?» Здаётця, й рідного батька не пожалівъ би, якъ би знавъ, що черезъ ёго дарёмне вони гинуть. Жду панотця, вже бъ порá й повечєрати, а ёго немає. Тутъ ще підвернувся паламарь, я й питаю: не бачивъ ти оця Івана? Вони йшли, каже, до до́му, та одъ вправителя прислали, щобъ мерщій поспішали въ конто́ру» Чого бъ то, думая, чи не вбóлось ще щó?

Колі це и панотецъ идє; переступивъ черезъ порігъ, та й каже:

— А знаєте, щó?

— А щó?

— Попали на слідъ. Вгадайте лишъ, хтобъ такий вбивъ вїйта?

Я мовчки почавъ перелічувать усїхъ, да якосъ не приходитця.

— Омелько Лантухъ, важу:—вінь такий гарачій,—хочь до пожа; може вінъ убивъ?

— Ні, каже панотецъ.

— Максименко хибá? Такъ ёго и въ сєлі тоді не було, якъ вїйта вбóли.

— Отже и не вгадаєте!.. Мирóла Ярошенко.

— Той що въ мясниці оженився на прикащиківї?

— Той самий. И ябъ не повіривъ, та жінка ёго призналась. Бачте, вона прийшла сь гостини до батька, жіновъ зібралось таки чимáло, може и підпїли трóхи; вона у хмїлю усє и роскажі. »Дарёмне, каже, ви, тату, турбуєтесь: Семєна убивъ мій Мирóла. Ще

жъ тіі нічі мині й признавсь; якъ полягли спати: мовчи, каже, жінка, вже нашъ вийть не буде більше ходити підъ вікнами та ззивати на панщину.—Якъ то такъ, питаю? »Я убивъ ёго.«

Дивно мині стало, щобъ такий чоловікъ, якъ Микóла, одважився на великий гріхъ. Не те, щобъ я ёго зовсімъ знавъ, а не можна було надіятись одъ ёго. Вінъ змалку остався сиротою, молоді года по людяхъ провівъ у наймахъ, годівъ старóму й малóму, усі ёго любіли. Послідній разъ вінъ служивъ у прикащика, такъ—годівъ изó три. На щó вже прикащикъ — міцний бувъ на повагу, а й той берігъ сироту, якъ рідну дитину; після й дочку за ёго віддавъ. «Мотóрная, каже, роботащая слухьяна дитина—буде шановати мене на старість», та й віддавъ за ёго. Плакавъ старій, якъ прощавсь зъ дочкою: на віки, промовлявъ, тебе ёму отдаю, бережи ёго, любі ёго,« та й заплакавъ. Потимъ и Микóлі сказавъ: оцё тобі, Микóло, мой дитина; спершу я не рядивъ її за тебе, та заслуживъ ти у мене, шануй її,— та й знову старій заплакавъ. Казали після люди, що вінъ не даромъ плаче: може ёго серце що небудь не добре чуе. Правду сказали. Въ живіа мині довелось бачити Ярошенка якймсь похмуримъ, невеселимъ, а вінъ усё бувъ приязний и усміхливий. Я хотівъ ёго запитати, щó съ тобою, Микóло, а вінъ недівлячись уклонився мині, та й пройшовъ, ніби не пізнавъ. А тутъ за нимъ другий чоловікъ шовъ, и каже: молоду жінку ёго побивъ вийть.

Теперъ я догадався, якее ліхо було у ёго на душі; може тоді и задумавъ на гріхъ. За жінку, бачте, одомстити хотівъ, и конці звести; а жінка й вівела усё на світъ.

Знову наїхали судові, та не було стільки ліха, якъ перше, бо теперъ оди́нъ Микóла за всіхъ одбувавъ. Притягли ёго прямо до станового. Зібравъ становий громаду, и почавъ роспитувать, щó вони думають про Ярошенка.

Ніхто не обзивався противъ ёго, бо й справді такі нічого худого було сказати.

Подивився становий на Микóлу,—може й жалко стало, та й питає:

— Скажи мині, Микóло, щó тебе підвелó на гріхъ?

— Спита́йте, каже, ваше благородіе, у громаді.

— Чогóжъ ти укривався, чомъ ти зразу не сказавъ, що вбивъ вийта? Бачишъ, черезъ тебе безвіно й досі сиділи люди у тюрмі.

— А якби ще тріхи посідали та жінка змовчала, тоді бь лучче було.

— Тагь ти ще щось мавь зробити?

— Нічого, ваше благородіє, тільки вправителя вбїти: — за одно прийшлось би пропадати, а тоді и самь у рўки бь отдавсья.

Чи то дивно стало становому, якь такий чоловікь уноравсья зь вїйтомь (Микóла бувь невеличкий, — скїпна зь ёго, а не чоловікь, — а Семёна усі знали, що мавь великую силу), чи то ёго благородію захотїлось пошуткувати, — обернўвсья до Микóли й питає: »Покажи міні, якь се ти одинь одужавь Семёна?« а самь, звісно хїтра и розумна голова, одїйшовь дальше одь ёго.

— Ось-якь, пане, — вхопївь Микóла сòцького та й на плечї, мовь ту вївцò. — Оттáкь пїзь Семёномь: упоравь по голові истикомь, та й одволікь на друге місце, щòбь не зразу знайшли.

Пїльно подивївсья становий и каже громаді: самї бáчете, у ёго вражая сила: дїяволь наустївь ёго и помїгь ёму. И теперь не кáетця, погїбшая душа! — Микóла тільки поблискує на ёго очїма.

— Ажєжь ти и менє не помїлувавь би, якби спїткáвь на самотї?

— Мòже, и не помїлувавь би.

— Эгє, я такь и думавь. А я вась мїлувавь, та ще й якь!.. Идї лишь сюдї, Омельку (се той Омелько, що вінь ёму усїпавь недáвно гарячихь за те, що про ёго негáрце щось сказáвь): чи и тебе не помїлувавь, скажи при всї громаді?

— Помїлували, ваше благородіє, крїнка помїлували, а самь ажь чухаетця.

— А тебе вь Сибїрю слїдовалоь?

— Вь Сибїрю, каже, та все почухуетця.

— Мòже, грóшей шугаєшь, Омельку?.. Не трєба, я дїки одь вась не трєбую. Колї мїлую, такь мїлую, щòбь усі памїтували. А теперь не помїлую... и жінка мой нічого не вдїє туть.

— Звязáть ёго, собáку! небїйсь, не тебе, а тóго сїбїрного — та й указáвь на Микóлу. Та швидче, а тó, бáчте, и на мєне похваливсья. — Обернўвсья до писаря и каже: »Такь и напиши — на мєне, мовь, похваливсья, чўєшь? на мєне!«

— Я одь ёго, — одвїтивь писарь, — нїякої похвалки не чувь.

— Дурень — напиши, що Ярошєнко хотївь убїти станового и увєсь

судь известі, а тамъ и до губерньского начальства добратись. Ви усі чули?

Громада мовчала.

— Бачте, язикъ не піднімається на такі речі, а вінъ мавъ усє те зробити! Въ Сибірі не буде місця. Буде вже милувати!

Взялі Микóлу и звязáli; вінъ и не пручався, бо на одио вже йшовъ: въ Сибіръ, то и въ Сибіръ! И не просивъ, чи немóжна якъ небудь облежити ёго, бо знавъ своє лихо. Одвели Ярошенка въ городъ, засадили въ тюрму, поки вийде повістка изъ губернії, що зъ нимъ робити.

Такъ черезъ свільгись місяцівъ—я вже бувъ въ городі—рознеслась чулка, що будуть катувати преступника. Городськимъ и не вдивовижу було, а все хотілось пийти подивиться, більшъ за тимъ, щобъ розвідать, хто преступникъ и за що будуть ёго бити. Назбиралось насъ такі чимáло; були й такі, що парóшине прийшли поглядіти, якъ катъ вимахує. Були й дівчата, найбільше городьскіі баришні та барині, що въ шляпкахъ ходять... Оцїхъ зовсімъ не треба бъ тутъ: якъ другий палець уріже, то їхъ такъ и хватає за печинкі, а тутъ собі гарно розглядають, потрòху óхають, а ні одна дуже не жахнётся... жінóча вдáча!

Зійшовъ панотецъ,—щось заговоривъ до преступника,—я бльиче підступивъ. Лишенько — я пізнавъ преступника: то бувъ Микóла. Ставъ я придивлятись: неизмíнився, такий якъ и перше,—тільки все просивъ, чи немóжна бъ зъ жінкою въ-остáтнє побáчиться, та нічого було й просити, бо жінка самá одцуралась. Нікого не було зъ нимъ—ніхтò не проводивъ ёго, не попрощався зъ безтáлáпнимъ.

А мині жáлько ёго, дуже жáлько було.

Замóвкло усє, тільки чути було, якъ катòга трійчáткою махáє. Перше було якъ катували преступниківъ, то вони говорять до народу: кáйтесь на мині, добрі люди. Микóла мовчавъ, якъ води набравъ, та що вже тутъ и кáяться—пропáвъ, навiги пропáвъ!

Оттакє то склáлось лихо,—лихо одъ лиха. А хто ёго знає—котòре зъ їхъ блььше?

Не довго пороскошувавъ и вправитель: кумедію зъ нимъ вдіяли на все село. На ёго справникъ чо́гось зуби гостривъ та не приходилось оско́ми зимати, а тутъ якъ разъ прилучився поміщикъ. До ёго и подвернувся справникъ: вправитель, каже, вашъ людей розпустивъ та и васъ грабить. Вонò такий й правда була: вправитель

кріпко нажився, изъ ікономіи, кажутъ, позичивъ чи не 2 тисячі рублівъ. Поміщикъ не довго думавъ, зібравъ судъ, та й осудили вправителя: »ти, мовъ, сякій-такій, пана грабишъ, добра ёго не бережешъ,—щобъ твого й духу тутъ не було.« Ще позвали жида-шинкаря; той засвідітьствувавъ, що у вправителя перше бувъ усёго оди́нь дра́ний жупанокъ. Скрипи́ли діло, та, середъ ночі, зъ жінкою и зъ дітьми, трі́хи не го́лого й ви́пхали изъ села: »а иди́, кажутъ, ли́ше, справи шука́й!« Кумедія та й годі, та й не въ пер́ший разъ: зъ ко́жнимъ вправителемъ такъ робили. За те й дякували пану лю́ди.

В.—Г—гл—скій.

ОСКОРБЛЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

(Изъ Симферополя.)

— Въ послѣдній день масляницы, 19 февраля 1862 года, назначенъ былъ, въ городѣ Симферополѣ, въ залѣ дворянскаго собранія балъ—маскерадъ. Въ провинціи, у насъ, такъ рѣдки подобныя увеселенія, что каждый, не желающій быть въ залѣ, спѣшитъ какъ можно раньше отправиться на хоры собранія, чтобы занять мѣсто повыгоднѣе. — Было еще рано, зала собранія была совсѣмъ пуста; три уважаемыя въ обществѣ дамы, но не губернаторскаго круга, заплативъ, по желанію дежурнаго директора, даже вдвое противъ обыкновеннаго, именно по рублю сребр. за входъ, пришли на хоры и заняли свободныя мѣста въ первомъ ряду; вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, является дежурный директоръ собранія и требуетъ, чтобы эти дамы встали съ своихъ мѣсть, потому что тѣ мѣста предназначены имъ для другихъ дамъ, губернаторскаго круга, которыя придутъ позже. На это одна изъ нихъ отвѣтила ему, что на хорахъ мѣста не номерныя, слѣдовательно, заплативъ деньги, всякій, пришедшій раньше, занимаетъ первое свободное мѣсто; директоръ не убѣдился ихъ справедливымъ замѣчаніемъ и настоятельно требовалъ, чтобы они удалились съ занимаемыхъ ими мѣсть. Дамы не соглашались и просили оставить ихъ въ покоѣ. Директоръ, взбѣшенный въ полномъ смыслѣ этого слова, наговорилъ дамамъ дерзостей, пугая ихъ притомъ, что онъ соберетъ всѣхъ директоровъ и ихъ выведетъ со

ерамомъ, но такъ какъ тогда было еще рано и кромѣ его, какъ дежурнаго директора и эконома, не было другихъ директоровъ, то онъ, вспомнивъ свое военное молодечество, рѣшился на слѣдующую возмутительно грубую выходку: ввелъ съ собою на хоры двухъ жандармовъ и, указывая имъ на 3-хъ дамъ, крикнулъ: «очистить мѣсто отъ этихъ дамъ». Жандармы двинулись—было исполнить его приказаніе, но изъ числа сидѣвшихъ на хорахъ дамъ случилась знакомая этому директору дама, которая вступилась за оскорбленныхъ; завязался жаркій споръ; всѣ остальные дамы, будучи оскорблены въ лицѣ трехъ, приняли участіе въ спорѣ и тѣмъ помѣшали директору привести въ исполненіе дикое намѣреніе. Директоръ совершенно ошибся: наше молодое общество, узнавъ объ этомъ, потерпѣло такого варварства: тамъ же составило протестную подписку и, въ числѣ 36 человекъ, предложило ему тотчасъ же извиниться передъ оскорбленными дамами; директоръ отказался отъ этого самого умѣреннаго предложенія; тогда общество рѣшило исключить его изъ числа членовъ клуба, а дирекціи танцевальнаго собранія предложило поступокъ этотъ на обещаніе.—Ожидаемъ, чѣмъ все это кончится и желаемъ отъ души, чтобы и остальные члены нашего общества показали сочувствіе этому дѣлу и, исключеніемъ подобнаго господина изъ своего круга, доказали, что они умѣютъ уважать въ лицѣ женщины права человѣческія.

Потомакъ Думитрашко Райчъ.

ВЕЛИКА НОВИНА.

ДУХОВА СИЛА ЗАМІСТЬ ПА́РУ НА ЧУГУНКАХЪ.

Я. М. Л—з—р—скому.

Издивъ ти, брѣтіку, самъ, и прежъ іншихъ и зъ иными, на моѣму духовому самока́ті, да бажаешъ, щобъ я тобі усѣ докладно описавъ, щобъ и інші земляки наші знали те, що ти бачивъ, и надъ чимъ я працювавъ не одинъ рікъ. Вволю я твою волю,—тільки вибачай, що не широко розведу свою річъ, бо на се, далебі, не маю теперъ часу.

Перва думка про сю силу прийшла мнѣ отакечки на умъ: Якъ

почали у насъ стрóити чугу́нки (залізни́ доро́ги), я дуже то́му ра́дувався, що́ буде́ въ насъ таке́ до́бро, — а безъ ёго́ намъ́ якъ́ безъ ні́гь! Ра́дувався, да́ й за́дума́вся: чугу́нки до́бре, бо́ по та́кій доро́зі оди́нь кі́нь п'ятьсо́тъ пу́дóвъ пове́зе, а якъ́ по залі́знимъ ко́леямъ хо́роше і́здити́ й самока́томъ замі́сть ко́ней, то́ й ще́ лу́чче; бо́ мо́жна хочъ по со́тні́ веретъ́ що́-го́дини прока́тувати, а по 50-ти́ да по 80-ти́ и зви́чайно́ і́здать. До́бре во́но, дума́ю со́бі, до́бре, та́ тільки́ — яка́ си́ла дві́гає самока́ти? Си́ла та́ — паръ. А що́бъ бу́ло дово́лі́ та́кого́ гаря́чого́ па́ру на се́ ді́ло, — ві́ткіля́ на́стачити́ то́плива? Га́ївъ на́шихъ ста́не не́ на́довго; а́ по́тімъ що́? Отъ́ я́ й за́дума́вся: що́-дні́я со́нце зо́грі́ває зе́млю, що́-дні́я де-не́будь и ві́теръ́ ві́є и до́щъ і́де, а до́щемъ на́ливають́я рі́ки; е́ сё́го до́бра́ и въ́ насъ. На рі́чкахъ ста́новля́ть мли́ні, де́ вода́ б́істро́ те́че; а ві́тряка́ де́ хочъ по́ставъ. Отъ́ же во́но, якъ́ усе́ розбе́решъ — ви́ходить, що́ да́є Богъ́ лю́дяма́ сті́лько́ си́ли, що́ ма́бу́ть б́ільшъ́ и не́ тре́ба; а коли́бъ́ змо́гли ми́ якъ́ хоті́ орудува́ти ті́єю́ си́лою, на лю́дську́ корі́сть, то́ ні́ на ві́що́ бу́ло́бъ́ намъ́ робі́ти́ й паръ, не́ тре́ба бу́ло́ бъ́ и де́рева́ на се́ псува́ти. Отъ́, подума́вши та́кечки, я́ й до́дума́вся до́ того́, що́ мо́жна се́ зробі́ть о́сь-якъ́:

Якъ́ заведе́шь го́динникъ́, то́ йде́ вінъ́ день, або́ т́иждень; яко́ю жъ́ си́лою́ вінъ́ і́де? Маши́ною́ си́лою: ги́ря отя́гає́тця́ або́ пружі́на роз-верта́є́тця, — го́динникъ́ и йде́. А де́ найти́ лу́ччо́ї пружі́ни одъ́ во́здуху? Ё́го́ скі́льки́ разъ́ хочешъ́ — згі́тай: не́ зла́млешъ́, не́ зо́псує́шь; а дру́ге те́ — во́здуху́ й шука́ти не́ тре́ба, бо́ вінъ́ усю́ди е́: бе́ри́ скі́льки́ хочешъ́ — ё́го́ не́ поме́ншає́. Такъ́ о́сь и та́ пружі́на, ко́тору́ тре́ба́ на́т́агува́ти! бо́ якъ́ згі́чений во́здухъ́ пу́скати́ чере́з ма́шини́ замі́сть па́ру, то́ вінъ́ -и дві́гатиме́ ті́ ма́шини, зо́всімъ́ якъ́ паръ. Пе́редума́вши о́це́ усе́, да́ пошука́вши де́-чо́го́ по кни́жкахъ́, дозна́въ я́ то́ді, въ́ 1857 го́ді, що́ й і́нши́ лю́де те́жъ́ са́ме́ зду́мали, да́ вже́ де́що́ й робі́ли. Захо́ті́лось́ мні́ поба́читися́ зъ́ ними́: поі́хавъ́ (1); у Па́рижі́ позна́комився́ зъ́ Андро́, у Ту́рині — зъ́ Сомелье́; бу́въ въ́ Ге́нуї́ подиві́тися́ на́ ті́ ма́шини, які́ми́ то́ді́ збі́ра́лись́ пробі́вати́ вели́ку́ ка́мянчу́ го́ру Мон-Се́ниє́, а те́перъ́ вже́ і́ї́ и пробі́вають́ — духо́вими́ ма́шинами, або́ — якъ́ і́хъ́ те́перъ́ по́моско́всьќій прозва́ли — *возду́шками*. Поба́чивши́ усе́, верну́въ́ я́ чере́з Ло́ндонъ́ у Ге́льсінґфо́рє́, де́ я́ живу́ зъ́ 1843-го́ ро́ку; на́писа́въ́ що́́ ба́чивъ́, що́́ зна́ю, на́печата́въ, да́ и за-

(1) Петро́ Петро́вичъ́ Гусе́въ́ помі́гъ́ мні́́ грі́шми.

хотівъ, щобъ завеліся воздѣшки у насъ, щобъ не псовати дѣрева и огуля. Отъ и найшлись два чоловіки, ⁽²⁾ захотіли мині помогати, — велике імъ за те спасібі! Узівся одинъ хрѣстуць Жюльєнь (Jullienne) робіти для насъ машини, — да нехай ёму абищо! тільки грошей вициганивъ, а що зробивъ, — не можна було узяти: — такъ усё й пропало! Бачу, робити нічого, — чужимъ добромъ усёго не зробишь: прийшлось и своїми злиднями надточіти. А на щастя, постріились и у Гельсингфорсі машинні заводи, першъ одинъ, а потімъ и другій; на сіхъ заводахъ пороблени оті мої машини, що теперечки стоять у Петербурсі на москѡвській чугунці, — ті самі, що я показувавъ тамъ добримъ людемъ 27-го февраля., 1 и 4-го марта сёго году.

Нудивъ я світомъ що хрѣстуць Жюльєнь мене ошукавъ и обібрѣвъ, якъ самъ схотівъ; а потімъ, постріивши свої машини, и бачу, що и ліхо бува не безъ добра: понавидумувавъ я чимало такого, чого ще ніхто не робивъ, да и добре, що понавидумувавъ: бо безъ того, може, и мої воздѣшка также бъ не поіхала, якъ и ті, що були зроблені — дві у Паріжі, и одна, або дві, въ Лондоні; а теперь — слава Богу — и насѡсь мої видумки набірає дѣху, якъ трѣба, и дѣхъ сей держитця гѣрцо, куди ёго запрѣтъ, и воздѣшка мої іздить легенько и возить чимало людѣй; а якъ приложимо ще розуму та прѣці, то може сей малий початокъ великимъ діломъ станетця, на користь усімъ людемъ: и нашимъ, и москѡвськимъ, и німецькимъ. Коли буде въ мене часъ, опишу мої видумки и все, що інші люде попридумували, щобъ роздобути духової сили; а на сей часъ вибачай, коханій побратіме: — ніколи!

Степанъ Барановський, изъ Конотона.

3-го березоля 1862 року.

Петербургъ.

ЗЪ МАКОВИЩЪ

(Київського повіту).

Давно вже спізнали люде, що треба знати добре те, що есть, за-для того, що-бъ дальше все къ лучшому повертати — такъ само якъ не можно лічити хворого не спізнавши добре, чимъ вінъ нездужає;

(2) Попереду — Кузьма Василевичъ Бѣляевъ и Иванъ Федоровичъ Мамонтовъ, а якъ Бѣляевъ умеръ, то намість ёго — родичъ ёго, Александръ Константиновичъ Мясниковъ.

та, надісь, и не багато-бъ довідався лікаръ, якъ-би ми тільки промовляли: «ой нездужає, да нездужає!»

А воно такъ-таки частенько дієтця:—отъ хочъ-би—приміромъ—и наші городянські чоловіколюбці—то кленуть, бувало, безъ зупину селянську долю, то знай таку пісню заводять, що здаєтця тобі, що селянинъ тільки те й знає, що жайворонки літають надъ ёго плугомъ, да соловбі співають у садочку.

И не диво. Було въ насъ таке время (бодай ёго й не згадувать), що не можна було нічого більше казати, бо нічого було балакати про долю селянина — *крепака*, якъ нарікати на її. Да й ті, що славили сільске житте ще гірше въялили серце, якъ то чоловікъ міркувавъ собі: скільки то благъ давъ Богъ людямъ, да яке важке, неказанно-важке, житте упало на долю більшої части людей!

Да теперъ вже те время минає; теперъ передъ селяниномъ нова дорога—треба тільки міркувати добре, зъ чимъ вінъ піде у цю дорогу; що въ ёго есть, чого бракує.

Отже-жъ багато людей заходилоь коло цёго діла, та все-жъ таки це така робота, що для неї робітниківъ зайвихъ ніколи немає; тимъ то й я осмілюся де-які уваги про хазайство селянъ у нашому кутку послать у *вашу*, чи це-бъ то лучче—у *нашу*, спільню, громадську Основу.

Самъ и не хазяїнъ, да розпитувався людей, и те, що вони миші казали, звівши до купи, й передаю, приклавши де-що й свого мізькуваня.

Нашъ кутокъ недалечко біля Киіва. Щитають его, по уставу для селянъ, що вийшли зъ крепацтва. до шостої містности по наділу землі.

Покажемо на хазайську користь, яку цей Уставъ приносить для селянъ у нашому кутку.

У насъ наділяєтця земля на хати, чи то на хазайства. Діленці, котрі впадають, по теперешньому уставу, на *корінний* наділъ на хазайство,—рівні сливе зовсімъ зъ тими, що були перше у насъ у пішихъ селянъ. Гляньмо жъ теперъ на одбутки за цю діленцію.

Пішакъ одроблявъ по 2 дні въ неділю панщини; одкинувши у годъ 2 неділі празникові—виходить 100 днівъ у годъ, а жинка йшла, всяку неділю, одинъ день; окрімъ того одбувавъ чоловікъ 8 *строительныхъ* днівъ: значитця, разомъ хазяїнъ одбувавъ 108 днівъ, а хазяйка 50; ще до того на 12 днівъ згоннихъ гнали у літню пору усіхъ робочихъ людей—и чоловіківъ и жінокъ—за дуже малу плату (10 коп. ср. чоловікові; 7½ жінці), та ще почну *варту* (сторожу) біля пансь-

кого подвір'я одбували не рівно—по черзі—въ більшихъ и меншихъ селахъ, а зъ бобилівъ панъ бравъ оброкъ и мавъ право братъ, въ дворову прислугу, кого ему забажалося.

А теперъ, у насъ, по новому уставу, за наділъ $7\frac{1}{2}$ десятинь на хозяйство—приходитця заплатити оброку за десятину по 2 карбованці, або 12 днівъ одбутку, у годъ; значитця, за $7\frac{1}{2}$ десятинь 90 днівъ одбутку, або 15 карбованцівъ оброку; окрімъ того, 5 карб. 10 коп. ср. за десятину горόδу.

Тільки-жъ чинишъ платити сходнійше для селянина, аніжъ одбувати, бо теперъ у насъ ціна зімнѣго дия 20 коп. ср. мужчини, а літнѣго 30 коп. ср., це-бъ то середня ціна четвертакъ (25 к. с.). Отъ-же, що-бъ заробить 15 карб. при такій ціні, треба робити пішому чоловікові 60 днівъ.

Що-бъ заробити за десятину горόδу (покладімъ, що въ селянина стількі ёго есть) 5 карб., по тій ціні треба робити—20 днівъ. (Не будемо щитати 10 к. с., якъ меншої половини поденної середнѣй праці за роботу).

Значитця, разомъ усѣго въ рікъ 80 днівъ, коли пристануть на оброкъ, а щитаючи одбутокъ по новому уставу 90 днівъ за поле, да доклавши 20 днівъ за городъ,—вийде 110 пішихъ мужьськихъ днівъ.

Отъ и видно, що въ першому разі (якъ пристануть селяне на чинишъ) зістаецця у хазіна вільнихъ для себе днівъ, проти прежнѣго, 30 мужьськихъ и всі 50 жіночихъ, а въ другімъ разі (якъ пристануть на одбутокъ)—прийдецца повинности 2 дні більше мужьськихъ проти прежнѣго, а все-жъ таки всі 50 жіночихъ зістаютьця вільними; поклавши, що 2 дні мужьскі йдуть по ціні за 3 жіночи—значитця, проти прежнѣго, вже чисто вільнихъ 47 жіночихъ днівъ. Ще-жъ до того вільня праця не те, що крѣпацька; тутъ можна оглядатись на свої потрібні...

Згоннихъ днівъ, оброку зъ бобилівъ, ночної сторожі коло паньського подвір'я, права паньського братъ кого схоче у дворову прислугу, по новому уставу вже немає.

Тутъ ми вже й не говоримо про громадську самоуправу, що найкращу основу всякого товариського розцвіту, не говоримо про те, що чоловіка теперъ боронить законъ відъ усякої самохіті.

Отъ же, розміркувавши усе, — приходитця намъ велику віддати дяку усімъ, котрі приклали щиро своєї праці до цѣго діла.

Одначе-жъ селяне у нашому кутку не хочуть приймати *установ-*

них грамотъ до кінця зазначеного строку, говорячи: «побачимо—якъ буде у людей, такъ нехай и въ насъ.»

Папи, по всему звичаю, говорять, що «хлопи» лежні, що не хочуть нічого робити и нікого слухать, и сподіваюця, що діждутця устава, котра-бъ вгодила тої їхнєї натурі.

Що селяне справді трохи сподіваюця ще кращої для їхъ устава—це такъ; да тутъ нічого дивуватись: у всякого чоловіка есть разъ-у-разъ надія, що ему краще буде. А якъ селяне ще теперъ не розуміють добре нового устату, то це тожъ не диво: грамотнихъ у насъ міжъ селанами дуже мало, а такіхъ, що-бъ добре зрозуміли те, що тутъ треба розуміти, да ще й зъ такої великої книжки... то й тутъ то нічого варікати на селянъ, бо таки й справді де то такъ дуже дбали про правдиву осьвітту того люду?

Та й не одно те одбиває селянъ що-бъ вони згоджувались на чинші. У насъ селяне не звикли розлічувати на вільний заробітокъ такъ, що зъ нєго зберуть стільки, скільки імъ треба заплатити: вони бояця тіхъ недоплатокъ, оглядаюця на свою хазяйську спроміжність, а тутъ то невеликій достатокъ!..

Ото есть, у одной семі, по 2 десятини поля у три руки и 1¹/₂ десятини сіножаті. На тімъ полі, у нашого селянина звичайно лягає ось-якій присівокъ:

2 корці жита,
1 корець гречки.
1/4 корця (мірка) проса;
на нашій землі, въ середній зрожай, збере вінъ зъ того:

6 корцівъ жита,
3 — гречки,
3¹/₂ — проса;
одділивши на присівокъ скількі треба, зістаецця на харчъ:

4 корці жита,
2 — гречки,
3¹/₂ — проса,
а що-бъ прохарчити одного чоловіка у годъ, то и въ дворахъ дають парубкамъ по

4 корці жита,
2 — гречки,
2 — проса,
да й це зовсімъ безъ лишку,—а въ хаті-жъ то найменше щитать 3

душі,—такъ де-жъ тутъ той харчъ возьметца? якъ тутъ ёго розлічувати на свое хозяйство? а ще-жъ оброкъ да подушне заплатитъ, и одежину справить, и соли и окраси купить, а обчеські да семейні потрібкі... тимъ то й кажуть у насъ селяне: «якъ-би чоловікъ знавъ, що на ёго витрицилось, то й померъ-би зъ-ляку.»

Ото жъ у насъ нема сливе зовсімъ такихъ людей зъ селянъ, котрі-бъ кожний рікъ не купували хліба, а що-бъ прожили до нового хліба! и то ніколи не збере цёго зъ свого поля, а заробить прооравши кому-небудь съ половини (*), або иншою працею, заробляючи зразу пашнею, жнучи—приміромъ—за сніпъ.—Погляньмо на це діло ще зъ иншого боку:—покладімъ, що семъя заробляє собі на харчъ де на стороні, що-бъ чисто роцитать, яку то вона користь получае зъ свого поля.

Ото ми вже сказали, що семъя збирае, въ середній зрожай, одчитавши те, що треба на присівокъ,

4 корці жита,
2 — гречки,
3¹/₄ — проса.

За 1 корецъ жита середня ціна у насъ 1 карб. 50 к. с.

» 1 — гречки » » » » 1 » — » »

» 1 — проса » » » » 1 » 20 » »

Значитця, за весь збіръ получить можно грошима, середнею лічбою,

за жито 6 карбованцівъ,

за гречку 2 —

за просо 3 — 90 к. с.

всёго 11 — 90 к. с.; покладімъ

для круглаго щоту 12 карб.

Ще есть у семъі сіножать; у насъ сіно найбільшъ болотяне, то за ёго можно взяти карбованцівъ 8 до 10:—середнімъ щотомъ—9 карб. за 4, 5 хуръ сіна.

Значитця, якъ би продать той хлібъ, та сіно, можно виручити за ёго 21 карбованецъ; та ще за право гнать у толоку товаръ пок-

(*) У насъ одлають съ половини проорать поле такимъ побитомъ: якъ чоловікъ зовсімъ приготує чуже поле (зрять, зловжять) и засіе половину своїмъ зерномъ, половину хазійськімъ, то після одділяе собі половину ниви и зъ своєї вже половини бере збіръ для себе, а до збору зъ другої половини ему вже нема діла,—хйба що его найме хазійнъ того поля.

ладімъ 1 карб. (*): то всего вже буде користи зъ хозяйства на 22 карб., не считаючи праці и иншого накладу; общитаймося-жъ теперь.

За оранку озімого поля зъ волами треба дасть $1\frac{1}{2}$ карб.; за оранку підъ ярину те-жъ.

Дальше осьъ таблица:

На яку роботу	Скільки днівъ пішихъ треба.	Скільки треба днівъ тяг-лихъ, самому ходячи коло худоби.	Скільки од-бутку пі-шими муж-ськимъ дня-ми за худобу.
Зрарить и здовжить озіме поле		$2\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$
Зрарить и здовжить яре поле		$2\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$
Засіять озимину	$\frac{1}{2}$		
— ярину	$\frac{1}{2}$		
Зжать и звязать жито	3		
Скосить гречку	1		
— просо	1		
Звязать гречку	1		
— просо	1		
Звезти озимину	$\frac{1}{2}$		
— ярину	$\frac{1}{2}$		
Вимоложить жито	4		
— гречку	3		
— просо	3		
Скосить сіно	$2\frac{1}{2}$		
Згребти —	3		
Стягать и скидать —	»	2 чоловіка коло волівъ вь 1 день.	1
Перевезти —	—	2 зъ паркою волівъ.	2
Усіхъ днівъ роботи	$25\frac{1}{2}$, —кладімъ 26	9	8

Разомъ усіхъ 43 дні пішихъ мужькихъ. Щитаючи, такъ якъ ми й перше щитали, по четвертаку (25 к. с.) за день — виходить ціна годової роботи селянина коло поля вь нашому кутку, окрімъ оранки, 10 карб. 75 к. с., а приклавши за оранку 3 карб. — виходить разомъ 13 карб. 75 к. с.

Годового збору середню ціну ми поклали 22 карб.

Скинувши те що стоить годова работа 13 — 75 к. с.

зостається заробітку зъ землі, середією лічбою 8 — 25 к. с!..

(*) У насъ селяне дуже бідні на худобу, — не такъ якъ у степяхъ.

Я вже натякнувъ, що весь годовий збіръ піде на харчъ, ще й не вистане до нового хліба; а на чиншъ, на подушне, на одежину, на окрасу, обчеські й семейні потреби, треба заробити на чужому полі, та за сіно—жъ можно виручити копійчину за—для цѣго, а садівни стане зъ свого города на харчъ.

Не легко все те прийдетця селянинові, та що—бъ даромъ слівъ не тратити, розміркуємо лучче, якимъ побитомъ може въ насъ селянинъ спромігтись на оці потреби, покладаючи весь розцотъ на одинъ рікъ.

Ото кładимъ въ хаті $3\frac{1}{2}$ душі.—На харчъ, покладаючи—якъ ми вже й казали—по 4 корці жита и по 2 гречки и проса на душу, то й вийде, що на семью, на харчъ, треба середнью лічбою:

14	корцівъ	жита,
7	—	гречки,
7	—	проса.

Це—бъ то приходитця селянинові у нашому кутку до свого годового збору прикупити:

10	корцівъ	жита,
5	—	гречки,
$3\frac{3}{4}$	—	проса.

Перекладимъ оцю потребу на гроші, покладаючи таку—жъ середню ціну хліба, якъ ми вже й покладали—вийде, що треба:

на жито заробити	15	карб.
гречку	—	5
просо	—	4, 50 к. с.
разомъ	—	24 карб. 50 к. с.

Що—бъ заробити оцю суму—треба робити 96 днів пішихъ мужських по тій ціні, яку ми вже показали (четвертакъ); покладаючи подушне зъ хати середнью лічбою за $1\frac{1}{2}$ душі—3 карб.,—треба на їх заробляти такою—жъ роботою 12 днів. Що—бъ заробити на оброкъ,—треба, якъ ми вже казали—80 днів пішихъ мужських.

Значитця, на всі ті найважнійші потреби 188, кładимъ 200, днів пішої мужської роботи; прочі дні зістаютця вільні въ хазяїна (тутъ ще одчитаймо неділі, празники, то—що); коло садівни, коло худоби, коло стравы ходить хазяїнка зъ дїтьми:—ще й и тутъ зостаєця де—що вільного часу на зароботокъ; гроші съ сіножаті и той прочий вільний заробітокъ пійдуть на одежину и інші хазяїські причадали,

семеїні та обчеські потрібкі.—Такимъ робомъ, придивляючись зъ різнихъ боківъ до селяньського хазайства у нашому кутку,—виходить, що хочъ селянинові и дуже тяжко де-въ чому приходитця, та може вінъ, при новому ладу, помалу-малу вбиватись въ заможність—не зразу-жъ бо великі будинкі мурують.—Тимъ-то селянамъ нашимъ ми щире радимо братись за ладъ по новому уставу до чиншівъ, а тамъ далі, розгледівшись, подумати *громадою* и за викупъ; бо то святе діло—въ селянъ своя земля:—не даромъ же вони кажуть: «якъ я доволенъ, то я и воленъ.»

Не такъ-то легко на все тее спромігтись, да все-жъ таки «Богъ не безъ милости, козакъ не безъ долі;» переживъ вже вінъ не такі доби...

«Якъ у нашій у славній Україні
 Бували колись прстрашні злигодні, бездолні години;
 Бували й мори, и військові чвари...
 Ніхто Українцівъ не ратувавъ,
 Ніхто за їхъ Богові молитовъ не посилавъ:
 Тільки святий Богъ нашихъ не забувавъ,
 На великі зусілля, на відповідя державъ!

Оадій Рильскій.

1862 року

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ ЖИВОПИСНОЙ «УКРАИНЫ.»

XXVII.—*Дівчина*, Полтавской губерніи;—съ рисунка И. И. Соколова.

XXVIII.—«*Чабанъ*», Воронежской губ. Острогожского уѣзда, с лободы Щучьей;—съ рисунка С. П. Павлова.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 2-й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Багатѣнький — зажиточный.
Балаканья — бесѣда, разговоръ.
Банькѣ — (перен.) — глаза.
Безштѣанько — тотъ, кто безъ штановъ: шалуиъ, пьяница, бѣднякъ.
Бѣгма — бѣгомъ.
Бѣдло — скотъ.
Бѣдолѣшний — бѣдный, жалкій.
Блакѣтний — голубой.
Блѣмати — тускло горѣть; мерцать.
Брехѣнька — (умен.) — ложь, побасенка.
Бѣлькнути — (звукоподр.) буркнуть, проговорить подъ носъ.

Важкѣнько — отъ — важко — довольно тяжело.
Вѣрмія — армія.
Ввѣйти — взойти.
Вдѣяти — сдѣлать, произвести.
Вдовольтитись — удовольствоваться.
Вѣштатись — шиться, шататься.
Вернѣти — возвратить.
Визвѣритись — разсердиться, ожесточиться.
Виноватинья — виновница.
Виношувати — выносить.
Випестити — вынaczyć, воспитать.
Вирівняти — выровняться, сравняться.
Вирячити — (очи) — уставиться глазами.
Витричитись — выпучить глаза.
Вихрити — драть за волосы.
Видюбарити — посячь, выдрать.
Відкіль — откуда.
Вікно — окно.
Відкрутити — открутить.
Відкуки́тись — откликнуться.
Відмувати — заниматься колдовствомъ.

Віднімати — отнимать.
Вкласти — уложить.
Влада (польск.) — власть.
Вогонь — огонь.
Встигти — успѣть, поспѣть.
Встрѣлити — убить выстрѣломъ.
Второнний — расторопный.
Вуголь — уголь.
Вуголь — уголь.
Вчинокъ — дѣло, поступокъ.
Вчать — учать.

Ганити — хулить, ругать; издѣваться.
Ганьб а — хула, безчестье.
Гайворонъ — грачь.
Гайновати — раскидать въ безпорядкѣ.
Гладкий — полный; жирный.
Глѣчикъ — кувшинъ.
Глей — глинистая сырая земля.
Глитати — глотать.
Гнать — Игнать.
Гііти — лечить.
Голодрáбець — голый, ободраный.
Голосинья — плачь, причитанія.
Гомоніти — разговаривать.
Голубовька — голубушка.
Гііи — известное разстояніе, для опредѣленія длины нивы.
Горщá, — я — маленькій горшокъ.
Гринжóла — особаго устройства простые длинныя сани для перевозки глестей.
Гриць — Григорій.
Гулькъ — глядь.
Гультіпáка — оборванный гуляка.
Гунство (польско-нѣмецкое) — бранное слово.
Гусятко — гусѣнокъ.
Гуторка — разговоръ.
Гущина — чаща.
Гштáлтъ — форма, образъ.

Да́лі — затѣмъ, потомъ.
 Двѣйчи — дважды. У-двѣйзи — вдово-
 емъ.
 Дворка — дворовая (дѣвушка).
 Дѣ-коли — иногда.
 Дзиндзѣвер-зѣхъ — молодець.
 Дитинка — (ум.) — дитя.
 Дѣнь — Дошь.
 Догори — вверхъ.
 Дбня — (ласк.) — дочь.
 Дотѣпно — искусство, прилично.
 Доторкнѣтись — дотронуться.
 Дорожний — драгоцѣннѣе.
 Дригъ! — выражаетъ быстрое дви-
 жение ногою.
 Дубасити — бить.

Жадный — каждый, всякій.
 Жяхъ — испугъ, страхъ.
 Жоввѣръ — солдатъ (польскій).
 Жбденъ — каждый.
 Жбрсткій — жесткій.
 Жорстокість — жестокость.

Завзяття — смѣлость, рѣшительность.
 Завжди — всегда.
 Завсѣди — всегда.
 Загавкати — залаять (о собакахъ).
 Загарбати — заграбить.
 Загоїтись — зажить, исцѣлиться.
 Закамарокъ — тайный, скрытый
 уголокъ.
 Закигкати — закричать (о чайкахъ).
 Закортіло — захотѣлось сильно.
 Закопотіти — захопаты (крыльями).
 Замордувати — замучить.
 Запедужати — заболѣть.
 Занім(ти) — сдѣлаться нѣмымъ.
 Запалити — зажечь.
 Запозивати — позвать на судъ, су-
 диться.
 Запсувати — испортить.
 Зарягувати — помочь.
 Засліпити — ослѣпить.
 Засмутити — опечалить.
 Засоромитись — застыдиться, по-
 туниться.
 Заспокоїти — успокоить.
 Застроїити — воткнуть.
 Застудитись — простудиться.
 Застукаги — застучать; застать, за-
 хватить въ распахъ.
 Заторохтїти — застучать (о коле-
 сахъ, о громѣ).
 Зацмюкати — произвестъ звукъ гу-
 бами.
 Зачухрати — (переноси.) — заголо-
 тить до смерти.
 Зашмáляний кий — обожженная ду-
 бинка.

Займати — трогать; захватывать чу-
 жой скоть.
 (Збити) — зъ пантелику — (сбить)
 съ толку.
 Звеліти — велѣть.
 Звѣрячий — звѣринный.
 Звѣстка — извѣстіе.
 Здоліти — одолѣть.
 Здрігнути — вздрогнуть.
 Згуляти — провести время, ничего не
 дѣлая.
 Злинути — улетѣть.
 Змайструвати — смастерить, сдѣ-
 лать.
 Змигнути — моргнуть.
 Змилюватись — помиловать, смилю-
 ваться.
 Змімрити — проговорить невнятно,
 сквозь зубы.
 Зміити — смѣнить.
 Змѣшувати — принуждать.
 Знѣхурка — ворожея.
 Зпенáчка — печально, внезапно.
 Зникнути — исчезнуть.
 Зникчєннїти — сдѣлаться ничтож-
 нымъ, ни къ чему негоднымъ.
 Зозволити — изволить, изъяснить со-
 гласіе.
 Зописьтїся — приподняться на пы-
 почкахъ, на заднихъ лапахъ, опираясь
 на что-нибудь.
 Зрадникъ — измѣнникъ.
 Зрікатись — отречься.
 Зуміти — сдумѣть.
 Зъїдвати — соединить.
 Зъ-мааку — съ малыхъ лѣтъ.

Ипчий — иной, другой.

Кавьїръ — икра.
 Казань — слово, проповѣдь.
 Казитись — бѣситься.
 Калїти — марать, пачкать.
 Камінець — камышекъ.
 Каплїчка — часовня.
 Капостний — пакостный.
 Кателїцтво — католичество.
 Катувати — сильно бить, мучить.
 Квилити — жалобно кричать, сто-
 нать.
 Квітчаный — цвѣточный.
 Кебѣта — способность; удача.
 Кигкание — крикъ чайки.
 Килїмокъ — коврикъ.
 Кїрна — короткій носъ.
 Кїльки — сколько, нѣсколько.
 Кїлько — сколько.
 Кїть — когть.
 Кладовище — кладбище.
 Клекїть — шумъ воды.

Клю́ча — стая, гусекъ (о летящихъ птицахъ.)

Клишъ — родъ булки, съ разрѣзанными и завороченными внутрь намастленными краями.

Клууръ — борозъ, самецъ, плодовикъ, Коверзува́ти — капризничать, интриговать.

Кодло — родъ, племя.

Козарлю́га — (увелич.) — козакъ.

Кологъ — безпокойство, сумятица.

Комашина — муравей.

Комашечка — мошка, ивообще малое крылатое насекомое.

Коміно́къ — печная труба.

Комірка — (ум. отъ комо́ра) — амбарчикъ, кладовая.

Копилити но́са, гѣбу — поднимать носъ, дуться.

Котолу́пъ — кошкодеръ.

Кра́пля — капля.

Крижъ — крестъ; крестецъ.

Крѣвки — стропила.

Кружка́ — (сидати) — садиться въ кружокъ.

Кудель (я) — приготовленный дляпряжи, ленъ, или шерсть.

Кудла́тий — мохнатый.

Кукуріканія — пѣнье пѣтуха.

Кумѣдно — смѣшно, курьезно.

Кунту́шъ — верхнее платье, съ разрѣзными рукавами.

Купе́ць — кучка.

Купе́вский — коротенькій.

Кучо́мка — (ум. отъ кучма) — баранья шапка.

Ку́щикъ — кустикъ.

Ла́дивница — патронташъ.

Ла́гиде́вский — кроткій, мягкій, пѣжный.

Ла́сецъ — дрянной.

Ла́йка — брань.

Лейстро́вий — реестровой, записанный въ реестръ, козакъ.

Лямаръ — кожевенный мастеръ.

Литваре́вий — сдѣланный изъ овечьей шкуры.

Лихома́нка — лихорадка.

Луна́ — эхо, отголосокъ.

Ляпа́съ — ослуха.

Ма́ — имѣть.

Ма́китра — большой горшокъ.

Ма́лахай — шапка съ длинными ушами.

Мава́ — призракъ, обольщеніе обмашь.

Ма́тёрки — (множ.) — матери.

Ма́туся — магушка.

Ма́емо — имѣеть.

Ми́зкува́ти — размышлять, рассуждать.

Ми́глиця — растение.

Ми́токъ — мотокъ пряжи.

Мо́вчки — молча.

Моги́ла — курганъ.

Мо́бка — обольщеніе; мученіе.

Мо́торний — живой, проворный.

Мо́цний, ми́цний, — сильный, крѣпкій.

Му́драція — мудренность.

Му́рдуба́ти — мучить.

Му́шу — долженъ.

На́дивові́жу — на удивленіе.

На́вить — даже.

На́виже́нный — бѣшеный, сумазбродный.

На́ всю гѣбу панъ, коза́къ — всякий панъ, козакъ.

На́гле́дити — увидать, замѣтить.

На́диві́тись — взгляды́ться.

На́ляка́тись — напугаться.

Па́мисъ — памѣсто, имѣето.

Па́му́лити — нажать, натереть.

Па́тягті́ — патынуть.

Па́ру́га — издѣвка, посмѣяніе, позоръ.

Па́ймичка — работница.

Па́бора́къ — бѣдняга.

Па́ ви́дѣперъ — не съ этого времени.

Па́ ва́чити — не понасть.

Па́всити́мый — ненасытимый.

Па́га́рно — нехорошо.

Па́дальни́й — воскресный.

Па́на́тний — ненасытный.

Па́роскві́чаний — неразвѣвшій.

Па́сені́тниця ви́гаду́вать — горючить вздоръ, небывальщину.

Обе́ремокъ — охапокъ (дровъ).

Обри́дло — надо́ло, опротивѣло.

Обша́рпаний — оборванный.

Овча́рикъ — бекасъ.

Одла́чити — отблагодарить.

Одчи́йти — отворить.

Одла́гты́сь — одѣться.

Оми́литись — ошибиться.

Онде — вонъ-гдѣ.

Осе́ля — жилье, осѣдность.

Осмуті́ти — сдѣлаться невеселымъ.

Оста́вний — послѣдній.

Остога́дити — оносты́ть.

Отама́ння — (множ.) отаманы.

Очерѣ́тъ — камышь.

Па́ла́ць — дворець.

Папа́ръ, папі́ръ — бумага.

Па́ший — хлѣбное зерно (въ собир. смыслѣ).

Півнисть — вѣрность (чего-либо),
увѣренность (въ чемъ-либо).
Пистоль — пистолеть.
Півмітокъ — полмотка.
Піднідѣманне — крикъ перепела.
Плюндрувати — грабить; разорять.
Побазікати — потолковать, побол-
тать.
Побитъ — быть.
Повітовий — уѣздный.
Погрѣбати — побрезгать.
Подарувати — подарить.
Подряпати — поцарапать.
Пожежа — пожаръ.
Побимья — поломья.
Полохати — пугать; сгонять съ мѣста.
Полудувати — полдничать.
Полованне — охота (звѣриная).
Помандрувати — побрести, попле-
стись.
Помачки — ошупью.
По-підтинню — подъ плетнемъ; подъ
заборомъ.
Поратись — ходить (работать) около
чего-либо; сгряпать.
Поськати — поискать (въ головѣ).
Похіюпившись — повѣсивши голо-
ву.
Почерѣжно — поочередно.
Пошпурити — швырнуть.
Прикмета — примѣта.
Примайструвати — пристроить;
придѣлать.
Приплѣнчачъ — приплецъ: (сбоку
привеку).
Присікаться — придраться.
Причвалати — приобрести.
Прозирати — прозрѣвать.
Простромити — проткнуть, просвер-
лить, сдѣлать остріемъ отверстие.
Простувати — идти напрямкомъ.
Простягти — протянуть, расправить.
Простягаться — протягиваться.
Прохворостити — посьчь.
Прочуханка — потасовка.
Прудкий — быстрый, проворный,
прыткий.
Прядів'яний — (отъ слова пряди-
во) — пеньковый.
Путячий — путный.
Пущання — заговѣны:
Реготатись — смѣяться, хохотать.
Ремесникъ — ремесленникъ.
Решіти — скрыпѣть.
Рибалчити — заниматься рыболов-
ствомъ.
Рипатись — отворять часто двери,
ходя (изъ хаты въ сѣни).
Ризиція — разъединеніе; разноголо-
сица.

Розвідюватись — разсвѣтать.
Розлютуватись — разгнѣваться.
Рохрістаній — съ разстегнутымъ
воротомъ или пазухою.

Садовитись — садиться.
Самойстность — самостоятельность.
Самохитъ — по собственному желанію;
самовольно.
Сановитий — стройный, осанистый.
Святѣ письмо — священное писаніе.
Сдвігнути (плечима) — пожать (пле-
чами).
Серпанокъ — родъ простой кисей.
Сивоусий — сѣдоусый.
Силомиць — насильно.
Сікти — сѣчь, рубить.
Сімряжка — сѣряжка, сѣрая свита.
Скѣла — скала.
Скѣпка — ломоть.
Скінчання — окончаніе.
Склѣпокъ — сколокъ; отрубокъ.
Скубѣти — дернуть (за волосы).
Слуханий — послушный.
Спѣка — жаръ.
Спіражній — настоящей.
Ставочокъ — (ум.) прудъ.
Стегно — лишка.
Стріти — встрѣтить.
Стрічка — лента.
Схаменутись — спохватиться; опо-
мниться.

Та жѣ жъ — да вѣдь же.
Таланъ — талантъ; удача, счастье.
Темно́та — (собираетъ) — темъ; тем-
ный людъ.
Тѣстенко — (ум. ласк.) — тещъ.
Тікати — уходить; бѣжать.
То́ж-то — то-то! да, да!
То́чниця — течетъ, бѣжитъ (о водѣ),
катится.
То́-що — и тому подобное.
Тре́а — надо.
Трискотати — трещать.
Трощки — (умел.) немощко.
Трошити — (перен.) бить, душить.
Тулитись — дуть.
Тутѣшний — здѣшній.
Тюпки — рысцою.

У-вісні — во снѣ.
Удѣтись — казаться быть похожимъ
на другого.
Удівецъ — вдовецъ.
Узивати — обзывать.
Умочати — обмокнуть.
Усі — всѣ.
Устати — встать.
Усѣди — вездѣ.

Утиснутись — взойти, втиснуться.
Утѣмити — понять; уразумѣть.

Характѣрство — колдовство.

Хиба-щѣ! — развѣ только!

Хиба-щѣ? — развѣ-что?

Хлѣбство (польское) — простой народъ; мужики.

Хропѣти — хранѣть.

Хтѣти — хотѣть.

Хутчѣй — скорѣй.

Цурѣпалокъ — коротенькая палка.

Чепурный — опрятный.

Черевѣки — башмаки.

Чимало — довольно много; не мало.

Чкурнѣти — побѣждать.

Чѣвень — чепъ.

Чоловѣга — человекъ.

Чутка — вѣсть, слухъ; молва.

Чухрѣти — обрывать пригоршней листья; (въ переносномъ смыслѣ) бить.

Швѣдѣти — бродить, слоняться.

Шѣбиница — висѣлица.

Шкварчѣти — шипѣть на огнѣ.

Шкодливый — вредный.

Шмагѣти — бить; стегать.

Шмалѣти — (люльку) — курить (трубку).

Шпигнѣти — колынуть.

Шпиталь — госпиталь.

Шпуриѣти — сильно кинуть камнемъ.

Щупакъ — щука.

Эгѣжъ, -эгѣжъ! — да-да!

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ Г. КІЕВѢ ЖУРНАЛА
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ВѢСТНИКЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Время въ которое, мы живемъ, по преимуществу можно назвать эпохою всеобщаго стремленія народовъ къ уясненію и возстановленію національностей.

Западный и юго-западный край Россіи по историческимъ судьбамъ своимъ представляетъ въ этомъ отношеніи самый живой интересъ. Люди разнообразныхъ направленій непрерывно задаютъ себѣ вопросы: что такое этотъ край? каковы начала и задачи его народности? И часто, то по невольному увлеченію неосновательными теоріями, то изъ своекорыстныхъ видовъ, рѣшаютъ эти вопросы совершенно противъ исторической истины и наперекоръ дѣйствительной національности и коренной вѣры западно-русскаго народа.

Между тѣмъ юго-западный и западный край Россіи обладаетъ огромными средствами къ правильному разрѣшенію этихъ вопросовъ. Всѣ мѣстные казенные и частные архивы и бібліотеки наполнены письменными памятниками, которые могутъ пролить истинный свѣтъ на исторію, на всѣ отрасли быта, на всѣ проявленія народнаго духа этого края. Слѣдя за ходомъ современной исторической литературы, слыша безпрестанные толки о происхожденіи и историческихъ судьбахъ нашихъ западныхъ соотечественниковъ, мы пришли къ убѣжденію, что

теперь болѣе чѣмъ когда нибудь настало время вывести на свѣтъ и сдѣлать общимъ достояніемъ эти неисчерпаемыя сокровища для исторіи юго-западнаго и западнаго края, посредствомъ періодическаго изданія.

Это не значить однакожъ, что мы намѣрены издавать сборникъ однихъ матеріаловъ, которые уже вызвали такого рода изданія. Нѣтъ, мы постараемся каждому историческому документу дать жизненное значеніе, поставить въ связь съ такими явленіями жизни, которыя его вызвали, вообще поднимать вопросы прошедшаго, бывшіе въ свое время животрепещущими и ставить съ ними въ соотвѣтствіе современныя стремленія западнорусскаго края.

Съ этою цѣлію и предпринимается нами изданіе въ Кіевѣ журнала подъ названіемъ: «Вѣстникъ югозападной и западной Россіи».

Въ этомъ изданіи мы не станемъ проводить рѣзкой черты между гражданскими и религіозными явленіями прошедшей жизни юго-западнаго и западнаго края Россіи, потому что тѣ и другія проявлялись нераздѣльно и взаимно объясняютъ другъ друга. Поэтому нашъ журналъ равномерно будетъ касаться какъ гражданскаго быта народа, такъ и церковной его стороны. Можно даже сказать, въ религіозныхъ событіяхъ западнаго края Россіи—главная нить къ уразумѣнію настоящаго склада бытоваго и къ уясненію сословныхъ отношеній въ народонаселеніи этой страны.

Мы понимаемъ трудности, съ которыми должны будемъ бороться. Мы встрѣтимъ на нашемъ пути многочисленныя закоренѣлыя предубѣжденія, болѣею частію наросты на нашей истинной національности (въ слѣдствіе чуждыхъ вліаній) и ошибки, отъ которыхъ не всегда были свободны даже люди по видимому образованные. Встрѣчаясь съ этими историческими заблужденіями, мы не будемъ увлекаться какими нибудь предзанятыми теоріями, льстящими нашимъ національнымъ интересамъ; наше оружіе въ матеріалахъ непоколебимой достовѣрности и очевидности.

Смѣемъ надѣяться, что многіе отзовутся на наше предпріятіе живымъ сочувствіемъ и своимъ участіемъ помогутъ намъ перенести наши убѣжденія въ народныя массы, къ несчастію, въ теченіи многихъ вѣковъ осужденныя печальными историческими обстоятельствами оставаться въ невѣденіи историческаго значенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ смѣемъ надѣяться, что люди близко знающіе западный край, подѣлятся съ нами имѣющимися у нихъ документами и тѣми очерками этнографическими и историческими, для которыхъ

содержаніе подмѣтять они въ окружающей ихъ средѣ. Эта надежда простирается не на однихъ только спеціалистовъ и ученыхъ, но и на всѣхъ, у кого найдется историческій матеріалъ, пригодный для нашего изданія. Само собою разумѣется, что всякій трудъ, предпринятый на пользу нашего изданія и можно сказать на пользу общую, не останется безъ приличнаго матеріальнаго вознагражденія, если только будетъ соответствовать программѣ и направленію журнала.

Вѣстникъ юго-западной Россіи будетъ издаваться по слѣдующей программѣ.

I. ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіяся въ разныхъ архивахъ и бібліотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народо-бытовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ буквальныхъ спискахъ съ подлинникомъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій и съ приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

II. Разсказы и очерки изъ событій прошедшаго быта и нравовъ на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи, научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣденія о церквяхъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

III. Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи.

IV. Очерки описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи въ связи съ ея прошедшею исторіею; статистическія свѣдѣнія о сихъ странахъ; археологическія розысканія; свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи; о русской грамотности и распространеніи ея въ краяхъ юго-западной и западной Россіи; новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ; хроника важнѣйшихъ происшествій въ сихъ

странахъ, извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій о западной и юго-западной Россіи; библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ сію страну; некрологи и разныя мелкія статьи, неподходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія и проч.

• Въ родѣ прибавленій, Редакція по временамъ будетъ прилагать къ книжкамъ журнала: чертежи древнихъ памятниковъ и другихъ предметовъ, автографы историческихъ дѣятелей, рисунки зданій и мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и проч; а если будетъ располагать большими денежными средствами, то своимъ подписчикамъ будетъ высылать безмездно вновь напечатанныя на счетъ Редакціи брошюры историческаго содержанія.

ВѢСТНИКЪ

будетъ выходить съ 1-го Іюля, 1862-го года, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 12 до 14 листовъ съ приложеніями.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ **КІЕВѢ** въ Редакціи журнала; въ **С. ПЕТЕРБУРГѢ** въ Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ и въ книжномъ магазинѣ г. г. книгопродавцевъ *Кораблева и Сирякова*, на Садовой улицѣ, противъ Гостищаго Двора, въ домѣ Балабина; въ **МОСКВѢ**, въ Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *Н. В. Базунова*.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ

для жителей *Кіева, С. Петербурга и Москвы*, безъ доставки **6 р. 50 к.**—за доставку на квартиру и пересылку во все Имперію прилагается **ОДИНЪ р.**

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Редакцію журнала Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, въ *Кіевѣ*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору «**ВѢСТНИКА**» *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*.

РЕДАКТОРЪ К. Говорскій.

~~Ар~~

Рис

